

ДЖЕЙМС ХЭРРИОТ СРЕДИ ЙОРКШИРСКИХ ХОЛМОВ

ДЖЕЙМС ХЭРРИОТ

СРЕДИ
ЙОРКШИРСКИХ
ХОЛМОВ

Издательство «Мир»

СРЕДИ
ЙОРКШИРСКИХ
ХОЛМОВ

JAMES HERRIOT

**Every Living
Thing**

MICHAEL JOSEPH
London

ДЖЕЙМС
ХЭРРИОТ
СРЕДИ
ЙОРКШИРСКИХ
ХОЛМОВ

Перевод с английского И. Гуровой

Москва «Мир» 1996

ББК 48
Х99
УДК 619:636

Хэрриот Дж.

Х99 Среди йоркширских холмов: Пер. с англ. — М.: Мир,
1996. — 288 с., ил.
ISBN 5-03-003268-1

В этой книге читатель вновь встретится с рассказами так полюбившегося многим английского ветеринарного врача, благодаря своим книгам ставшего мировой знаменитостью, которые и рассмешат, и опечалят, и заставят задуматься: потому что полны искренней любви и сочувствия ко всему живому.

Для любителей литературы о животных.

ББК 48

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

ISBN 5-03-003268-1 (рус.)
ISBN 0-7181-3637-3 (англ.)

© 1992, James Herriot
© перевод на русский язык,
издательство «Мир», 1996

Моим почитаемым, стареющим друзьям

Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся на земле.

Бытие 1, 28

1

Рано поутру я редко бываю в форме, а уж тем более в первые дни йоркширской весны, когда пронизывающий мартовский ветер задувает с холмов, забирается под одежду, щиплет нос и уши. Безрадостная пора, самая неподходящая, чтобы стоять посреди мощеного двора маленькой фермы и смотреть, как красавец конь издыхает из-за моей некомпетентности.

Началось все в восемь. Я как раз кончал завтракать, и тут позвонил мистер Кеттлуэлл.

— У меня, значит, рабочий конь весь бляшками пошел.

— Да? А какими бляшками?

— Ну, круглыми такими, плоскими. Они у него по всему телу высыпали.

— И появились они внезапно?

— Вечером он был как огурчик.

— Хорошо. Я сейчас же его осмотрю.

Мне просто руки хотелось потерять от удовольствия. Уртикария. Обычно она проходит сама собой, но инъекция ускоряет выздоровление, а мне

не терпелось испробовать новое антигистаминное средство — оно рекомендовалось именно для таких случаев. Как бы то ни было, превосходная возможность для ветеринара показать себя. День начинался очень приятно.

В пятидесятых годах на фермах прочно воцарился трактор, однако сохранялось еще и довольно много рабочих лошадей, а добравшись до мистера Кеттлуэлла, я увидел, что мой пациент — это нечто особенное.

Фермер вывел его из стойла во двор. Великолепный шайр, восемнадцать ладоней в холке, не меньше. Благородная голова, которую он, шагая ко мне, гордо вскидывал. Я глядел на него с чувством, близким к благоговению, любуясь крутым изгибом шеи, широкой грудью, мощными ногами с густыми щетками над массивными копытами.

— Какой чудесный конь! — ахнул я. — Просто гигант!

Мистер Кеттлуэлл улыбнулся с тихой гордостью.

— Да что уж, конь что надо. Я его месяц как купил. Нравится мне, чтобы в хозяйстве был справный коняга.

Мистер Кеттлуэлл был маленьким, шуплым, довольно пожилым, но еще бодрым и энергичным. Ему пришлось встать на цыпочки, чтобы хлопнуть мощную шею. Конь воспользовался этим и благодарно потерся о него мордой.

— И ласковый такой, смиренный.

— Да, когда лошадь не только красива, но и нрав у нее добрый — это многого стоит. — Я провел ладонью по коже, покрытой типичными бляшками. — Несомненно уртикария.

— А это что?

— Иногда ее называют крапивницей. Вид аллергии. Возможно, он съел что-то не то, но обычно установить причину бывает трудно.

— И что, болезнь серьезная?

— Нет-нет. Вот сделаю ему инъекцию, и скоро все пройдет. Ведь так он здоров?

— Ага. Здоровее некуда.

— Отлично. Иногда животное в таких случаях чувствует себя неважно, но ваш молодец просто пышет здоровьем.

Набирая в шприц антигистаминный препарат, я подумал, что в жизни не говорил более правдивых слов. Великан прямо-таки лучился здоровьем.

Во время инъекции он не шевельнулся, и я уже хотел было убрать шприц, но тут мне в голову пришла новая мысль. От уртикарии я обычно применял собственный препарат, и он всегда давал хорошие результаты. Пожалуй, для верности стоит ввести и его. Пусть этот великолепный конь побыстрее и понадежнее избавится от своей хвори. Я рысью сбежал к машине за моим надежным средством и ввел обычную дозу. Великан опять и ухом не повел. Фермер засмеялся.

— Ей-богу, ему ваш укол нипочем.

Я сунул шприц в карман.

— Да-да. Жаль, что не все наши пациенты такие терпеливые. Он молодчага.

Вот это, думал я, праздник, а не лечение. Простой случай без осложнений, приятный фермер, кроткий пациент и к тому же истинное воплощение лошадиной красоты — я готов был любоваться им хоть весь день. Мне не хотелось уезжать, но меня ждали другие срочные вызовы. И все-таки

я никак не мог сдвинуться с места, вполуха слушая рассуждения мистера Кеттлуэлла о перспективах окога.

— Ну что же, — сказал я наконец, — мне пора. — И я уже было собрался уйти, как вдруг заметил, что фермер оборвал свою речь.

Молчание длилось минуту-другую, а потом мистер Кеттлуэлл пробормотал:

— Его чего-то пошатывает.

Я поглядел на коня. У него чуть подрагивали мышцы ног. Дрожь была практически незаметной, но она распространялась все выше, и вот уже начала подрагивать кожа на шее, спине и крупе. И дрожь постепенно усиливалась.

— Что это? — спросил мистер Кеттлуэлл.

— Небольшая реакция на укол. Сейчас пройдет. — Я пытался говорить с небрежной уверенностью, которой отнюдь не испытывал.

Мало-помалу дрожь охватила коня с головы до копыт, становясь все интенсивнее, а мы с фермером смотрели и молчали. Мне чудилось, что я стою так целую вечность, пытаюсь придать себе безмятежный вид. Я просто не верил своим глазам. Такое внезапное необъяснимое изменение! Для него же нет причин! У меня застучало сердце, во рту пересохло: дрожь сменилась судорогами, сотрясавшими все тело коня, и его глаза, недавно такие спокойные, выкатились от ужаса, а на губах заklubилась пена. Мысли вихрями неслись у меня в голове. Пожалуй, не следовало сочетать эти две инъекции... Но не могли же они дать такой страшный эффект! Никак не могли.

Секунда проползала за секундой, и я чувствовал, что долго не выдержу. Кровь стучала у меня в ушах. Ему же, конечно, должно стать лучше. Ведь хуже уже некуда.

Я ошибся. Почти незаметно могучий конь начал покачиваться. Сперва слегка, потом сильнее, сильнее, и вот он уже наклоняется то на один бок, то на другой, словно столетний дуб в ураган. О Господи! Он сейчас упадет, а это конец! И ждать оставалось недолго. Великан рухнул наземь, и мне померещилось, что булыжники заходили ходуном. Он вытянулся на бок, и несколько мгновений его ноги отчаянно дергались, а потом он замер без движения.

Вот так! Я убил этого великолепного коня. Трудно, невозможно было представить себе, что какие-то несколько минут назад он стоял передо мной во всей своей мощи и красоте, и тут я сунулся с моими новейшими средствами... И вот он лежит мертвый.

Что я скажу! Мне страшно жаль, мистер Кеттлуэлл, но я просто в толк не возьму, как это случилось. Рот у меня открылся, но я не сумел издать ни звука. Меня не хватало даже на хриплый шепот. Словно со стороны — как картину за окном, — я отрешенно воспринимал кубические строения служб на фоне темных холмов в полосках снега под свинцовым небом, жгучий ветер, фермера и самого себя у неподвижного тела коня.

Меня пробирал ледяной холод. Я чувствовал себя глубоко несчастным, но надо было дать объяснение. Испустив дрожащий вздох, я снова открыл рот, но тут конь чуть приподнял голову, и я ничего не сказал. Как и мистер Кеттлуэлл. А конь-великан перевалился на грудь, посмотрел по сторонам, потом поднялся на ноги, тряхнул головой и подошел к своему хозяину. Ис-

целение было столь же стремительным и невероятным, как и жуткий коллапс. Даже падение на булыжник ему как будто не причинило ни малейшего вреда.

Фермер встал на цыпочки и похлопал коня по шее.

— А знаете, мистер Хэрриот, бляшки-то почти совсем пропали.

Я подошел посмотреть.

— Совершенно верно. Они уже практически неразличимы.

Мистер Кеттлуэлл изумленно покачал головой.

— Да уж, новое ваше лекарство прямо чудеса творит. Только я вам одно скажу, вы уж не обижайтесь. — Тут он положил мне ладонь на плечо и заглянул в глаза. — Слишком уж оно, на мой взгляд, сильновато действует.

Отъехав от фермы, я остановил машину с подветренной стороны высокой стенки. Меня охватила великая усталость. Такие испытания для меня вредноваты. Я уже распротился с молодостью — мне перевалило далеко за тридцать, — и такие потрясения больше не проходили даром. Я опустил зеркало заднего вида и обозрел свою физиономию. Выглядел я довольно бледно. Однако далеко не таким побелевшим от ужаса, каким ощущал себя. Не проходило и ощущение вины, а также недоумение, сдобренное привычной мыслью о том, что существуют более легкие способы зарабатывать хлеб насущный, чем профессия деревенского ветеринара. Работаешь двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, вечная грязь и сверх того постоянные душевные травмы из-за катастрофических происшествий вроде недавнего, пусть оно и завершилось благополучно. Я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Когда минуты две спустя я их открыл, сквозь тучи пробилось солнце, озарив зеленые склоны, заставив сверкать сугробы, вызолотив каменные россыпи. Я опустил стекло и глубоко вдохнул холодный чистый воздух, свежий и пряный, струющийся с вересковых пустошей вверх. Всепоглощающую тишину нарушил крик кроншнепа, а в траве у дороги я различил первые весенние цветы.

Ко мне возвращался душевный мир. Может быть, я и не навредил коню мистера Кеттлуэлла. Может быть, антигистамин иногда дает подобную реакцию. Но что бы там ни было, едва я завел мотор и поехал дальше, как мной овладело давно знакомое чувство: до чего же хорошо работать с животными среди этой волшебной природы. До чего же мне повезло, что я практикую среди йоркширских холмов!

2

Бесспорно, нервное потрясение обостряет восприимчивость. Во всяком случае, когда я, все еще испытывая отчаянное сердцебиение, покинул ферму Кеттлуэлла, чтобы продолжить утренние визиты, мне казалось, будто все вокруг я вижу в первый раз. Впрочем, и работая, я всегда ощущал окружающую красоту и ни на йоту не утратил то восторженное изумление, которое вспыхнуло во мне, когда я впервые увидел сельский Йоркшир, но в это утро волшебство холмов обрело особую силу.

Мои глаза то и дело отрывались от дороги, скользили по крутым склонам, наслаждались зеленым узором огороженных лугов, тяжелым трудом отвоеванных у вереска, и созерцали вершины с тем волнением, которое неизменно вызывали у меня эти высоты, хранящие величие дикой природы.

Покинув уединенную ферму, я не удержался от соблазна, поставил машину на неогороженной обочине и с Диной, моим биглем, отправился к манящей вершине. Снег тут исчез чуть ли не за одну ночь, и только под стенками тянулись белые полосы. Ощущение было такое, словно все запахи земли и молодых ростков долго томились в заточении, а теперь, освобож-

денные весенним солнцем, вырвались на волю потоками сладчайшего благоухания.

Нигде ни единого следа, оставленного рукой человека, и мы с собакой поднимались среди многомильных просторов вереска, торфяников и бочажков, где по черной воде бежала рябь и под вечным ветром гнулась осока.

Тени летящих облаков накрывали меня, расписывали узорами из сумрака и света уходящие вдаль зеленые и бурые склоны. Я пьянел только от того, что находился здесь, на самой крыше Йоркшира. Пейзаж без единого живого существа, безмолвный, если не считать отдаленного крика птицы, но я лишь еще больше пьянел от безлюдья, от ощущения близости всего сущего.

Как всегда, очарование пустынных вершин, точно пение сирен, соблазняло меня задержаться среди них, но время шло, а мне предстояло навестить еще несколько ферм.

Последнюю я покинул с чувством, что день прожит не напрасно, и поехал назад в Дарроуби. Вот, царя над скоплением крыш, показалась его квадратная колокольня, и вскоре моя машина запрыгала по булыжному рыночной площади, окруженной магазинчиками и трактирами, которые обслуживали трехтысячное население городка.

В дальнем ее углу я свернул на Тренгейт, улицу, где находилась наша приемная, и остановился перед Скелдейл-Хаусом, увитым плющом трехэтажным домом из порозовевшего от времени кирпича, где я не только работал, но и счастливо жил с моей женой Хелен и двумя нашими детьми.

Сразу же в памяти всплыли незабываемые дни, когда мой партнер Зигфрид Фарнон и его неподражаемый брат Тристан жили и смеялись здесь в наши холостые дни. Теперь оба обзавелись семьями и собственными домами. Тристан служит в Министерстве сельского хозяйства, а Зигфрид по-прежнему остается моим партнером, и в тысячный раз я возблагодарил Бога, что оба брата — все еще самые близкие мои друзья.

Моему сыну Джимми исполнилось десять лет, дочурке Розы — шесть; в этот час они были в школе. Но по ступенькам крыльца сбежал Зигфрид, рассовывая по карманам флаконы и пузырьки.

— А, Джеймс! — воскликнул он. — Вам как раз звонили. Одна из ваших самых обожаемых клиенток, миссис Бартрам. Щенуля нуждается в ваших услугах. — И Зигфрид ухмыльнулся.

Я криво улыбнулся в ответ.

— Чудесно. А вам самому не захотелось туда съездить?

— Да что вы, мой милый! Мог ли я лишить вас такого удовольствия? — Бодро помахав рукой, он забрался в машину.

Я поглядел на часы. До обеда еще тридцать минут, а Щенуля обитает совсем рядом. Я вытащил из машины чемоданчик и пошел по тротуару.

В воздухе плавал божественный аромат жареной рыбы с хрустящим картофелем, и, ощутив приступ острого голода, я заглянул в окно лавки, за которым фигуры в белоснежных халатах подцепляли на плетеные лопаточки обжаренные в тесте селетки и водружали их на золотистые горки картофеля.

В этот час торговля шла очень бойко, и очередь в лавке, закрутившись улиткой, быстро продвигалась, разбирая завернутое в газету кушанье.

Одни покупатели уносили его домой, другие посыпали солью, сбрызгивали уксусом и устраивали пикничок прямо на улице.

Когда я навещал собаку миссис Бартрам в квартире над лавкой, у меня неизменно разыгрывался аппетит. И я еще раз вдохнул дразнящее благоухание, а затем свернул в проулок и поднялся по лестнице.

Миссис Бартрам по своему обыкновению восседала в кресле на кухне — толстая, грузная, с ничего не выражающим лицом, с неизменной сигаретой во рту.

Из пакета, лежавшего у нее на коленях, она скармливала картофелинки своему псу Щенуле, который, сидя напротив, ловко ловил их на лету.

Облик Щенули не слишком соответствовал кличке. Был он огромен, космат и отличался суровым нравом. Я всегда обходил с ним очень уважительно.

— Он по-прежнему жиреет, миссис Бартрам, — сказал я. — Вы не изменили его рацион, как я советовал? Помните, я говорил, что ему вредно питаться только рыбой с картошкой?

Миссис Бартрам пожала плечами, осыпав пеплом грудь.

— Как же, помню. Я пробовала. Давала ему каждый день только рыбу, а он нос воротил. Он картошку любит, можно сказать, обожает.

— Так-так. — Особенно распространяться на эту тему я не мог, поскольку миссис Бартрам, по-моему, сама ничего другого не ела, и было бы бестактно указать, что большие куски зажаренной в тесте рыбы никак не способствуют похуданию. Ведь если мало было Щенули, ее собственная фигура нагляднейшим образом подтверждала этот факт.

Глядя на обоих, я вдруг обнаружил между ними удивительное сходство. Сидят выпрямившись друг против друга, массивные, неподвижные, но внушающие ощущение дремлющей силы.

Раскормленные собаки обычно ленивы и добродушны, однако неисчислимы почтальоны, мальчишки-газетчики и лотошники пускались в паническое бегство, ибо Щенуля имел обыкновение превращаться в чудовище, облаивающее их сверкающие пятки. Никогда не забуду, как торговец щетками, обвешанный образчиками своего товара, мирно подъехал на велосипеде ко входу в квартиру и сразу же рванул с места, точно будущий победитель велосипедных гонок Тур-де-Франс, — это на улицу вылетел Щенуля.

— Ну так что случилось, миссис Бартрам? — спросил я, меняя тему.

— Да глаз у него. Все слезится.

— Вижу, вижу. — Левый глаз гигантского пса почти заплаыл, и по шерсти тянулись темные дорожки от сочащейся влаги. Такое украшение на морде придавало ему даже более зловещий вид. — Несомненно, раздражение. Возможно, инфекция.

Было бы недурно установить причину. Соринка? Или конъюнктивит? Я хотел было оттянуть веко, но Щенуля, не шелохнувшись, уставился на меня здоровым глазом и ощерил два ряда грозных зубов. Я убрал руку.

— Да... Вот тюбик с антибиотиком. Выдавливайте понемножку в глаз три раза в день. Вы сумеете, верно?

— Само собой. Он же смиренный, как ягненок! — Без всякого выражения она прикурила новую сигарету от дотлевающего окурка и глубоко затянулась. — Я с ним делаю что захочу.

— Отлично, отлично. — Роясь в чемоданчике, я в который раз переживал давно привычное поражение. Лечить Щенулю всегда приходилось на почтительном расстоянии. В обращении с ним я не допускал глупостей вроде попытки измерить температуру. По правде говоря, за все время нашего знакомства я пальцем к нему не притронулся.

Через две недели миссис Бартрам сообщила, что глаз Щенули не только не прошел, но стал еще хуже.

Я торопливо поднялся в квартиру, вдыхая восхитительные запахи, которые доносились с первого этажа из лавки. Щенуля сидел напротив хозяйки в уже знакомой позе. Бесспорно, из глаза у него текло сильнее. Однако на этот раз в глазу почудилось еще что-то, и я наклонился почти к самой собачьей морде. Тут глухое ворчание предупредило дальнейшие мои вольности, но я уже обнаружил причину: под краем века развилась маленькая папиллома и раздражала роговицу. Я обернулся к миссис Бартрам.

— У него там маленькая опухоль. Она раздражает глаз и вызывает слезотделение.

— Опухоль? — Лицо этой дамы редко что-нибудь выражало, но тут одна бровь дернулась, и сигарета во рту подпрыгнула. — Не нравится мне это.

— Нет-нет, она абсолютно доброкачественная, — сказал я. — Никаких причин тревожиться нет. Я легко ее удалю, и он снова будет совершенно здоров.

Я говорил с полной искренностью — операция действительно самая простая и обычная. Местная анестезия, щелчок ножницами Рихтера — и больше никаких забот. Но тут я посмотрел на огромного пса, который мерил меня холодным взглядом, и по моей коже пробежал холодок. Со Щенулей вряд ли все пройдет так уж просто.

Когда на следующий день миссис Бартрам привела его к нам и оставила в смотровой, выяснилось, что для опасений были все основания. Его несомненно требовалось усыпить, а мы располагали превосходными новейшими транквилизаторами вроде ацетилпромазина. Оставался суший пустяк: один из нас ухватит эту львиную голову, а второй зашипнет кожу и введет иглу. Однако Щенуля дал недвусмысленно понять, что ничего подобного он допускать не намерен. Оказавшись в незнакомом месте, чувствуя, что ничего хорошего ждать не приходится, он с рыком бросился на нас с Зигфридом, едва мы открыли дверь.

А потому мы тотчас ее закрыли.

— Собачник? — предложил Зигфрид с сомнением в голосе.

Я мотнул головой. Собачник — длинная палка с мягкой петлей на конце — применялся, когда надо было утихомирить трудную собаку. Петлю накидывали ей на шею и так удерживали, пока производилась инъекция. Однако шансов удержать таким образом Щенулю было не больше, чем остановить матерого гризли с помощью лассо. Положим даже, нам удастся набросить на него петлю, но тогда начнется бешеная борьба, и еще вопрос, кто выйдет из нее победителем.

Однако мы не раз имели дело с опасными собаками, и в запасе был еще один способ.

— Похоже, тут без нембутала не обойтись, — буркнул Зигфрид, и я согласно закивал. Для животных, не подпускающих к себе, у нас в холодильнике всегда хранился сочный говяжий фарш. Перед таким деликатесом не могла устоять ни одна собака. Подмешать парочку капсул нембутала в фарш трудности не составляло. А потом оставалось только ждать, когда пациент погрузится в блаженный сон. Это срабатывало всегда.

Но отнимало массу времени. Удалить маленькую папиллому можно за единый миг. Но перед тем придется ждать минут двадцать, пока спотворное подействует. Готовя сдобренный нембуталом фарш, я старался не думать о срочных вызовах на фермы, где нас ждут не дожидутся.

Смотровая выходила в сад, а единственное окно было чуть приоткрыто. Я протолкнул фарш в оконную щель, и мы вернулись в приемную готовиться к дневному объезду. Потом пошли в сад, полагая, что Щенуля мирно посапывает на полу. Но тот ринулся к окну, рыча, как оголодавший волк. На полу лежал нетронутый фарш.

— Нет, вы только поглядите! — воскликнул я. — Просто глазам своим не верю! Еще ни одна собака не отказывалась от такого чудесного угощения.

— Чертовски неудачно! По-вашему, он учуял нембутал? Попробуем дать ему порцию фарша побольше.

Я изготовил новую приманку и протолкнул ее в окно. Сами тут же отошли в сторону, чтобы собака не заподозрила неладное. Через несколько минут мы снова подкрались к окну. Картина не изменилась ни на йоту. Щенуля и не подумал попробовать фарш.

— Так что же нам делать, черт подери?! — взорвался Зигфрид. — Нам отсюда до обеда не выбраться!

И действительно, обеденный час приближался: ветер с улицы доносил благоухание лавки, торгующей рыбой с жареной картошкой.

— Минутку! — воскликнул я. — Мне все ясно!

Я галопом пронесся по улице и вернулся с пакетом жареного картофеля. Вложить капсулу в картофелину и просунуть ее в окно было секундным делом. Щенуля проглотил любимое лакомство в мгновение ока и без малейших колебаний. Еще картофелина с капсулой и еще, пока пес не получил полную дозу.

На наших глазах его свирепость стремительно пошла на убыль, сменилась туповатым добродушием, а еще через минуту-другую он сделал пару неверных шагов и повалился на бок. Победа осталась за нами. Когда мы вошли к нему, Щенуля пребывал в счастливом забытии, и мы незамедлительно удалили папиллому. Позднее за ним зашла хозяйка, но наркотический кайф еще не совсем прошел. В приемной, куда она привела любимца, его голова возвышалась над краем стола, и он прямо-таки ухмыльнулся мне, когда я опустил на стул.

— Мы убрали папиллому, миссис Бартрам, — сказал я. — Глаз у него теперь будет в порядке, но я пропишу ему курс линкомициновых таблеток, чтобы инфекция не развивалась.

Взявшись за ручку, чтобы написать указания к применению, я скользнул взглядом по другим, уже готовым рецептам. В те дни, когда инъекции еще

не стали всеобщей панацеей, многие наши лекарства вводились через рот и указания на рецепте отличались большим разнообразием. «Микстура для вола. Давать в пинте воды с патокой». «Слабительное для теленка. Давать в полпинте жидкой овсянки».

Мое перо на мгновение замерло над бумагой, а затем впервые в жизни я прописал:

«Таблетки для собаки. Давать по одной трижды в день в жареной картофелине».

3

Горло, казалось, вот-вот меня доконает. Три ночных окота подряд на открытых всем ветрам склонах завершились сильнейшей простудой. Да и работал я, естественно, без пиджака, а потому теперь настоятельно и незамедлительно нуждался в леденцах от кашля Джеффри Хатфилда. Бесспорно, лечение не слишком научное, но я по-детски верил в силу этих леденчиков, которые во рту взрывались и загоняли в бронхи целительные пары.

Лавочка пряталась в тихом переулке и была такой крохотной, что над окном еле-еле достало места для вывески «Джеффри Хатфилд, кондитер». Но в маленьком помещении яблоку негде было упасть — как всегда. Хотя, поскольку день был рыночный, теснота, пожалуй, превосходила обычную.

Когда я открыл дверь, чтобы вклиниться в гущу городских дам и фермерских жен, колокольчик над ней мелодично звякнул. Мне пришлось подождать, но я ничего не имел против, так как наблюдать мистера Хатфилда за работой всегда было наслаждением.

И вошел я в самый удачный момент — владелец как раз пытался в ду-

шевных муках решить, что именно требуется его клиентке. Он стоял спиной ко мне, слегка кивая седовласой львиной головой, крепко сидящей на широких плечах, и озираал высокие банки со сладями у стены. Заложенные за спину руки то напряженно вздымались, то расслаблялись, отражая внутреннюю борьбу. Затем он прошелся вдоль ряда банок, внимательно вглядываясь в каждую. Лорд Нельсон, решил я, расхаживая по кварталдеку «Виктории» в размышлении о том, какую тактику боя избрать, вряд ли выглядел столь сосредоточенным.

Наконец он протянул руку к банке, и напряжение внутри лавочки достигло апогея. Но, покачав головой, мистер Хатфилд опустил руку. Затем все покупательницы издали дружный вздох — еще раз кивнув, мистер Хатфилд протер руки, взял соседнюю банку и повернулся к обществу. Крупное лицо римского сенатора осветила благожелательнейшая улыбка.

— Ну-с, миссис Моффат, — прогремел он почти на ухо почтенной матроне, сжимая стеклянный сосуд в обеих ладонях с изяществом и благоговением ювелира, открывающего футляр с бриллиантовым колье. — Поглядите, не заинтересует ли вас вот это?

Миссис Моффат крепче вцепилась в сумку с покупками и прищурилась на конфеты в обертках за стеклом банки.

— Ну, я... то есть мне... — начала она.

— Если, сударыня, память мне не изменяет, вы изъявили желание приобрести что-нибудь похожее на русскую карамель, и я весьма рекомендую вам эти конфеты. Не совсем русские, но очень приятные на вкус жженые леденцы. — Его лицо изобразило терпеливое ожидание.

Сочный голос, смакующий прелести этих леденцов, вызвал у меня бурное желание схватить их и сожрать не сходя с места. Покупательница, видимо, находилась под тем же впечатлением.

— Ладно, мистер Хатфилд, — поспешно сказала она. — Взвесьте мне полфунта.

Лавочник слегка поклонился.

— Благодарствую, сударыня. Не сомневаюсь, вы останетесь довольны своим выбором. — Его лицо озарилось благожелательной улыбкой, и пока он ловко сыпал леденцы на весы, а затем завертывал их с профессиональной сноровкой, мне вновь пришлось бороться с желанием добраться до них.

Мистер Хатфилд уперся обеими ладонями в прилавок, наклонился вперед и проводил покупательницу любезным поклоном, присовокупив:

— Желаю вам наилучшего, сударыня. — Потом он обернулся к своим верным посетительницам: — А, миссис Доусон, как приятно вас видеть! Так что же вам угодно нынче утром?

Дама просияла улыбкой неподдельного восторга.

— Я бы взяла шоколадок с начинкой. Ну те, которые брала на той неделе, мистер Хатфилд. Очень вкусные! Они у вас еще есть?

— О да, сударыня. И я весьма польщен, что вы одобрили мой совет. Такой нежный, такой восхитительный вкус! И я как раз получил партию в пасхальных коробках. — Он снял с полки коробку и покачал ее на ладони. — Просто прелесть, вы не находите?

Миссис Доусон закивала.

— Очень красивенькая. Я беру коробку. А еще мне нужно побольше ка-

рамелек, полный пакет, пусть ребятишки погрызут. И разного цвета, понимаете? Что у вас есть?

Эта часть ритуала мне особенно нравилась, и, как обычно, я получил огромное удовольствие, хотя наблюдал подобные сцены несчетное число раз.

Тесная лавочка, набитая покупательницами, хозяин, решающий, что порекомендовать, и величественно восседающий у дальнего конца прилавка Альфред.

Альфред, кот Джеффа, неизменно занимал это место на полированной доске возле занавешенного входа в гостиную мистера Хатфилда. И сейчас он, как обычно, словно бы с горячим интересом, следил за происходящим, переводя взгляд с хозяйина на покупательницу, и (хотя, бесспорно, это могло мне лишь чудиться) выражение на его морде свидетельствовало о том, что он принимает переговоры близко к сердцу и испытывает глубочайшее удовлетворение при их успешном завершении. Альфред никогда не покидал своего поста и никогда не посягал на остальной простор прилавка. А если какая-нибудь покупательница почесывала его за ухом, он отвечал гулким мурлыканьем и милостиво наклонял голову.

Естественно, Альфред никогда не допускал некорректных выражений своих чувств. Это было бы нарушением достоинства, а достоинство давно уже стало его неизменным свойством. Даже котенком он избегал неумеренной шаловливости. Три года назад я его охолостил (по-видимому, он не держал на меня зла), и с тех пор он обрел массивность и благодушие. Я залюбовался им. Огромный, невозмутимый, в мире со всем, что его окружало. Бесспорно, он был образцом кошачьей внушительности.

И всякий раз, думая об этом, я поражался, насколько он походит на своего хозяина. Оба были одного покроя, и понятно, что их связывала преданнейшая дружба.

Когда подошла моя очередь, я дотянулся до Альфреда и пощекотал его под подбородком. Ему это понравилось: он откинул голову, басистое мурлыканье сотрясло грудную клетку и разнеслось по всей лавочке.

Даже покупка леденцов от кашля обставлялась особым церемониалом. Хозяин лавочки торжественно понюхал пакетик и похлопал себя по груди.

— У них и запах-то благовонный, мистер Хэрриот. Излечат вас в один момент. — Он поклонился, улыбнулся, и могу поклясться, что Альфред улыбнулся вместе с ним.

Я снова протиснулся между покупательницами и, шагая по переулку, в энный раз поражался феномену Джеффри Хатфилда. В Дарроуби было несколько кондитерских лавок. Больших, с красивыми витринами, но ни одна не торговала так бойко, как тесная лавочка, которую я только что покинул. Безусловно, причиной было уникальное обхождение Джеффа с покупателями. И ведь он вовсе не разыгрывал спектакль: суть заключалась в его любви к своему занятию, в искренности, с которой он все делал.

Его любезные манеры и «благородная» дикция вызывали непочтительные насмешки у мужчин, которые некогда окончили вместе с ним местную школу в четырнадцать лет. В трактирах его часто именовали «епископом», но добродушно, так как все относились к нему хорошо. Ну а покупательницы были от него без ума и посещали его лавочку, чтобы поблаженствовать в лучах его внимания.

Примерно через месяц я снова зашел в лавочку купить лакричной карамели для Розы и увидел привычную картину: Джеффри отвешивал поклоны, улыбался и звучно басил. Альфред следил со своего места за каждым его движением, и оба выглядели воплощением достоинства и благодушия. Когда я забрал свою упаковку, Джефф шепнул мне на ухо:

— В двенадцать я закроюсь на обед, мистер Хэрриот, не будете ли вы так добры зайти ко мне осмотреть Альфреда?

— Разумеется. — Я взглянул на величавого кота в конце прилавка. — Он заболел?

— Нет-нет... просто, по-моему, что-то не совсем ладно.

В назначенный час я постучался в запертую дверь, и Джеффри впустил меня в лавочку, против обыкновения пустую, и провел в гостиную за занавешенной дверью. Там за столом сидела миссис Хатфилд и пила чай. Она была куда более земной натурой, чем ее муж.

— А, мистер Хэрриот! Пришли посмотреть котика?

— Ну какой же он котик! — засмеялся я. И, бесспорно, Альфред, устроившийся возле топящегося камина, выглядел даже массивнее обычного. Теперь он отвел спокойный взгляд от огня, встал, неторопливо прошествовал по коврику и, выгнув спину, потерся о мои ноги.

— Настоящий красавец, верно? — сказал я с улыбкой. Я уже давно не видел его вблизи, и дружелюбная мордочка в черных полосках, сходящихся возле умных глаз, показалась мне особенно симпатичной. — Да, — добавил я, поглаживая пушистый мех, блестящий в бликах огня, — ты очень большой и красивый. — Я повернулся к мистеру Хатфилду: — Выглядит он прекрасно. Что вас встревожило?

— Может, это так только. Он вроде бы совсем такой, как был, но вот уже неделю я замечаю, что ест он не так охотно, не с прежним аппетитом. Он не то чтобы болен... а какой-то не такой.

— Так-так. Давайте-ка осмотрим его.

Осмотрел кота я очень тщательно. Температура нормальная, слизистые здорового розового цвета. Я достал стетоскоп, прослушал легкие и сердце, но ничего ненормального не услышал. Пальпация брюшной полости тоже ничего не подсказала.

— Что же, мистер Хатфилд, — сказал я, — у него все как будто в порядке. Не исключено, что он немного сдал. Хотя по его виду этого не подумаешь. На всякий случай я сделаю ему витаминную инъекцию. Она его подбодрит. Если через несколько дней ему не станет лучше, свяжитесь со мной.

— От души вам благодарен, сэр. Весьма. Вы меня успокоили. — Он погладил своего любимца. Уверенность в звучном голосе плохо вязалась с озабоченностью, написанной на его лице. Глядя на человека и кота, я вновь почувствовал, как они похожи своей внушительностью.

С неделю я ничего про Альфреда не слышал и решил, что он поправился. Но затем мне позвонил его хозяин.

— Он все такой же, мистер Хэрриот. Вернее, ему стало чуть похуже. Буду весьма обязан, если вы опять его посмотрите.

И снова то же самое. Ничего определенного даже при самом тщательном осмотре. Я назначил Альфреду курс минеральных и витаминных таблеток. Начинать лечение нашим новым антибиотиком не имело смысла:

температура оставалась нормальной и ни малейших признаков какой-либо инфекции не обнаружилось.

Мимо переулка я проходил каждый день — до него от Скелдейл-Хауса было шагов сто — и теперь обязательно заглядывал в окно лавочки. И каждый день видел знакомую картину: Джефф улыбается и отвешивает поклоны дамам, Альфред восседает на обычном месте в конце прилавка. Все выглядело нормально, и тем не менее... Нет, кот, несомненно, в чем-то изменился.

Как-то вечером я зашел и осмотрел его еще раз.

— Он худеет, — сказал я.

Джеффри кивнул.

— Да, я замечаю. Ест он неплохо, но меньше чем прежде.

— Продержите его на таблетках еще несколько дней, и, если ему не станет лучше, я заберу его к себе, чтобы провести полное обследование.

У меня было неприятное предчувствие, что улучшение не наступит. Так и оказалось, а потому однажды вечером я пришел в лавочку с кошачьей клеткой. Альфред был таким огромным, что посадить его в клетку оказалось очень непросто, однако он и не думал сопротивляться, пока я осторожно закинул его внутрь.

В операционной я взял кровь на анализ и сделал рентген легких. Снимок был абсолютно чистым, в крови не оказалось никаких отклонений.

Можно было бы и успокоиться, однако кот продолжал хиреть. Следующие недели превратились в кошмар. Я по-прежнему ежедневно заглядывал в окно лавочки, и это стало для меня тяжелым испытанием. Огромный кот все еще восседал на своем месте, но худел и худел, так что вскоре стал неузнаваемым. Я испробовал все препараты и методы, какие только знал, но бестолку. Я попросил Зигфрида осмотреть кота, но он встал в такой же тупик, что и я.

Непрерывная потеря веса — порой симптом злокачественной опухоли, однако новые рентгеновские снимки ничего подобного не выявили. Полагаю, Альфред был по горло сыт тем, что его постоянно куда-то утаскивают, колот и мнут ему живот, но ни разу не запротестовал. Спокойно мирился со всем, как это было у него в обычае.

Ситуацию резко ухудшал еще один фактор: Джефф не выдержал постоянного напряжения и буквально таял на глазах. Румяные полные щеки поблекли и запали, а главное — за прилавком его словно подменили: от эффектной манеры торговать не осталось и следа.

Однажды я не удовольствовался тем, чтобы заглянуть в лавку через окно, а вошел и протиснулся к прилавку между дамами. Зрелище было устрашающее. Джефф, согбенный, иссохший, слушал покупательницу даже без улыбки, апатично ссыпал сласти в пакет и бормотал что-то невнятное. Ни звучного баса, ни счастливого щелбета покупательниц. Обычная кондитерская лавка, как всякая другая.

Печальнее всего выглядел Альфред. Он все еще с достоинством сидел на своем месте, но худой до невероятия. Шерсть утратила былой глянец. Он смотрел прямо перед собой мертвыми глазами, словно его ничего больше не интересовало. Не кот, а пугало в облинии кота.

Я не выдержал и в тот же вечер зашел к Джеффу Хатфилду.

— Сегодня я видел вашего кота. Его состояние стремительно ухудшается. Нет ли каких-нибудь новых симптомов?

Джефф уныло кивнул.

— Да, появились. Как раз думал вам позвонить. Его рвать начало.

Мои ногти болезненно впились в ладони.

— Еще и это! Все указывает на какое-то внутреннее расстройство, а отыскать ничего не удастся! — Я нагнулся и погладил Альфреда. — На него просто больно смотреть. Помните, какой глянцевою была у него шерсть? А теперь!

— Верно, — ответил Джефф. — Совсем перестал следить за собой. Даже не умывается. словно ему не до этого. А прежде умывался без конца: вылизывает себя, вылизывает, ну просто часами.

Я уставился на него. У меня в мозгу загорелась какая-то искра. «Вылизывает себя, вылизывает...» Я задумался.

— Да-а... Пожалуй, я не встречал кота, который умывался бы так усердно, как Альфред... — Искра вспыхнула пламенем, я даже подскочил на стуле.

— Мистер Хатфилд! — вырвалось у меня. — Я хочу сделать диагностическую лапаротомию.

— Что-что?

— По-моему, он нализал себе волосяной шар, и я хочу сделать проверочную операцию.

— Живот ему разрезать?

— Совершенно верно.

Джефф прижал ладони к глазам и опустил голову. Он оставался в этой позе долгое время, а потом устремил на меня измученный взгляд.

— Право уж не знаю. Я ни о чем таком даже не думал.

— Необходимо принять меры! Иначе кот погибнет.

Джефф нагнулся и погладил Альфреда по голове. Один раз, другой, третий... А потом пробормотал хрипло, не поднимая глаз:

— Ну ладно. А когда?

— Завтра утром.

Когда на другой день в операционной мы с Зигфридом наклонились над усыпленным котом, мысли у меня в голове путались. Последние годы мы часто оперировали мелких животных, но мне всегда было ясно, чего следует ожидать. Теперь же у меня возникло ощущение, что я вторгаюсь в неизвестное.

Я сделал надрез, рассек брюшные мышцы, брюшину и, когда прошел диафрагму, нащупал в желудке тестообразную массу. Я рассек стенку желудка, и сердце у меня взыграло. Вот он! Большой комок спутанных волосков, причина всех бед. Нечто, не запечатлевающееся на рентгеновских снимках.

Зигфрид усмехнулся.

— Ну вот мы и убедились.

— Да, — ответил я, испытывая невыразимое облегчение. — Вот мы и убедились.

Но это оказалось еще не все. Очистив и зашив желудок, я обнаружил комки поменьше, в нескольких местах закупорившие кишки. Их все необходимо было удалить, а значит — наложить на кишки несколько швов. Мне

это очень не понравилось: дополнительная травма и шок. Но в конце концов операция завершилась, и виден был лишь аккуратный шов на животе.

Когда я отнес Альфреда к нему домой, Джефф долго не решался на него взглянуть. Наконец он робко покосился на кота, еще не проснувшегося после операции, и прошептал:

— Он выживет?

— Скорее всего, — ответил я. — Операцию он перенес тяжелую, и, чтобы оправиться после нее, ему потребуется время. Но он молод, силен, и оснований тревожиться нет никаких.

Я увидел, что не убедил Джеффа. Это подтверждалось, когда я приходил делать Альфреду инъекции пенициллина. Джефф не сомневался, что Альфред непременно погибнет.

Миссис Хатфилд смотрела на вещи с бóльшим оптимизмом, но беспокоилась из-за мужа.

— Он последнюю надежду потерял, — сказала она. — И потому только, что Альфред весь день не встает с постели. Я ему твержу, что кот не может вот так сразу вскочить и запрыгать, но он и слушать не хочет. — Она посмотрела на меня с тревогой. — И знаете, мистер Хэрриот, он совсем измучился. Его просто узнать нельзя. Я даже боюсь, что он таким и останется.

Я подошел к занавешенной двери и заглянул в лавку. Джефф стоял за прилавком мрачный, двигаясь точно автомат. Он отвешивал конфеты без единой улыбки, а если и говорил что-то, то с безжизненной монотонностью. В ошеломлении я обнаружил, что его голос совсем утратил былой звучный тембр. Миссис Хатфилд была права: его нельзя было узнать. А что, если он действительно не станет прежним, что будет с торговлей? До сих пор его покупательницы хранили ему верность, но меня томило предчувствие, что продлится это недолго.

Прошла неделя, прежде чем появились перемены к лучшему. Я вошел в гостиную, но Альфреда там не оказалось.

Миссис Хатфилд вскочила с кресла.

— Ему много лучше, мистер Хэрриот, — радостно сказала она. — Ест вовсю и запросился в лавку. Он сейчас там с Джеффом.

И я вновь посмотрел в щелку между портьерами. Альфред сидел на обычном месте. Тощий до ужаса. Но сидел он прямо. Однако его хозяин выглядел все так же скверно. Я отвернулся от двери.

— Что же, миссис Хатфилд, больше мне приходить не нужно. Ваш кот выздоравливает и скоро будет совсем таким, как раньше.

Да, в отношении Альфреда я испытывал полную уверенность, но не в отношении Джеффа.

Затем, как повторялось ежегодно, меня совсем поглотила кутерьма весеннего окота со всеми его прелестями. Ни о чем другом думать времени у меня не было. Прошло, наверное, недели три, прежде чем я снова заглянул в кондитерскую лавку купить шоколад для Хелен. Теснота внутри была страшная, и пока я пробирался к прилавку, на меня нахлынули прежние страхи. Я боязливо посмотрел на человека и кота.

Альфред, вновь массивный и полный достоинства, восседал в дальнем

конце прилавка как монарх, а Джефф опирался ладонями на прилавок, наклонялся вперед и заглядывал в лицо покупательнице.

— Насколько я вас понял, миссис Херд, вам требуется какой-то сорт мягких конфет. — Звучный бас заполнил лавочку. — Не рахат ли лукум имеете вы в виду?

— Нет, мистер Хатфилд, совсем не то.

Джефф опустил голову на грудь и с предельной сосредоточенностью уставился в сверкающий прилавок. Потом поднял лицо и приблизил его к лицу дамы.

— Возможно, пастила?

— Нет... не то.

— Трюфели? Помадка? Мятный крем?

— Да нет. И не похоже даже.

Джефф выпрямился. Да, задачка оказалась не из легких. Он скрестил руки на груди, уставился в пространство и сделал могучий вдох, который я так хорошо помнил. Тут я понял, что он стал прежним. Широкие плечи расправлены, на полных щеках играет румянец.

Его размышления ни к чему не привели. Он выставил подбородок и откинул голову, ища вдохновения на потолке. Альфред, заметил я, тоже посмотрел на потолок.

Джефф застыл в этой позе, и в лавочке воцарилась напряженная тишина. Затем медленная улыбка озарила благородные черты. Он поднял палец:

— Сударыня, — сказал он, — думается, я понял. Беловатые, сказали вы... а иногда розоватые. Очень мягкие. Могу ли я предложить вам суфле из алтея?

Миссис Херд хлопнула ладонью по прилавку.

— Вот-вот, мистер Хатфилд! Ну забыла название, хоть убейте.

— Ха-ха! Так я и предполагал, — пробасил хозяин лавочки, и его голос органами звуками отразился от потолка.

Джефф засмеялся, дамы засмеялись, и, готов поклясться, засмеялся Альфред.

Прежнее вернулось. Все, находившиеся в лавке, были счастливы — Джефф, Альфред, дамы и, отнюдь не меньше остальных, Джеймс Хэрриот.

— Грабитель ты, а не ветеринар!

Миссис Сидлоу, яростно сверкая черными глазками, хлестнула меня этими словами, и я, глядя на черные прямые волосы, обрамляющие худое лицо с острым подбородком, подумал (далеко не в первый раз), что она — ну вылитая ведьма. Вот-вот оседлает метлу и быстренько слетает на Луну и обратно.

— Вся округа только и говорит, что о вас и бессовестных ваших счетах, — продолжала она. — Не знаю, как вам с рук сходит! Это же открытый грабеж. Обираете бедняков-фермеров, а потом нахально заявляетесь на шикарную новую машину.

Машина и послужила толчком. Мой дряхлый драндулет совсем рассыпался на составные части, и я потратился на подержанный «Остин-10». Машина уже отъездила двадцать тысяч миль, но за ней хорошо ухаживали, и озаренный солнцем черный отполированный кузов словно только что сошел с конвейера. Вот миссис Сидлоу и взъерилась.

Фермеры, как правило, отзывались на покупку машины шуткой-другой.

«Видно, гребете наши денежки лопатой», — говорили они с ухмылкой. Но дружеской, без тени ядовитой злобы, которая словно бы отличала семейство Сидлоу.

Сидлоу ненавидели ветеринаров. Не меня лично, а чохом, причем объектов для ненависти у них было немало — они по очереди перепробовали всех ветеринаров в наших краях и в каждом обманулись. Беда была в том, что мистер Сидлоу, как никто в округе, считал себя знатоком лечения больных животных, а его жена и взрослые дети свято ему верили, и, когда какая-нибудь их корова или собака заболела, глава семьи, естественно, демонстрировал свое умение. И ветеринара вызывали, только когда мистер Сидлоу истощал весь запас тайных снадобий. Сам я смотрел на этой ферме только издыхающих животных, которым уже нельзя было ничем помочь, а потому Сидлоу дружно укреплялись во мнении, что я никуда не гожусь, как и все мои коллеги.

Вот и на этот раз я с бессильной горечью глядел на исхудалых овец. Они, притулившись в темном углу овчарни, испускали последние хриплые вздохи после недели пневмонии, которую никто не лечил. Семья фермера стояла рядом и бросала на меня искоса хмурые взгляды.

А когда я устал побрел к машине, миссис Сидлоу углядела меня в кухонное окно и пулей вылетела во двор.

— Да уж вам-то все едино, — не унималась она. — Мы трудимся, спину гнем с утра до ночи, чтобы концы с концами свести, а потом заявляются всякие вроде вас и забирают наши кровные денежки ни за что ни про что. А как же! Разбогатеть побыстрее хочется!

Только постоянные упражнения в соблюдении заповеди, что клиент всегда прав, помешали мне огрызнуться. Я даже выдавил из себя улыбку.

— Миссис Сидлоу, — сказал я кротко, — уверяю вас, меня никак нельзя назвать богатым. Вы убедились бы в этом, если бы увидели мой счет в банке.

— Вы, значит, без денег сидите, так что ли?

— Совершенно верно.

Она ткнула пальцем в «остин» и смирила меня еще одним злобным взглядом.

— А машиной этой обзавелись, чтобы пыль в глаза пускать?

Я не нашелся, что ответить. Она загнала меня в угол: либо я бессовестный денежный мешок, либо голь перекатная с претензиями.

На обратном пути я с высокого склона оглянулся вниз на ферму Сидлоу — солидный жилой дом, добротные службы и пятьсот акров прекрасной земли у подножия холма. Сидлоу были весьма зажиточными и не знали тех забот, которые одолевали фермеров на верхних склонах, где земля отличалась скудностью и требовала тяжелого труда. Ну почему, почему мое воображаемое богатство так их оскорбляет?

И еще я подумал, что свой выпад миссис Сидлоу приурочила ко времени, когда мои финансы находятся в особенно плачевном состоянии. Меня скорости, я узрел розовеющую кожу в прорехе над коленом. О черт! Старые вельветовые брюки просились в отставку, как, впрочем, и весь мой гардероб. Однако потребности двух подрастающих детей были много важнее моих собственных. Да и заниматься моей работой в элегантных костюмах особого смысла не имело — такой грязной профессии поискать! — и

мне следовало соблюдать лишь минимум респектабельности, а потому утешала мысль, что один-то «выходной костюм» у меня имеется. Годы и годы он оставался ну совсем новым, так как надевать его мне приходилось очень редко.

И действительно, как-то странно, что я постоянно сижу без денег! Практиковали мы с Зигфридом весьма успешно и обзавелись прекрасной клиентурой. Работаю чуть ли не круглые сутки семь дней в неделю, по вечерам, а то и по ночам. И работа не из легких — валяешься на булыжнике, до изнеможения помогая телящейся корове, имеешь дело с пациентами, которые тебя брыкают, прижимают к стенке, наступают на тебя, обдают навозной жижей. Мышцы у меня болят целыми днями — и за все про все я могу продемонстрировать неизменный долг банку в тысячу фунтов! И необходимость считать каждый пенс.

Бесспорно, значительную часть времени я провожу за рулем, а эти часы никто не оплачивает... Так не тут ли кроется объяснение?

Однако и поездки, и работа, и полная разнообразия жизнь — все происходило в окружении великолепной природы. И я искренне наслаждался и тем, и другим, и третьим, а горькие мысли лезли мне в голову, только когда меня выставляли хитрым мошенником, облапошивающим бедных фермеров.

Дорога поднималась все выше. Я увидел колокольню Дарроуби, его крыши и, наконец, на окраине городка манящие ворота красивого дома миссис Памфри. Я взглянул на часы. Полдень. Долгие годы выработали у меня особую сноровку приурочивать свои визиты туда ко второму завтраку, чтобы ненадолго забыть о тяготах сельской практики и понежиться, наслаждаясь гостеприимством пожилой вдовы, которое столько лет скрашивало мою жизнь.

Когда под шинами «остина» захрустел песок подъездной аллеи, я улыбнулся: в окне, встречая меня, возник Трики-Ву. Он был уже очень стар, но у него хватало сил забраться на свой дозорный пост, и его мордочка, курносая, как у всех пекинесов, расплылась в пыхтящей приветственной усмешке.

Поднимаясь между колоннами по ступенькам крыльца, я заметил, что песик покинул подоконник, и тут же услышал радостное твяканье в холле. Рут, горничная, прослужившая в доме не один десяток лет, открыла дверь на мой звонок и приветственно улыбнулась, а Трики мячиком ударился о мои колени.

— До чего же он вам рад, мистер Хэрриот, — сказала Рут, беря меня за руку. — Ну просто как все мы!

Она проводила меня в элегантную гостиную, где в кресле у камина сидела миссис Памфри. Она подняла среброкудрую голову от книги и обрадованно вскрикнула:

— Ах, мистер Хэрриот, как мило! Трики, твой дядя Хэрриот приехал навестить тебя. Чудесно, правда? — Она указала мне на кресло по другую сторону камина. — Я ждала, что вы приедете проверить здоровье Трики, но до того, как осмотреть его, вам необходимо согреться. Такой страшный холод! Рут, милая, принесите мистеру Хэрриоту рюмочку хереса. Вы ведь не откажетесь, мистер Хэрриот?

Я поблагодарил. Еще бы я отказался от изумительного хереса, который

наливался в огромные рюмки и удивительно подкреплял силы — а уж в холодную погоду особенно. Я утонул в мягком сиденье, протянул ноги к пламени, плясавшему в камине, и отпил хереса, а Рут в тот же миг поставила возле меня тарелку с крохотными бисквитиками. Трики вскарабкался ко мне на колени, и туман злобы, окутавший меня на ферме Сидлоу, окончательно рассеялся.

— Трики со времени вашего последнего визита, мистер Хэрриот, чувствовал себя на редкость хорошо, — начала миссис Памфри. — Конечно, он поутратил гибкость из-за артрита, но ходит прекрасно, а его грудной кашель не усилился. И самое чудесное (она сплела пальцы и широко раскрыла глаза) — он совсем не плюх-попал! Ни единого раза. Так, может, вы не будете тискать бедняжечку?

— Разумеется нет. Ни в коем случае. Раз у него там все нормально, то зачем? — (На протяжении многих лет я очищал околоанальные железы Трики-Ву, когда он, по красочному выражению своей хозяйки, плюх-попал, и песик сносил это безропотно.) Теперь я погладил его, а миссис Памфри продолжала:

— Я должна сообщить вам интересную новость. Вы знаете, как превосходно Трики разбирается в скаковых лошадях, как тонко судит об их форме и, когда ставит на скачках, почти всегда выигрывает. Так вот! — Она помахала пальцем и понизила голос. — В последнее время он увлекся собачьими бегами.

— Неужели?

— О да! Он начал следить за соревнованиями в Мидлсбро, несколько раз поручал мне делать за него ставки и выиграл кучу денег.

— Боже!

— Да-да. Не далее как сегодня утром Краудер, мой шофер, заехал к букмекеру за двенадцатью фунтами. Выигрыш Трики на вчерашних бегах.

— Ну и ну! Непостижимо! — сказал я, а мое сердце обливалось кровью от жалости к Честному Джо Прендергасту, местному букмекеру. Столько лет проигрывать собаке деньги на скачках, а теперь плати еще за собачьи бега! — Настоящее чудо.

— Ведь верно, ведь правда? — Миссис Памфри одарила меня сияющей улыбкой, но тут же посерьезнела. — Однако мне хотелось бы понять, в чем причина этого нового интереса. Как вы полагаете?

Я задумчиво покачал головой.

— Трудно сказать. Очень трудно.

— У меня есть одна теория, — сообщила миссис Памфри. — Как вам кажется, может быть, с возрастом его потянуло к животным одной с ним крови, вот он и предпочитает ставить на состязающихся собак?

— Не исключено... Нет, не исключено...

— Ну и напрашивается вывод, что родство помогает ему точнее взвешивать шансы и выигрывать.

— Что же, вполне возможно. Весьма веский довод.

Трики, прекрасно понимая, что мы говорим о нем, завилял хвостом и посмотрел на меня с обычной широкой усмешкой, вывалив наружу язычок.

Я совсем утонул в кресле, смакуя тепло, которое разливалось по моему телу не без помощи хереса. И как уютно слушать отчет миссис Памфри о разнообразной деятельности Трики! Очень добрая, очень умная дама,

уважаемая всеми, усердная участница многих благотворительных начинаний. Она заседала во всяческих комитетах, у нее просили совета по самым разным поводам, но чуть дело касалось ее песика, серьезные темы исчезали из разговора, сменяясь неисчислимыми чудачествами.

Она наклонилась вперед.

— Мне хотелось бы поговорить с вами об одной вещи, мистер Хэрриот. Вам известно, что в Дарроуби открылся китайский ресторан?

— Да. И очень приятный.

Она засмеялась.

— Кто бы мог подумать? Китайский ресторан в тихом городке вроде Дарроуби — поразительно!

— Неожиданно, согласен. Но в последние годы они растут как грибы по всей стране.

— Да-да. Только я хочу обсудить с вами, как это подействовало на Трики.

— Что?!

— Да, он в совершеннейшем расстройстве.

— Но каким образом?..

— Мистер Хэрриот! — Она сдвинула брови и устремила на меня непоколебимо серьезный взгляд. — Много лет назад я довела до вашего сведения, что Трики происходит от длинной череды китайских императоров.

— Разумеется! Разумеется!

— Пожалуй, будет проще объяснить, если я начну с самого начала.

Я отхлебнул хереса в сладком ощущении, что воспаряю в мир грез.

— Прошу вас!

— Когда ресторан только открыли, — продолжала миссис Памфри, — на удивление многие горожане были недовольны. Они бранили китайские блюда, а также милого китайца и его жену, утверждали, что такому заведению в Дарроуби не место, что его следует подвергнуть бойкоту. Так вот, как-то, когда мы с Трики гуляли по улице, он услышал такой разговор и пришел в ярость.

— Неужели?

— Да-да. Крайне возмущился. Я всегда замечаю, когда он испытывает подобное чувство. Он хранит такой оскорбленный вид, и его очень трудно привести в хорошее настроение.

— Боже мой! Мне очень жаль.

— И ведь нельзя не понять, каково ему было слушать, как поносят его народ.

— Бесспорно, конечно, вполне естественно.

— Тем не менее, мистер Хэрриот, тем не менее (она снова помахала пальцем и многозначительно мне улыбнулась) милый умница сам предложил выход из положения.

— Ах так?

— Да, он сказал мне, что нам следует почаще посещать этот ресторан и попробовать все их блюда.

— А-а!

— Мы так и поступили. Краудер отвез нас туда позавтракать, и мы получили огромное удовольствие. К тому же оказалось, что мы можем

взять домой любое блюдо в специальной коробочке, и в ней оно остается горячим и аппетитным. Как это весело! Теперь, когда начало положено, Краудер часто заглядывает туда по вечерам и привозит нам ужин. И знаете, ресторан уже как будто не пустует. По-моему, мы неплохо им подействовали.

— Несомненно, — ответил я с полной искренностью. «Лотосовый сад» приютился в уголке рыночной площади и, собственно говоря, исчерпывался четырьмя столиками, так что частое появление у его дверей сверкающего черного лимузина и шофера в форме не могло не послужить прекрасной рекламой. Я тщетно пытался вообразить, как местные обыватели созерцают через окно миссис Памфри и Трики, дегустирующих китайские блюда за крохотным столиком, но тут она добавила:

— Очень рада, что вы так думаете. И мы получили такое удовольствие! Трики просто обожает чар-суи, а мне особенно нравится чау-мейн. А хозяин учит нас пользоваться палочками.

Я поставил пустую рюмку на столик и стряхнул с пиджака крошки божественных бисквитиков. Как тяжело было прерывать эту беседу и возвращаться к прозаической действительности! Но я взглянул на часы и сказал:

— Очень рад, миссис Памфри, что все получилось так удачно. Однако пора заняться проверкой здоровья малыша.

Я посадил Трики на кушетку и тщательно прощупал животик. Все в полном порядке. Затем я выудил из кармана стетоскоп и послушал сердце и легкие. Давно мне знакомые шумы в сердце и хрипы в бронхах, как я и ожидал. Собственно говоря, я знал организм моего старого приятеля наизусть — недаром же я наблюдал его столько лет. Зубы, скажем, в следующий раз не помешает очистить. Глаза... характерное для старых собак помутнение хрусталика, но очень легкое.

Я обернулся к миссис Памфри. Трики получал преднолейкотропин от артрита и окситетрациклин от бронхита, но с ней я никогда подробно о его болезнях не говорил. Медицинская терминология ввергала ее в ужас.

— Для своего возраста, миссис Памфри, он просто в великолепной форме. В случае необходимости давайте ему нужные таблетки и вызовите меня, если я понадобится. Но еще одно. Последнее время вы строго соблюдаете его диету, ну и впредь не давайте ему лишних лакомств. Даже добавки чар-суи!

Она хихикнула и одарила меня лукавым взглядом.

— Ах, пожалуйста, мистер Хэрриот, не браните меня! Обещаю быть умницей. — Она помолчала. — Да, еще об артрите Трики. Как вы знаете, вот уже много лет Ходжкин бросает ему кольца, чтобы он за ними бегал.

— Да, я знаю. — У меня перед глазами возник угрюмый старый садовник, принужденный бросать резиновые кольца на газон, откуда Трики с восторженным тявканьем притаскивал их ему обратно. Ходжкин явно не терпел собак и неизменно выглядел доведенным до белого каления. Губы у него непрерывно шевелились — он что-то бормотал себе под нос и ворчал на Трики.

— Ну, мне показалось, что для Трики в его состоянии Ходжкин бросает колечки слишком далеко, и я сказала, чтобы он кидал их не дальше чем на три-четыре шага. Удовольствия малыш будет получать не меньше, но не перетруждаясь.

— Так-так.

— К сожалению (тут ее лицо приняло неодобрительное выражение), Ходжкин отнесся к этому с раздражением.

— В каком смысле?

— Я бы ничего не узнала (она понизила голос), но Трики рассказал мне по секрету.

— Вот как?

— Да. Ходжкин, сообщил он мне, очень сердился. Дескать, теперь ему придется нагибаться куда чаще, а у него тоже артрит. Я бы не приняла этого к сердцу (она перешла на шепот), но Трики был глубоко шокирован. Он сказал, что Ходжкин несколько раз употребил слово «проклятуший»!

— Боже, боже! Да, я вижу, какие сложности возникают.

— Трики оказался в таком неловком положении. Как, по-вашему, мне следует поступить?

Я глубокомысленно нахмурился и по размышлении изрек следующее:

— Мне кажется, миссис Памфри, игру с кольцами следует устраивать пореже и покороче. В конце-то концов, и Трики, и Ходжкин уже не малы.

Она несколько секунд молча смотрела на меня, потом ласково улыбнулась.

— Благодарю вас, мистер Хэрриот, благодарю. Вы, как всегда, правы. Я последую вашему совету.

Я начал прощаться, но миссис Памфри меня остановила:

— Перед тем как вы уйдете, мистер Хэрриот, я хотела бы вам кое-что показать.

Она отвела меня в комнату по ту сторону холла и открыла дверцы огромного гардероба. Моему взору открылся длинный ряд элегантнейших костюмов. Такое их количество я прежде видел только в магазинах.

— Они, — сказала миссис Памфри, поглаживая всевозможные пиджаки: темные выходные, светлые твидовые, — принадлежали моему покойному мужу. — На мгновение она умолкла, трогая один рукав за другим, а потом с внезапной энергией обернулась ко мне, мягко улыбаясь. — Он любил хорошо одеваться и заказывал все свои костюмы в Лондоне. Вот этот, например (она сняла вешалку с пиджаком и брюками из лучшего твида). Вот этот сшил один из моднейших столичных портных. Ах, какой он тяжелый! Подержите, пожалуйста. — Охнув, она перекинула костюм через мою протянутую руку, и меня тоже поразила его тяжесть.

— Да, — продолжала она, — прекрасный костюм для загородных прогулок... И знаете, он его ни разу не надел. — Покачав головой, она погладила лацканы, и ее глаза затуманились. — Ни разу. Он скончался через несколько дней после того, как костюм доставили, а так его ждал! Он любил длинные прогулки, любил бывать на воздухе как можно чаще, но при этом любил быть красиво одетым... — Она оборвала фразу, посмотрела на меня с решимостью и отрывисто сказала: — Так вот, мистер Хэрриот, вы не возьмете этот костюм?

— А?

— Я буду так рада! Вам он может пригодиться, а то висит в гардеробе без всякого проку.

Я не знал, что ответить, но тут мне вспомнились многочисленные пау-

зы в нашем разговоре у камина, когда, поднимая рюмку, я ловил взгляд миссис Памфри на моей обтрепанной манжете или на протершемся вельвете у колен.

Я молчал, и на ее лице отразился испуг.

— Вы не обиделись?

— Нет, нет, нет. Совсе нет. Вы очень добры. И я с удовольствием буду носить его.

— Я так рада! — Она захлопала в ладоши. — Именно то, что требуется сельскому ветеринару. Мне будет так приятно думать, что вы ходите в нем.

— Да... да... — отозвался я в некотором замешательстве. — Очень вам благодарен. — Я засмеялся. — Такой чудесный сюрприз!

— Вот и хорошо. — Она тоже засмеялась. — Рут! Рут, принесите, пожалуйста, большой лист оберточной бумаги, чтобы упаковать костюм.

Горничная торопливо вышла, а миссис Памфри наклонила голову набок.

— Только вот одно, мистер Хэрриот. Мой муж был крупным мужчиной. Его надо будет перешить.

— Ничего-ничего, — сказал я. — Это устроить просто.

Шагая по песку дорожки к машине с тяжелым пакетом под мышкой, я размышлял о контрастах этого дня. Часа два назад я улизнул как изгой с фермы после визита, ознаменованного неприязненной придирчивостью, под взрыв брани в заключение. А теперь! Миссис Памфри и Рут, улыбаясь, машут мне с порога; Трики взобрался на свой подоконник и затыкал, улыбаясь до ушей, а занавеска заколыхалась от энергичного движения его хвоста. Мое тело исполнено приятной истомой после хереса и бисквитов, а к боку я прижимаю великолепный костюм.

И я далеко не в первый раз возблагодарил Провидение за неисчерпаемое разнообразие ветеринарной практики.

5

— Взгляни-ка, Хелен! — воскликнул я, едва вошел в Скелдейл-Хаус с тяжелым пакетом в руках. — Миссис Памфри подарила мне костюм!

Развернув подарок, моя супруга ахнула:

— Какая прелесть, Джим! И выглядит как очень дорогой.

— Еще бы! Мне такой сшить не по карману.

Мы устали на бесподобный твид с еле заметным узором из коричневатых нитей на темно-зеленом фоне. Хелен взяла пиджак в руки, чтобы получше его рассмотреть.

— Ой, какой тяжелый! Просто не поднять. В первый раз вижу такую ткань. В нем тебе любой холод нипочем. Примерь поскорее! До обеда время еще есть. Я только сбегаю на кухню, посмотрю, не закипел ли суп.

Я кинулся в спальню, стораю от приятного нетерпения, стащил брюки и облекся в новые, затем в пиджак и посмотрел на себя в зеркало, что было совершенно лишним: я и так знал, что все мои мечты пошли прахом. Брюки лежали гармошкой на башмаках, а рукава были длиннее рук на не-

сколько дюймов. Покойный мистер Памфри был не просто крупным мужчиной, он был гигантом.

Я грустно оглядел себя в зеркале, и тут у меня за спиной раздалось приглушенное фыркание. Хелен, привалившись к косяку, заливалась смехом и тыкала в меня дрожащим пальцем.

— Господи! — еле выговорила она. — Не сердись, но... ха-ха-ха!

— Ладно, — сказал я. — Да, никуда не годится, сам знаю... — Тут я снова взглянул на свое отражение и не удержался от улыбки. — Ты права, вид у меня нелепейший. А очень жаль. Костюм замечательный, и я уже предвкушал, как стану самым большим франтом в Дарроуби. Но что нам с ним делать?

Хелен утерла глаза и подошла ко мне.

— Но ведь его можно ушить по тебе.

— Каким же это образом? Я ведь в нем тону! — И я смерил свое злополучное отражение свирепым взглядом.

Моя супруга энергично затрясла головой.

— Не скажи! Я прямо вижу, как замечательно он будет сидеть на тебе. Во всяком случае, я отнесу его мистеру Бендлоу и попробую улестить его, чтобы он долго не тянул.

При мысли, что наш городской портной поторопится, я скептически усмехнулся.

— Хочешь сотворить чудо?

— Как знать? — возразила Хелен. — Надо попытаться.

Вечером она сообщила мне, что материал и покрой произвели на мистера Бендлоу неизгладимое впечатление и он обещал сразу же взяться за дело.

Но это было потом, а после обеда, едва я отправился по срочному вызову, треволения из-за костюма вылетели у меня из головы.

Голос Теда Ньюкомба в телефонной трубке звучал напряженно:

— Гвоздичка у меня... Телится, а только голова высовывается, и все. Я попробовал добраться до ног, и ни в какую. Не теленок, а великан какой-то. Как раз то, что мне требуется. Помните?

— Конечно, помню.

— Сможете побыстрее приехать, мистер Хэрриот?

— Сейчас выезжаю.

Гвоздичка была лучшей его телкой, и случил он ее с элитным быком. Для Теда, чья ферма находилась высоко в холмах, потеря теленка означала катастрофу. Я крикнул Хелен, куда еду, и бросился бегом к машине.

Небольшая ферма Теда казалась серым мазком под самой вершиной. Туда не вело никакой дороги, и «остин» затрясся, взбираясь по зеленому склону, а у меня за спиной позвякивали и дребезжали инструменты и склянки с лекарствами. Мощеный двор и постройки с на редкость толстыми стенами насчитывали не одну сотню лет. Собственно говоря, никто, кроме такого бедняка, как Тед, и думать не стал бы о том, чтобы поселиться в столь глухом и труднодоступном месте. Однако арендная плата была невелика, а платить больше ему было не из чего.

Когда я подъехал, Тед как раз выходил из коровника. Высокий, худой, примерно моих лет, отец двоих детей — мальчика и девочки, — которые

каждый день спускались с холма и проходили две мили до школы. Он озабоченно хмурился, но все-таки улыбнулся мне.

— Машина что надо, мистер Хэрриот! — Он с преувеличенной почтительностью потер рукавом сверкающий капот. Но на этом (что было типичным для него) все приветствия и закончились.

Я последовал за Тедом в небольшой коровник и сразу понял, почему ему было не до шуток. Улыбка мгновенно исчезла и с моих губ, едва я взглянул на красивую молодую корову, которая тужилась постанывая. При каждой потуге из влагалища выглядывала угрожающе крупная мордочка.

Такое зрелище приведет в трепет любого ветеринара. Ведь дело было не в неправильном положении плода, а просто слишком большой теленок не находил выхода наружу.

— Я пробовал, — сказал Тед, когда я, раздевшись, погрузил руки по плечи в ведро с горячей водой. — Только ног так и не нащупал. До копытец там миля, не меньше. Вот вы как-то сказали, что голову надо назад запихнуть, чтобы до ног добраться. Я пробовал, только Гвоздичка посиленнее меня.

Я кивнул. Хотя фермер был очень худ, в его руках чувствовалась жилистая сила. Но что он мог сделать?

— Никакому человеку, Тед, не справиться с таким могучим животным.

— И я все время думаю, жив ли теленок. Его же там давит уже не знаю сколько времени.

Это тревожило и меня. Я намылил руку и ввел ее вдоль массивной головы, но только коснулся плеча, как Гвоздичка поднатужилась, и несколько мучительных секунд мою руку сжимало как в тисках.

— Бесполезно! — еле выговорил я. — Там и дюйма свободного пространства нет. Попытаюсь вдвинуть голову.

Я прижал ладонь к мордочке и надавил, усилив нажим, когда голова подалась на несколько дюймов. Этим мои успехи и исчерпались. Новые потуги — и я оказался в исходной позиции.

Я вымыл обе руки до плеча.

— Бессмысленно, Тед. Теленок не сдвинется, пока мы не повернем ноги, а до них не добраться. Она крепкая, сильная корова, и нам с ней не справиться.

— Черт! — Тед растерянно уставился на меня. — Что же нам делать? Кесарево сечение? Так ведь это же какая работенка!

— Может, и обойдемся, — ответил я. — У меня есть в запасе еще кое-что.

Я поспешил к машине и через пару минут вернулся со шприцем и раствором для местной анестезии.

— Беритесь за хвост, Тед, — скомандовал я. — И двигайте им вверх-вниз, точно воду качаете. Вот так. — Я нащупал эпидуральное пространство между позвонками, ввел десять кубиков раствора и приготовился ждать.

Впрочем, ждать пришлось недолго. Уже через минуту Гвоздичка расслабилась, точно все трудности остались позади.

— Глядите-ка! — воскликнул Тед, кивая на нее. — Перестала тужиться.

— И хотела бы, да не может, — объяснил я. — У нее анестезирован

спинной мозг, и она ничего не чувствует. И даже знать не знает, что у нее там происходит.

— Значит, раз она теперь сдвинуть нам руки не может, мы запишем голову обратно?

— Вот именно. — Я еще раз намылился, нажал на широкую мордочку и... Какое блаженство ощутить, что голова, шея — весь теленок отодвигаются внутрь без малейших помех. Теперь места оказалось достаточно, чтобы ввести петлю, зацепить одну ногу, затем другую... И вот уже наружу высунулись два раздвоенных копытца. Я ухватил их обеими руками, потянул, мордочка теленка выглянула наружу, и к величайшему своему облегчению я заметил, что ноздри подергиваются. Я засмеялся:

— Тед! Теленок жив!

— Слава Богу! — Тед перевел дух. — Теперь, значит, и за дело можно взяться?

— Да, но тут есть одна трудность. Тужиться она не в состоянии, и мы должны все сделать сами.

Проход все равно оставался тесным, и мы бились добрые полчаса. Осторожно тянули за ноги и за голову, то и дело прибегая к смазыванию. Скоро с нас уже градом катил пот, но Гвоздичке и горя было мало: она безмятежно брала сено из кормушки, как будто только это ее и интересовало. До последней минуты я терзался страхом, что таз теленка окажется слишком широким. Но вот еще одно усилие — малыш появился на свет, и я успел подхватить скользкое тельце.

Тед заглянул под заднюю ногу.

— Бычок! Ну да и так ясно было, уж очень крупный оказался! — Он весело улыбнулся. — Вообще-то я телочек предпочитаю, только за этого можно будет хорошую цену взять как за производителя. Родословная у него прямо отличная с обеих сторон.

Он принялся растирать соломой ребра и голову. Теленок в ответ задрал мордочку и фыркнул. Гвоздичка мигом обернулась и испустила негромкое радостное мычание — с удивлением, как показалось мне. Она ведь ничего не знала о наших маневрах и явно не могла взять в толк, откуда появился этот восхитительный малыш. Мы подтащили его к ее морде, и она принялась усердно вылизывать мохнатую шерстку.

Я улыбнулся. Такие минуты мне не приедаются — минуты, вознаграждающие ветеринара за все трудности и невзгоды.

— Приятно смотреть на них, Тед. Вот бы все отелы так кончались!

— Черт, мистер Хэрриот, вы верно говорите. И уж не знаю, как вас благодарить. Я же думал, задохлика получу на этот раз, не иначе. — И он дружески хлопнул меня по спине, когда я снова нагнулся к ведру.

Вымыв руки, я обвел взглядом стойла с ухоженными коровами. За несколько месяцев Тед полностью обновил коровник — срубил старые деревянные перегородки и заменил их металлическими трубами, оштукатурил стены, выкопал булыжник и залил пол бетоном. Все это он сделал сам и один.

Тед проследил за моим взглядом.

— Ну как вам тут у меня теперь?

— Вы просто чудеса сотворили, Тед. И молочную построили отличную.

— Мне бы министерскую лицензию получить, вот что! — Он потер ла-

донью подбородок. — Только не все тут нормам точно отвечает. Расстояние между задней стенкой и стоком поуже положенного. И тут ничего не сделаешь. Ну и еще кое-что в таком роде. Но если министерство выдаст мне лицензию, так я с каждого галлона молока буду на четыре пенса больше получать, а это, знаете ли, разница!

Он засмеялся, будто прочитав мои мысли.

— Может, по-вашему, четыре пенса и не Бог весть что, так ведь нам-то денег много не требуется. По вечерам мы никуда не ездим — играем в картишки, лото или домино с ребятами, и других развлечений нам не надо. А коров этих нужно доить, кормить и чистить дважды в день триста шестьдесят пять дней в году, ну я к месту и привязан. — Он снова засмеялся. — Не помню даже, когда я в последний раз в Дарроуби заглядывал. Нет, нам много денег не требуется, да только сейчас я еле-еле на плаву держусь. А, ладно! После четверга все ясно станет. У них в четверг заседания по лицензиям.

Я промолчал. Не мог же я сказать ему, что на этом заседании именно мне поручено представить конфиденциальное заключение для Молочной комиссии о нем и его ферме. И все зависит от того, сумею ли я убедить их. Будет ли Тед получать лишние четыре пенса за галлон, зависит от меня! Мне стало страшно. Если ему откажут в лицензии, долго ли еще он сумеет продолжать свою борьбу за успешное ведение хозяйства на этом обдуваемом всеми ветрами склоне, где трава так скудна?

Я собрал свое имущество, и мы вышли из коровника. Вдыхая холодный чистый воздух, я смотрел, как тени облаков скользят по зеленым горбам холмов и по нескольким акрам, заключающим весь мир Теда — обнесенный стенками островок среди волн вереска, грозящих вот-вот захлестнуть и поглотить его. Эти акры необходимо было холить и лелеять, чтобы они не вернулись в дикое состояние, а стенки, покосившиеся и осевшие за века, постоянно теряли камни — еще работа, которую должен был выполнять один человек. Мне вспомнилось, как Тед однажды сказал, что нет удовольствия больше, чем проснуться ночью, сообразить, что вставать еще рано, перевернуться на другой бок и уснуть.

Я включил мотор, и Тед помахал мне широкой мозолистой рукой. Трясаясь по выбоинам вниз по склону, я оглянулся на худую, чуть сгорбленную фигуру возле дома, обсаженного искривленными ветром деревьями, и вновь остро осознал положение Теда. В сравнении с его жизнью моя была просто райской.

6

Когда я проснулся в четверг, в мозгу у меня теснились фразы, убедительно доказывающие, что Теду можно и нужно выдать лицензию, и в машине, отправившись по ранним вызовам, я бормотал вслух свою предстоящую речь. В местном отделе Министерства сельского хозяйства мне нужно было быть в одиннадцать, и в десять я вернулся домой переодеться.

Я направился к лестнице, чтобы подняться в спальню, но тут вошла Хелен.

— Ты не поверишь! — произнесла она благоговейно. — Мистер Бендлоу увидел меня в окно, когда я проходила мимо, и отдал мне костюм!

— Костюм мистера Памфри?

— Да. Он перешит, и ты можешь его надеть... — Она умолкла и посмотрела на меня широко открытыми глазами.

Я уставился на пакет.

— Ну, подобного еще не бывало. Мы уповали на чудо, и наши надежды сбылись.

— Вот именно, — ответила она. — И по-моему, это хорошее предзнаменование.

— То есть?

— Ты можешь надеть его на заседание Молочной комиссии. В таком костюме ты их убедишь в чем угодно.

Ее слова попали в цель. Как оратору мне далеко до Уинстона Черчилля, и любая моральная опора была очень кстати. В спальне я торопливо сбросил рабочую одежду и влез в перешитые брюки. Длина их теперь была идеальной, но тут же обнаружилось кое-что, чего я при первой примерке не заметил. Пояс оказался таким широким, что доставал мне чуть не до подмышек и обхватывал грудь. В те дни в моде были такие пояса, удобно стянутые на талии. Вот только талия мистера Памфри располагалась заметно выше моей. Очередное поражение! Я обернулся к Хелен, и у нее задергались губы. Потом она опустила глаза и затряслась от подавляемого смеха.

— Прекрати! — воскликнул я. — Да, они жутко смешны, я и без тебя знаю. Короче говоря, носить этот чертов костюм я не могу, и дело с концом. В них я просто пара брюк, из которых торчат ступни и голова!

Я начал стаскивать чертовы штаны, но Хелен меня остановила:

— погоди... погоди! Надень-ка пиджак.

— Зачем?

— Он застегивается наглухо. Надевай!

Я уныло напялил пиджак и снова повернулся к ней.

Хелен ошеломленно оглядела меня.

— Чудесно! — прошептала она. — Просто не верится.

— Что — не верится?

— Погляди на себя.

Я повернулся к зеркалу. Оттуда на меня смотрел лорд Хэрриот Дарроубийский. Несуразный пояс был надежно укрыт от нескромных взоров, и костюм во всей славе великолепного материала и великолепного покроя сидел на мне как влитой.

— Господи! — прошептал я благоговейно. — Что значит одежда! Я выгляжу совсем другим человеком.

— Вот-вот! — подхватила Хелен. — Ты выглядишь как всеми уважаемый влиятельный человек. Поезжай на заседание комиссии. Ты их всех сразишь наповал.

Умываясь и причесываясь, я тихо радовался, что все стало на свои места, хотя надежды на это, казалось, не было никакой. Последний раз восхищенно оглядев себя в зеркале, я исполнился бодрящей самоуверенности.

Я вышел на холодный пронизывающий ветер — и не почувствовал его. Ничто не могло проникнуть сквозь мою твидовую броню. Да, в этом костюме я мог спокойно отправиться на Северный полюс, ничего не надев сверху.

В машине мне стало жарковато, и я опустил все стекла, а приехав, с наслаждением вдохнул холодный воздух. Однако облегчение было недолгим. Едва двери министерского отдела закрылись за мной, как меня обдало жаром. В прошлый раз, когда я был тут, меня поразило, что люди способны работать в такой духоте, включив отопление на полную мощность. Теперь, проходя по коридору и поглядывая сквозь стеклянные стены на машинисток и министерских чиновников, я вновь поразились их теплоустойчивости. Тем более что было гораздо жарче, чем тогда. Гораздо, го-

раздо жарче! Ведь я чуть ли не до подбородка был заключен в кокон из двух слоев плотной, как ковер, материи.

Винной всему, разумеется, был пояс брюк, сжимавший мою грудную клетку, точно рука великана. У меня возникло нелепое ощущение, что костюм сам несет меня к двойной двери конференц-зала в конце коридора. В зале было даже еще жарче, и меня охватила паника: мне почудилось, что я перестаю дышать. Но члены комиссии поздоровались со мной приветливо, как всегда, а председатель проводил меня к моему месту у длинного стола, и мне стало легче.

В Молочную комиссию входили человек двадцать: богатые фермеры, чиновники министерства, два крупнейших землевладельца в наших краях — лорд Дарбраф и сэр Генри Брукли, — а также врач и практикующий ветеринар. Практикующим ветеринаром был я. Приглашение работать в комиссии мне очень польстило, и я старался выполнять свои обязанности наилучшим образом, однако это утро выдалось особенным.

Председательствовал сэр Генри. Он открыл заседание, а я мысленно вознес молитву, чтобы оно продолжалось недолго. Ведь в моей твидовой броне я долго не выдержу. Но вопросы рассматривались нестерпимо медленно, и повестка казалась неисчерпаемой. Подробно обсуждались стерилизация, типы хозяйственных построек, болезни рогатого скота, какие-то юридические тонкости — одно за другим, одно за другим, а мне становилось все жарче и жарче. У меня часто спрашивали мое мнение, и я отвечал осипшим от духоты голосом, надеясь, что это останется незамеченным. Но, увы, мое важнейшее сообщение было припасено на закуску. А мне становилось все хуже, и час спустя я уже не сомневался, что вот-вот задохнусь, хлопнусь в обморок и меня унесут отсюда на носилках. Я едва переводил дух, пот ручьями стекал за воротник, и я еле справлялся с искушением расстегнуть пиджак и хоть чуть-чуть охладиться. Но мою руку удерживала мысль о хохоте, каким разразится почтенная комиссия при виде входящих до подбородка брюк.

Миновало почти два часа, прежде чем сэр Генри оглядел сидящих за столом и перешел к моему вопросу.

— Итак, господа, — сказал он, — в заключение заседания мы должны вынести решение по заявлению фермера Эдварда Ньюкомба о выдаче ему лицензии на основании туберкулинизации его скота. Поскольку были высказаны определенные сомнения, наш юный друг мистер Хэрриот провел дополнительную проверку. Итак, мистер Хэрриот?..

Кто-то заговорил о Тедде Ньюкомбе, и лишь через несколько секунд меня осенило, что этот кто-то — я сам. Слова все были знакомые, но проносились как будто помимо меня с хрипом и пыхтением. Глаза туманил пот, но сквозь него я видел, что остальные смотрят на меня вроде бы одобрительно. Они всегда были со мной очень милы, возможно потому, что в комиссии я был моложе всех, но на этот раз мне улыбались как-то по особенному одобряюще и ласково кивали, пока я бубнил «на редкость заботливый хозяин»... «коровы идеально ухожены»... «трудолюбив, добросовестен»... «строжайшее соблюдение санитарии и гигиены»... «человек безупречной порядочности»... А когда прозвучала заключительная фраза: «Хозяйственные постройки Эдварда Ньюкомба в мелочах, возможно, не вполне соответствуют стандарту, но он вкладывает в свою ферму колос-

сальный труд, и я убежден, что, получив лицензию, он ни в чем не обманет нашего доверия!», лица вокруг меня стали совсем уж благостными. Сэр Генри одарил меня дружеской улыбкой.

— Благодарю вас, мистер Хэрриот. Ваши выводы весьма убедительны, и мы все вам весьма обязаны. Полагаю, господа, возражений против выдачи лицензии не будет?

Вокруг стола дружно поднялись руки.

Практически не помню, как я вышел из зала, но помню, как, стремглав сбежав по лестнице, ринулся в мужскую уборную, заперся в кабинке, сбросил пиджак и, раскрыв рот, рухнул на унитаз. Потом расстегнул рубашку, расстегнул широченный пояс брюк и прислонился к стенке, продолжая разевать рот, точно рыба. От меня во все стороны шли волны жара, смешанного с облегчением и торжеством. Победа осталась за мной! Тед получил заветную лицензию, а я еще жив, пусть и нахожусь при последнем издыхании.

Мало-помалу я приходил в себя, и тут за стенкой кабинки раздались голоса двух мужчин. Под дверцей мелькнули их ноги и исчезли: сэр Генри и лорд Дарбраф, чьи голоса я узнал, отошли к дальней стене.

Наступила длительная пауза, затем милорд загремел:

— Знаете, Генри, просто приятно было смотреть, как этот молодой человек добивался лицензии для фермера в холмах.

— Совершенно с вами согласен, Джордж. Держался он, по-моему, чертовски хорошо.

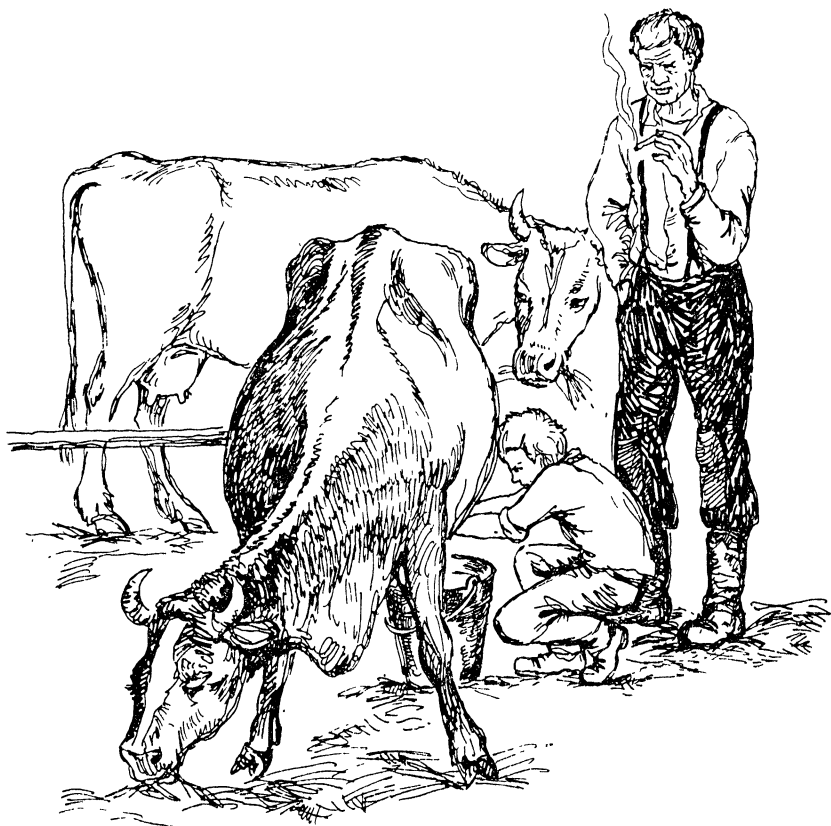
— Всю душу вкладывал, черт побери. Не жалел себя. В жизни не видел подооного! У него же пот по лицу ручьями стекал.

— М-м. Да, я заметил. Преданность делу, вот что я скажу.

— Вот-вот! Преданность делу. Приятно найти ее у такого молодого человека. (Небольшая пауза.) А знаете, Генри, у этого малого есть и другие достоинства.

— Какие, Джордж?

— Умение одеваться. Прекрасный костюм. Завидую, что у него такой портной!

— Нет, вы только посмотрите на паренька!

Фермер Дагдейл посмеивался, наблюдая, как Джимми старательно направляет луч фонарика, облегчая работу с телящейся коровой. К своим обязанностям мой десятилетний сын относился с величайшей серьезностью. В тесноватом стойле он усердно следил за каждым моим движением, то освещая зад коровы, то переводя луч на ведро с горячей водой всякий раз, когда я намыливал руки или окунал веревки в дезинфицирующий раствор.

— Да, — отозвался я. — Он любит ночную работу.

Собственно говоря, Джимми любил всякую ветеринарную работу, но если меня вызывали вечером, прежде чем ему приходило время спать, он, отправляясь со мной, впадал в настоящий экстаз и блаженно созерцал, как лучи фар освещают каждый зигзаг, каждый поворот проселка.

А сегодня, когда мы добрались до места, он забрался в багажник раньше меня, извлек разноцветные веревки для головы и ног телят, а затем деловито отмерил в ведро нужную дозу дезинфицирующего средства.

— Пап, ты завел за голову красную веревку? — спросил он теперь.

— Да.

— Далеко за уши?

— Вот именно.

Джимми одобрительно кивнул. Все это интересовало его само по себе, но главное — он бдительно следил, чтобы я ничего не напутал, ревниво оберегая меня от глупых промахов.

Я постоянно дивился тому, как моя работа увлекала и моего сына, и мою дочь. Казалось бы, постоянно наблюдая, как их отец и днем и ночью мечется по вызовам, не успевая толком поесть, как он трудится по субботам и воскресеньям, когда все наши знакомые (кроме ветеринаров) безмятежно играют в гольф, они должны были бы на всю жизнь проникнуться отвращением к подобной профессии, а выходило наоборот — для них не было удовольствия больше, чем сопровождать меня и во все глаза наблюдать, как я ставлю диагнозы и лечу.

Объяснение, полагаю, было самое простое: подобно мне, подобно Хелен, они любили животных, и возможность работать с бессловесными друзьями искупала любые трудности. И потому оба твердо решили стать ветеринарами, когда вырастут.

И тут я подумал, что в десять лет Джимми уже наполовину достиг заветной цели. Едва теленок соскользнул на пол, сын тотчас очистил ноздри и рот малыша от слизи, схватил клок сена и принялся энергично растирать новорожденного.

— Телочка, пап! — возвестил он, бросив опытный взгляд между задними ногами. — Это очень хорошо, мистер Дагдейл, правда?

Фермер засмеялся.

— Лучше некуда. Нам бы побольше телочек. Глядишь, из этой вот, которую ты растер, вырастет отличная дойная коровка.

Это было в пятницу. А в субботу мои дети, ликуя, что им не нужно идти в школу, были после завтрака готовы приступить к делу. А вернее, уже приступили — открыли багажник и принялись извлекать пустые бутылки и картонки, заодно проверяя, лежит ли там все, что может понадобиться.

— Пап, у тебя кальция мало, — предупредила Роза. Ей исполнилось шесть, но сопровождала она меня с двух лет, а потому хорошо знала, что и в каких количествах должно помещаться в большом ящике с разными отделениями, который сотворил один мой друг, чтобы было удобнее размещать медикаменты и инструменты.

— Правильно, милуша, — ответил я. — Сбегай принеси еще. Без надежного запаса нам никак не обойтись.

Раскрасневшись от важности, она побежала в нашу аптеку, и я в который раз задался вопросом, почему Роза и дома, и на фермах бросается выполнять поручения бегом, а Джимми никогда даже шага не ускорит.

Нередко в трудные минуты я говорил: «Джимми, принеси мне побыстрее еще один шприц!», а мой первенец неторопливо шествовал к машине, иногда насвистывая, и всегда вальяжно. Пусть происходящее живо его интересовало, он все равно не торопился. И до сего дня, хотя он давно уже опытный ветеринар, я ни разу не видел, чтобы он когда-нибудь спешил. Возможно, это и к лучшему. В нашей профессии всякое случается, и хладнокровие — качество для нее незаменимое.

Покончив со сборами, мы отправились в холмы. День выдался погожий, и солнечный свет смягчал угрюмость вершин и вересковых пустошей. Ночью шел дождь, и теперь в открытые окна машины лилось благоухание цветов и трав.

Дорогу на первую ферму преграждало несколько ворот, и Роза сияла счастьем, потому что открывать и закрывать их было ее обязанностью. Едва я затормозил перед первыми, как она молнией выскочила наружу и с величайшей сосредоточенностью отворила ворота, дав мне проехать.

— Хорошо, что я с тобой, пап, — сказала Роза. — Впереди еще не меньше двух ворот. Вон они!

Я кивнул.

— Правда, радость моя. Для меня нет ничего хуже ворот.

Дочурка удовлетворенно откинулась на сиденье. Когда Роза подошло время поступить в школу, она страшно переживала. «Что ты будешь делать без меня? — постоянно повторяла она. — Я скоро начну ходить в школу, а Джимми давно учится. Ты же будешь совсем один!»

Джимми вроде бы не сомневался, что я и сам справлюсь, а вот Роза терзалась. И выходные дни были для нее не просто днями отдыха, но временем, когда она могла поухаживать за отцом. А я извлекал из этого чистейшую радость и только дивился своему счастью. Стольких мужчин работа отрывает от семьи, я же видел своих детей не только дома, но и работая.

А возможностью перепоручить возню с воротами Роза я наслаждался с полной искренностью. Когда я проезжал сквозь последние, она стояла очень прямо, положив ручонку на щеколду, а ее лицо сияло от сознания, что она отлично справилась с порученным делом.

Несколько минут спустя я уже стоял в коровнике, недоуменно почесывая в затылке. У моей пациентки была температура $41,1^{\circ}$, но от уже готового диагноза «мастит» пришлось отказаться — белое чистое молоко его исключало.

— Странно, — сказал я фермеру. — Легкие в порядке, желудок работает нормально, тем не менее у нее жар, и по вашим словам она не ест.

— Ага. Утром ни до сена, ни до брикетов не дотронулась. И поглядите, как ее дрожь бьет.

Я нагнул корове голову, выглядывая возможные симптомы, и тут у меня за спиной раздался фальцет моего сына:

— Пап, по-моему, это все-таки мастит.

Он сидел на корточках у вымени и сдаивал на ладонь струйки молока.

— В этой четверти молоко чуть не кипит.

Я снова взял за соски и тут же убедился, что Джимми прав. Молоко из одной четверти выглядело отличным, но было заметно теплее, чем из остальных трех. А когда я выдоил на ладонь еще несколько струек, то ощутил пока невидимые хлопья.

Я виновато посмотрел на фермера, и он закатился хохотом.

— Похоже, ученик-то разбирается получше учителя! Кто тебя этому научил, сынок?

— Папа. Он всегда говорит, что в таких случаях легко допустить промах.

— Вот он и допустил, верно? — Фермер хлопнул себя по бедру.

— Ну ладно, ладно, — отозвался я и пошел к машине за пенициллиновой мазью, размышляя, сколько еще таких накладок сын подмечал, разъезжая со мной по вызовам.

Потом, когда мы возвращались по перегороженной дороге, я его поздравил:

— Отлично сработано, старина. А ты знаешь куда больше, чем мне казалось.

Джимми расплылся до ушей.

— Ага! А помнишь, как я даже коровы подоить не умел?

Я кивнул. Большие фермы давно были оснащены доильными аппаратами, но мелкие фермеры нередко все еще доили вручную, и сын всегда следил за ними как замороженный. Мне вспомнилось, как он стоял рядом с Тимом Саггеттом, доившим одну из своих шести коров. Скорчившись в три погибели на табурете, упираясь лбом в коровий бок, старик посылал пенящиеся струйки молока в зажатое между коленями ведро.

Он поднял глаза и перехватил жадный взгляд мальчика.

— Хочешь подоить, парень?

— Ага! Пожалуйста.

— Ладно. Вон еще ведерко. Поглядим, сумеешь ли ты надоить доверху.

Джимми присел на корточки, ухватил по соску в каждую руку и принялся увлеченно их тянуть. Ничего не произошло. Он взялся за два других. С тем же результатом.

— Так ничего же не доится! — воскликнул он жалобно. — Ну ни капельки!

Тим Саггетт усмехнулся.

— Выходит, не так-то это просто, а? Сдается мне, долгонько бы ты выдаивал всех шестерых коров.

Мой сын повесил голову, и старик провел заскорузлой ладонью по его волосам.

— Забеги-ка как-нибудь, и я тебя обучу. Заправским дояром станешь.

Недели две спустя, подбехав домой под вечер, я увидел, что в дверях Скелдейл-Хауса стоит Хелен, и лицо у нее очень встревоженное.

— Джимми не вернулся из школы, — торопливо сказала она. — Он не говорил тебе, что пойдет к товарищу?

Я напряг память.

— Как будто нет. Но, может, он просто заигрался где-нибудь?

Хелен прищурилась в сгущающиеся сумерки.

— Непонятно... Он всегда забегает домой предупредить нас.

Мы безрезультатно обзвонили его школьных друзей, и я отправился рыскать по Дарроуби. Заглядывал в узкие извилистые дворы, заходил ко всем знакомым, слышал один и тот же ответ: «Нет, к сожалению, мы его не видели» и извинялся с принужденной бодростью: «Большое спасибо. Простите, что побеспокоил вас», чувствуя, как сердце все сильнее сдавливает ледяная рука.

Когда я вернулся в Скелдейл-Хаус, Хелен еле сдерживала слезы.

— Его все нет, Джим. Где он запропастился? Темно, хоть глаз выколи. Какие игры в такой час?

— Явится с минуты на минуту. Не волнуйся так. Объяснение, конечно, окажется самым простым.

Я надеялся, что голос у меня совсем спокойный. И на всякий случай не упомянул о том, что проверил прудик в конце сада.

Мной все больше овладевала паника, и вдруг меня осенило.

— Погоди-ка! Он же говорил, что собирается как-нибудь после уроков забежать к Тиму Саггетту поучиться доить коров.

Маленькая ферма Тима вплотную примыкала к Дарроуби, и через несколько минут я уже был там. Верхняя половина двери коровника была открыта, и оттуда струился смутный свет. Я заглянул над нижней створкой и увидел Джимми. Скорчившись на табурете, он зажимал в коленях ведро и упирался лбом в бок терпеливой коровы.

— Привет, пап! — весело сказал сын. — Вот посмотри! — Он продемонстрировал свое ведро, в котором плескалось несколько пинт молока. — Теперь я умею доить. Мистер Саггетт показал, что за сосок вовсе не тянут, а перебирают его пальцами вот так.

Меня охватило невыразимое облегчение. Мне нестерпимо хотелось схватить Джимми и расцеловать его. Расцеловать мистера Саггетта, расцеловать корову, и я еле совладал с собой. А переведа дух, сказал:

— Тим, я вам страшно благодарен. Надеюсь только, что он вам не слишком надоел.

Старик засмеялся.

— Да нет, молодой человек. Мы время с толком провели. Паренек он смекалистый. Я ему так и сказал: коли хочешь в ветеринары пойти, значит, должен понимать, как от коровы молоко получают.

В памяти живо запечатлелся тот вечер, когда Джимми понял, как получают молоко от коровы, и использовал свои познания, чтобы в дальнейшем определить мастит и поставить на место родителя.

По сей день я так и не решил, верно ли поступил, убедив Розу отказаться от ее мечты. Возможно, я ошибся. Однако в сороковых и пятидесятых годах жизнь ветеринара была совсем иной, чем теперь. Работали мы главным образом с крупными животными, и, хотя я любил свою профессию, меня постоянно лягали, опрокидывали, пачкали всякой вонючей мерзостью. При всем своем очаровании это была тяжелая, грязная, а часто и опасная работа. Не раз мне приходилось подменять коллег со сломанной рукой или ногой. Да и сам я не один месяц прохромал после того, как ломовая лошадь врзала мне по бедру могучим копытом с железной подковой.

Нередко от меня дурно пахло, потому что никакие антисептики и дезодоранты не избавляют до конца от ароматов, которыми пропитываешься, извлекая разлагающийся плод или послед. Я давно не обижаюсь, когда люди при моем появлении морщат носы.

Порой после возни с телящейся коровой или жеребящейся кобылой — возни, которая затягивалась на долгие часы, — все мышцы моего тела мучительно ныли, и несколько дней я чувствовал себя так, словно по моему телу прогулялись увесистой дубинкой.

Теперь все по-другому. Длинные пластиковые перчатки предохраняют кожу, когда занимаешься зловонной работой, металлические станки обездвигивают крупных животных, и уже не надо лавировать между ними в каком-нибудь тесном проходе. А кесарево сечение избавило нас от тяжелых подвигов при родовспоможении. К тому же резко увеличился объем работы с мелкими животными — у нас он теперь составляет половину практики.

Когда я поступил в ветеринарный колледж, на нашем курсе училась всего одна девушка — неслыханное новшество! Теперь девушки составляют пятьдесят процентов учащихся ветеринарных школ. У нас, например, проходила хирургическую практику просто замечательная студентка.

Сорок лет назад ничего этого я предвидеть не мог, и хотя мысль о том, что Джимми будет вести жизнь, подобную моей, меня не смущала, но чтобы тот же жребий выпал на долю Розы? Нет и нет! И я пускался во все тяжкие, лишь бы отпугнуть ее от ветеринарии и убедить заняться лечением людей.

Она врач и счастлива, но не знаю, не знаю...

— Говоря без обиняков, Хэрриот, я не считаю вас честным человеком.

— Что?! — Мне доводилось выслушивать нелестные вещи по моему адресу, но такое обвинение я слышал впервые, и оно задело тем сильнее, что его мне бросил высокий, аристократической внешности ветеринар, презрительно меряя меня взглядом. — Какого черта? Как вы можете говорить подобное?

Надменные голубые глаза Хьюго Моттрама вперились в меня с отвращением.

— Я говорю это потому, что вынужден прийти к такому выводу. Неэтичное поведение я считаю разновидностью нечестности, а вы ведете себя неэтично. Ваши попытки оправдаться я рассматриваю как недостойные уловки.

Очень приятно! И тем более здесь, в Бротоне, куда я выбрался в свой бесценный свободный день, чтобы немножко отдохнуть от всех передрыг. Я блаженствовал в книжной лавке Смита, перелистывая новинки, и заметил, что между полками ко мне приближается Моттрам. Признаться, я ему немножко позавидовал — вот бы и мне выглядеть так же! Он был вопло-

щением моего представления об идеальном облике сельского ветеринара: клетчатая кепка, шегольской приталенный пиджак с разрезом позади, бриджи, гетры и кожаные башмаки в сочетании с внушительной фигурой и красивыми орлиными чертами лица. Ему было за пятьдесят, но, расхаживая между стеллажами, откинув голову и выпятив подбородок, он выглядел совсем молодым.

Я глубоко вздохнул и попытался сохранить спокойный тон.

— Мистер Моттрам, ваши слова оскорбительны, и я думаю, что вам следует извиниться. Вы не можете не понимать, что ни я, ни мой партнер не посягаем на ваших клиентов... Просто несчастливое стечение обстоятельств. У нас не оставалось выбора, и если вы немного подумаете...

Подбородок выпятился еще больше.

— Я подумал. И сказал то, что думаю. У меня нет желания тратить время на дальнейшее обсуждение, и надеюсь только, что в будущем мне больше не придется с вами соприкасаться.

Он повернулся на каблуках и вышел из лавки, оставив меня в бессильном бешенстве. Я стоял, разглядывая свои сапоги. Сейчас должна была подойти Хелен (из парикмахерской), и мы с ней приступим к выполнению намеченной программы: поход по магазинам, чай в кафе-кондитерской, а потом кино и ужин с моим приятелем Гордоном Реем, ветеринаром из Боробриджа, и его женой Джин. Веселая застольная беседа... Такие простые удовольствия, но райская передышка в тяжелом труде, которую мы предвкушали всю неделю. И вдруг — полный крах...

История с Моттрамом началась несколько недель назад. Я осматривал в приемной спаниеля с высыпанием на коже, как вдруг его хозяйка сказала:

— Его некоторое время лечил мистер Моттрам — он живет в Скантоне. Говорит, что это экзема, но улучшений нет, и я подумала, может, это что-то другое. Ну и обратилась к вам.

Я обернулся к ней:

— Жаль, что вы этого сразу не сказали. Я бы попросил у мистера Моттрама согласия, прежде чем смотреть вашу собаку.

— Я не знала. Извините.

— Ну что поделаться. Боюсь, я должен сейчас же поговорить с ним.

И я пошел в кабинет позвонить.

— Моттрам слушает.

Голос я узнал сразу — уверенный, спокойный бас. Как и со всеми ветеринарами, практикующими по соседству, я несколько раз встречался с Моттрамом и понял, что сойтись с ним вряд ли удастся. Меня отпугивала его аристократическая надменность. Но теперь требовался дружеский тон.

— Добрый день. Это Хэрриот из Дарроуби. Как поживаете?

— Хорошо, Хэрриот, надеюсь, и вы тоже.

Черт! Все та же патрицианская снисходительность!

— Так вот. Ко мне пришла с собакой ваша клиентка, миссис Хиксон. Что-то кожное, насколько я могу судить. Она хочет проконсультироваться.

— Так вы уже смотрели собаку? — Голос стал ледяным. — Мне кажется, вы могли бы сначала поговорить со мной.

— Прошу прощения, но я не мог. Миссис Хиксон упомянула об этом, когда я уже начал осмотр. Еще раз прошу извинения и хочу спросить, даете ли вы мне разрешение продолжать?

Наступила долгая пауза. Ляда в голосе прибавилось.

— Ну раз вы начали, то продолжайте.

В трубке резко щелкнуло — видимо, он швырнул трубку на рычаг.

Мое лицо запылало от смущения. Что с ним такое? Такие вещи случаются постоянно. Мне уже приходилось звонить по такому поводу к соседним ветеринарам, а им ко мне. Их ли, мой ли ответ всегда был один: «Ну конечно, конечно. Буду раз узнать ваше мнение». После чего следовал расказ об уже принятых мерах.

Моттрам о них ничего не сказал, а звонить ему еще раз я не собирался. Придется узнать от хозяйки, каким было лечение.

Позднее я рассказал о случившемся Зигфриду.

— Заносчивый субъект, — буркнул он. — Помните, я как-то пригласил его пообедать вместе? А он ответил, что, по его мнению, ветеринарам следует поддерживать безупречные отношения с коллегами в округе, но что панибратства он не одобряет.

— Ну как же, помню, хоть это и давно было.

— Что же, я уважаю его принципы, но подобная мелочная придиричливость попросту глупа.

Недели через две я ощупывал заднюю ногу охромевшей собаки, как вдруг передо мной разверзлась бездна — владелец, очень милый старичок, бодро прочиркал:

— Да, кстати, я же вам не сказал. Мистер Моттрам в Скантоне его лечил, но, по-моему, ему не лучше, так мне бы хотелось узнать ваше мнение.

У меня по коже пробежали мурашки, но выбора не было. Я снова позвонил нашему соседу.

— Моттрам слушает. — Все тот же расхолаживающий голос.

Я объяснил, что произошло, и попросил разрешения продолжать.

Снова долгая пауза, а затем презрительное:

— Так вы опять!

— Опять? О чем вы? Я ничего не сделал и только прошу у вас разрешения исполнить желание вашего клиента.

— Да делайте что вам угодно, черт побери! — И я услышал в трубке знакомый резкий щелчок.

Когда несколько дней спустя Зигфрид вошел в приемную с задумчивым видом, я уверовал, что судьба ополчилась на нас.

— Вы не поверите, Джеймс. Сегодня утром меня вызвали к моттрамовскому клиенту по фамилии Боуллендз, он просто с ума сходил. У него лошадь сломала ногу, найти Моттрама он не сумел и в отчаянии позвонил мне. Я позвонил Моттраму в приемную, но он был на выездах, и мне пришлось мчаться к Боуллендзу. Ужасно! Жуткий сложный перелом, лошадь стонет от боли, и ничего сделать нельзя. Оставалось только тут же пристрелить ее, чтобы не мучилась... Что скажет на это Моттрам! Я попытался еще раз связаться с ним, но он не вернулся.

Я помогал Зигфриду очистить уши собаки, и мы мыли руки, когда в дверях операционной, к великому нашему изумлению, возник Моттрам.

Он был, как всегда, элегантен, явно в бешенстве, но сохранял холодное самообладание.

— А, вы оба тут! — Снова этот надменный тон. — Тем лучше, поскольку то, что я скажу, относится к вам обоим. Последняя ваша эскапада у Боуллендза, Фарнон, право, переходит все границы. Мне остается только прийти к выводу, что вы систематически стараетесь красть моих клиентов.

Зигфрид побагровел.

— Послушайте, Моттрам, это чушь! У нас нет ни малейшего желания отбивать у вас клиентов. Ну а лошадь Боуллендза... я старался связаться с вами, но...

— Я больше ничего не желаю слушать. Можете говорить что вам угодно, но я верю в безупречные отношения. Теперь, после случившегося, я рад, что не отступил от своих принципов из-за этого вздора с «пообедаем где-нибудь вместе». — Он кивнул нам обоим с высоты своего роста и удалился.

Зигфрид повернулся ко мне с кривой улыбкой.

— Полное фиаско. Я хочу поддерживать дружбу со всеми нашими соседями, но тут можно поставить крест.

И вот теперь, вспоминая в бротонской книжной лавке ход событий, я почувствовал, что эта последняя атака Моттрама в сущности была лишней. Стоя там на развалинах безвозвратно погубленного выходного, глядя на его удаляющуюся спину, я понял, что он окончательно отряс мой прах со своих ног.

Меня, как и Зигфрида, угнетала эта ситуация, но я постарался забыть о ней, однако примерно месяц спустя в час ночи у моей постели затрещал телефон. Я потянулся за трубкой.

В ней раздался растерянный голос:

— Это Ламзден. Из Скантона. Помощник мистера Моттрама. У его лошади тяжелые колики, и я не справляюсь. Мне нужна консультация.

Сон мигом слетел с меня.

— А где Моттрам?

— Уехал в отпуск на север Шотландии. — Голос молодого человека дрогнул. — Ну и, конечно, это случилось, когда его тут нет. Он просто обожает эту лошадь... каждый день на ней ездит. Я все перепробовал, но она при последнем издыхании. Не знаю, какими глазами на него посмотрю, когда он вернется... — Наступила пауза. — Собственно, я надеялся застать мистера Фарнона. Он же спец по лошадям, верно?

— Да, — ответил я. В темноте я положил трубку себе на грудь и уставился в невидимый потолок — Хелен рядом со мной беспокойно шевельнулась. Потом я сказал: — Послушайте, Ламзден, я позвоню моему партнеру. Сегодня ночью он выходной, но я попробую. В любом случае обещаю, что кто-то из нас придет помочь вам.

Я прервал его благодарности и позвонил Зигфриду домой, сообщил ему, что произошло, и почувствовал, как он вырвался из сна.

— Господи! Моттрам!

— Да. И как вы?

Я услышал долгий вздох и слова:

— Я должен поехать, Джеймс.

— Я поеду с вами.

— Да? Но стоит ли вам...

— Конечно. И ведь в эту ночь я дежурю. А моя помощь может пригодиться.

По дороге в Скантон мы почти не разговаривали, но Зигфрид высказал мысли, одолевавшие нас обоих:

— Знаете, Джеймс, в этом есть что-то потустороннее. Похоже, едем мы совершенно напрасно, а Моттрам проникнется к нам еще более нежными чувствами, когда узнает, что мы присутствовали при смерти его любимой лошади. Колики — скверная штука и всегда опасны, даже если ничем не осложнены, а я готов побиться об заклад, что осложнены, и еще как!

Дом Моттрама был расположен на краю Скантона, наши фары осветили каштановую аллею, которая вела к внушительному зданию с красивым портиком. Мы обогнули дом и увидели Ламздена, который сигнализировал фонариком с булыжного двора. Едва мы подъехали, как он повернулся и побежал к освещенному стойлу в углу. Когда мы вошли туда следом, то поняли причину его спешки. Зрелище было страшное. У меня в горле застрял комок, и я услышал, как Зигфрид прошептал:

— Боже мой!

Крупный гнедой конь, спотыкаясь, кружил по стойлу, голова его была низко опущена, глаза выпучились, бока покрылись пеной, колени подгибались, и казалось, он вот-вот рухнет на пол и начнет кататься, что приведет к завороту кишок и неминуемой смерти. Молодой человек отчаянно тянул за уздечку, вынуждая коня кружить.

На вид Ламздену нельзя было дать больше шестнадцати лет, но раз у него имелся диплом ветеринара, значит, к этой цифре следовало прибавить минимум десять. Худощавый, с мальчишеским лицом, которое сейчас посерело от утомления.

— Как хорошо, что вы приехали! — выдохнул он. — Простите, что поднял вас с постели, но я боролся с этими коликами весь день вчера и весь день сегодня, и безрезультатно. Ему все хуже, а я совсем вымотался.

— Правильно сделали, старина, — бодро сказал Зигфрид. — Джеймс подержит коня, а вы расскажете, какие меры принимали.

— Ну, я давал истин как слабительное и хлоральгидрат, чтобы облегчить боль. Еще хлорпромазин и несколько небольших инъекций ареколина, но дальше колоть ареколин воздержался — там такие завалы, что я боюсь разрыва кишечника. Если бы он только хоть чуть-чуть испражнился, но его уже двое суток полностью заперло.

— Ничего, мой милый, вы все сделали правильно, так что не терзайтесь. — Зигфрид подsunул руку под локоть и пощупал пульс, а когда конь, пошатываясь, шагнул вперед, он оттянул веко и взгляделся в конъюнктиву. Задумался, а затем измерил температуру...

— Да... да... — без всякого выражения бормотал он, а потом повернулся к Ламздену. — Вы не сбегаете в дом, не принесете горячей воды, мыло и полотенце? Я хочу провести ректальное исследование.

Молодой человек умчался, а Зигфрид повернулся ко мне:

— Черт, не нравится мне это, Джеймс. Пульс омерзительно слабый, еле его нащупал, конъюнктива кирпично-красная, а температура тридцать девять и четыре. Я не хотел пугать этого юношу, но, думаю, его не вытянуть. — Тут глаза моего партнера широко раскрылись. — И опять Моттрам! Просто проклятие какое-то!

Я промолчал, продолжая держать шатающегося коня. Слабый пульс у лошадей — признак самый зловещий, да и все остальное указывало, что положение осложняет воспаление кишок.

Когда Ламзден вернулся, Зигфрид закатал правый рукав и ввел руку глубоко в прямую кишку.

— Да... да... завалы, как вы и сказали. — Он несколько секунд тихо насвистывал. — Ну для начала следует облегчить боль.

Он ввел транквилизатор в яремную вену, все время ласково уговаривая коня:

— Тебе от этого полегчает, старина. Бедный ты мой старичок! — Следом он сделал вливание физиологического раствора, чтобы уменьшить шок, и не забыл об антибиотике против энтерита. — А теперь зальем в него галлон жидкого парафина, чтобы смазать всю эту дрянь внутри.

Зигфрид быстро ввел через ноздрю желудочный зонд и держал его, пока я накачивал парафин.

— Теперь мышечный релаксант. — Он сделал еще одну внутривенную инъекцию.

К тому времени, когда Зигфрид очистил и смотал зонд, конь явно почувствовал себя много лучше. Колики на редкость мучительны, а я твердо убежден, что лошади ощущают боль острее всех других животных, и наблюдать их страдания бывает невыносимо. А потому с большим облегчением увидел, как конь заметно успокоился, перестал опасно шататься и явно отдыхал от недавних мук.

— Ну что же, — сказал Зигфрид вполголоса, — теперь будем ждать.

Ламзден вопросительно поглядел на него.

— А вам обязательно? Мне так неловко, что вы из-за меня не спите. Уже третий час. Может быть, теперь я и один справлюсь...

Мой партнер ответил ему измученной улыбкой.

— С полным уважением к вам, юноша, мы и дальше будем объединять наши усилия. Лошадь пока просто одурманена, а что положение ее очень серьезно, и говорить не надо. Если мы не заставим заработать кишечник, боюсь, она сохнет. Ей еще очень многое потребуется, включая зонд. Так что будем и дальше трудиться до победного или иного конца.

Молодой человек опустился на тючок сена и тупо уставился на свои сапоги.

— О Господи, только бы не до иного! На прощание мистер Моттрам сказал мне: «Коробок остается на нашем попечении!»

— Коробок?

— Спичечный Коробок. Это его кличка. Мой патрон на него не надеется.

— Очень грустно, — сказал Зигфрид. — Положение у вас незавидное. По-моему, Моттрам не из тех людей, которым легко что-нибудь объяснить.

Ламзден запустил пятерню в волосы.

— Да... да... — Он поднял голову и взглянул на нас. — Учтите, он очень хороший человек и со мной всегда прекрасно обходится. Все дело в его личности. Посмотрит на тебя, и ты чувствуешь себя пигмеем.

— Вполне вас понимаю, — сказал я.

Зигфрид задумчиво поглядел на него.

— Как вас зовут? Как к вам обращается ваша матушка?

— Гарри.

— Так вот, Гарри, возможно, вы правы. И мне нравится ваша лояльность. Не исключено, что у него только манера такая, а мы с Джеймсом просто попадали под горячую руку. Да, кстати, а кофе вы нам не сварите? Ночь предстоит долгая.

Да, ночь была очень долгой. Мы по очереди прогуливали коня, когда появлялись признаки, что он хочет лечь, а Зигфрид делал инъекции, перемежая транквилизаторы и мышечные релаксанты осторожными дозами ареколина, а в пять утра снова воспользовался зондом и закачал в желудок сульфат магния. И все это время, пока мы подремывали и позевывали на тючках сена, мы ждали признаков того, что боль смягчается, что конь подбодрился, а главное — что кишечник заработал.

Сам я, глядя на понуренную голову Коробка, на его подгибающиеся ноги, мучился от сознания, что лошади гибнут очень легко. Рогатый скот, да и другие домашние животные куда выносливее, и старое фермерское присловье, что «лошадь самая малость прикончит», к сожалению, более чем соответствовало истине. Ночь тянулась и тянулась, жизнедеятельность моего организма падала, уныние росло. С минуты на минуту я ждал, что конь вдруг прервет свое тягостное кружение, со стоном повалится набок и, захрипев, перестанет дышать. А мы печально вернемся в Дарроуби.

В небе над нижней створкой двери мало-помалу гасли звезды, восток светлел. Около шести, когда в каштанах запели птицы и в стойло пробрался рассвет, Зигфрид встал и потянулся.

— Большой мир просыпается к дневным трудам, ребятки, так что будем делать? Нас обоих ждуг вызовы, но кто останется с Коробком? Бросить его мы не можем.

Мы устали друг на друга покрасневшими мутными глазами, и тут конь внезапно задрал хвост и изверг небольшую дымящуюся кучку навоза.

— Какое чудное зрелище! — вскричал Зигфрид, и наши измученные лица расплылись в улыбке. — Ну сразу легче стало, однако не следует радоваться раньше времени. Энтерит еще не прошел, а потому на прощание закачу ему еще антибиотика. Гарри, теперь, я думаю, его можно спокойно оставить, так что мы поехали. Но не стесняйтесь и сразу звоните, если опять станет хуже.

Во дворе мы обменялись с Ламзденем сердечными рукопожатиями. У него глаза слипались от усталости, но лицо светилось радостью.

— Не знаю, что сказать, — бормотал он. — Я так благодарен вам обоим. Вы меня так выручили! Просто не знаю, как вас благодарить...

— Не за что, мой милый, — прожурчал Зигфрид. — Рады, что оказались полезны. Звоните, когда понадобится... но только не по поводу лошадиных колик в ближайшие два-три дня, если вас это не очень затруднит.

Мы все засмеялись, Зигфрид включил мотор, и, помахав на прощание, мы покатали по каштановой аллее.

Ламзден позвонил только на следующее утро, и я услышал в трубке:

— Коробок чувствует себя великолепно. Кишечник работает исправно, жует сено, ну все чудесно. Еще раз огромное спасибо.

Миновали три недели, и в горячке будней скантоновская ночь почти забылась, но как-то утром Зигфрид оторвался от книги вызовов.

— Знаете, Джеймс, сдастся мне, Моттрам мог бы хоть как-то отозваться на ту небольшую помощь, которую мы оказали его любимцу. Пылких благодарностей я не жду, но, по-моему, позвонить он мог.

Раздраженно пожав плечами, он что-то вписал в книгу и добавил:

— Видимо, этот чертов зазнайка даже и тут не способен поступить по-человечески.

— Ну не знаю, Зигфрид. Возможно, он просто еще не вернулся. Нам же это неизвестно.

— Хм-м! — Мой партнер поглядел на меня с сомнением. — Не исключено, что я к нему и несправедлив. Но в любом случае нам остается сознание, что мы помогли спасти прекрасного коня. — Выражение его лица смягчилось. — Чудесное животное.

На следующий день, вернувшись с утренних визитов, я увидел, что мой партнер нагибается над открытым ящиком, из глубин которого выглядывают золотые горлышки бутылок.

— Что это? — спросил я.

— Шампанское. Дюжина. — Он извлек бутылку и посмотрел на этикетку. — «Боллинжер», не больше и не меньше!

— Черт! Но от кого?

— Понятия не имею. Доставлено утром в наше отсутствие, и внутри ни карточки, не записки. Но не беспокойтесь, оно для нас. Видите адрес: «Господам Фарнону и Хэрриоту, Скелдейл-Хаус».

— Замечательно. Но хотел бы...

Меня прервал стук в дверь, и вошел Хьюго Моттрам.

Мы молча уставились на него.

Он взглянул на ящик.

— Вижу, шампанское вам доставили.

— Это вы его прислали? — произнесли мы в один голос.

— Да... да... маленький знак благодарности. Я вернулся из Шотландии только вчера вечером и... э... Ламзден рассказал мне, как вы спасли Коробка.

— Ну право же, ни к чему... мы рады... — Против обыкновения Зигфрид начал заикаться.

Моттрам тоже изнывал от неловкости. Как всегда прямой, исполненный достоинства, он тем не менее был явно смущен, поджимал губы и мучительно подбирал слова.

— Нет, к чему... чтобы как-то выразить мою благодарность... которая глубже, чем я... чем я могу выразить. И еще, чтобы извиниться перед вами, господа... за мои глупые и непростительные слова при нашей последней встрече...

— Мой дорогой, все это лишнее! — воскликнул Зигфрид. — Мы нисколько...

Моттрам поднял ладонь.

— Разрешите мне сказать... Я крайне сожалею и стыжусь... Не понимаю, почему говорю подобные вещи... Со мной это уже бывало... Я, кажется, чересчур нетерпим... Боюсь, что ничего с этим поделать не могу.

Говоря, он все выше задира подбородок и смотрел на нас сверху вниз.

Возможно, и с этим он ничего поделаться не мог. Но такие признания ему дорого стоили, и я ощущал, как возрастает напряжение.

Зигфрид явно почувствовал, что необходима разрядка. Он раскинул руки всеобъемлющим жестом.

— Моттрам, Моттрам, дорогой мой. О чем вы? Маленькое недоразумение, уже забытое. Больше ни слова, прошу вас. Право же, нас с Джеймсом интересует только, что ваш чудесный конь теперь совсем здоров.

Моттрам чуть-чуть расслабился.

— Знаете что, — произнес Зигфрид негромко, — я бы сам хотел иметь такую лошадь. Искренне вам завидую.

И я заметил, как между этими любителями лошадей сразу возникла симпатия.

Моттрам кивнул.

— Ну, я рад, очень рад, — пробормотал он. — И, кстати, я привез вам кое-что от Ламздена. Он тоже чрезвычайно вам благодарен. — И он протянул Зигфриду небольшой сверток.

Мой партнер быстро сдернул бумагу и испустил одобрителный вопль.

— Бутылка выдержанного виски! Молодец Гарри! Нынче наш счастливый день. И, по-моему, надо отпраздновать выздоровление Спичечного Коробка — ну и все остальное. Ингредиенты налицо. — Он достал из ящика бутылку шампанского. — Что скажете, Моттрам, старина? У нас есть до обеда немножко свободного времени.

— Вы очень любезны, Фарнон. С удовольствием.

— Отлично, отлично! Так садитесь же и располагайтесь поудобнее. Джеймс, принесите бокалы.

Через две-три минуты хлопнула пробка шампанского, и мы расселись вокруг стола. Зигфрид поднял бокал и одобрително посмотрел на его искристое содержимое.

— За здоровье Спичечного Коробка! И пусть живот у него больше никогда не болит!

Мы выпили, и Моттрам откашлялся.

— Мне бы хотелось сказать еще одно: я очень сожалею, что мы прежде не узнали друг друга поближе. Не отобедаете ли вы оба у меня в следующую пятницу?

Поднимая на стол роковую собачку миссис Федерстон, я неизменно преисполнялся самыми дурными предчувствиями, но на этот раз я ощущал только легкость и полнейшую уверенность в себе. В бредовом состоянии я всегда такой.

Бредовое же состояние было одним из бесчисленных проявлений бруцеллеза. Эта инфекционная болезнь, вызывающая аборт у скота, сгубила тысячи трудолюбивых фермеров моего поколения и постоянно угрожала ветеринарам, которым приходилось принимать отелы, завершавшиеся выкидышами, и удалять послед.

Слава Богу, систематическая борьба с бруцеллезом теперь почти покончила с этой болезнью, но в пятидесятых годах о подобном никто не мечтал, и я, как и все мои современники, почти ежедневно буквально купался в этой гнусной инфекции.

Помню, как я стоял в коровниках обнаженный по пояс (отельные халаты тогда были редкостью, а о длинных пластиковых защитных перчатках никто и не слышал), часами орудуя рукой внутри зараженных коров, и

с горечью рассматривал кожистую плаценту со светлыми некротизированными участками, напомиавшими мне, что я соприкасаюсь с миллионами патогенных бактерий. И когда я ополаскивал руки в дезинфицирующей жидкости, вокруг еще долго стоял характерный кислый запах.

Воздействие болезни на моих коллег ветеринаров было крайне разнообразным. Один высокий и дородный истаял в скелет, измученный волнообразной лихорадкой, и продолжал страдать от нее еще долгие годы, других скручивали сильнейшие артриты, а некоторые заболели психически. В «Ветеринари рекорд» было напечатано письмо человека, который в результате своего синдрома, вернувшись как-то ночью домой, вдруг решил, что ему необходимо убить свою жену. Он, естественно, этому импульсу не поддался, но сообщил о нем как об интересном примере того, что может сделать с человеком *Brucella abortus*.

Я про себя радовался и благодарил Бога, что оказался невосприимчивым. Годами я вплотную соприкасался с инфекцией как будто безнаказанно и, думая о многих друзьях-страдальцах, сознавал, какое это счастье, что судьба меня пощадила. И после стольких лет был твердо уверен — мне бруцеллез не угрожает.

Что продолжалось, пока не начались мои веселые приступы.

Так в семье окрестили таинственные припадки, которые начинались внезапно и кончались столь же быстро. Вначале я счел их результатом переохлаждения, ведь постоянно приходилось раздеваться до пояса под открытым небом и часто по ночам, потом согрешил на короткий возвратный грипп. Симптомы всегда были одинаковы: угнетенное состояние, потом ледяной озноб, укладывавший меня в постель, где за час температура взлетала за сорок. Жар приносил с собой чудеснейшее настроение: я ощущал себя согревшимся, счастливым, хохотал, болтал с собой о том о сем и, наконец, разражался песней. Не запеть я не мог — так было хорошо. Детей это чрезвычайно развлекало, и чуть я принимался петь, они неизменно хихикали под дверью. Но я ничего не имел против. Меня все радовало.

Тем не менее я решил выяснить, что со мной происходит, и анализ крови, сделанный доктором Аллинсоном, рассеял все сомнения, дав положительную реакцию на *Brucella abortus*. Как ни жаль, но пришлось признать, что я принят в клуб ее жертв.

Приступ, во время которого миссис Федерстон привела свою собачку, произошел в субботу. Я возвращался домой с футбольного матча в Сандерленде в компании нескольких приятелей. Наша команда выиграла, мы были в чудесном настроении, смеялись, шутили, и я даже не заметил, как перестал быть душой общества и замолчал. Но когда я добрался до Скелдейл-Хауса и горестно притулился у огня, трясаясь в малярийном ознобе, то понял, что надвигается новый веселый приступ.

Хелен немедленно прогнала меня наверх в спальню и принялась наливать горячую воду в грелки. Чувствуя, что умираю, я забрался под одеяло, прижал к груди грелку, положил ноги на другую, а кровать ходила ходуном — так меня трясло. Хелен накрыла меня еще одним пуховым одеялом и оставила моей судьбе. Мы оба знали, что будет дальше. И все пошло по заведенному порядку. Озноб проходил, я согревался, на душе становилось легче, затем по всему телу разлился благодатный жар, и я погрузился в восхитительную томность и умиротворенность — все заботы куда-то ис-

чезли. Райское блаженство! Я был не прочь, чтобы оно длилось вечно. Но жар все рос, становился огненным, и я почувствовал себя даже еще лучше: томность исчезла, я был сильным, могучим, глупо и буйно счастливым.

На этой стадии я обычно протягивал пылающую руку за термометром на тумбочке и засовывал его под мышку. А! Сорок один, как я и думал. Я блаженно усмехнулся. Все было отлично, дальше некуда.

Радость жизни переполняла меня, и я заговорил вслух, обсудил с собой ряд интересных дел, но мое великолепное настроение требовало более действенного выхода. Как тут было не запеть? «В зеленеющем уборе роща по весне была, в росный час мне Анни Лори клятву верности дала», — загремел я, и никогда еще мой голос не был таким звучным и мелодичным.

Из-за двери донеслось «хи-хи», а затем шепот Джимми: «Во как!» и приглушенный смех Розы. Уже явились пострелята! Но какого черта? «Клятву верности дала, чтоб ее хранить до гроба!» — я бесстрашно взял высочайшую ноту, игнорируя «хи-хи» и «ха-ха» за дверью.

Потом еще побеседовал с собой, от души соглашаясь с каждым своим утверждением, а потом решил исполнить «Прекрасную Розу из Трейли» в манере Джона Маккормака и набрал в грудь побольше воздуха.

— Над зелеными горами бледная луна плыла-а!

— Ха-ха-ха! — закатились мои дети, и тут раздался звонок в прихожей, по лестнице взбежали шаги, и в дверь постучали. В щель всунулась физиономия Джимми.

— Привет, пап! — Он весь сморщился от старания сдерживать смех. — Миссис Федерстон привела свою собаку. Она говорит, что это неотложно, а мама куда-то вышла.

— Все в порядке, старина! — Я спустил ноги с кровати. — Сейчас приду.

— А тебе можно? — Глаза моего сына полезли на лоб.

— Еще как! Раз-два, и я там. Проводи ее в смотровую.

Снова испуганно на меня посмотрев, Джимми притворил дверь и умчался.

Я натянул брюки и рубашку. Кровь гремела у меня в ушах, лицо горело. Обычно одно упоминание имени миссис Федерстон ввергало меня в панику. Богатая, пожилая, очень властная, она годы и годы допекала меня воображаемыми недугами своего пуделька Ролло.

Ролло был на редкость здоровым песиком. Как и большинство пуделей, его отличала крепость мышц. Он был способен взвиться с места на шесть футов вверх, словно на пружинах, но его хозяйка страдала настоящей ипохондрией — только болезни она придумывала не себе, а ему. С корыстной точки зрения, что может быть лучше денежной клиентки, готовой оплачивать регулярные осмотры совершенно здоровой собаки? Но я был сыт по горло. Снова, и снова, и без конца: «Право же, миссис Федерстон, то, что вас встревожило, это вполне нормальное явление». Или: «Уверяю, миссис Федерстон, вы волнуетесь совершенно напрасно...». Тут дама выпрямляется во весь свой внушительный рост и выпячивает подбородок: «Не хотите ли вы сказать, мистер Хэрриот, что мне все это приснилось? Что я не могу доверять собственным глазам? Бедняжка Ролло страдает, так будьте добры, примите меры!».

И каждый раз я трусливо подчинялся, отделяясь от нее с помощью какого-нибудь безобидного средства, которое не могло повредить песику. Но мне было мучительно стыдно. Я вынужден был признать, что боюсь этой женщины и в ее присутствии превращаюсь в зайца, в тряпку, позволяю ей небрежным движением руки отметить все мои робкие возражения. Ну почему я не могу поставить ее на место!

Однако в эту минуту, завязывая галстук и напевая что-то горящим глазам на багровом, отраженном в зеркале лице, я только диву давался — откуда такая непостижимая робость? И просто предвкушал предстоящее свидание с этой дамой.

Я сбегал вниз, сдернул с крючка белый халат, прорысил по коридору и увидел миссис Федерстон перед столом в смотровой.

Черт, а ведь она недурна собой! Очень, очень даже недурна. Странно, что не замечал этого раньше. В любом случае я твердо знал, как поступить: схвачу ее в объятия, влеплю звонкий поцелуй, хорошенько потискаю — и все былые недоразумения рассеются как утренний туман под ласковыми лучами солнца.

Я двинулся к ней и вдруг обнаружил нечто непонятное: она исчезла! Но я же видел ее тут всего секунду назад... Я заморгал и посмотрел вокруг недоуменным взглядом. Тут выяснилось, что она просто нырнула под стол. Славно, славно! Значит, она тоже в игривом настроении и затевает прятки.

Ее голова появилась над краем стола, и я весело крикнул:

— Ку-ку! А я вас нашел! — Но выяснилось, что она всего лишь нагнулась, чтобы водворить своего песика на стол.

Миссис Федерстон бросила на меня непонятный взгляд.

— Вы ездили отдохнуть, мистер Хэрриот? У вас такой яркий цвет лица.

— Нет, нет, нет и нет! Просто я в чудесной форме! Собственно говоря...

Дама поджала губы и нетерпеливо прервала меня:

— Я очень беспокоюсь за бедняжку Ролло.

Услышав свое имя, пуделек, выглядевший на редкость здоровым, принялся резвиться на столе и прыгать на меня.

— Беспокойтесь? Какой ужас! Расскажите же мне все! — Я подавил смехок.

— Ну, мы только вышли на вечернюю прогулку, как он вдруг кашлянул.

— Один раз?

— Нет, два. Вот так: хок-хок.

— Хок-хок? — Я с великим трудом сохранял серьезность. — И что случилось потом?

— Ничего не случилось! Разве этого мало? Злокачественный кашель?

— Но уточните, пожалуйста, вы имели в виду два «хока» или один «хок-хок»? — Я невольно хихикнул, сраженный собственным остроумием.

— Я, мистер Хэрриот, имею в виду однократный и опасный кашель. — В глазах дамы блеснул злоеший огонек.

— Да-да, — отвечивал я и достал стетоскоп. Выслушав пациента, я, разумеется, никаких отклонений не обнаружил, но готов был поклясться, что Ролло смотрел на меня извиняющимся взглядом.

Все это время смех у меня в груди старался вырваться на волю, и внезапно я испустил оглушительное «ха-ха!».

Брови миссис Федерстон взлетели к самым волосам. Она уставилась на меня и спросила ледяным тоном:

— Что вас так забавляет? — «Забавляет» она надменно растянула.

— Ну право же, это смешно до невозможности! — Я оперся о стол и закатился хохотом.

— Смешно?! — На лице миссис Федерстон изумление мешалось с ужасом. Она несколько раз открыла рот и лишь потом договорила: — Не вижу ничего смешного в страданиях беспомощного животного!

Укрытый надежным щитом жара и эйфории, я погрозил ей пальцем.

— Но он же ничуть не страдает, это и смешно! И никогда не страдал, сколько бы раз вы его ко мне ни приводили.

— Прошу прощения!

— Святая правда, миссис Федерстон. Все болезни Ролло — одни ваши выдумки. — Стол затрясся от моего смеха.

— Как вы смеете так говорить! — Дама проггла меня высокомерным взглядом. — Вы ведете себя оскорбительно, и я не потерплю...

— Э-эй! Дайте мне объяснить! — Я смахнул с глаз пару слезинок и отдышался. — Помните, как вы расстраивались из-за манеры Ролло делать несколько шагов, приподняв заднюю ногу, а потом ее опускать? Я вам объяснял, что это привычка, не больше, а вы принудили меня лечить его от артрита?

— Ну да. Помню. Но я очень беспокоилась.

— Знаю. И вы мне не поверили, а он и сейчас так делает. И вполне здоров. Просто мелким собакам это свойственно.

— Возможно, но...

— Или тот раз, — продолжал я, захлебываясь смехом, — когда вы заставили меня прописать ему снотворные таблетки из-за его жутких кошмаров.

— И правильно сделала! Он во сне так жалобно поскуливал и перебирал лапками, словно спасался от чего-то ужасного.

— Ему снился сон, миссис Федерстон. И наверняка приятный. Например, что он бежит за своим мячиком. Всем собакам снятся такие сны. — Я ухватил Ролло за голову. — И посмотрите сюда, ха-ха! Наверное, вы не забыли, как утверждали, что глаза у него чем-то зарастают. И не хотели поверить, что это нормальные третьи веки. И видите, они все еще тут, верно? Вот же они, а он прекрасно видит, ха-ха-ха! — Я окончательно потерял власть над собой и хотел было дружески ткнуть ее пальцем под ребро, но она вовремя попятилась.

Прижав ладонь ко рту, она не спускала с меня глаз. Брови ее так и поселились под сенью волос.

— Вы... вы несерьезно...

— Совсе нет. Очень даже серьезно. И могу продолжать и продолжать.

— Право, не знаю, что сказать. Ну а его теперешний кашель?

— Можете забрать его домой, — ответил я. — Если он опять захокает, приходите с ним завтра, только никаких «хок-хок» больше не будет! — Я утер мокрое лицо и снял Ролло со стола.

Миссис Федерстон шла до входной двери, словно в трансе. Она то и

дело прижимала ладонь ко рту, искоса недоуменно на меня поглядывала и хранила ошеломленное молчание.

Проводив ее, я вернулся в кровать и уснул с приятным сознанием, что легко и безболезненно покончил с неприятной проблемой. И как тактично!

Наутро я уже этого не ощущал. Мой веселый приступ развивался обычным путем. После радостного возбуждения накануне — тяжелая апатия, уныние, отчаяние, а на этот раз и смутное грызущее раскаяние. Натянув одеяло под подбородок, я старался как-то разобраться в своих воспоминаниях о том, что происходило накануне. Какая-то жуткая каша!

Но едва я проснулся окончательно, меня поразило как молнией. Миссис Федерстон! О Господи! Что я ей наплел? Что я натворил? Я судорожно и тщетно пытался воскресить в уме подробности, но одно было точно и неопровержимо: я смеялся, возможно, даже насмеялся над ней и не исключено, что покушался на ее особу. Неужели и правда пытался ее поцеловать? Нежно потискал, пока провожал по коридору? Мой рот раскрылся, и я тихонько застонал.

Без всяких сомнений, я был повинен в недопустимо неприличной выходке, и, конечно, мне придется дорого за нее заплатить. Разумеется, больше миссис Федерстон никогда не переступит нашего порога. Позорнейший этот случай получит огласку. Она может даже подать на меня жалобу в ветеринарную комиссию. И я уже видел заголовки в «Дарроуби энд Холтон таймс»: **ВЕТЕРИНАРУ ПРЕДЪЯВЛЕНО СЕРЬЕЗНЕЙШЕЕ ОБВИНЕНИЕ, ХЭРРИОТУ ПРИДЕТСЯ ДАТЬ ОБЪЯСНЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ КОМИССИИ.**

С воплем я глубже зарылся под одеяло, устремив невидящий взгляд на чашку с чаем, которую Хелен поставила на тумбочку рядом с кроватью. После веселых приступов я всегда день отлеживался, а потом с удивительной быстротой приходил в норму. Но на этот раз душевные раны исцеляются нескоро. А жуткие последствия?

Больше я не мог терпеть эту пытку, торопливо выпил чай, оделся и поплелся вниз.

— Тебе лучше, Джим? — весело спросила меня жена, перемывая посуду. — Скоро будешь молодцом, как всегда. Все-таки очень странное состояние, хотя дети получили большое удовольствие. Насколько я поняла, ты вчера был в голосе! — Она засмеялась и взяла полотенце.

Я решил, что небольшая прогулка меня освежит, и не поверил своим глазам, когда, пройдя совсем немного, вдруг увидел, что ко мне приближается миссис Федерстон. Нас разделяла какая-то сотня шагов. В ужасе я улизнул на другую сторону улицы, но дама успела меня заметить и последовала за мной. Облеченная в дорогой твидовый костюм, внушительная фигура неумолимо надвигалась, и я понял, что спасения нет.

Ну что же, сказал я себе, сейчас начнется. «Мистер Хэрриот, я подумала, вам будет интересно узнать, что по поводу случившегося в субботу я обратилась к моему адвокату. Ваше поведение было возмутительным, и я считаю своим долгом в дальнейшем оградить беззащитных женщин от ваших выходок. Я просто не могу поверить, чтобы дипломированный специалист был способен на подобное — злоупотребить своим положением, предать оказанное вам доверие! Ну а о вашей немыслимой черствости к страданиям моей собачки просто мучительно вспоминать!»

Однако ничего подобного я не услышал. Подойдя ко мне, миссис Федерстон ласково положила ладонь мне на руку.

— Мистер Хэрриот, вы вчера оказали мне большую услугу.

— А?

— Да. Вы были так милы и тактичны. Теперь я поняла, насколько глупы были мои тревоги из-за Ролло. Как, должно быть, я вам надоедала!

— Да нет же, нет...

— Вы очень добры, но я знаю, что вела себя неразумно, беспокоила вас по пустякам в неурочное время. И вот явилась вечером в субботу...

— Уверю вас...

— Но вместо того, чтобы рассердиться, вы только посмеялись, и просто удивительно, как вы открыли мне глаза на смешную сторону моих глупостей. Мне очень-очень стыдно, что прежде я отказывалась вас выслушать, когда вы так правильно и терпеливо пытались объяснить, что я волнуюсь совершенно напрасно, и надеюсь, вы меня простите. С этого дня постараюсь стать разумной владелицей собаки. И ведь Ролло на самом деле совсем здоров, правда?

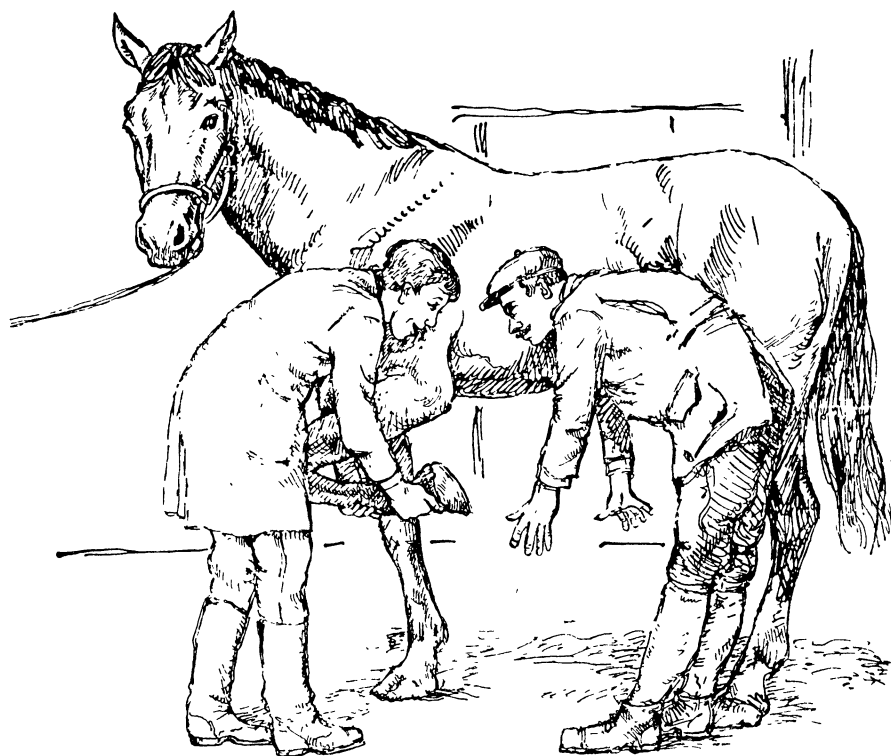
Я поглядел на песика, купаясь в волнах облегчения. Ролло, ясноглазый, с веселой мордочкой, подпрыгнул почти до лица своей хозяйки, едва она произнесла его имя.

— Ну, я не так уж в этом уверен. По-моему, он что-то куксится.

— Ну вот, вы снова хотите меня рассмешить! — И она прижала ладонь ко рту так хорошо запомнившимся жестом, а потом бросила на меня лукавый взгляд. — Я чувствую, что теперь буду смеяться гораздо чаще.

Вот уже тридцать лет, как у меня не бывает веселых приступов. Они мало-помалу прекратились бесследно. Но стоит мне вспомнить этот субботний вечер с миссис Федерстон, и меня снова бьет озноб.

10

Даже не верилось, что с моей легкой руки этот мальчик самостоятельно отправится в джунгли ветеринарной практики. Юный Джон Крукс, ставший таким своим в течение нескольких месяцев, пока наблюдал за нашей работой, набирался практических сведений и теоретических знаний, а иной раз и сам лечил, но под нашим наблюдением, теперь стоял перед моим столом, как всегда веселый и улыбающийся, и такой, такой юный! На вид ему можно было дать лет семнадцать, не больше. И казалось нечестным, что он отправляется в эти дебри без всякой защиты.

Однако, вне всяких сомнений, передо мной стоял Дж. Л. Крукс, эсквайр, дипломированный ветеринар с чемоданом у ног, оживленный, сгорающий от нетерпения, и мне оставалось только освоиться с этим фактом.

Я откашлялся.

— Ну что же, Джон, — сказал я улыбаясь, — поздравляю с дипломом. Теперь вы заправский ветеринар, экзамены позади, и видеть вас здесь очень приятно. Знаете, это же знаменательное событие. Вы — самый первый официальный помощник Фарнона и Хэрриота.

— Неужели? — Он засмеялся. — Как важно звучит! Но ведь, когда я проходил у вас практику, вам всегда кто-то помогал.

— Совершенно верно. В первую очередь Тристан. Но он член семьи, и формально мы никогда его помощником не считали. Иногда приходилось брать временных, но официально и формально первый вы.

— Мне очень приятно. И раз уж я тут, пора отрабатывать свой хлеб.

— Отлично. Мы оснастим вашу машину всем необходимым, а потом вам следует явиться на свою квартиру. Вы ведь поселились у миссис Барри?

Молодой человек принялся укладывать в багажник машины медикаменты и инструменты, которые могли понадобится. Ему явно не терпелось шагнуть в непредсказуемый мир практической ветеринарии. Но неужели, спрашивал я себя, его совсем не пугает перспектива иметь дело в одиночку с суровыми йоркширскими фермерами? Справится ли он? Иной раз у новичков дело не идет, и я подержался за дерево, когда он укатил в своем «Форде-8» с набором всего необходимого в багажнике.

Во мне, как подтвердят жена и дети, спрятана старая наседка, и до конца дня я только что рук не заламывал. Как там бедный мальчик? Мы были так заняты, что и поговорить с ним не удалось. Оставалось лишь уповать, что он не попадет в неприятную историю. Хотя в большинстве наши клиенты при всей своей суровости были людьми доброжелательными, среди них все-таки встречались очень странные личности.

Мне вспомнилась моя стычка с майором Сайксом пару дней назад. Яростный коротышка рычал на меня, пока я занимался его лошастью: «Хэрриот, черт вас побери! Неужто ничего лучше вы придумать не могли? По-моему, вы понятия не имеете, как лечить эту проклятую скотину, — и тут же завалился на конюха: — Не туда ведро ставишь, олух царя небесного!». Угодить ему не было никакой возможности, он словесно прокатывался по людям, как паровой каток, вгоняя их в землю, и обходился со всеми, и в первую очередь с ветеринарами — так мне по крайней мере казалось, — точно с самыми тупыми новобранцами своего полка. Я нередко ловил себя на том, что начинал вытягивать большие пальцы по швам брюк, переносясь в те дни, когда обучался на военного летчика.

В приемную я вернулся только под вечер, заглянул в книгу вызовов, и меня как током ударило: «Майор Сайкс, охотничья лошадь, ламинит». Записал Джон, и, значит, он сейчас там.

У меня глаза на лоб полезли. Кто-то из обожаемых и дорогостоящих гунтеров! И ламинит с его непредсказуемыми осложнениями. Случай меньше всего подходящий для начинающего ветеринара. Майор съест его живьем! Нет, надо самому посмотреть! И я помчался в Рувей-Грейндж.

Еще вылезая из машины, я услышал воинственный голос майора, доносящийся из конюшни, и с тоской подумал, что Джон уже угодил под каток.

Я заглянул в дверь стойла. Гнедая красавица кобыла болезненно пригибалась в типичной для ламинита позе, подтянув задние ноги под брюхо. К ней жался жеребенок, явно родившийся совсем недавно. Майор, упершись руками в бедра, буквально кричал в лицо Джону:

— Нет, послушайте... э... э... как вас там? Крукс! Так вот, черт подери, Крукс, вы говорите, что у этой кобылы острый ламинит. Чертовская температура, еле на ногах держится, а вы мне говорите, что она выздоровеет и никаких следов не останется. Так вот: я купил ее жеребой, и купил как

здоровую, а с ней теперь, значит, всегда так будет? Я слышал про лошадей, которые только и делали, что снова заболели. Так мне, по-вашему, кога в мешке подсунули? Хоть сколько-то вы разбираетесь, чтобы на вопрос ответить, а? А?

Но молодого человека такая атака как будто ничуть не смутила.

— Послушайте, майор Сайкс, — произнес он спокойно убедительным тоном, — я же объяснил вам причину. У вашей кобылы не вышел послед, а потому развился метрит. Ламинит — обычное осложнение в подобных случаях, и хроническим он стать не может. Я ввел ей антибиотик, и через день-два сделаю еще инъекцию. Этого достаточно, чтобы убрать метрит.

Все еще кипящая, низенький майор выставил подбородок:

— А чертов ламинит? Как вы с ним справитесь?

— Но вы же видели, я сделал ей укол и против него. — Джон озарил майора безмятежной улыбкой. — А если вы поддержите ее несколько дней на отрубях и будете водить в пруд, чтобы охлаждать копыта, о чем я вам уже говорил, то она очень скоро совсем поправится.

— А по-вашему, это у нее уже бывало?

— Нет-нет.

— Откуда вы знаете, черт подери?

— Ну, на ее копытах никаких следов ламинита нет. И поглядите сами! — Он поднял переднюю ногу кобылы. — Прелестная вогнутая подошва. Никогда прежде ламинита у нее не было.

— И он не повторится? А? А?

— Рецидив мало вероятен.

— Ну, будем надеяться, что вы не ошиблись.

— Я в этом уверен. Вот увидите. Напрасно вы так волнуетесь.

Я содрогнулся и закрыл глаза — Джон протянул руку и успокаивающе погладил низенького майора по плечу. Я ждал, что майор выйдет из себя, но, к моему изумлению, на его лице появилось подобие застенчивой улыбки.

— Вы так считаете?

— Я в этом убежден. Вам не следует принимать все так близко к сердцу.

К такому низенький майор не привык: несколько секунд он вглядывался в лицо Джона, потом снял кепку и поскреб в затылке.

— Ну, может, вы и правы, молодой человек, может, и правы. Хе-хе!

Я не поверил своим ушам. Майор смеялся! Джон откинул голову и тоже засмеялся. Ну просто встреча двух былых сокурсников! И внезапно до меня дошло, что разговаривает с майором вовсе не малыш Джон Крукс, наш студент, а высокий, красивый, уверенный в себе ветеринар, чей приятный звучный голос придает убедительность всем его словам. Я тихонько улизнул к машине и уехал, успев принять твердое решение: больше за Джона я волноваться не буду.

Несколько недель спустя я взял телефонную трубку.

— Алло! Мистер Хэрриот? — осведомился бодрый голос, и я узнал одного из наших клиентов среди фермеров.

— Да, мистер Гейтс, — ответил я. — Чем могу служить?

— Да я не за этим. Мне бы поговорить с молодым.

Меня словно молнией поразило. Как же так? Это же я «молодой» и

всегда был им. Молодой человек — так всегда меня называли клиенты, хотя я моложе Зигфрида всего на шесть лет. Какая-то ошибка!

— Извините, кто вам нужен?

— Да молодой человек, ну, мистер Крукс.

Вот так. Прежде я не замечал, как дорог мне стал мой титул, и, шагая по коридору за Джоном, я испытывал странную грусть, смиряясь с тем, что я, хотя мне только тридцать с небольшим, уже больше не «молодой человек».

С этого момента мне пришлось терпеть все учащающиеся требования услуг молодого человека, которым уже был не я. Впрочем, угнетало это меня недолго — слишком велики были плюсы. Когда Джон вошел в колею, то жизнь чудодейственно облегчилась. Нет, просто замечательно иметь помощника, особенно такого хорошего, как он. Мне Джон всегда был симпатичен, но когда в три часа ночи меня вызывали к впервые телящейся корове, а я мог перепоручить вызов, перевернуться на другой бок и снова уснуть — в такие минуты симпатия перерастает в теплейшую привязанность.

У Джона были свои идеи о методах лечения, и он не боялся их отстаивать. Как-то Зигфрид застал нас в операционной вдвоем и с места в карьер объявил:

— Я как раз прочел статью об индуктотермии. Новое революционное лечение растяжения суставов у лошадей. Ногу ежедневно обматывают особым электропроводом, и тепло убирает растяжение!

Я буркнул что-то неопределенное. Меня редко посещали новые идеи — собственно говоря, мне присуще органическое отвращение к любым переменам и нововведениям. Эта моя черта всегда чрезвычайно раздражала моего партнера, а потому я промолчал.

Однако Джон невозмутимо заявил:

— Я тоже читал про этот способ. По-моему, ерунда.

— Это почему же! — Брови Зигфрида взлетели вверх.

— Отдает знахарством, по-моему.

— Глупости! — Зигфрид нахмурился. — А по-моему, все очень логично. Во всяком случае, я заказал аппарат, и, держу пари, он будет нам очень полезен.

Зигфрид — специалист по лошадям, и я не стал спорить, однако было очень любопытно посмотреть, как эта штука работает, и вскоре представился случай это выяснить. Владелец поместья Дарроуби, которого обычно именовали просто «сквайр», держал своих лошадей в конюшне в конце нашей улицы, в каких-то ста шагах от Склдейл-Хауса, и чувствовался явный перст судьбы в том, как он вскоре обратился к нам по поводу растяжения сустава у его лошади. Зигфрид только руки потирал.

— Именно то, что нам требовалось. Мне надо ехать к Уитби осмотреть жеребца, а потому растяжением займитесь вы, Джон. У меня есть предчувствие, что вы убедитесь в прогрессивности этого метода.

Я понимал, что мой партнер уже предвкушает, как он скажет молодому человеку: «Я же говорил!». Однако после недели лечения Джон не утратил своего скептицизма.

— Я обматывал эту штуку вокруг ее ноги и стоял рядом указанное время, но никаких сдвигов не замечаю. Сегодня устрою еще один сеанс, но, если улучшения не появится, предложу вернуться к прежним методам.

Возвращаясь около пяти домой под проливным дождем, я затормозил у крыльца и вдруг окаменел. По улице приближались работники сквайра, неся чье-то тело. Джон! Я выскочил из машины, а они внесли его в дом и уложили у лестницы. Он, казалось, был без сознания.

— Что случилось? — охнул я, в ужасе глядя на бесчувственное тело моего коллеги, прислоненное к нижним ступенькам.

— Да молодой человек себя электричеством вдарил, — ответил один.

— Что-о!

— Ну да. Он промок на дожде, и когда пошел подключить машинку, так, наверное, ухватился за голый провод. Кричит, а пальцы не разжимаются. Он все кричит, а я лошадь держу и помочь-то ему не могу. А его вроде зашатало, он споткнулся о ее заднюю ногу, ну и оторвался от провода-то, а не то, думается, его убило бы.

— Господи! Что нам делать? — Я обернулся к Хелен, которая прибежала из кухни. — Позвони доктору! Нет, погоди... Он, кажется, приходит в себя.

Распростертый на ступеньках Джон зашевелился, его глаза прищурились на нас, и он разразился потоком на редкость цветистых слов. Хелен утавилась на меня, разинув рот.

— Нет, ты только послушай! И ведь такой милый молодой человек!

Мне было понятно ее изумление: Джон, очень благословитанный, очень корректный юноша в отличие от большинства ветеринаров, никогда не матерился. Однако оказалось, что он владеет огромным запасом таких слов — кое-какие я даже не знал, что удивительно, поскольку рос я в Глазго.

Затем бурный поток иссяк, сменился невнятным бормотанием, и только что вошедший Зигфрид начал отпаивать его чистым джином, что, если не ошибаюсь, в подобных случаях противопоказано.

Без сомнения, Джон мог погибнуть, но мало-помалу он отошел и уселся на нижней ступеньке. Затем, пока мы уговаривали его не напрягаться и посидеть так еще, он встряхнулся, встал, выпрямился во весь свой недюжинный рост и шагнул к Зигфриду.

— Мистер Фарнон, — произнес он с невыразимым достоинством, — если вы настаиваете, чтобы я применял этот... аппарат, то прошу принять мое заявление об уходе.

И краткому царству индуктотермии пришел конец.

Миновало несколько дней. Как всегда, у меня слегка екнуло сердце, когда я увидел, что по коридору Скелдейл-Хауса на меня надвигается грозная фигура Сепы Краггза.

— Эй, Хэрриот, — рявкнул он, — давай-ка поговорим.

Он был грубым человеком, но я привык к его манере обращаться.

Клиент он был ценный — владелец большой фермы, которую поддерживал в цветущем состоянии с помощью четырех взрослых сыновей, беспощадно их шпыняя и терроризируя.

— Так в чем дело, мистер Краггз? — осведомился я мирно.

Он свирепо уставился на меня с высоты шести с четвертью футов своего роста и, сгорбив могучие плечи, приблизил свое лицо к моему.

— Я те скажу, что случилось! Зря мое время переводишь, вот что!

— Неужели? Каким образом?

— А порошки от мастита, которые ты мне обещал оставить, где?

Господи! Сульфаниламидные порошки. Совсем из головы вылетело...

— Я страшно сожалею, что...

— Забыл, да? «Приезжайте днем, они будут лежать в ящике у дверей». Приезжаю в три, а ящик пустой, и никто про них ничего не знает! Поневоле взбесишься.

— Я же говорю, мистер Краггз, что очень сожалею...

— Сожалею! Сожалею! Мне-то что толку! Тащись в такую чертову даль, а у меня сенокос! И все зазря. Я человек занятой, знаешь ли, и времени терять понапрасну не могу!

О черт, никак не уймется! Но я и проштрафился, что ни говори. Я кинулся в аптеку и принес порошки. Однако фермер не утихомиривался.

— Чтоб больше такого не случилось, заруби себе на носу. Попросишь за чем приехать, так потрудись, чтоб готово было!

Я молча кивнул, но он еще не кончил.

— Тебе самому порошки нужны, — буркнул он. — Чтоб мозги прочистить! — И бросив последний свирепый взгляд, удалился.

Я с трудом перевел дух и лихорадочно вознес молитву о том, чтобы, имея дело с Краггзом, больше не грешить.

Воспоминание об этой сцене было еще свежо, когда на следующей неделе, вернувшись с утреннего объезда, я вновь увидел, что в приемной меня поджидает Сеп Краггз.

Лицо его было непроницаемым, но меня кольнуло дурное предчувствие, едва он снова навис надо мной.

— Я заехал утром за банкой мази, а ее в ящике не было, — пробурчал он.

Нет! Только не это! Я что — совсем память потерял? Мои ногти впились в ладонь.

— Я очень сожалею... но я... я просто не помню, что...

Однако на этот раз взрыва не последовало. Краггз как-то странно притих.

— Да не ты, а молодой человек!

Так, значит, выволочка ждет беднягу Джона! Как его оградить? Я испустил дребезжащий смешок.

— Кхе... понимаю... Мистер Крукс — отличный специалист, но память его иной раз подводит.

— Да нечего к нему придира́ться! У него забот хватает поважнее, чем задурять себе голову банкой мази.

— А?

— Вот-вот, нечего его ругать. Даже слышать не желаю! — Он бросил на меня уничтожающий взгляд. — Ему о стольком думать приходится, что всякую малость не упомнишь.

Рот у меня открылся, но выяснилось, что я онемел.

Я ни разу не видел, чтобы мистер Краггз улыбался, но сейчас его каменные черты смягчились, а в глазах появилось почти ласковое выражение.

— Черт дери, а парнишка чего только не знает! В жизни не встречал такой учености. Значит, вот что, Хэрриот. Приехал он посмотреть бычка

с копытной гнилью и не стал, как ты, возиться с дегтем да солью. Даже не прикоснулся к чертовой ноге, и у бычка на второй день все как рукой сняло. А? Что скажешь? — И он ткнул меня пальцем в грудь.

Скажи я, что теперь тоже применяю последнюю новинку — сульфадимидиновые инъекции, он бы мне все равно не поверил, а потому я промолчал.

— И я тебе еще кое-что скажу, — продолжал он. — Гниль-то в правом копыте завелась, а уколол он в левое плечо! — Глаза Краггза расширились. — Чистое колдовство.

Я сходил за мазью и вручил ему банку.

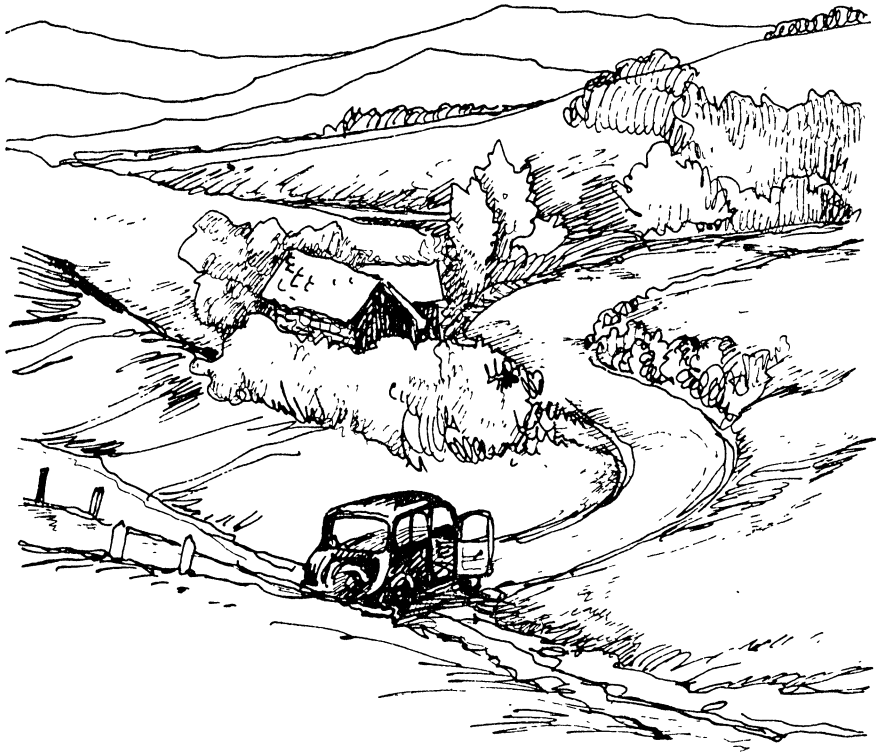
— Вот, пожалуйста, мистер Краггз. Сожалею, что вам пришлось заходить лишний раз.

Великан покачал головой.

— Да пустяки. Сюда же мне рукой подать.

Словно во сне я проводил его до двери и, глядя, как он шагает по улице, способен был думать только об одном: уж если Джону удалось тронуть сердце Сепы Краггза, за его будущее можно не опасаться.

По-моему, именно тогда я осознал, что Джон предназначен для больших свершений. С самого начала я стал подмечать в нем зачатки величия, заложенные в способности завоевывать симпатии людей из разных слоев общества. И дело было не в его располагающей внешности, уверенной манере или звучном голосе, а в чем-то другом, чего мне не удавалось точно определить. Но чем бы это ни было, все в нем просто кричало: «Вот молодой человек, который многого добьется!».

Джон родился в Беверли под сенью величавого собора. Туда от Дарроби было пятьдесят миль, и в свободные дни он обычно отправлялся домой на несколько часов. Весь год, рассказывая об этих поездках, он чаще и чаще упоминал про одну девушку. Ее звали Хетер, и, когда он произносил ее имя, его глаза заволакивала мечтательная дымка, а на губах играла блаженная улыбка. От месяца к месяцу симптомы становились все более явными, и в один прекрасный день он признался мне, что они с Хетер помолвлены и надеются скоро пожениться.

Как-то зимой, пока я на крыльце очищал сапоги от снега, в дверях появился Джон.

— Хетер здесь, — сказал он почти шепотом. — В приемной. Я хочу вас с ней познакомить.

Мне тоже хотелось с ней познакомиться. Просто не терпелось после того, что я о ней слышался. Я поправил галстук, попытался пригладить волосы и изящной походкой войти в приемную. Увы! К каблuku примерзла ледышка, и едва я ступил на скользкий линолеум, как взлетел в воздух,

оглушительно хлопнулся на спину и проехался через комнату. Когда я открыл глаза, то обнаружил, что гляжу снизу вверх на очень привлекательную брюнетку, которая доблестно старалась не допустить улыбку на губы.

Так я познакомился с Хетер — глядя на нее снизу вверх. И с тех пор продолжаю с восхищением смотреть на нее все так же снизу вверх. Можно найти множество определений, чтобы описать ее как жену Джона: обожаемая спутница жизни, верная помощница, веселая подруга. А вдобавок еще и мать троих замечательных детей.

Роман Джона набирал темпы, и я видел, что приближающаяся свадьба всецело завладела его мыслями. Упомянутые выше симптомы прогрессировали, и он осознал, что начал страдать провалами памяти — едет по вызову и вдруг останавливает машину, стараясь сообразить, куда же он, собственно, едет и по какому поводу. Порой я замечал, как Джон чему-то улыбается, и было ясно, что он погружен в чудесные мечты.

До какой степени манящее будущее завладело им, стало ясно в один очень дождливый день, когда фермер, наш давний клиент, сообщил по телефону:

— Тут позвонили, просили передать мистеру Круксу, что его невеста заболела. А он как раз от меня уехал, и я уж думал, что не догоню его, как вдруг вижу: его машина застряла в ручье прямо за нашими воротами.

— Боже мой! Сейчас приеду.

— Не надо. Я подъехал на своей машине, сказал, так он сразу выпрыгнул и попросил, чтобы я его на станцию отвез. Как раз к поезду успел и укатил.

— Ого! Вот это быстрота.

— Да уж, канительиться он не стал.

— А его машина где?

— Так в ручье и стоит.

— Понятно. Спасибо, что позвонили. Я приеду с мистером Фарноном, и мы ее отгоним.

Зрелище, которое предстало Зигфриду и мне, когда мы подъехали к броду через ручей, остается одним из наиболее ярких воспоминаний о том времени, которое Джон провел у нас. Узкое, зажатое в холмах шоссе ныряло в лошину, и поперек него струился ручей. Маленький «Форд-8» стоял там в воде по оси и явно был покинут в большой спешке: передняя дверца распахнута, а дворники лениво ползают взад-вперед по ветровому стеклу. Джон не потратил ни единой лишней секунды!

К счастью, болезнь Хетер оказалась несерьезной, и наша будничная жизнь потекла обычной чередой: Джон принимал свою долю телят, жеребят, ягнят, холостил стригунов и ежедневно доказывал, что идеально подходит для этой работы, а работа — для него.

Молодая пара сочеталась браком в чудесный летний день и поселилась у Зигфрида на одной половине его дома. Хетер была учительницей и занималась с двумя детьми Зигфрида все время, пока Джон оставался нашим помощником.

Когда же настал неизбежный день и Джон решил, что ему пора работать самостоятельно, это было для нас настоящим ударом. Он переехал в Беверли и открыл там приемную, а я ощущал потерю не только незамеченного помощника, но и друга. Ведь меня с Джоном разделяли какие-то

десять лет, и у нас было немало общих увлечений и интересов. Потом, с течением лет, пока у нас появлялись, чтобы затем исчезнуть, очередные «молодые люди», я, конечно, прошел стадии пожилого коллеги, почтенного наставника и, наконец, забавного старикана, но первый наш помощник и я существовали еще в одном измерении, а потому мы с Джоном провели вместе много приятнейших часов.

Скелдейл-Хаус всегда был приютом смеха, и Джон, слава Богу, внес щедрую лепту своего особенного юмора. Как и все мы, он сталкивался с неудачами, давал маху, терпел фиаско и, описывая их, пускал в ход весь свой талант незаурядного имитатора. Его отличали чуткость и полное отсутствие тщеславия, прекрасно сочетавшиеся с волевой натурой.

Но в первую очередь он по-прежнему остается для меня типичнейшим англичанином несколько старомодной закалки — любящим крикет, хранящим незыблемую веру в извечные духовные ценности и благоговейшим перед красотой края, в котором мы работали.

Когда он расстался с нами и открыл собственную практику в Беверли, мы, как и следовало ожидать, в хлопотах текущих дел виделись все реже и реже. Разумеется, бывали особые случаи. Хелен и я имели честь стать крестными родителями Аннетты, старшей дочери Круксов, затем поздравляли их с появлением на свет Джеймса и Элизабет. Иногда нам удавалось отдышаться с Хетер и Джоном в Скарборо, и, естественно, я встречался с Джоном на ветеринарных съездах, однако первая глава осталась в прошлом.

Убеждение, что в нашей профессии он пойдет далеко, побуждало меня ревностно следить за его успехами. Практика его быстро росла, ему пришлось даже взять трех помощников. Незаурядные энергия и организационные способности находили все большее признание, он деятельно участвовал в поднятии престижа нашей профессии и стал одним из ее лидеров. Мои прогнозы оправдались сполна: путь Джона наверх кончился, только когда он достиг вершины. В 1983 году, через тридцать лет после того, как он покинул Дарроуби, его избрали председателем Британской ассоциации ветеринаров.

Я был растроган, когда после столь долгого срока он вспомнил своего первого наставника и попросил меня произнести речь, открывающую церемонию его вступления в должность.

— Годы в Дарроуби были самыми счастливыми в нашей с Хетер жизни, — сказал он. — И я очень прошу вас дать согласие.

Вот так. Когда настал знаменательный день, я сидел в конференц-зале Ланкастерского университета среди сотен ветеринаров, съехавшихся со всего мира. Присутствовали все светила: куда ни глянь — именитые знаменитости. Но, разделившись со своей речью и созерцая августейшее общество на эстраде, я испытывал невыразимое удовольствие от мысли, что самый важный среди них — «молодой человек» из Дарроуби, сидящий в центре.

А церемония продолжалась заведенным порядком: выпрямившись во весь рост, Джон принимал президентские регалии. Секретарь ассоциации помог ему облачиться в великолепную черную мантию с отделкой из зеленого муара. Затем его предшественник возложил ему на шею цепь с символом должности. Цепь застегнули на спине, и мне отчего-то представилось, как фермер сзади завязывает тесемки халата на ветеринаре, вызванном к

телящейся корове. Видимо, такая же ассоциация возникла и у Джона. В этот торжественный момент он вдруг сказал:

— Будьте добры, ведро горячей воды, мыло и полотенце!

Зал взорвался хохотом. Кто из нас не произносил сотни раз эти самые слова?

Наконец Джон в полном облачении повернулся к собранию. С тех давних дней в Дарроуби он стал массивнее, шевелюра отливала серебром, и впечатление было самое внушительное. Я взглянул в зал на сидящих в первом ряду Хетер и всех их детей. Они сияли гордостью. На коленях у Джеймса я увидел Эмили, первую внучку, и подумал: «Как летят годы!». Ну что же, «молодым человеком» Джон уже не был, зато он был знаменитым и счастливым человеком.

В своей речи я пытался обрисовать уникальную способность Джона благотворно влиять на людей и, ища наиболее верные слова, перефразировал рекламу портера. Он добивается, сказал я, куда другие ветеринары доступа не находят.

Я смотрел на продолжающуюся церемонию, а перед моим мысленным взором встала полузабытая картина: затерянное в холмах пустынное шоссе, застрявший в ручье автомобиль, открытая дверца, пощелкивающие дворники. Мне почудилось в ней что-то символическое. Ведь она же воплотила две особенности Джона, которые помогли ему достичь профессиональных вершин: преданную любовь к жене и умение принимать мгновенные решения.

— Дом этот, мистер Хэрриот, для женщины — сущий убийца.

Фермер, которого я проводил до входной двери, остановился, глядя, как Хелен трет ступеньки крыльца. Его слова поразили меня, точно удар грома: он без обиняков произнес вслух то, что давно меня грызло.

— Угу, — заговорил он снова. — Дом, конечно, старинный, красивый, но для женщины он — убийца.

И в эту минуту я принял решение так или иначе выволнить Хелен из Скелдейл-Хауса. Мы любили старый дом, но в нем было слишком много минусов для молодых супругов со скромным достатком. Изящество, гармоничность, бесспорно счастливая атмосфера сочетались с непомерной обширностью, а в холодную погоду он превращался в ледник.

Я поглядел на оббитый плюшем фасад, на окна спальни, а потом на окна следующего этажа, где в начале нашей семейной жизни мы обитали в однокомнатной квартирке. Имелся еще один этаж, если посчитать и кармори под черепичной крышей. Там сохранился большой колокольчик, пружинный, с медными звонками.

жиной соединившийся с сонеткой, — с его помощью в первые годы нашего века на первый этаж призывали горничную.

У старого врача, владевшего домом до нас, было шестеро слуг, включая экономку, но Хелен держала его в порядке с помощью только чреды мимолетных девушек, которым быстро приедались тяжелый труд и невообразимые неудобства дома.

Прежде чем вернуться в приемную, я снова посмотрел на сгорбленную спину и снующие руки моей жены. Безумие какое-то! На языке у меня вертелись слова: «Пожалуйста, оставь!». Но я их не произнес. Что толку? Я снова и снова пытался ее останавливать и лишь напрасно терял время. Так уж она была создана. Прирожденная домашняя хозяйка, она просто не могла сложить руки и признать свое поражение. Она твердо решила содержать дом в идеальной чистоте внутри и снаружи.

Это угнетало и злило меня. Я женился на красивой, умной, душевной девушке и всем сердцем желал, чтобы она была добрее к себе и хоть когда-нибудь отдыхала. В первые дни брака я мольбами, а иногда и бурными сценами, которые у меня не очень-то получались, пытался заставить ее не надрываться, но с тем же успехом я мог убеждать каменную стену — Хелен упрямо продолжала наводить порядок. И еще готовка. Я не встречал никого, кто умел бы творить подобные кулинарные чудеса, и как истинный любитель поесть я благославлял свою удачу и все же лихорадочно желал, чтобы она меньше времени проводила у плиты. Однако, когда вопреки моим настояниям она продолжала поступать по-своему, я утешался мыслью, что слышу, как она поет, атакуя комнаты пылесосом и тряпками. Вот и сейчас, оттирая проклятую ступеньку, она что-то тихонько мурлыкала.

Даже теперь, пятьдесят лет спустя, когда нам уже недолго ждать величайшей чести — появления в «Дарроуби энд Холтон таймс» фотографии нашей золотой свадьбы, она все еще поет, хлопотливо убирая другой, слава Богу, не такой огромный дом. И я давно сообразил, что для нее счастье и в этом.

А тогда я повернулся и пошел по выложенному плиткой коридору, который летом полнился солнечными лучами, но в этот холодный весенний день был таким же холодным и промозглым, как улица снаружи. Я шел мимо столовой и гостиной, повернул налево к аптеке, потом направо и снова налево все дальше по коридору мимо смотровой, утренней столовой и, наконец, добрался до кухни и посудомойной, завершавших длинную пристройку с задней стороны дома. Я, казалось, прошел пятьдесят ярдов. Кто решится осудить Тристана, что в былые дни он ездил открывать парадную дверь на велосипеде?

По дороге я встретился с маленькой Розой, чьи теплые башмаки звонко стучали по плиткам, а ноги были обтянуты толстыми рейтузами, которые еще недавно носил Джимми. Порой я удивлялся, как мы могли растить детей в таком холоде, и был благодарен судьбе, что они чихали и кашляли как будто не больше других своих сверстников. Главной страдальницей была Хелен, у которой лодыжки покрывались жуткими болячками.

Едва проснувшись на следующее утро, я принял окончательное решение. Нам необходимо переехать. Скелдейл-Хаус — отличное место для работы, и мы его сохраним, но жить будем в доме поменьше. Оставалось только его найти.

Это был первый приступ настоящей мании — я думал только об этом, когда вскочил с кровати, тщетно попытался увидеть хоть что-нибудь сквозь морозные узоры на оконном стекле и быстро оделся в ледяном воздухе. Распахнув дверь спальни, я галопом понесся выполнять свои утренние обязанности. Вниз, прыгая через две ступеньки, потом во всю прыть по арктическому коридору (секрет был в том, чтобы не замедлять бега) на кухню, где поставил чайник на огонь. Назад полным карьером — в столовую, где злоехидная антрацитовая печка опять погасла. Она была единственным источником тепла на весь дом, но пока у меня до нее руки не дошли.

Снова на кухню, глядя я заварил чай, и отнес чашку Хелен. Затем, дуря на пальцы и приплясывая, чтобы не заморозить кровь в жилах, растопил плиту. Я не обладал умением бойскаутов зажигать костер одной спичкой — в отличие от Хелен, у которой через пару минут пламя уже весело потрескивало, — и к тому времени, когда семейство спустилось завтракать, между углями по обыкновению еле теплился худосочный огонек.

Завтрак проходил уныло: маленький электрокамин вел неравную борьбу с холодом, а мы все старались не стучать зубами. Я молчал, занятый мыслями о принятом категорическом решении. И еще мне вспоминались зимние праздники: мы стоим, сгрудившись у огня, в большой гостиной, а спины у нас мерзнут, пока игривые сквозняки раскачивают елочные украшения.

Думал я об этом и когда зашел к миссис Драйден на ее половину небольшого дома у самой границы Дарроуби. Я лечил ее кота от чесотки в ушах, протекавшей очень тяжело.

— Давай, давай, Черныш, — сказал я, поднимая кота на стол. — Сегодня у тебя вид много лучше.

— Вот-вот! — Его хозяйка улыбнулась. — Он больше не трясет головой и не чешется. А до того как вы ему ушки очистили, он просто на стенки лез.

Я снова обработал уши, потом влил в них жидкой мази, а черный кот только радостно мурлыкал.

— Да. Я ему больше не требуюсь. Еще несколько дней продолжайте утром и вечером закапывать лекарство ему в уши, и, думается, он будет полным молодцом.

Я пошел к кухонной раковине вымыть руки и посмотрел в окно на ухоженный сад.

— У вас такой приятный дом, миссис Драйден.

— Что так, то так, мистер Хэрриот, только жить мне в нем осталось недолго.

— Неужели? Почему же?

— Да из-за денег. Только из-за них. Когда Роберт умер, оказалось, что накопил-то он самую малость.

Я ее хорошо понимал. Она была вдовой ушедшего на покой фермера, и я знал, с каким трудом сводили они концы с концами на своей маленькой ферме в холмах. Мы с Бобом Драйденом кое-чего повидали вместе. Тяжелые отелы, тяжелые окоты, а та злополучная весна, когда от дизентерии

погибла добрая половина их телят! Боб был прекрасный человек и остался в моей памяти как добрый друг.

— Но где вы будете жить? — спросил я.

— Да у сестры в Холтоне. Там мне будет хорошо, только вот жалко расставаться с нашим домиком. Мы с Робертом так радовались, что купили его, когда он на покой ушел, что денег у нас достало. Ну да я надеюсь выручить за него две тысячи фунтов, а это мне на старости просто манна небесная.

Тут меня и осенило, как со мной изредка случается. Ведь это же именно то, что требуется нам! Просто идеальный выход, и я не сомневался, что смогу получить под закладную нужную сумму.

— А мне вы его не продадите? — поспешно спросил я.

Она улыбнулась.

— Непременно продала бы, мистер Хэрриот, если бы могла, да только все уже устроено. В среду в «Гуртовщиках» будет аукцион.

У меня бешено заколотилось сердце.

— Ну, я постараюсь его купить, миссис Драйден.

Я не сомневался, что домик станет моим, и обвел взглядом кухню, чувствуя, как рассеиваются мои тревоги. Невероятная удача! Я представил себе, как у этого окна стоит Хелен и смотрит на садик, на зеленые луга за ним, на церковную колокольню, вздымающуюся над купой деревьев за рекой. И все такое компактное! Панель, открывающаяся в столовую — больше уже не надо будет преодолевать пятьдесят ярдов с подносами в руках. Уютная прихожая, лестница на второй этаж с тремя спальнями на расстоянии вытянутой руки. Да, тут все совсем рядом — эта мысль меня просто заворожила. В тогдaшнем моем настроении миниатюрность была превыше всего. Прочее значения не имело.

Я навел справки в Строительном обществе и не встретил никаких затруднений с закладной. Теперь этот дом стоил бы пятьдесят-шестьдесят тысяч фунтов, но в начале пятидесятых красная цена ему была две тысячи.

До среды я витал в облаках, а тогда отправился с Хелен в «Гуртовщики» на аукцион. Зал был полон, и едва мы с Хелен сели, как сосед — знакомый фермер — ткнул меня локтем в бок.

— Вот Сет Бутленд, — шепнул он. — Старик облюбовал этот дом для сына — он как раз свадьбу сыграл. Думается, ему дом и достанется. Денег у него куры не клюют, да и дела он делать умеет.

Я посмотрел на богатого хлеботорговца. Внушительная фигура! Крупный нос, багровые щеки и выражение угрюмой решимости на лице. У меня сжалось сердце, но тут же я воспрял духом: нет, дом будет мой!

Торг начался с полутора тысяч, и надбавки быстро — куда быстрее, чем я ожидал, — достигли моего предела в две тысячи. Бутленд надбавил — две тысячи сто. Он явно понаторел на аукционах и только небрежно пошевелил пальцем. Я торопливо вздернул палец — конечно же, я сумею немного увеличить сумму закладной. Однако Бутленд вновь шевельнул пальцем, и слово опять осталось за мной.

Вскоре все, кроме нас с ним, вышли из игры, и я почувствовал себя выставленным напоказ. Надбавки снизились до пятидесяти фунтов, но цена подползла к трем тысячам, сердце у меня мучительно билось, ладони вспотели.

Хелен впилась пальцами мне в колено и при каждой новой надбавке отчаянно шептала:

— Нет, Джим, нет! Нам не хватит денег!

Но я впал в настоящее безумие. Деньги — вздор! Я видел только одно: Хелен в уютном домике смотрит на свой сад из окна очаровательной кухни. Это видение не исчезало, и я упрямо надбавлял и надбавлял.

Когда цена перевалила за три тысячи, зрители, набившиеся в зал, начали испускать взволнованные ахи при каждой новой надбавке, а они уменьшились до двадцати пяти фунтов.

— Мистер Бутленд предлагает три тысячи двести и двадцать пять. — Аукционщик вопросительно посмотрел в мою сторону, и у меня пересохло во рту.

Пальцы Хелен стиснули мое колено как тиски. Она трясла его, умоляя:

— Нет, Джим, не надо!

Я поднял руку.

— И пятьдесят. Благодарю вас. — Взгляд в сторону Бутленда. — И семьдесят пять. — Взгляд аукционщика и взгляды всех присутствующих обратились на меня. Словно во сне, я поднял руку.

— Мы имеем три тысячи триста фунтов.

Бутленд пошевелил пальцем.

— И двадцать пять.

И вновь в вибрирующей тишине все глаза впились в меня. Я был в полном изнеможении, рот у меня пересох окончательно, по телу пробежала дрожь, и я, словно сквозь туман, осознал, что Хелен бьет меня кулаком по ноге и почти рыдает.

— Перестань! Ну пожалуйста!

Она сейчас заплачет, подумал я и покачал головой. Торг кончился.

Зал заполнился возбужденным гулом голосов, а я поник на стуле, с трудом воспринимая окружающее. Вон Бутленд подошел к аукционщику, а Хелен сидит рядом не шевелясь. Наконец, я встал и поглядел на нее.

— Господи, Джим! Ты же совсем белый! — ахнула она.

Я молча кивнул. Белый? Неудивительно. По дороге к дверям я встретил свирепый взгляд Сета Бутленда. Из-за меня ему пришлось уплатить три тысячи триста двадцать пять фунтов (примерно тридцать пять по нынешним ценам) за дом, который, несомненно, стоил меньше. Да, вряд ли он питал ко мне особенно нежные чувства.

Но меня это не трогало. Меня угнетало сознание чудовищной неудачи. Радостное видение Хелен, глядящей из этого окна на луга, так и осталось видением. Я вернулся к тому, с чего начал. Все напрасно!

Выйдя на рыночную площадь, я остановился, глотая свежий воздух. Потом взял Хелен под руку — и тут кто-то дотронулся до моего плеча. Я обернулся и увидел милое лицо миссис Драйден. Она улыбнулась:

— Ох, мистер Хэрриот. Очень жалко, что дом вам не достался, но мне-то вы как удружили! Сами даже не знаете как! Столько я лишних денег получу, спасибо вам. Такой, можно сказать, подарок. Просто не знаю, как и благодарить.

Она отошла. Я смотрел на ее худенькую сгорбленную спину, на белые как снег волосы. Жена старины Боба Драйдена... Он был бы доволен. Значит, не так уж напрасно все было!

Я вывинтил хадсоновскую спираль из коровьего соска и брызнул сильной струей парного молока.

— Ох, вот чудо-то, вот диво, — благоговейно произнес мистер Даусон. — Понять невозможно, как это у вас ловко получается. Снова вы меня выручили, мистер Хэрриот. Ну и искусник же вы!

Нам все еще часто приходилось прочищать соски таким способом — доильные аппараты в общее употребление не вошли, и во время доения мозолистые, заскорузлые пальцы фермеров, оттягивая соски, порой причиняли мелкие травмы, приводившие к закупорке. Операция эта особой любовью у ветеринаров не пользовалась: согнувшись в три погибели у вымени, так легко получить копытом по голове! Но зато как приятно привести в порядок бесполезный сосок! «Трехсосочная» корова утрачивала значительную часть своей ценности.

Однако, как ни выгодна была эта операция для хозяина коровы, столь пылкие изъявления благодарности были редкостью. Но типичными для мистера Даусона. Он изливал на меня хвалы, и, хотя я помнил, что далеко

не всегда на протяжении многих лет мои посещения его фермы завершались очередным триумфом, он пребывал именно в этом убеждении. И не желал признавать неудачи, случавшиеся в прошлом.

Позиция, прямо противоположная той, которую обычно занимали наши клиенты среди фермеров. Каким бы блестящим ни оказывался результат лечения, нам об этом говорили редко. По теории Зигфрида, они опасались, как бы мы не сделали приписочку к счету, и, возможно, он не так уж и ошибался: во всяком случае, о любой нашей неудаче нас ставили в известность незамедлительно. Над рыночной площадью в базарные дни нередко разносились сокрушающие оповещения вроде: «А корова-то, которую вы пользовали, так под нож и пошла!».

Но как бы то ни было, восторги мистера Даусона служили мне целебным бальзамом. Вот и теперь, пока я убирал инструмент в банку со спиртом, его маленькое коричневое лицо сморщилось в благодушной улыбке. Он сдернул кепку и пригладил растрепанные пряди седых волос.

— Прямо уж и не знаю. Ума-то у вас, ума! Вот мне моя корова вспомнилась, ну та, с магниевой недостаточностью. Лежит, не шевельнется — я уж думал, она дышать перестала, а вы влили ей в жилу целую бутылку, а потом поглядели на свои часы, да и говорите: «Мистер Даусон, — говорите — эта скотина встанет на ноги точно через двенадцать с половиной минут!».

— Неужели я так сказал?

— Так я же не шучу и не придумываю. Это самое вы и сказали. А потом, хотите верьте, хотите нет, чуть стрелки на ваших часах отсчитали двенадцать с половиной минут, как корова прямо взвилась и ушла.

— Боже мой? Неужели?

— Да вот, ушла. И я вам больше скажу: ушла да так ни разу назад не оглянулась.

— Ну отлично, отлично. — Как всегда после панегириков мистера Даусона меня томило недоумение. Ни единого из сотворенных мною чудес я припомнить не мог, но все равно слушать было очень приятно. Действительно ли я так блестящ или он все сочиняет? Обычное его присловье «хотите верьте, хотите нет» словно бы намекало, что у него самого имеются на этот счет некоторые сомнения, тем не менее апологии по моему адресу всегда произносились с величайшим апломбом и выразительностью.

Даже окрестности его фермы выглядели идиллически, и подходя к машине под ласковым ветерком, напоенным всеми ароматами лета, я еще раз посмотрел на аккуратный домик, льнувший к зеленому склону, который мягкими уступами спускался к сверкающей под солнцем реке.

Как всегда, я уехал окутанный розовым туманом, а мистер Даусон махал мне вслед, пока не скрылся из виду.

Не прошло и недели, как я вернулся туда к молодой, впервые телящейся корове. Мистер Даусон тревожился, потому что роды задерживались, но прошли они нормально, и вскоре на соломенной подстилке уже сопел и отфыркивался крепыш-бычок.

— Ну, все в порядке, — сказал я. — Иногда такие крупные телята задерживаются. Проход был тесноват, но теперь все хорошо.

— Что так, то так, — сказал фермер. — И ведь причин тревожиться у

меня никаких не было. Вы же больше месяца назад меня предупредили, что эта коровка припоздает на пять дней, и опять не ошиблись...

— Неужели я это сказал? Не понимаю, каким образом я мог...

Он пожал плечами.

— Ваши слова, мистер Хэрриот. Ваши. Я-то их запомнил.

Когда мы вышли из коровника, мистер Даусон остановился, чтобы ласково погладить симпатичного пони, бодро щипавшего траву возле дома.

— А помните этого малыша? Помните, как его заперло?

— Ах да, конечно! Ну, вид у него прекрасный.

— Что есть, то есть, но и скверно же ему было! Уж думал, потеряю его, не иначе. Раздуло всего, и стонет от боли, беденький. Я ему и того давал, и этого, чтобы его пронесло, а толку ничуть. Целых двое суток — и ничегошеньки. Тут я вас позвал, и никогда не позабуду, что вы сделали!

— А что я сделал?

— Чудо сотворили, вот что. Приехали утром, сделали ему два укола и говорите мне: «Мистер Даусон, его пронесет днем в два часа».

— Я это сказал?

— Ага. А потом вы сказали: «Для начала из него выйдет пригоршня». Вот столечко. (Для наглядности он сложил ладони ковшиком.) И точно в два из него столько и вышло. Не больше и не меньше.

— Черт-те что!

— Ага. А потом вы сказали: «В половине третьего из него выйдет по край вот этого совочка». — Мистер Даусон засеменял к крыльцу, поднял совок, прислоненный к крышке угольной ямы, и протянул его мне. — Вот он, совочек. И тютельница в тютельница по моим часам из него вышло ровнехонько столько, я смерил.

— Не может быть! Вы уверены?

— Хотите верьте, хотите нет. А потом вы сказали: «В три часа его полностью прочистит» — и произошло это минута в минуту. Я как раз на часы посмотрел, а он задрал хвост и избавился от всего, что его допекало. И с той поры здоровехонек.

— Чудесно, мистер Даусон. Очень рад узнать это. — Я помотал головой, чтобы стряхнуть паутину фантазий, которая начала меня обволакивать. Я обычный ветеринар, работаю не покладая рук и добросовестно, однако этим все исчерпывается, и меня смущает, когда во мне усматривают гения, но, как обычно, медовые хвалы мистера Даусона умягчительной мазью ложились на синяки и шишки моего самолюбия. Должен сознаться, я получал много удовольствия от них и не огорчился, когда он продолжил:

— Ну раз уж вы тут, взгляните-ка еще и на эту свинку. — Взяв меня под локоть, он повернул к хлеву. — Вот она! — сказал фермер, опираясь на загородку закутка, где на соломе распростерлась великолепная свинья в бахроме деловито сосущих поросят. — Та самая, у которой нога вздулась. Совсем охромела, и очень я за нее тревожился. А вы ее кольнули, оставили мази втирать в опухоль, и утречком от нее следа не осталось.

— То есть... она исчезла за одну ночь? Полностью рассосалась?

— Во-во! Я не шучу и не придумываю. Совсем прошла.

— Ну... просто поразительно...

— А для меня тут, мистер Хэрриот, ничего поразительного нет. Что бы

вы ни делали, все ладно выходит. Уж и не знаю, как бы я без вас обошелся!

Даже в полной растерянности я был тронут такой беззаветной верой. И мог только надеяться, что ее ничто не погубит.

Но когда мистер Даусон вызвал меня несколько недель спустя, я решил, что роковая минута настала.

— Ну, какая беда приключилась на этот раз? — спросил я.

Старик потер подбородок.

— Странность, одно слово. Вот этот теленок. — Он указал на крепенького малыша в возрасте около месяца. — Не пьет молоко как положено, и все тут. Да вот я вам покажу. — Он плеснул молока в ведро и поставил его перед теленком, но малыш не стал пить, а наклонил голову, яростно боднул — и ведро покатилось, разбрызгивая молоко во все стороны.

— И так он каждый раз?

— Ну да. Сразу переворачивает. Хлопот не оберешься. Да и молочко хорошее зря пропадает.

Я осмотрел теленка, потом обернулся к его хозяину.

— По-моему, он совершенно здоров.

— Здоров, а как же. И озорной вдобавок. Вот только с ведром балует. Ну я и подумал, может, вы сделаете ему какой-нибудь волшебный свой укол, он и перестанет.

— Право же, мистер Даусон, — сказал я со смехом, — это не имеет отношения к медицине. Чисто психологическая проблема. Не нравятся ему ведра, и все тут. Боюсь, на этот раз ничем не могу вам помочь. А нельзя просто держать ведро, пока он пьет?

— Так я и держу. А он все равно норовит боднуть. — Мистер Даусон засунул руки в карманы и уныло посмотрел на меня. — Да можете вы что-нибудь сделать, конечно, можете! Ну пусть не в медицине дело, так ведь он — животное, а со всеми моими животными у вас всегда все получалось прямо на диво. Попробуйте, а? Уколите его чем-ничем.

Я посмотрел на огорченное лицо старика. Если я уйду, ничего не сделав, он, наверное, очень расстроится. Но как уступить его капризу и не сыграть роль полного шарлатана? Если не сделаю инъекции, он будет горько разочарован, но вот что... что? Мысленно я перебирал содержимое моего багажника и уже совсем отчаялся, когда вдруг зримо представил себе ампулу тиамина — витамина В. Мы делали его инъекции при мозговом заболевании — церебро-кортикальном некрозе, и хотя теленок им не страдал, да и вообще был здоров, все-таки средство это было связано именно с головной. А чтобы усмирить свою совесть, я решил ничего не брать со старика за визит.

Я сбегал к машине.

— Сделаю ему инъекцию вот этого, — сказал я и был вознагражден сияющей улыбкой. Пусть инъекция не принесет никакой пользы, но свою службу она уже сослужила. Старик ободрился, и, если на то пошло, будет не так уж плохо, если хоть раз лечение не возымеет успеха. Мантия непогрешимости спадет с моих плеч, и от меня уже нельзя будет ждать невозможного.

Миновал месяц, прежде чем я снова увидел мистера Даусона. Он переги-

бался через жердяную ограду на ярмарке скота, а увидев меня, замахал и поспешил ко мне. Я предвкушал момент, когда впервые ему придется сообщить о неудаче. Какие слова он подберет? Ему же еще никогда ничего подобного говорить не приходилось. И я не сомневался, что развенчать меня для него — тяжкая задача.

Он поглядел на меня широко раскрытыми глазами.

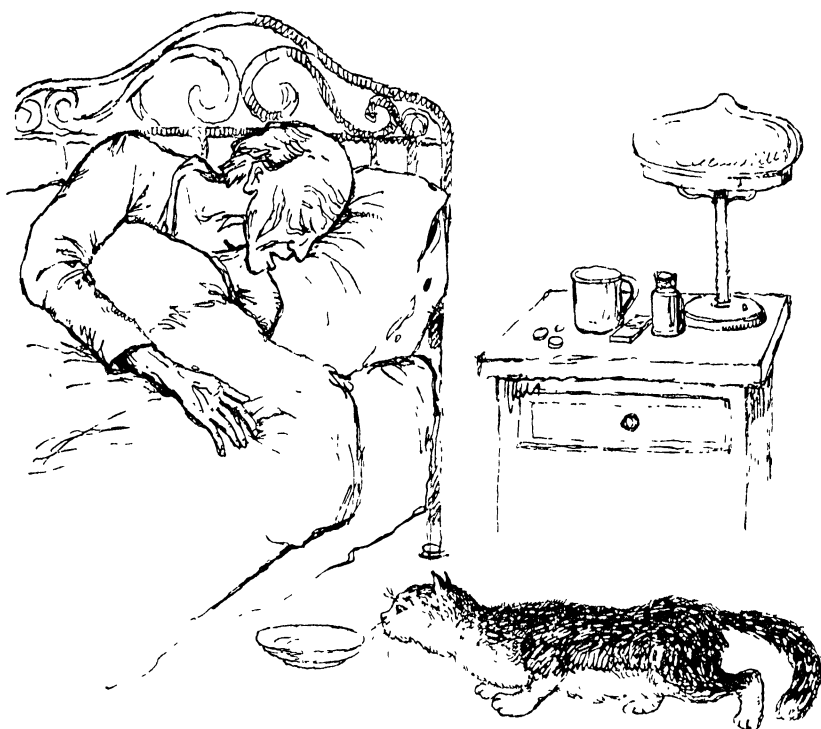
— Ну, мистер Хэрриот, опять вы себя показали!

— Показал? — Я в недоумении уставился на него.

— Ага! С тем теленком. Ваш укол еще как сработал!

— Что?!

— Ну да! — Счастливая улыбка разлилась по лицу. — С того дня ни единого раза с ведром не бодался!

Когда кошки и собаки, которых мы лечили, в конце концов умирали, хозяева иногда приносили нам их мертвые тельца. Это всегда было очень грустно, и у меня сжалось сердце, когда я увидел лицо старого Дика Фосетта.

Он поставил на стол в смотровой самодельную кошачью корзинку и тоскливо посмотрел на меня.

— Игрун... — сказал он, и губы у него беспомощно задрожали.

Я не стал задавать вопросов, а начал развязывать шнурки, стягивавшие картонную коробку. Купить настоящую кошачью корзинку Дикю было не по карману, но он уже приходил с этой картонкой, в стенках которой просверлил дырки.

Я развязал последний узел и заглянул внутрь, где неподвижно лежал Игрун — глянцеvито-черный шаловливый котик, которого я знал так хорошо. Ласковый мурлыка, деливший с Диком его жизнь.

— Когда он умер, Дик? — спросил я мягко.

Он провел ладонью по изможденному лицу, по жидким седым волосам.

— Да вот утром гляжу, а он лежит рядом с моей кроватью... Да только... может, он еще не умер, мистер Хэрриот?

Я снова посмотрел в картонку. Ни малейших признаков дыхания. Я вынул обмякшее тельце, положил на стол и прикоснулся к роговице незрячего глаза. Никакого эффекта. Я взял стетоскоп и прижал его к черной грудке.

— Сердце еще бьется, Дик, но очень слабо.

— Может взять и остановиться, так, по-вашему?

— Ну-у... — Я замялся. — Боюсь, примерно так.

Тут грудная клетка котика слегка приподнялась и опустилась.

— Он еще дышит, — сказал я. — Но еле-еле.

Я внимательно осмотрел Игруна, однако никаких болезненных симптомов не обнаружил. Конъюнктивы была здорового цвета, да и все остальное казалось нормальным.

Я погладил глянцевую шкурку.

— Настоящая загадка, Дик. Он всегда был таким подвижным, бойким — настоящим Игруном. И вот лежит пластом, а я не могу найти причину.

— Может, его удар хватил?

— Ну теоретически не исключено, но он должен был бы сохранять какие-то проблески сознания. А ушибить голову ему не могли?

— Вроде бы нет. Когда я спать ложился, он прыгал себе, а ночью из дому не выходит. — Старик пожал плечами. — А он, значит, совсем плох?

— Боюсь, что так, Дик. Жизнь в нем еле теплится. Но я сделаю инъекцию стимулирующего средства, а вы отнесите его домой и держите в тепле. Если завтра утром он еще будет дышать, принесите его сюда, и я посмотрю, что еще можно будет сделать.

Я старался говорить бодро, но не сомневался, что больше Игруна не увижу. И знал, что старик думает то же самое.

Его руки дрожали, пока он завязывал шнурки. Я проводил его до входной двери. Он все время молчал, но на крыльце вдруг обернулся и кивнул.

— Спасибо, мистер Хэрриот.

Я смотрел, как он, шаркая ногами, бредет по улице — возвращается в пустой домишко с умирающим другом. Жenu он потерял много лет назад — во всяком случае, все время нашего знакомства он жил один на пенсию по старости. Невеселая эта жизнь. Он был тихим, добрым человеком, редко выходил из дома и как будто не имел друзей, зато у него был Игрун. Шесть лет назад котик забрел к нему и преобразил его жизнь, принеся в безмолвный дом шаловливую веселость, смеша старика, сопровождая его по дому и не упуская случая потереться о его ноги. Дик уже не ощущал себя одиноким, и год за годом я наблюдал, как крепнет их дружба... Нет, не просто дружба — старик, казалось, находил в Игруне опору. И вот теперь — это.

Что же, думал я, возвращаясь по коридору, случай, увы, слишком обычный в ветеринарной практике. Жизненный срок четвероногих друзей чересчур короток. Но мне было по-особому скверно, я ведь так и не установил, что случилось с моим пациентом. Я был в полном недоумении.

На следующее утро я с удивлением увидел, что в приемной сидит Дик Фосетт с картонкой на коленях.

— Что случилось? — спросил я поспешно.

Он не ответил. По лицу же ничего нельзя было прочесть, и пока мы шли в смотровую, и пока он развязывал шнурки. Когда он откинул крышку, я приготовился к худшему, но, к моему изумлению, черный котик выпрыгнул на стол и потерял мордочкой о мою руку, мурлыча, как мотоцикл.

Старик засмеялся, и его худое лицо преобразилось.

— Ну что скажете?

— Просто не знаю, Дик. — Я тщательно осмотрел Игруна. Все оказалось абсолютно нормальным. — И могу сказать только одно: я очень рад. Это похоже на чудо.

— Вот уж нет, — ответил старик. — Его ваш укол выручил. Прямо колдовство какое-то. Большое спасибо.

Я тоже был ему благодарен, но что-то продолжало меня тихонько грызть. Ведь я так и не установил... ну да ладно! Слава Богу, что все хорошо кончилось!

Случай этот благополучно изгладился бы из моей памяти, но три дня спустя Дик Фосетт вновь появился в приемной со своей картонкой. В ней, неподвижно вытянувшись, лежал в коме Игрун — совсем как в первый раз.

В полном ошеломлении я вновь его осмотрел, повторил инъекцию, и на следующий день котик опять был совершенно здоров. Я оказался в положении, бесконечно знакомом любому ветеринару, когда болезнь ставит тебя в полный тупик и ты с нарастающим страхом ждешь трагического исхода.

Неделя прошла спокойно, а потом позвонила миссис Дагган, соседка Дика.

— Меня просил позвонить мистер Фосетт. Кот у него приболел.

— Что с ним?

— Да лежит вытянувшись, будто обмер.

Я с трудом подавил крик отчаяния.

— Когда это произошло?

— Утром увидели. А мистер Фосетт не может принести его к вам. Ему самому неможется. Лежит в постели и не встает.

— Очень грустно. Я сейчас же заеду.

Вновь та же картина. Почти безжизненное тельце лежало неподвижно на кровати Дика. И сам Дик выглядел ужасно — землисто-бледный, исхудавший еще больше. Но он все-таки сумел встретить меня улыбкой.

— Похоже, ему опять требуется ваше чудотворное зелье, мистер Хэрриот.

Наполняя шприц, я отгонял мысль, что тут и впрямь замешано колдовство. Только инъекция к нему никакого отношения не имела.

— Загляну завтра, Дик, — сказал я. — Надеюсь, вам станет лучше.

— Ничего мне не сделается, лишь бы малыш был здоров. — Старик протянул руку и погладил глянцевирую шерстку. Не рука, а обтянутые кожей кости, и смертельная тревога в глубоко запавших глазах.

Я обвел взглядом уютную комнатушку, надеясь на еще одно чудо.

Честно говоря, я не удивился, когда на следующее утро вошел к Дик и увидел, что Игрун прыгает по кровати, гоняясь за бумажкой на веревочке, которую старик водил по одеялу. Облегчение было большим, но туман моего невежества просто душил. В чем, черт побери, дело? Бессмыслица ка-

кая-то! Ни одной болезни с такими симптомами не знаю да навряд ли отыщу ее, даже если перелистаю все ветеринарные справочники.

Впрочем, когда котик, выгнув спину и мурлыча, потерялся о мою руку, я был достаточно вознагражден. Дику же только это и требовалось. Он улыбался и выглядел заметно бодрее.

— Вы все время его на ноги ставите, мистер Хэрриот. Не знаю, как уж вас и благодарить. — Тут в его глазах снова мелькнула тревога. — Но с ним так и дальше будет? Я все боюсь, что в следующий раз он не очнется.

То-то и оно! Я сам этого боялся, но ответил обнадеживающе:

— Возможно, Дик, это временная стадия и больше причин беспокоиться у нас не будет. — Но обещать я ничего не мог, и старик знал это.

Миссис Дагган проводила меня до двери, и на крыльце я столкнулся с нашей районной фельдшерницей.

— Добрый день, — сказал я. — Вы к мистеру Фосетту? Так жаль, что он болен.

Она кивнула:

— Бедный старичок. Это так тяжело!

— О чем вы? Или у него что-то серьезное?

— К сожалению. — Губы у нее сжались, и она отвела глаза. — Он умирает. Рак. И угасает очень быстро.

— Господи! Бедняга Дик! Всего несколько дней назад приносил своего кота. И ничего не сказал. А он знает?

— Да, знает. Но в этом он весь, мистер Хэрриот. Держится как может. И ему никак не следовало выходить.

— А он... он... сильно страдает?

Она пожала плечами.

— Боли теперь, конечно, бывают, но мы стараемся их облегчить. Я делаю ему инъекции, и у него есть микстура, чтобы самому принимать, если понадобится. Руки у него так трясутся, что налить ее в ложку он не в состоянии. Конечно, миссис Дагган помогла бы, но он такой независимый! — Она улыбнулась. — Наливает микстуру в блюдечко и черпает ложкой оттуда.

— В блюдечко... — В тумане вдруг забрезжил луч света. — Но что за микстура?

— А! Героин с петиленом. Доктор Аллинсон всегда прописывает.

Я схватил ее за руку.

— На минутку вернусь с вами.

Старик посмотрел на меня с удивлением.

— Что случилось, мистер Хэрриот? Забыли что-нибудь?

— Нет, Дик. Просто хочу задать вопрос. Вкус у вашей микстуры приятный?

— Да, сладенькая такая. Глотается легко.

— И вы наливаете ее в блюдечко?

— Верно. Руки меня не слушаются.

— А когда принимаете ее на ночь, в блюдечке что-нибудь остается?

— Остается. А что?

— Так вы же ставите блюдечко у кровати, верно? А Игрун спит возле вас...

Старик уставился на меня.

— Так, по-вашему, малыш его вылизывает?

— На что угодно спорю: вылизывает!

Дик откинул голову и расхохотался. Смеялся он долго и весело.

— А потом спит как убитый! Оно и понятно: я тоже носом клюю!

Я смеялся вместе с ним.

— Теперь все понятно, Дик. Как примете микстуру, блюдечко убирайте в тумбочку, хорошо?

— Само собой, мистер Хэрриот. А Игрун больше так валяться не будет?

— Никогда!

— Это вот хорошо! — Он сел на постели, взял Игруна и нежно прижался к нему лицом. Потом радостно вздохнул и посмотрел на меня.

— Значит, мистер Хэрриот, теперь и беспокоиться нечего.

На крыльце, второй раз прощаясь с миссис Дагган, я оглянулся на дверь.

— «Теперь и беспокоиться не о чем!» А? Какой молодец!

— Это верно. И ведь чистую правду сказал: о себе он не беспокоится.

В следующий раз я увидел Дика через две недели, когда навещал приятеля в дарроубийской больничке. Старик лежал на кровати в углу палаты.

Я подошел и присел на край его постели. Его изможденное лицо дышало безмятежностью.

— Здравствуйте, Дик, — сказал я.

Старичок сонно поглядел на меня и прошептал:

— А, мистер Хэрриот! — Он закрыл глаза, но через несколько секунд открыл их и чуть улыбнулся. — Я рад, что мы разобрались с тем, от чего Игруну бывало плохо.

— Я тоже рад, Дик.

— Его миссис Дагган взяла, — добавил он, помолчав.

— Да, я знаю. Ему там будет хорошо.

— Верно... — Его голос стал тише. — Только вот иногда думается, был бы он тут со мной... — Костлявые пальцы погладили одеяло, губы снова зашевелились. Я нагнулся пониже, чтобы расслышать.

— Игрун... — шептал он, — ...Игрун... — Веки старика сомкнулись, и я увидел, что он уснул.

На следующий день я узнал, что Дик Фосетт умер, и, возможно, я слышал его последние слова. И были они о его коте. Необычно, но так уместно!

— Игрун... Игрун...

15

Я должен вернуться к тем дням, когда Джон Крукс нас покинул, а я еще не свыкся с мыслью, что он не вернется. Не верилось, что больше не услышу в трубке, как этот звучный голос говорит, чтобы я продолжал спать, а в морозную тьму к телящейся молодой корове поедет он. Но главным было не это. Как я уже упоминал, тогда я был еще достаточно молод, чтобы подружиться с помощником, и вот я потерял друга — а вернее, двух, когда Джон и Хетер отправились строить собственную жизнь в Беверли, — и на душе у меня было пусто.

Но что толку переживать? Нам требовался новый помощник, наше объявление в «Ветеринари рикорд» не осталось без ответа — и кандидат ожидался с минуты на минуту. Я взглянул на часы. Почти половина третьего, и поезд, на котором Колем Бьюканан должен приехать в Дарроуби, прибывает через четверть часа. Я побежал к машине и покатил на станцию.

Из поезда на платформу сошел только один пассажир в сопровождении крупного ларчера. Пока он шел по направлению ко мне, я успел разглядеть

потрепанный чемодан, пышные черные усы и очень темные глаза. Однако мое внимание приковало какое-то мохнатое животное, перевесившееся через его плечо.

Он протянул руку и ухмыльнулся до ушей.

— Мистер Хэрриот?

— Да-да... — Я потряс его руку. — А вы, следовательно, Колем Бьюканан.

— Совершенно верно.

— Отлично... отлично... Но вот у вас на плече...

— А это Мэрилин.

— Мэрилин?!

— Ну да. Моя барсучиха.

— Барсучиха!

Он рассмеялся. Беззаботным смехом.

— Извините. Наверное, следовало предупредить вас в письме. Она моя верная подружка. И ездит со мной всюду.

— Всюду?

— Безоговорочно.

На меня нахлынули всевозможные дурные предчувствия. Как помощник ветеринара будет справляться со своими обязанностями, когда у него с плеча свисает дикий зверь? И какой человек способен явиться на новое место работы не только с барсуком, но еще и с гигантским псом?

Впрочем, последнее я узнаю незамедлительно, а потому отогнал эти мысли и проводил его к машине под перекрестным огнем недоуменных взглядов кассира, двух сидящих на платформе дам и носильщика, который чуть было не протаранил стену своей тележкой с грузом ящиков.

— Как вижу, у вас и собака.

— Да. Буран. Очень милый и ласковый.

Ларчер завилал хвостом и посмотрел на меня добрыми глазами. Я погладил косматую голову.

— Да, это видно сразу... Между прочим, ваши имя и фамилия наводят на мысль о шотландском акценте, но у вас его нет.

Он улыбнулся:

— Я родился в Йоркшире, но мои предки были выходцами из Шотландии. — Глаза у него сверкнули, и он вздернул подбородок.

— А, так вы ими гордитесь?

— Да. — Он кивнул, а его лицо стало по-настоящему серьезным. — Очень горжусь.

Когда мы приехали в Скелдейл-Хаус, я показал Бьюканану его машину и помог загрузить ее всем самым необходимым, что мы всегда захватывали с собой: лекарствами, инструментами, акушерским халатом, защитным комбинезоном, затем отвел новичка наверх в квартирку, где его, по-видимому, заинтересовала не обстановка, а открывающаяся из окна перспектива длинного сада — птицы и цветы.

— Ах, да! — спохватился я. — Совсем из головы вон. Вы обедали?

— Обедал?

— Да. Вы что-нибудь ели?

— Ел?.. Ел... — В темных глазах появилось задумчивое выражение. —

Да. Я уверен, что вчера как будто ел.

— Вчера! Но сейчас уже почти четыре. Вы же умираете с голоду!

— Да нет, вовсе нет, нисколько.

— Как! Вы не голодны?

Этот вопрос, видимо, показался ему странным, если не загадочным, и он только неопределенно пожал плечами.

— Все равно, — сказал я, — сейчас схожу вниз, посмотрю, что там найдется, чтобы вы перекусили.

В шкафу в приемной обнаружился большой фруктовый бисквит, который Хелен только что испекла, чтобы нам было чем заесть чашку кофе между вызовами. Я положил его на тарелку, захватил нож с вилкой и вернулся в квартиру.

— Вот, пожалуйста, — сказал я, ставя тарелку с бисквитом на стол. — Угощайтесь, а пообедайте позже.

Тут я услышал шаги на лестнице, и в комнату влетел Зигфрид.

— Кодем Бьюканан — Зигфрид Фарнон, — представил я их друг другу.

Они обменялись рукопожатием, а затем Зигфрид дрожащим пальцем показал на плечо молодого человека.

— А это еще что, черт подери?

Кодем улыбнулся своей обаятельной улыбкой.

— Мэрилин, моя барсучиха.

— И вы намерены держать это животное здесь?

— Совершенно верно.

Зигфрид сделал глубокий вдох, выпустил воздух через нос — очень медленно — и ничего не сказал, а только продолжал сверлить взглядом нашего нового помощника.

Молодой человек непринужденно рассказывал о том, как проходил практику, упомянул, до чего он рад, что будет жить в таком симпатичном городке, как Дарруоби, заговорил про сад.

Тем временем он принялся за бисквит, но даже не взял нож, а машинально отламывал кусок за куском, продолжая говорить:

— Какая великолепная глициния! Красивее я не видывал. И такой прелестный снегирь, а на вашей яблоне я видел обыкновенную пишуху, они теперь такая редкость! — И сунув в рот кусок, нашпигованный изюмом, вдруг воскликнул: — Да это же черный дрозд-альбинос вон на той ветке! Какой красавец!

Зигфрид — завзятый натуралист и орнитолог, и при нормальных обстоятельствах этот разговор его увлек бы, но теперь он молчал и только переводил взгляд с барсука на собаку, а с собаки на быстро исчезающий бисквит.

Наконец Кодем собрал пальцами последние крошки — по-моему, он попросту не замечал, что ест, — и отвернулся от окна.

— Очень вам благодарен. А теперь, если можно, я распакую чемодан. Я сглотнул.

— Очень хорошо. Увидимся попозже.

Мы спустились на первый этаж, и Зигфрид потащил меня в пустую приемную.

— Что, черт подери, на нас свалилось, Джеймс? Помощник с чертовым барсуком на шее! И собачище ростом с осла!

— Ну... да... Но он производит симпатичное впечатление.

— Пусть так, но и очень странное. Разве вы не заметили? Он умял весь бисквит!

— Да, я заметил. Но он изголодался — ничего не ел со вчерашнего дня. Зигфрид уставился на меня.

— Не ел со вчерашнего дня? Вы уверены?

— Практически. Но он сам толком не знал.

Мой партнер застонал и ударил себя ладонью по лбу.

— Боже мой! Нам следовало бы сначала с ним встретиться, а уж потом приглашать. Но университет дал такие блистательные отзывы. Я полагал, что ошибиться мы не можем.

— Как знать. Не исключено, что он умеет работать, а ведь это главное.

— Ну, будем надеяться, хотя он чертовски странный тип, и я предчувствую, что из-за него будет много хлопот.

Я промолчал, однако дурных предчувствий у меня тоже хватало. Джон Крукс при всех своих выдающихся способностях в остальном был обычным приятным человеком, но в его темноглазом преемнике ничего обычного не замечалось.

Размышления прервал телефонный звонок. Я взял трубку, принял вызов, а потом обернулся к Зигфриду.

— Звонил Майлс Хорсли. У него первый отел.

Мой партнер кивнул, задумчиво пожевал губами и решительно взмахнул пальцем.

— Прекрасно. Пошлем нашего нового помощника. Вот посмотрим, как он работает, и все сомнения разрешатся сами собой.

— Погодите, Зигфрид, — перебил я. — Он же только-только получил диплом, а это Майлс Хорсли. Он настоящий знаток и по пустякам к нам обращаться не стал бы. К тому же — молодая корова. Первый отел. Случай может оказаться очень сложным. Так не лучше ли все-таки поехать мне?

— Нет! — Зигфрид энергично мотнул головой. — Я хочу проверить этого типа в деле. И чем скорее, тем лучше. Покричите-ка его.

Кодем выслушал инструкции с полным хладнокровием и тихонько насвистывал, пока мы показывали ему дорогу по карте. Потом повернулся к двери, и Зигфрид напутствовал его напоследок:

— Работа может оказаться трудной, но не возвращайтесь, пока корова не растелится. Вы поняли?

У меня кровь в жилах похолодела, но Кодем и глазом не моргнул, а бодро помахал и зашагал к своей машине.

Зигфрид повернулся ко мне с угрюмой улыбкой.

— Возможно, вы сочли меня излишне строгим, Джеймс, но я не хочу, чтобы он вернулся через полчаса и заявил, что положение плода слишком уж неправильное, так не возьмемся ли за это мы сами. Нет! Сразу на глублину, и никаких нежностей. Наилучший способ.

Я пожал плечами. Оставалось надеяться, что молодой человек умеет плавать.

Уехал он около половины шестого, и к половине восьмого я пришел в полное изнеможение. Мне мерещилось, как злополучный новичок извивается на полу коровника, с ног до головы вымазавшись в крови и навозе. Я

поймал себя на том, что поглядываю на часы каждые пять минут, и чувствовал, что вот-вот начну метаться по комнате, но тут вошел Зигфрид с собачкой, которой надо было зашить рваную рану на боку.

— Ну как Бьюканан? Справился? — осведомился мой партнер.

— Не знаю. Он еще не вернулся.

— Не вернулся? — Зигфрид посмотрел мне прямо в глаза. — Значит, что-то не так. Зашьем-ка псину, а потом вам или мне надо будет съездить туда и посмотреть, что происходит.

Я сделал псину анестезию в полном молчании, и Зигфрид начал обрабатывать рану тоже в полном молчании. Я знал, что оба мы думает об одном и том же: послать необстрелянного новичка было большой ошибкой. Зигфрид накладывал швы, но я заметил, что и он скашивает глаза на циферблат часов.

Шел уже девятый час, когда дверь операционной открылась и вошел Колем Бьюканан. Игла замерла в пальцах Зигфрида. Он посмотрел на молодого человека:

— Ну как?..

— Боюсь, отелиться она никак не могла, — ответил Колем. — Маленькая корова, большой теленок с заворотом головы на сторону. В самой глубине, куда добраться было невозможно. Помочь отелиться я не мог никак.

Зигфрид покраснел, и в его глазах вспыхнул опасный огонь.

— И?

— И я сделал кесарево сечение.

— Что? Что вы сделали?

Колем невозмутимо улыбнулся:

— Кесарево сечение. Ничего другого не оставалось. Теленок был жив, и об эмбриотомии вопрос не вставал.

Зигфрид смотрел на него, разинув рот.

— Скажите... что... как...

— Без всяких накладок. Когда я уезжал, корова уже встала и выглядела хорошо, а мы получили чудесного живого теленка.

— Ну... ну... — Мой партнер, казалось, лишился дара речи: в пятидесятые годы кесарево сечение коровам делалось крайне редко. Но в конце концов врожденное чувство справедливости взяло верх над всем остальным.

— Ну, мой милый, видимо, вы блестяще справились, и я вас поздравляю. Это же первый ваш вызов как полноправного ветеринара. Отлично, отлично!

Молодой человек сверкнул темноглазой улыбкой.

— Большое спасибо. — Он посмотрел на свои руки. — С вашего разрешения я бы принял ванну.

— Дорогой мой, ну разумеется! И обязательно поешьте!

Когда дверь за нашим новым помощником закрылась, Зигфрид посмотрел на меня широко открытыми глазами.

— Ну что вы на это скажете?

— Великолепно! — сказал я. — Всякий, кто способен, едва приехав, справиться с такой задачей, должен быть хорош! Господи, он же только-только уложил в машину инструменты!

— Да... да... — Зигфрид сосредоточенно нахмурился, кончил накладывать швы и пошел к раковине вымыть руки. Внезапно он оглянулся.

— Знаете, Джеймс, мне все еще как-то не верится. Не думаете ли вы, что он нас морочит?

Я рассмеялся.

— Ну конечно, нет! Он бы не рискнул,

— Ну, не знаю, — пробурчал Зигфрид. — Станный он какой-то! Я с ним никак не могу сориентироваться. — Он кончил мыть руки, и по его губам пробежала улыбка. — Знаете что? Когда приберем тут, поехали к Майлсу Хорсли. Десять минут — и мы уже там, а потом выпьем пива в сельском кабаке. Он совсем рядом с фермой. Я же не успокоюсь, пока не посмотрю.

Майлс Хорсли был жилистым йоркширцем шести футов роста — хороший человек, но не из тех, с кем можно шутить. Хозяин молочной фермы, где все было доведено до совершенства, следящий за всеми новшествами.

Он сам открыл дверь, и при виде нас его гранитное лицо смягчилось.

— А! Добрый вечер, джентльмены. Сегодня у нас ветеринары не переводятся. Так что случилось?

— Видите ли, Майлс, — небрежно сказал Зигфрид, — мы с Джеймсом заехали попить пивка в «Гербе кузнеца» ну и подумали, что не мешает взглянуть на вашу корову.

Фермер кивнул.

— Оно не лишнее. Идемте поглядим. — Он повел нас через темный двор, открыл дверь стойла в дальнем его конце и включил свет.

Отличная молодая корова рыжеватой масти мирно выщипывала сено из кормушки, а к ее вымени присосался крепыш теленок. На левом боку коровы был выбрит почти идеальный треугольник, пересеченный по вертикали таким аккуратным швом, какие мне редко доводилось видеть.

— А вы хорошим помощником обзавелись, — сказал фермер. — Правда, я сперва понять не мог, кто он. Барсук этот!

Зигфрид все еще ошеломленно смотрел на шов.

— Да... да... Безусловно.

— Уверенный такой паренек, — продолжал фермер. — И мне понравилось, как он за дело взялся. Осмотрительно и чистоту соблюдал строжайшим образом. Принес все инструменты в дом, прокипятил, основательно так. И только тогда начал оперировать. И заражения никакого не будет, об заклад побьюсь. И теленка я получил, ну просто чудо!

Зигфрид провел рукой по спине коровы и погладил голову теленка.

— Очень рад, что все так хорошо прошло. Спасибо, Майлс, что показали ее нам.

В «Гербе кузнеца» мой партнер задумчиво отхлебнул из кружки.

— Очень аккуратная работа, Джеймс, но вот что странно: у меня такое чувство, что где-то тут кроется подвох.

— О чем вы? В помощники мы взяли прекрасного ветеринара. Это очевидно.

— Да, как будто. Но уж очень он необычный... Ну и барсук этот чертов. И дурацкие усы, как у моржа. А уж бисквит! Уничтожить в один присест громадный фруктовый бисквит! И ведь даже не замечал, что делает.

Я засмеялся.

— Согласен. Он несомненно очень своеобразный молодой человек. Но, по-моему, симпатичный — есть в нем какое-то обаяние. И отлично работает. А это главное.

— Верно. Да, верно. — Зигфрид запустил пальцы в волосы и взлохматил их. — Возможно, я тревожусь зря, но... время покажет...

— Умник! — сказал я, опорожняя околоанальные железы могучего пса. Со стороны морды доносилось ворчание, но хвост вилял так дружески, что смотреть было приятно, хотя вряд ли псу могло нравиться, как я обрабатываю его. — Хвостом виляет, молодец!

— Да, только... — начала старенькая миссис Коутс, но опоздала. Я шагнул вперед, чтобы поглядеть его глаза, а пес, к моему изумлению, с рыком бросился на меня, осерив зубы и целя в лицо. За долгие годы я отработал тактику увертываний, но на этот раз едва избежал опасного укуса.

— Прекрати, Волчик! Нехорошая, гадкая ты собака! — вскрикнула старушка. — Веди себя прилично, не то я тебя выдеру, слышишь?

Пес от выговора приутих, я же попятился на безопасное расстояние.

— А знаете, Волчик — поразительная собака, — сказал я, уставившись на пса. — Виляет хвостом, как сумасшедший, и одновременно рычит и скалит зубы, точно готов разорвать меня в клочья.

— В том-то и беда, мистер Хэрриот. Он всегда людей в обман вводит. Они глядят на его хвост и думают, что он ласковый, а тут вдруг...

— Да, меня он бесспорно обманул, миссис Коутс. Я никогда прежде не видел, чтобы собака виляла хвостом и рычала одновременно. Все, значит, зависит, с какого конца взглянуть, верно?

Миссис Коутс жила в одном из муниципальных коттеджей для стариков, и некоторое время спустя после знакомства с Волчиком мне пришлось побывать в другом таком коттедже, дальше по улице, у пожилой пары — мистера и миссис Харт.

Их кот, как и они сами, был уже в годах, и у него лезли волосы, образуя заметные проплешины. Раздвинув шерсть, я обнаружил несомненные симптомы везикулярной экземы.

— Она часто поражает холощенных котов вроде вашего Питера. Инъекция гормона, курс таблеток — и все как рукой снимет.

Питер не перестал мурлыкать, даже когда я ввел иглу под кожу — он ценил любое внимание к себе, — но я заметил, что хозяев что-то тревожит. А когда я насыпал таблетки в коробочку и сел писать инструкцию, вид у них и вовсе стал несчастливым.

— Тут вот что получается, мистер Хэрриот, — неожиданно сказал старик. — Лечение это денег стоит, а мы вам заплатит не можем. То есть сегодня.

— Да вот, — вмешалась его жена. — Мы любим платить аккуратно, сразу, только вот денег у нас сейчас нет. Нас ограбили.

— Ограбили?

— Да, случилась такая беда. Мужу все недужится, ну и сад мы подзапустили. А тут приходят эти двое и предлагают сад в порядок привести, ну и пока мы уговаривались в комнате с одним, другой на кухне шарил и забрал наши пенсии и еще немножко, что мы на расходы отложили. Деньги на полке лежали.

— Какая подлость! — сказал я. — Но из-за меня, ради Бога, не беспокойтесь. Заплатите, когда вам будет удобно. Я от души вам сочувствую — пережить такое!

Я вышел из домика в бешенстве — просто не верилось, что бывают люди, способные забраться в дом к безобидным старичкам и украсть несколько фунтов — все их достояние. Но, как ни грустно, эту историю я слышал не в первый раз. Эта парочка повадилась орудовать в Дарроуби — под любым предлогом проникали в дом и обворовывали хозяев. Специализировались они на стариках, труссы!

Несколько дней спустя, проходя мимо коттеджа миссис Коутс, я решил взглянуть к Волчику. Старушка впустила меня, и пес приветливо замахал хвостом, свирепо ворча.

— Он молодцом, — сказала миссис Коутс. — Больше совсем на заднице не ерзает.

— Прекрасно, — ответил я. — Для собак эта штука очень мучительна. Она схватила меня за руку.

— А что я вам расскажу! Ко мне воры залезли!

— Неужели те двое? Так и вас тоже? Очень грустно.

— Да нет, вы послушайте! — возбужденно начала она. — Один, значит, зубы мне заговаривает в комнате, а другой на кухне с Волчиком. Слышу,

он говорит: «Собачка! Хорошая собачка!», а потом вдруг прямо взвыл, табуретку опрокинул и через комнату к двери, и визжит, а Волчик висит у него на заднице. Второй тоже наутек, но на пороге Волчик и его тяпнул-таки — как он заорал! Потом гляжу — бегут по улице, а Волчик сзади на них прыгает!

Она пошарила в углу за камином и протянула мне окровавленный лоскут, явно вырванный из брюк.

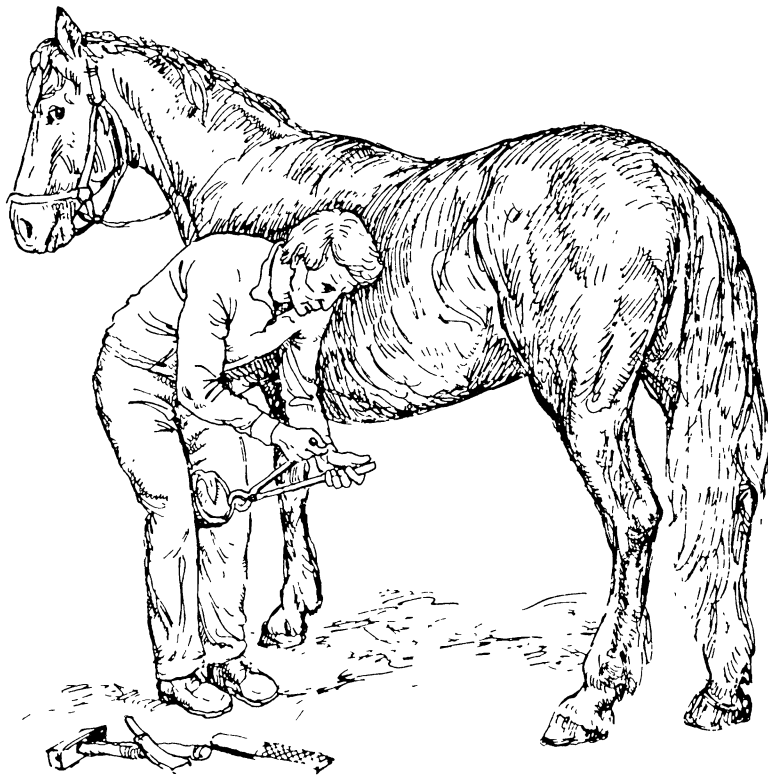
— Волчик его с собой притащил.

Я так хохотал, что даже привалился к стене.

— Ну замечательно! Держу пари, больше мы их в Дарроуби не увидим!

— Что так, то так. — Старушка зажала щеки в ладонях и засмеялась. — Меня смех разбирает, чуть вспомню, как тот улещивал: «Собачка, хорошая собачка!».

— Да, очень забавно, — согласился я. — Наверное, не на тот конец смотрел!

Коли лошадь охромела, осмотри копыто, гласит старое присловье, и в девяноста процентах случаев это дельный совет.

Могучий клайдсдейл приподнял заднюю левую ногу, держал ее на весу, подрагивая, потом осторожно опускал на землю. Все было ясно.

— У него камешек, — сказал я фермеру. Так в холмах называли гнойный пододерматит. Он возникает, когда лошадь ранит подошву или она трескается и внутрь проникают патогенные микроорганизмы. Образуется абсцесс, и лечение одно: выскоблить рог и эвакуировать гной.

Для этого требовалось поднять копыто и либо положить его себе на колено, если нога задняя, либо зажать между собственными ногами, если она передняя. Затем копытным ножом добраться до подошвы. Рог частенько бывает тверже мрамора, а точное место определить нелегко. Сколько часов я провел, выскабывая копыта, а лошадь наваливалась на меня всем весом, и по моему лицу струился пот, капая с носа на чертово копыто!

— Ну-ка, посмотрим! — сказал я, провел ладонью вниз по ноге и уже

добрался до копыта, как вдруг конь гневно дернулся, стремительно повернулся и лягнул меня, задев бедро.

— Ну что же, он, во всяком случае, еще способен брыкаться больной ногой! — пробормотал я.

Фермер крепче ухватил поводья и расставил ноги пошире.

— Ага. Он с норовом. Так что вы поосторожнее. Он и меня раза два еще как отделал!

Я опять попытался — с тем же результатом, а при третьей попытке, когда копыто промахнулось самую малость, конь повернулся — и я отлетел к стенке стойла. Но встал и с угрюмой решимостью опять потянулся к левому заднему копыту. Тут конь взвился на дыбы, передним копытом припечатал мне плечо и попробовал укусить.

Фермер был пожилой, довольно щуплый, и конь мотал его из стороны в сторону. Вид у него был самый несчастный.

— Вот что, — пропыхтел я, потирая плечо, — нам одним с ним не справиться. Днем я должен привезти Денни Бойнтонна к другой лошади с камешком, так мы заедем около двух и займемся этим молодцом. Да и подкову кузнецу снять проще.

Фермер Хиксон вздохнул с облегчением.

— Правильно. А то я уж думал, мы тут такое родео устроим!

Уезжая, я задумался о моих отношениях с Денни. Нас связывала старая дружба. Он часто ездил со мной, когда я отправлялся к заболевшим лошадям. В пятидесятых трактор окончательно воцарился на фермах, но некоторые фермеры держали рабочих лошадей и очень ими гордились. Лошади эти, как правило, были крупными кроткими животными, и я испытывал к ним почти родственное чувство, наблюдая, как они терпеливо выполняют свои обязанности. Но конь мистера Хиксона оказался явным исключением.

При обычных обстоятельствах я бы спокойно снял подкову, прежде чем начать операцию. Все ветеринары на первых стадиях обучения постигали тайныковки, и необходимые инструменты были при мне, но хиксоновский конь устроил бы хороший танец. Нет, пусть лучше Денни!

Бойнтоновская кузница стояла на окраине деревни Ролфорд, и, подъезжая к квадратному приземистому строению, осененному деревьями на зеленом фоне высокого склона, я в который уж раз почувствовал, что вижу один из немногих сохранившихся памятников прошлого. Когда я только приехал в Йоркшир, в каждой деревне была своя кузница, а в Дарроуби так даже несколько. Но с исчезновением ломовых лошадей исчезали и они. Жившие там из поколения в поколение люди разъехались, и в стенах, где стучали конские копыта и лязгало железо, теперь стояла мертвая тишина. Кузница Денни была одной из немногих сохранившихся — главным образом потому, что он был искусным мастером и подковывал верховых и скаковых лошадей, а это требует особой сноровки. Когда я вошел, Денни нагибался над копытом красавца гунтера, перешучиваясь с миловидной хозяйской лошади, которая стояла возле.

— А, мистер Хэрриот! — воскликнул он, увидев меня. — Я сейчас освобожусь. — Он прижимал к копыту раскаленную подкову, и запах паленого рога, красные отсветы горна и звенящие удары молота, которым бил по наковальне все еще бодрый и крепкий отец Денни, вызывали уйму воспоминаний о прошлых, более живописных днях.

Денни не отличался массивностью. Он был худощав, но очень крепок, и пока он работал, на руках вздувались и опали бугры мышц. Спина у него была широкая, как того требовало ремесло, но в остальном ему была свойственна та жилистая поджарость, которая отличала фермеров йоркширских холмов, в чьем обществе я чуть ли не ежедневно проводил по нескольку часов.

Денни уже прибывал подкову. Через минуту-другую он выпрямился и хлопал лошадь по крупу.

— Забирайте свою клячу, Анджела, — сказал он, блеснув в сторону девушки белозубой улыбкой.

Она хихикнула, а я подумал, что сцена эта очень типична. Денни с его лукавыми смеющимися глазами и какой-то бесшабашностью на рубленом лице, несомненно, нравился окрестным барышням, которые приводили к нему своих раскованных лошадей, и он всегда работал под аккомпанемент игривых шуток. Короче говоря, бойнтоновская кузница была подлинной обителью легкого флирта.

Девица уехала на своей лошади, и Денни взял сумку с инструментами.

— Ну вот, мистер Хэрриот! К вашим услугам.

— Денни, а у вас найдется время для еще одного камешка? Это нам по пути, — спросил я.

— Уж как-нибудь выкроим! — Он засмеялся. — Чего не сделаешь для хорошего человека.

По дороге я решил предупредить о норове хиксоновского коня. Конечно, Денни с детства привык иметь дело с норовистыми, а то и опасными лошадьми. Я много раз наблюдал, как он справлялся с могучими нервными скакунами, точно с котятками, но лишнее предостережение никогда не помешает.

— Денни, — начал я, — с хиксоновским конем могут возникнуть трудности. Зол как черт, и меня к себе так и не подпустил.

— А? — Он лениво смотрел на проносящийся мимо пейзаж, придерживая на коленях сумку с инструментами, а изо рта у него торчала сигарета. Казалось, он не услышал.

Я попытался еще раз:

— Он все старался достать меня задней ногой, а потом примерился передними...

Денни с видимым усилием обратил взгляд на меня.

— Да ладно, мистер Хэрриот, все будет в порядке, — пробурчал он рассеянно, подавляя зевоту.

— И вдобавок кусается. Чуть было не ухватил меня за плечо, когда я...

— Э-эй! Погодите минутку! — крикнул Денни, когда мы поравнялись с фермой у дороги. — Это же Джордж Харрисон во дворе! Вы не приторможите, а, мистер Хэрриот? — Он мгновенно опустил стекло. — Эгей, Джордж! Как делишки? — окликнул он молодого фермера, взваливавшего на спину тюк соломы. — Отлил глаза? Ха-ха-ха!

Молодые люди обменялись парой шуточек, и мы покатились дальше, а Денни обернулся ко мне.

— Ух, Джордж и нализался же вчера на балу скупочной фирмы! Рожа ну просто зеленая, хо-хо-хо!

Я решил оставить свои старания: предостережения его явно не интересовали. Он продолжал болтать, посвящая меня во все смешные происшествия на балу, но сразу умолк, едва мы свернули во двор Хиксона. Лицо у него побледнело, глаза испуганно шарили по сторонам.

— А собаки тут злые, мистер Хэрриот?

Я ждал этого вопроса и спрятал улыбку. На всем протяжении нашего знакомства он повторял его несчетное число раз.

— Да нет, Денни, — ответил я.

Он подозрительно взглянул на дряхлую овчарку, лакавшую молоко у кухонной двери.

— А эта вон?

— Зак? Так ему уже за двенадцать. Тихий, как ягненок.

— Ну и что? И таким доверять нельзя. Уведите его в дом, а?

Я прошел через двор, подождал, пока старый пес не вылизал свою миску, и увел его в дом, а тот вилял хвостом, преданно задрал морду. Ну мне было не в первый раз. Денни, однако, все еще продолжал настороженно озираться. Вновь поглядев во все стороны, он выбрался из машины, нерешительно постоял на булыжнике, а затем бегом бросился в стойло, где мистер Хиксон уже ждал возле коня.

Фермер ухватил поводья и неуверенно улыбнулся Денни.

— Ты с ним поосторожнее, парень. Норов у него, не дай Боже.

— Балует, а? — Денни, помахивая молотком, ухмыльнулся и шагнул к коню, а тот, словно в подтверждение его слов, прижал уши, и копыто взметнулось в воздух.

Денни увернулся привычным движением, испустил демонический смешок и кивнул.

— Вот ты, значит, как? Ничего, приятель, мы еще поглядим! — Он снова протянул руку, уж не знаю, каким образом не попал под мелькающие копыта, и через десяток-другой секунд сумел зацепить гвоздодером проносящуюся мимо подкову и сразу же притянул ногу к себе. — Ну что, дуралей, попался, а?

Конь, балансируя на трех ногах, попытался было высвободиться, но Денни держал крепко, ни на миг не умолкая, и его противник быстро убедился, что с этим человеком так просто не сладить. Денни, положив копыто к себе на колено, потянулся, бормоча угрозы, за инструментами, сбил заклепки, вытащил клещами гвозди и снял подкову. Я просто глазам своим не верил. Конь покорно терпел, только бока у него подрагивали.

Денни повернул копыто ко мне.

— Так где мне скоблить, мистер Хэрриот?

Я постукивал по копыту, пока не обнаружил болезненную точку. Для проверки сжал это место клещами, и конь рванулся.

— Здесь, Денни, — сказал я. — Вот трещина.

Молодой кузнец принялся срезать рог уверенными движениями острого ножа. Эту операцию я часто проделывал сам, но следить за Денни было чистым удовольствием. Буквально за считанные секунды он добрался до дна трещины, раздалось легкое шипение, и брызнул гной. Одна из приятнейших минут в ветеринарной практике — ведь, если абсцесс не вскрыть, животное испытывает невыразимые муки. Иногда гной просачивается под копытную стенку, и в конце концов после долгих часов невыносимой боли

находит сток у венчика. Но я знаю случаи, когда бедное животное приходилось избавлять от страданий боинным пистолетом, если вскрыть абсцесс не удавалось, и бедняга валялся на земле, задрав чудовищно распухшую ногу. Эти воспоминания об эпохе рабочих лошадей принадлежат к одним из самых тягостных для меня.

Но теперь ничего подобного ожидать не приходилось, и я испытал обычное в таких случаях блаженное облегчение.

— Спасибо, Денни, просто замечательно! — Я сделал инъекции антибиотика и противостолбнячной сыворотки и обернулся к фермеру: — Он скоро будет совсем здоров, мистер Хиксон.

И мы с Денни отправились по следующему вызову. Выезжая из ворот, я посмотрел на молодого кузнеца.

— Ну, вы отлично справились с этим зверюгой. Поразительно, как он у вас сразу притих.

Денни откинулся на сиденье, закурил сигарету и лениво произнес:

— С норовом, это верно. А вообще-то ерунда. Их, больших дуралеев, хоть пруд пруди.

И он возобновил описание перипетий прошлого вечера, иногда негромко посмеиваясь. Я поглядывал на него — полностью расслабился, кепка сдвинута на затылок, губы сложены в беззаботной улыбке. Казалось, ничто не способно вывести его из душевного равновесия. Однако, едва мы затормозили во дворе другой фермы, где нас ждала еще одна лошадь, безмятежность с него как рукой сняло. Вцепившись в сумку с инструментами, он тревожно озирал каждый уголок двора, а я готовил ответ на незамедливший последовать вопрос:

— Собаки тут злые, мистер Хэрриот?

18

— Это что?.. Что за черт?.. Барсук! Да быть не может!..

В «Гуртовщиках» поднялся настоящий содом. Кодем и я возвращались с вызова вместе, и, когда я предложил выпить пива, он вышел из машины, перекинул Мэрилин через плечо и, ничтоже сумняшеся, вошел в зал.

Глаза у завсегдатаев полезли на лоб, многие поперхнулись пивом, и через несколько секунд мы очутились в центре возбужденной толпы. Я осторожно выбрался из нее и тихонько устроился с кружкой пива в уголке, пока мой молодой помощник купался во всеобщем внимании и отвечал на сыплющиеся градом вопросы со спокойным достоинством. Нетрудно было догадаться, что ему нравится демонстрировать свою любимицу всем, кого она интересовала. Впрочем, почти всегда это был не просто интерес — он производил настоящую сенсацию.

Как произвел ее, когда я знакомил его с моим семейством в гостиной Скеддейл-Хауса. Дети занимались музыкой (Рози сидела за роялем, Джимми прижимал к губам гармонику), тут вошел высокий незнакомец с моржо-

выми усами и диким зверем. К этому времени я уже стал знатоком взлетающих к волосам бровей и разинутых ртов. Хелен моих ожиданий не обманула, но Джимми и Розы сразу пришли в неистовый восторг.

— Какая милая!

— Можно я ее поглажу?

— Откуда она у вас?

— Как ее зовут?

Они так и сыпали вопросами, а Колем смеялся, поддразнивал и завоевал сердца детей столь же быстро, как и его мохнатая спутница.

Все шло как нельзя более отлично, пока из сада не прибежала Дина, наш второй бигль, преемница Сэма.

— А это Дина, — сказал я.

— О-о-о! О-о-о! Толстушка Дина, — рокошущим басом сказал Колем.

Не слишком лестное замечание — моя собачка, бесспорно, была чересчур дородной, зримый упрек ветеринару, который постоянно рекомендовал клиентам не давать толстеть их собакам. Однако Дина словно бы не обиделась, а принялась вилять всей спиной, так что я даже испугался, не вывихнет ли она позвоночник. Такое поведение вовсе не было для нее обычным — видимо, этот новый голос ее очаровал. Колем нагнулся к ней, и она в экстазе перевернулась на спину, подставляя живот под его почесывающую руку.

Хелен засмеялась.

— А вы сразу ее покорили.

Тогда мы этого даже не подозревали, но ее слова послужили прологом к тому, что в дальнейшем стало таким привычным, оставаясь загадочным и удивительным. Мне удалось убедиться, что Колем действует притягательно на всех животных, что между ними возникает особая симпатия. Им нравился его вид, его голос, его запах — дар небесный для ветеринара.

Когда обмен любезностями завершился и Мэрилин весело топотала по полу, охотно позволяя детям ласкать себя, Колем сел за рояль и заиграл. Рубинштейном он не был, но веселая мелодия так и лилась из-под его пальцев, а дети упоенно хлопали в ладоши и притопывали.

Джимми протянул свою гармонику.

— А на ней вы тоже умеете играть?

Колем взял инструмент, поднес его к губам профессиональным жестом, и с первых же звуков стало ясно, что моему сыну, коронным номером которого был гимн «Боже, спаси королеву», до него далеко. Минуты две новый помощник услаждал нас Моцартом, а потом вернул гармонику и рассмеялся.

Дети были окончательно покорены.

— Я сейчас сбегая за концертной, — крикнул Джимми, выбежал из комнаты и вскоре вернулся с одной из реликвий тех дней, когда мы с Хелен только поженились, и я нередко отсылался на дешевые распродажи за такими предметами первой необходимости, как столы и стулья, а возвращался чаще с совершенно бесполезными прелестями вроде затейливого чернильного прибора или чего-либо подобного. В данном случае это была концертная. Маленький старинный инструмент шестигранной формы с резными деревянными панелями по концам и ременными петлями, истершимися от

времени. Она вызывала романтические образы старины — моряк играет морские напевы на палубе трехмачтовой шхуны: я сразу понял, что должен обязательно ее купить. Но, к несчастью, никому не удалось извлечь из нее даже простенького мотивчика, и она долгие годы томилась на чердаке с другими непрактичными приобретениями.

Колем извлек ее из деревянного футляра и подержал в руках.

— Прелесть, просто прелесть! — Он вдел кисти в ремни, его пальцы погладили кнопочки из слоновой кости, и мгновение спустя комнату заполнила пронзительно прекрасная мелодия. «Шенандоа». Мы, сразу притихнув, слушали нежданно звучный голос маленького инструмента, и я вновь очутился на палубе шхуны, которая мне пригрезилась столько лет назад.

У меня много воспоминаний о Колеме, но самое яркое из них — как он тогда сидел в кругу моей семьи: темные загадочные глаза устремлены куда-то под потолок, а пальцы исторгают грустную музыку из нашей старенькой концертны.

Когда он кончил, все невольно захлопали, а дети еще и вскочили на ноги. Колем навсегда утвердился в их сознании как маг и волшебник: у него был барсук, он умел играть на всех инструментах и вообще умел делать все, все, все!

И тут мы хватились Мэрилин. Только что она тихонько бродила по комнате, а теперь вдруг исчезла. Мы заглянули под диван, приподняли кресла — без всякого толку — и в недоумении уставились друг на друга, как вдруг из камина донесся громкий шорох и из трубы вывалился барсук, обильно покрытый сажей. Она не позволила себя поймать сразу и несколько раз обежала комнату, прежде чем Колем ухватил ее и унес в сад.

Джимми с Розы визжали от восторга — они давно уже так не веселились, но Хелен и я поглядывали на ущерб, причиненный нашему ковру и кое-какой мебели, и не смогли разделить их безоблачной радости.

Какое внезапное падение с вдохновенных высот в полнейший хаос! И меня посетила пророческая мысль: а что, если с Колемом так будет всегда?

Я не раз слышал, что все портные имели обыкновение заниматься своим ремеслом, сидя по-турецки на столе, но лично я видел в этой позе только мистера Бендлоу.

Дверь его домика открывалась с улицы прямо в кухню, и картина эта стала на редкость привычной. Захламленная комнатуха, пол усыпан тысячами лоскуточков, швейная машинка в углу; Бланко, огромный белый пес, лежит у очага и приветствует меня дружеским помахиванием хвоста, а его хозяин сидит по-турецки на столе, беседует с клиентом и заносит иглу над тем или иным одеянием.

Тут (и далеко не в первый раз) мне пришло в голову, что иглу эту я всегда вижу занесенной, но ни разу не наблюдал, чтобы она вонзилась в материю — портной всегда бывал целиком поглощен разговором. Вот и теперь он разливался соловьем перед ошарашенно глядящей на него фермершей.

— Вы, наверное, даже поверить не можете, миссис Хау, что все так и было.

— Это вы правду сказали, мистер Бендлоу, а вот как с жилеткой моего мужа? Вы обещали...

— А было-то именно так! Сколько уж лет прошло. У вас бы глаза на лоб полезли, расскажи я...

— Я бы ее с собой захватила, коли она готова. Ему она требуется для...

Мистер Бендлоу разразился дребезжащим смешком.

— Меня стариком не назовешь, только-только пятьдесят разменял, но чего я на своем веку навидался... Вот помнится...

— Жилетка-то у вас четвертый месяц, а вы обещали к...

— Знаю, да знаю же! Да только работы невпроворот. А вы, родная, наведайтесь-ка через две недельки, и она будет готова.

— Но она ему нужна для...

— Быстрее не сумею, родная. Заходите.

Миссис Хау с пустыми руками печально удалилась восвояси, а я занял ее место, улыбаясь как мог обаятельнее.

— А, молодой человек! — Выражение на худом цыганском лице мистера Бендлоу не изменилось, но его глаза с неуголимой ненавистью скосились на брюки, которые я держал в руках.

— И что же это вы мне принесли? — простонал он.

— Вот тут внизу они поизносились, мистер Бендлоу. Пообтрепались, и я подумал...

— Ага! Подумали, что я вам их в новенькие превращу! Пустяк нашли! Вы же меня убиваете, ну просто убиваете. Рождество на носу, я спины не разгибаю. Днем и ночью, ночью и днем, ни минутки...

— Так ведь только вот тут внизу, мистер Бендлоу...

— И нога меня одолевает... Сколько же лет она у меня болит? Не сосчитать. Я ходил к доктору Аллинсону. А он говорит: «А прежде она болела?». «Да», — говорю. «Так чего же вы хотите?» — говорит. И дает мне шестьдесят таблеток. Принял я половину, и получше стало. А когда все принял, и вовсе почти выздоровел. Но доктор, он все так и задумал. «Мистер Бендлоу, — говорит, — вы примете половину таблеток, и вам станет получше, а примете вторую половину и решите, что выздоровели. Но вы не выздоровеете, нет, нет. Я вас знаю — вы не захотите снова ко мне прийти. Но я хочу вас увидеть, когда вы примете все шестьдесят таблеток. В тот самый день». Значит, иду я к нему в тот самый день, как он велел, и он говорит: «А, мистер Бендлоу! Пришли, значит». Я говорю: «Да, доктор, день в день, как вы сказали». А он говорит: «Вы кончили принимать шестьдесят таблеток?» А я говорю: «Да, принял все целиком». И он дает мне еще сто штук.

— Чудесно, мистер Бендлоу. Моя жена говорит, вот если бы вы посмотрели, что можно сделать с бахромой...

— А он говорит: «Вам больше не следует бегать вверх-вниз по лестнице». А я говорю: «Не могу, доктор. Я не могу. Я ж работаю не покладая рук». Нет, вы только послушайте, мистер Хэрриот, я вам сейчас такое скажу! Ничегошеньки я не заработал. И еще скажу: не сумели нажить состояние к сорока годам, так никогда не наживете.

— Как видите, пообтрепались они совсем немножко...

— Конечно, можете говорить, мистер Хэрриот, мол, а футбольный тотализатор на что? Вот я сейчас расскажу вам про Литлвудскую лотерею. Вы только послушайте.

Он слегка наклонился вперед с самым сосредоточенным видом, и тут в дверь с улицы вошел мужчина богатырского сложения. Я узнал Джереми Будби, сына крупного землевладельца и весьма внушительную личность.

— Вы меня извините, — прогремел он, слегка меня отодвигая. — Бендлоу, я пришел за своим костюмом. Я уже был на прошлой неделе.

Портной даже не взглянул на него.

— Вы знаете, что я в Литлвудскую лотерею все выигрывал да выигрывал. Но только по маленьким ставкам — шесть шиллингов, не больше. Вот и говорю себе: если поставишь большие деньги, так получишь большие деньги.

— Вы меня слышите, Бендлоу? — Комната зазвенела от оглушительно го баса. — Я каждую неделю прихожу начиная с октября и...

— Ну заполняю я карточку на тройную ставку и сразу выигрываю двадцать четыре номера. Жду, жду чека на семьдесят тысяч фунтов да так и не дождался. Где уж! Получил только письмо от одного из устроителей.

— Послушайте, Бендлоу! — От вопля мистера Будби зазвенели стекла. — Вы держите этот костюм уже год, и...

Он поперхнулся. Перед столом, покинув очаг, возник Бланко и посмотрел на него. Задирать голову псу особенно не пришлось — выше и крупнее я собаки не видал. Мистер Бендлоу сообщил однажды, что Бланко горной шведской породы, и я на всю жизнь запомнил, с какой снисходительной улыбкой он выслушал мой удивленный ответ, что о такой породе слышу впервые. Я остался при убеждении, что Бланко — помесь, но в любом случае выглядел он просто великолепно: белоснежная шерсть, могучая грудь, а уж рост! И вот теперь пес неподвижно стоял прямо перед мистером Будби — неподвижно, чуть приподняв лвиную голову. В глазах застыла угроза, в груди нарастало утробное ворчание.

Человек и собака смотрели друг на друга. Ворчание стало заметно громче, и на миг губы Бланко вздернулись, показав лвинные клыки.

Будби попятился и сказал заметно тише:

— Вы отдадите мой костюм?.. Я...

Мистер Бендлоу, явно раздраженный, что ему слова не дают сказать, взмахнул иглой.

— Еще не готово. Загляните на будущей неделе.

Бросив прощальный взгляд на Бланко, богатырь удалился.

— Прекрасное такое письмо с извинениями, — продолжал портной. — Он сообщил мне, что я получил свои семьдесят тысяч фунтов, но их нельзя выслать из-за одного маленького обстоятельства. Да, из-за одного маленького обстоятельства, можете себе представить. Я, оказывается, заполнил шестнадцать квадратов вместо восьми. А письмо и правда прекрасное, и видно было, что он искренне сожалеет, но сделать ничего было нельзя.

— Да-да, очень грустно. А не могли бы вы привести брюки в порядок до конца следующей недели? Я был бы очень признателен...

— И от денег этих мне толку бы не было. Я могу про людей с деньгами такое рассказать...

Я уронил брюки на стол, кивнул и стремительно ретировался.

Я медленно брел по улице (в голове у меня кружил водоворот пустопорожних историй, которые здесь я воспроизвожу дословно, благо тогда же сделал записи) и тщился постичь феномен мистера Бендлоу. В конце концов он все-таки отдавал готовую работу, из чего следовало, что кроит и шьет он главным образом по ночам. Портной, кстати, он был редкостный, и мне доводилось видеть его костюмы, столь превосходно сшитые, что можно было понять, почему люди вроде Будби обращались к нему, несмотря ни на что. Все сводилось к чистой удаче: иной раз он удивлял меня, заканчивая починку или перелицовку почти к назначенному сроку.

Его отличала бесподобная уверенность в своих талантах и умственных дарованиях. Собственно говоря, он был настолько убежден, что знает все обо всем и особенно осведомлен в тонкостях экономики, что считал своим святым долгом делиться этими познаниями со всеми, кто оказывался рядом, а поскольку женой так и не обзавелся, то, кроме клиентов, ему благодетельствовать было некого.

Лишь один раз я видел его в растерянности, за несколько лет до описываемых событий: он снял мерку с Хелен для юбки, а примерку устроил только через несколько месяцев. Когда знаменательный день наконец наступил, юбка в талии не сошлась на два дюйма. Мистер Бендлоу уставился на корсаж, не веря своим глазам, потом подергал, потянул, но без толку. Тогда он обвил ее талию сантиметром, заглянул в записную книжку, снова обмерил. Не вставая с колен, он устремил на нас ошеломленный взгляд.

Хелен улыбнулась и избавила его от терзаний.

— Мне следовало предупредить вас, — сказала она, — что я беременна.

Он прищурился на нее, но примерка задержалась по его вине, и возмутиться он все-таки не мог. Однако наши отношения, наверное, натянулись бы, если бы не прочная симпатия между мной и Бланко, на которого хозяин надыхаться не мог.

Бланко было пять лет, и, хотя он отличался завидным здоровьем, иной раз требовалась моя помощь — обычно для извлечения булавок из подушек лап. Он был единственной портновской собакой на моем веку, что не давало материала для сравнений. Однако я пришел к выводу, что, ложась ежедневно на пол в мастерской хозяина, пес подвергался, так сказать, профессиональному риску. Во всяком случае, булавки проникали глубоко под кожу, и их удавалось извлечь пинцетом лишь после долгих усилий. Бланко всегда был как будто благодарен мне и входил в число собак, которым нравилось навещать нашу приемную. Некоторые собаки, попав на нашу улицу, сразу переходили на противоположную сторону, поджимали хвосты и торопливо крались мимо нашего крыльца, но Бланко врывался в дверь, буквально во лоча за собой на поводке мистера Бендлоу.

Неделю назад хозяин приводил его на профилактический осмотр, и Бланко, прогарцевав по коридору по дороге в смотровую, не преминул приветственно всунуть голову в приемную. Прямая противоположность суке желтого лабрадора, которая проехала задом по плиткам всю длину коридора с выражением величайшей муки на морде, хотя ей предстояло всего лишь сменить повязку на лапе.

Бланко был само добродушие и суровел только, когда, по его мнению, мистеру Бендлоу угрожали. Портному он оказывал бесценную услугу — в

его мастерской мне не раз доводилось наблюдать бушующих клиентов обо-его пола, которых проволочки довели до иступления. Но массивная белая голова с холодными глазами, появляющаяся из-за угла стола, успокаивала их просто не удивление. Иногда требовалось слегка поворчать или обню-хавать лодыжки клиента, и уж это действовало без промаха.

Еще я часто думал, что Бланко блестяще подтверждает мою давниш-нюю теорию, что в маленьких домиках заводят больших собак, а в боль-ших домах обитают маленькие. Да, огромные особняки с башенками и са-дами в несколько акров служили приютом бордер-терьеров и джек-расселл-терьеров, а в кухоньке, выходящей прямо на улицу, царил какой-нибудь Бланко.

Неделю спустя — неизлечимый оптимист! — я опять навестил мастер-скую мистера Бендлоу. Он по обыкновению сидел на столе по-турецки — эдакий трудолюбивый гном.

Очередной клиент, сердито насупленный фермер, как раз повернулся, чтобы уйти, но на прощание произнес негодующе:

— Я по горло сыт. Некогда мне сюда каждую неделю являться! — В голосе у него нарастал гнев. — А вы и не почешетесь. Только так не пой-дет, знаете ли...

Мистер Бендлоу взмахнул иглой.

— На следующей неделе, на следующей неделе...

— Это я уж сколько раз слышал! — рявкнул фермер, и я поглядел через стол на распростертого у очага Бланко. При таком обороте событий он всегда вставал и становился перед заказчиком, но на сей раз могучий пес даже ухом не повел и продолжал лежать неподвижно, когда фермер с за-ключительным яростным фырканьем вышел вон, хлопнув дверью.

— Доброе утро, мистер Бендлоу, — сказал я деловито. — Я забежал на минутку за...

— А, мистер Хэрриот! — Гном нацелил на меня иглу. — Когда вы уш-ли, я вам рассказывал про людей с деньгами. Старик Краудер в Аплгейте. Восемьдесят тысяч фунтов после себя оставил, а когда я ему брюки чинил, так он с кровати не вставал. Не шучу и не сочиняю. Так и не вставал, пока...

— Кстати, о брюках, мистер Бендлоу...

— А у него экономка была — Мод... Фамилию запомнил — и уж так его обихаживала. Можно сказать, с постели поднимала и спать уклады-вала, стряпала для него, тридцать лет минуты отдыха не знала! И знаете, он ей и пенса не оставил. Она оспорила завещание, знаете ли, но присудили ей только пятьсот фунтов. А все денежки отошли какой-то дальней родне.

— Мои брюки готовы? Они мне необходимы для...

— Я вам про случай и похуже расскажу, мистер Хэрриот. Мальчишкой я у фермера работал. У него тысячи были, но он ни в пивную не заглядыв-вал, ни в кино не ходил, носа со двора не высовывал. Экономил каждый пенс. Уж не знаю, что он с деньгами делал, в доме прятал, не иначе... Мне это про одну историю напомнило...

Я набрал воздуха в легкие, чтобы вновь воззвать к нему, но тут дород-ная дама у меня за спиной не выдержала:

— Послушайте-ка, я, конечно, извиняюсь, что вас перебила. Только у ме-ня времени ну совсем нет. Платье мое мне дайте. Вы назначили на сегодня.

Портной воздел иглу.

— Не готово. Работы невпроворот. Приходите на следующей неделе.

— Работы невпроворот! Для языка, что ли? — Голос у нее обладал какой-то особой пронзительностью, и она включила его на полный диапазон. Я взглянул на Бланко: он лежал, как лежал. Странное равнодушие!

Мистеру Бендлоу явно не хватало моральной поддержки своего пса. Во всяком случае, вопли дамы его против обыкновения смутили.

— А... ну да... — промямлил он. — На следующей неделе получите. Это уж точно. — Он покосился на меня. — И вы тоже, мистер Хэрриот.

Зайдя на следующей неделе, я замер на пороге, пораженный открывшейся мне картиной — мистер Бендлоу шил! В своей обычной позе он наклонялся над пиджаком, и его рука с иглой просто порхала над лацканом. И он молчал!

Зато говорила супружеская пара. Муж и жена обрушивали на него поток сердитых жалоб. Портной безмолвствовал с затравленным видом. А Бланко спал себе у огня.

За своими брюками я заезжал между визитами, но всегда наталкивался на очередь, а времени ждать у меня не было. Однако я успевал заметить, что мистер Бендлоу трудился на столе в покорном молчании, а Бланко неподвижно лежал у огня. И мне становилось грустно. Разговоры были для маленького портного смыслом жизни, единственным развлечением и утешением в его одиноком существовании. Что-то недопустимо разладилось.

Я зашел к мистеру Бендлоу как-то вечером и нашел его одного. О брюках я упоминать не стал, а спросил:

— Что происходит с Бланко?

— Да вроде бы ничего. — Он посмотрел на меня с удивлением.

— Ест он хорошо?

— Хорошо.

— Гуляет как следует?

— Ну да. Утром и вечером, подолгу. Вы же знаете, я о своей собаке забочусь, мистер Хэрриот.

— Конечно, конечно. Но... он не встает перед вашим столом, как раньше. И... э... не интересуется заказчиками.

— Вот это так. — Он скорбно кивнул. — Но он не болеет.

— Дайте-ка я его осмотрю. — И, подойдя к очагу, я нагнулся над псом. — Ну-ка, Бланко, старина, покажи, как ты стоишь.

Я похлопал его по заду, и он медленно встал. Я взглянул на портного.

— Что-то у него движения скованы.

— Это ничего. Вот я его выведу, он и разомнется.

— Но он не хромает? Булавкой не занозился?

— Да нет. Я сразу вижу, чуть она у него в лапе засядет.

— Хм-м. Все-таки лапы лучше проверить.

Всякий раз, когда я приподнимал лапу Бланко, мне чудилось, будто в руке у меня конское копыто, и я с трудом удерживался, чтобы не сказать «Тпру! А ну, не балуй!» и не зажать лапу в коленях.

Я тщательно исследовал подушки, нажимая на них, но все выглядело нормальным. Измерил температуру, прослушал грудь, прошупал живот и не обнаружил никаких необычных симптомов, но меня не оставляла гнетущая уверенность, что с большим псом что-то очень неладно.

Бланко, устав от моих манипуляций, сел на коврик, но очень осторожно и как-то кособоко. Так собаки не садятся!

— Встань-ка, приятель, — быстро scomандовал я.

Никаких сомнений — что-то его там беспокоит. Околоанальные железы? Нет, они нормальны. Я провел ладонями по массивным бедрам, и, когда моя рука слегка нажала на мышцы слева, пес вздрогнул. Ага!

Болезненное вздутие. Я выстриг шерсть, и все стало ясно. Глубоко в мышце засела одна из его постоянных мучительниц.

Чтобы извлечь булавку пинцетом, потребовалось несколько секунд. Я обернулся к мистеру Бендлоу.

— Вот она. Наверное, она застряла в коврике, и он на нее сел. Удивительно, что он не охромел. Образовался нарывчик, который мешал ему жить. Нарыв — штука не из приятных.

— Так... так... Но вы что-нибудь сделаете?

— Приведите его в приемную, и я удалю гной. Все быстро заживет.

Визит Бланко в Скелдейл-Хаус прошел гладко. Я эвакуировал гной и заполнил полость, выдавив в нее противовоспалительную пенициллиновую мазь.

Неделю спустя я опять навестил мистера Бендлоу в робкой надежде, что у него отыскалось время для моих брюк. Мой гардероб богатством не отличался, и они мне были абсолютно необходимы.

Обычная сцена — портной сидит на столе, Бланко лежит у очага. И по странному стечению обстоятельств я увидел там еще и миссис Хау, жену фермера, с которой столкнулся, когда принес брюки.

Она была поглощена чем-то вроде игры в перетягивание мужнина жилета, который мистер Бендлоу, видимо, починил-таки, но с которым медлил расстаться. Его губы быстро шевелились, и он строчил как из пулемета: — Вот что этот олух сказал мне. Вы не поверите: это еще не все...

Стремительный рывок — и дама завладела жилетом.

— Большое спасибо, мистер Бендлоу. А мне пора. — Она кивнула и прощмыгнула мимо меня, совсем измученная, но торжествующая.

— А, это вы, мистер Хэрриот! — Портной обернулся ко мне.

— Да, мистер Бендлоу, я подумал...

— Помните, я обещал рассказать вам про одного богача.

— Может быть, мои брюки...

— Он фермер был и хранил свою наличность в ведрах. Раз его жена входит с ведром и говорит: «А в этом ведре полторы тысячи фунтов». А он говорит: «Что-то тут не так. Их две тысячи быть должно!». И знаете, его жена и он отдельно за еду платили. Я вам правду говорю: она ходила и покупала для себя, а он для себя. И вот что я еще вам скажу, мистер Хэрриот...

— Вы случайно не успели...

— Нет, вы послушайте, мистер Хэрриот...

— Эй, Бенди! — В комнату ввалился дюжий верзила и заорал на портного через мое плечо. — Я тебя слышу, а слушать не буду! Подавай мой чертов пиджак!

Это был Гоббер Ньюхаус, невероятно толстый пьяница, известный задира. Окутавшись пивными парами, он снова взревел:

— И ты мне, Бенди, своими извинениями голову не морочь. Я тебя знаю как облупленного!

Точно вынырнувший белый кашалот, Бланко воздвигся над очагом и двинулся к столу. Он словно понимал, что за человек перед ним, и не стал тратить время на прелиминарии. Задрав могучую голову, он разинул пасть и оглушительно залаял в багровую рожу: «Вуф! вуф!».

Гоббер попятился.

— Чертов псина! Сидеть, кому... убери его, Бенди...

— Вуф! Вуф! Вуф! — гремел Бланко.

Верзила был уже почти за порогом, когда мистер Бендлоу взмахнул иглой.

— Приходите на той неделе, — сказал он и вновь сосредоточился на мне. — Как я говорил, мистер Хэрриот... — продолжал он.

— Но мне крайне нужны...

— На следующей неделе, это уж точно, но вы послушайте...

— Боюсь, мне пора, — пробормотал я и сбежал на улицу.

Во мне боролись разные чувства, но преобладали светлые. Брюк я не получил, но Бланко вновь стал самим собой.

Пять утра, а над ухом у меня надывается телефон. Овца ягнится на уолтоновской ферме — уединенной, высоко в холмах. Выбираясь из теплого приюта постели в холодину спальни и натягивая одежду, я старался не думать о ближайших двух часах со всеми их прелестями.

Влевая руки в рукава рубашки, я скрипнул зубами от грубого прикосновения ткани. В бледном свете занимающейся зари были отлично видны багровые трещинки, испещрявшие мои руки по локоть. В дни окота я только и делал, что снимал пиджак, а постоянное мытье рук в открытых загонах или под пронзительным ветром на лугах превратило кожу в одну сплошную болячку. Зато от нее приятно пахло глицерином с розовой водой, которыми Хелен на ночь обрабатывала ранки для смягчения боли.

Хелен шевельнулась под одеялом, я нагнулся и поцеловал ее в щеку.

— Еду к Уолтону, — шепнул я.

Она кивнула, не открывая глаз, и сонно пробормотала:

— Да... я слышу.

В дверях я оглянулся на мою укрытую одеялом жену. В подобных случаях ее тоже мгновенно швыряло из царства сна в мир труда и забот. Телефон мог затрезвонить в любую секунду — и тогда она начинала дозваниваться до меня. А кроме того, ей предстояло затопить плиту и камин, приготовить чай, усадить детей за завтрак — вроде бы не очень сложные утренние обязанности, но такие нелегкие в огромном красивом холодильнике, служившем нам домом, а меня не было, чтобы помочь, как я старался при всякой возможности.

Через накрепко запертый спящий городок, затем — по узкой дороге, вьющейся между стенками, пока деревья не поредели и не остались за спиной, а впереди не открылись обнаженные вершины холмов, особенно суровые в этот час.

А вдруг овца ждет меня под какой ни есть, но крышей? В начале пятидесятых фермеры часто оставляли овец ягниться прямо на лугах, не считая нужным отвести их хотя бы в сарай. Выпадали счастливые случаи, когда я просто смеялся от облегчения, увидев выгородки в теплой овчарне, а то и уютные убежища, сложенные из тючков соломы. Однако на этот раз сердце у меня упало: въехав во двор, я увидел, что из дома навстречу выходит мистер Уолтон с ведром воды в руке. Он сразу зашагал к воротам.

— Она что — снаружи? — спросил я с вымученной небрежностью.

— Угу, вон там. Близехонько.

Он указал в дальний конец поросшего папоротником пастбища на нечто мохнатое и неподвижное. Да уж, близехонько! Я брел по заиндевелой траве, нагруженный сумкой с инструментами и акушерским комбинезоном, а беспощадный ветер хлестал меня, заимствуя поистине сибирский холод от длинных сугробов, еще сохранявшихся у стенок и после наступления йоркширской весны.

Я разделся и, встав на колени позади овцы, поглядел по сторонам. Мы находились на самой крыше мира, и широкий вид на панораму холмов и долин, где серели фермерские дома и струились по галечникам мелкие речки, был прекрасен, но манил бы куда больше, будь сейчас жаркий летний день и готовься я отправиться на пикник со всем моим семейством.

Я протянул руку, и фермер положил мне на ладонь крохотный обмылок. Мне всегда казалось, что их специально держат для ветеринаров — эти остатки мыла, предназначенного для мытья полов, такие маленькие и твердые, что толку от них не было никакого. Я обмакивал обмылок в воду и тер, тер, но так и не получил достаточного слоя пены, чтобы защитить воспаленную кожу. Я ввел руку в овцу, под аккомпанемент жалобных «ой» и «ох» добрался до шейки матки, а фермер поглядывал на меня со все большим удивлением.

Нашел я то, чего меньше всего хотел найти: там плотно застрял единственный крупный ягненок. Два ягненка — это норма, не редкость и три, но единственный ягненок ничего хорошего обычно не сулит. Распутывать двойни и тройни я просто люблю, но если застревает единственный — это означает, что проход для него слишком тесен. Большого ягненка необходимо дергать и тянуть с величайшей осторожностью — очень долгий и утомительный процесс. К тому же давление нередко убивает такого ягненка, и его приходится извлекать с помощью эмбриотомии или кесарева сечения.

Смирившись с тем, что мне предстоит неизвестно сколько времени оставаться скорченным в три погибели под режущим ветром, я просунул кисть как мог дальше, сунул палец в рот ягненка и с радостью ощутил под ним движение теплого язычка. Ну он хотя бы жив! Воспрянув духом, я начал обычный ритуал: воспользовался смазывающим кремом, нащупал крохотные ножки, набросил на них петли и присел на корточки передохнуть. Оставалось только провести головку сквозь тазовое отверстие. Решающий и коварный момент. Если получится, полный порядок, если нет — беда. Мистер Уолтон оттягивал шерсть от влагалища и молча наблюдал за мной. Хотя вся его жизнь прошла среди овец, в подобных случаях он оказывался бессилен: как у большинства фермеров, руки у него были широкими, мозолистыми, с пальцами, точно бананы, и ввести такую руку в овцу было просто невыносимо. Моя небольшая кисть, «дамская ручка», как они ее называли, была истинным благословением.

Я зацепил указательным пальцем глазницу (выбор был между ней и нижней челюстью, очень хрупкой) и начал тянуть с неопишуемой бережностью. Овца поднатужилась, придавливая мою кисть к тазу — не так сильно, как корова, но все равно крайне болезненно, я широко разинул рот, продолжая тянуть, прилаживаться, изгибать пальцы, пока головка не проскочила костяное кольцо таза. У-у-ф!

Довольно скоро наружу показали копытца, ножки, нос — и я осторожно положил ягненка на траву. Он немного полежал, нюхая холодный мир, в котором очутился, а потом энергично затряс головой. Я улыбнулся: самый обнадеживающий признак.

Я вступил в очередную борьбу с обмылком, затем фермер безмолвно протянул кусок мешковины, чтобы я вытер им руки. Обычная процедура в те дни. Полотенца на фермах были предметом роскоши, и я понимал фермершу, если она жалела чистое полотенце для человека, который перед этим шарил внутри коровы или овцы. Гораздо чаще предлагалась застиранная тряпка, а то и пустой мешок. Тереть воспаленную кожу мешковиной я не решился и только легонько провел по рукам, а потом вдел их в рукава пиджака еще влажными.

Овца ответила на пронзительный зов своего малыша мягким басистым блеянием, так хорошо знакомым, поднялась на ноги и принялась усердно его вылизывать, а я стоял, забыв про холод, и слушал их разговор, как всегда замороженный великим чудом рождения. Тут ягненок, видимо решив, что напрасно теряет время, поднялся на ножки и, пошатываясь, затрусил к молочному роднику, а я с довольной улыбкой направился к машине.

После завтрака меня вызвали «почистить» корову — извлечь послед. И вновь борьба с каменным обмылком, а затем мне предложили мешок. Только на этот раз из-под картофеля, так что я припудрил свои болячки сухой землицей. На исходе утра после ректального исследования беременной коровы я мог бы воспользоваться невероятно грязным «полотенцем для коровника», усыпанным астрономическим количеством патогенных микроорганизмов, но предпочел мешковину.

Когда я въехал во двор Джорджа Биррелла, руки до плеч горели огнем, но я знал, что тут меня ожидают не новые испытания, а, напротив, райское блаженство.

Я до сих пор не знаю, какую позицию по отношению к полотенцам занимал сам Биррелл или его супруга, но у его матушки, старой миссис Биррелл, взгляды на этот вопрос были самые твердые. Кончив зашивать коровье вымя, я весь в брызгах крови выпрямился над булыжником в приятном ожидании. И не обманулся. Словно по сигналу, старушка вошла в коровник в сопровождении четырехлетней Люси, младшей из внучек. Бабушка Биррелл поставила на булыжник доильный табурет, а на него положила аккуратно сложенный прямоугольник чистейшего свежевывглаженного полотенца, а на полотенце опустила шарик дорогого лавандового мыла в запечатанной обертке. Картину довершило сверкающее алюминиевое ведерко с горячей, исходящей паром водой. Ничего прелестнее я в жизни не видел.

Я благоговейно вскрыл обертку, взял мыло, которого еще не касались ничьи пальцы, опустил пылающие руки в воду и, пока намыливал их, вдыхая лавандовый аромат пышной пены, просто ворковал от восторга. Фермер бесстрастно стоял рядом, хотя его губы, пожалуй, подергивались чуть насмешливо, но бабушка Биррелл и Люси следили за моим омовением просто как завороченные.

У Бирреллов всегда бывало так, и я радовался, хотя и не мог понять, чем объясняется такая благодать. Возможно, Зигфрид был не слишком не прав, когда утверждал, что я нравлюсь старушкам — он вечно подтрунивал над моим «гаремом» из дам, разменявших восьмой десяток, которые настаивали, чтобы их собак лечил только я. Но в чем бы ни заключалась причина, я упивался покровительством бабушки Биррелл. По ее мнению, мне было положено все самое лучшее. Мистер Хэрриот не должен знать отказа ни в чем.

Как-то утром в субботу Зигфрид перебрал мне через стол номер «Дарроби энд Холтон таймс».

— Боюсь, Джеймс, тут для вас есть грустная новость, — сочувственно произнес он, указывая на столбец.

Это были оповещения о кончинах. «Миссис Марджори Биррелл, 78 лет, возлюбленная супруга покойного Херберта Биррелла...» Я дочитал до конца с нарастающим ощущением потери, с горьким сознанием, что еще чему-то хорошему пришел конец.

Зигфрид сочувственно улыбнулся мне.

— Ваша приятельница с чистыми полотенцами?

— Да. — Чистые полотенца были ее выражением дружбы, и я знал, что сохраню о ней самую дружескую память. Мне представилось, как она в цветастом переднике стоит с Люси возле табурета. Она принадлежала к тому поколению фермеров, на долю которого выпали тяжкие годы перед войной, и ее худая, чуть сгорбленная фигура и морщинистое лицо свидетельствовали о трудных временах. Такие лица были у очень многих йоркширских стариков и старух — суровые, но добрые. Я понял, что мне будет очень ее не хватать.

И остро это почувствовал, когда в следующий раз приехал на ферму Бирреллов. Кончив работу, я посмотрел на свои грязные руки и с болью подумал, что старушка уже не войдет в эту дверь никогда. Конечно, Джордж Биррелл мешковины не предложит, но все-таки как мне вымыть руки?

Пока я стоял так, дверь коровника открылась от толчка, и в нее, слегка пошатываясь, вошла маленькая Люси со знакомым сверкающим ведерком в руке. Потом она вытащила из-под мышки полотенце с мылом и положила их на доильный табурет. Полотенце было таким же белоснежным и аккуратно сложенным, а мыло — туалетным, с нескрытой оберткой, как прежде.

Чуть покрасневшись, девочка посмотрела на меня.

— Бабуля велела мне ухаживать за вами, — сказала она застенчиво. — И объяснила, как все нужно делать.

В горле у меня поднялся комок.

— Спасибо, Люси... Это замечательно. И ты все сделала отлично.

Она кивнула, очень довольная, а я покосился на ее отца — он стоял рядом, облокотившись о корову. Но его лицо оставалось непроницаемым.

Я снял обертку с мыла, начал намыливаться, и аромат лаванды перенес меня в прошлое.

Я мыл руки в полной тишине, а потом девочка сказала:

— Мистер Хэрриот, вот только... Мне уже пять, и я скоро пойду в школу. И просто не знаю, как вы будете обходиться без меня.

Слова прозвучали так знакомо! В том же возрасте моя дочка Роза страшно беспокоилась, как я буду обходиться без нее, и старалась утешить, напоминая, что по субботам и воскресеньям я могу по-прежнему на нее рассчитывать.

Я не нашелся, что ответить, но тут вмешался ее отец:

— Не переживай так, родная, — сказал он. — Я постараюсь тебя заменить, только ты меня научи, а вообще я теперь буду вызывать мистера Хэрриота только по субботам, если получится.

21

Когда я взял телефонную трубку, у меня перехватило дыхание.

— Извините, лорд Халтон, — сказал я. — Боюсь, мне придется заехать к вашей лошади попозже. У меня ночью сдуло дом.

На другом конце провода воцарилась мертвая тишина, и я почувствовал, что благодушный пэр никак не может поверить своим ушам. А потому приступил к объяснениям:

— Как вы знаете, ночью дул ураганный ветер — скорость девяносто миль в час, насколько я понял, — а у дома, который я строю, стены как раз были выведены под крышу. Рано утром я, как обычно, отправился на стройку посмотреть, что там делается, а дом сдуло. Только груды кирпича и обломки лесов. Ну и мне необходимо кбе о чем распорядиться.

И снова тишина, а затем три слова:

— С ума сойти!

Я навсегда запомнил реплику эксцентричного, но очень милого маркиза Халтона, это был горький момент в моей жизни, потому что три слова,

произнесенные с его обычной изысканной дикцией, убедительно выразили потрясение и сочувствие, которые он, несомненно, испытывал.

Событие это отметило еще один этап в моих попытках переселить семью в более благоустроенное жилище — попытках, начало которым положила неудача с покупкой домика миссис Драйден.

Я далеко не сразу пришел в себя после битвы на аукционе в «Гуртовщиках». Слишком уж радужными были мои надежды, и тягостное ощущение поражения не отпускало меня, потому что я вынужден был наблюдать, как моя жена по-прежнему мечется по просторам Скелдейл-Хауса. Сама Хелен, лучше умеющая приспосабливаться к обстоятельствам, только смеялась.

— Что-нибудь еще подвернется, — говорила она, весело отскребывая и полируя. Но ее безмятежность только подливала масла в огонь и укрепляла мое почти маниакальное желание выволочь ее из Скелдейл-Хауса.

Потом я наткнулся на объявление в «Дарроуби энд Холтон таймс», и тьму пронзил луч света.

— Погляди, Хелен! — воскликнул я, указывая на фотографию среди объявлений агентов по продаже недвижимости на первой странице. — Я этот дом знаю. Отличный дом.

Она заглянула через мое плечо.

— А, да. На шоссе в Деннаби. Я его помню. Очень симпатичный. — Тут она вопросительно посмотрела на меня. — Но это настоящий особнячок и будет стоить куда дороже, чем полукоттедж миссис Драйден.

— Все нет! Мы с Бутлендом подняли цену домика миссис Драйден куда выше его реальной стоимости. Ведь стоил он всего две тысячи фунтов. А этот пойдет по нормальной цене, примерно за три тысячи. Думаю, такую сумму строительное общество мне ссудит.

Обедать в этот день я явился, опьяненный успехом. Представитель общества был очень любезен — закладную несомненно можно устроить.

— Все будет чудесно, Хелен, — сказал я. — И очень хорошо, что мы не купили тот домишко. Этот во всех отношениях подходит нам куда больше. Он обширнее, но планировка компактная, фруктовый сад, огород и чудесный вид на долину. Аукцион в следующую пятницу, так что ждать недолго. Он будет наш, Хелен, можешь не сомневаться.

Моя супруга задумчиво посмотрела на меня.

— Джим, я соглашусь, только если ты обещаешь, что на аукционе будешь вести себя спокойно.

— Спокойно? О чем ты?

— Ты же прекрасно помнишь, что совсем взвинтился тогда и дошел до цены, которая нам не по карману. Я прошу только, чтобы ты был спокоен и не впадал в неистовство, как в прошлый раз.

— Спокоен? Неистовство? Не понимаю, — произнес я надменно.

Она улыбнулась терпеливой улыбкой.

— Не думаю, чтобы ты забыл. В конце тебя просто трясло, ты был белый как мел. Я даже боялась, что у тебя не хватит сил встать и уйти.

— Ты преувеличиваешь, — ответил я с достоинством. — Немного волновался, больше ничего.

Улыбка Хелен перешла в веселую усмешку.

— Ну естественно, но я пойду с тобой, только если ты дашь слово торговаться до трех тысяч фунтов. Ровно до трех! Я серьезно, Джим.

— Ну, ладно... ладно. Обещаю, если хочешь, только я в любом случае подобной глупости не допустил бы.

Я быстро забыл про эту маленькую стычку и вновь предался все тем же мечтам — Хелен без малейших усилий порхает по дому, дети в саду лазают по деревьям, рвут яблоки. Отправляясь по вызовам, я планировал маршрут так, чтобы проехаться по шоссе на Деннаби и полюбоваться домом. Мы с Хелен вместе его осмотрели и убедились, что он — само совершенство. И скоро, очень скоро он станет моим!

С облаков на землю я свалился только днем в пятницу, когда мы пересекли рыночную площадь и вошли в «Гуртовщики». Зал был битком набит, и у меня екнуло сердце — это жутко напоминало прошлый аукцион. Тот же зал, те же ряды голов, тот же аукционщик барабанит пальцами по столу перед собой и с довольной улыбкой оглядывает толпу. А когда мы протиснулись на свободные места и сели, сердце у меня уже бешено колотилось.

Вскоре аукционщик произнес вступительную речь, расписав все достоинства дома, уже известные мне. Под журчание его голоса Хелен придвинулась и, возможно уловив легкую дрожь, пробегавшую по моему телу, взяла мою руку и переплела наши пальцы.

— Легче, легче, Джим. — шепнула она. — Успокойся.

Я сердито фыркнул.

— Я абсолютно спокоен, можешь поверить, — промямлил я, стараясь не замечать, как кровь загремела у меня в ушах, когда аукцион начался. Но почувствовал, что несколько глубоких вдохов могут поправить положение.

Примерно на третьем вдохе я услышал слова аукционщика:

— Предложено две тысячи девятьсот фунтов.

Как молниеносно он добрался до этой цифры! Я вскинул руку. Вокруг взлетели еще руки, и я услышал:

— Предложено три тысячи.

Хелен стиснула мою руку, как клещами. А она не из слабеньких, и я понял, стоит еще раз открыть рот, и кисть будет раздавлена в лепешку.

Впрочем, это было бы лишним, поскольку цифры уже далеко превысили мой предел. «Три тысячи и сто, и двести, и триста, и четыреста...» Я хранил молчание, а уже перевалило за четыре тысячи, и руки продолжали взлетать. Затем дело пошло медленнее, но, прежде чем я закончил свои дыхательные упражнения, молоток трижды стукнул по столу — продано мистериу такому-то за пять тысяч фунтов. Все было кончено, а я даже участия не принял!

Мы встали и в толпе побрели к выходу. Я только увидел, как какой-то седой человек жмет руку аукционщику и смеется — ужасно самодовольно, решил я. Минуту спустя мы шли по булыжнику рыночной площади.

Нахлынуло то же уныние, что и в прошлый раз. Хелен так и не выпустила мою руку. Я сумел изобразить улыбку.

— Вот опять, — пробормотал я. — Но, может быть, я не побелел, как тогда?

Жена всмотрелась в мое лицо.

— Нет... пожалуй, все же бледноват, но не до такой степени. — Она

засмеялась. — Бедный старичок, тебе даже не дали времени побелеть. Все кончилось в один миг. Ну не принимай к сердцу: я часто убеждалась, что многое случается к лучшему.

— Куда ни кинь, еще одно разочарование, — сказал я. — В тот раз нас хоть миссис Драйден утешила. А сегодня и того нет.

Тут меня кто-то дернул за рукав. Я обернулся и увидел Берта Ролингза, чей луг граничил с только что проданным домом.

— Здравствуйте, Берт, — сказал я. — Были на аукционе?

— Был, мистер Хэрриот, и я очень рад, что вы этот дом не купили.

— А?

— Я говорю: повезло вам, что вы его не купили. Я-то хорошо его знаю и одно скажу: он совсем не такой, каким кажется.

— Неужели?

— Да, с виду-то он хорош, да только крыша течет, что твое решето.

— Не может быть!

— Еще как может. Я там на чердак лазил, так он весь заставлен ведрами, лоханями и кастрюлями, чтобы воде было куда стекать. А крышу они год за годом чинили, и все без толку.

— Боже мой!

— И балки там все от сырости прогнили.

— Господи!

Он похлопал меня по руке и засмеялся.

— Вот и выходит, что повезло вам. Я и подумал: скажу, чтобы вы к сердцу не принимали.

— Спасибо, Берт. Вы нас правда утешили. — Я помахал ему вслед, когда он заторопился куда-то, а затем обернулся к Хелен: — Странно, а? Вот нас и опять подбодрили. Ну, может, третий раз окажется удачнее.

Вопреки очередному поражению наша решимость осталась прежней. Вернее, моя решимость, потому что Хелен, как я уже говорил, словно бы не очень переживала. Но я заикнулся: изучал все объявления в местной газете, задерживался перед каждой доской с надписью «продается» на садовых калитках, однако все оставалось по-прежнему, пока на вечеринке у знакомых мы не познакомились с Бобом и Элизабет Моллисонами, молодыми архитекторами, нашими ровесниками, открывшими контору в соседнем городке.

— Знаете, — сказала Элизабет, — вот вы мучаетесь в поисках подходящего дома, а ведь мы могли бы построить очень хороший дом за три тысячи фунтов — по вашему собственному плану, со всем, что вам кажется необходимым. Это и сразу облегчит задачу, и в конечном счете выйдет дешевле.

Мы с Хелен переглянулись. Нам даже в голову не приходило...

— Если вы найдете подходящий участок, мы с Бобом построим вам дом за несколько месяцев, — продолжала Элизабет. — Во всяком случае, подумайте об этом.

Мне думать было не нужно. Горизонт озарился ослепительным светом.

— Именно то, что нам надо! — сказал я поспешно, и Хелен кивнула. — Как мы прежде не сообразили! Будем строить.

Моллисоны поглядели на нас с сомнением.

— Вы совершенно уверены? Почему бы вам не подумать, не подождать несколько дней?

Я решительно мотнул головой.

— Нет-нет! Думать не о чем. Давайте чертите планы для нас, а я присмотрю подходящий участок, пока езжу по вызовам.

— Прекрасно. — Боб улыбнулся. — Но не торопитесь так. Прежде мы должны все подробно обсудить, выяснить точно, чего вы хотите. Во всех подробностях.

— Нам нужно окошко в кухонной стене, — объявил я.

— Окошко в кухонной стене? И все? А что скажете вы, Хелен?

— Окошко в кухонной стене, — категорично ответила моя жена. Перед нашими глазами проплыло небесное видение — четырехугольное отверстие в стене между кухней и столовой. После долгих лет блужданий по коридорам Скелдейл-Хауса оно возглавляло список наших вождедений.

Моллисоны долго смеялись. Но ведь эти коридоры им видеть не доводилось.

— Отлично, — еле выговорила Элизабет. — Значит, это окошко мы кладем в основу планировки?

— Всенепременно! — Новый взрыв смеха, к которому присоединились и мы с Хелен, однако для нас это было куда серьезнее.

Потом, естественно, было подробное обсуждение менее важных частных вроде спален, ваннх и тому подобного, а вскоре молодая пара представила нам просто чудесный проект.

— Замечательный дом, — повторяла Хелен, разглядывая его. — Такая уютная прихожая, и лестница, и чуланчики, и встроенные шкафы! Вы все предусмотрели.

— И в первую очередь кухонное окошко! — хором сказали Моллисоны, и опять мы все засмеялись.

Рыская по окрестностям в поисках участка, я вскоре выяснил, что это чрезвычайно трудная задача. С введением городского и сельского планирования уже нельзя было попросить знакомого фермера продать уголок луга, откуда открывался красивый вид.

Они все были очень милыми людьми и искренне хотели помочь, но ничего сделать не могли.

— Я бы с радостью, Джим, — сказал один, — да только это запрещено. Я даже не имею права построить на собственном лугу дом для собственного сына!

Других ответов я не слышал и в конце концов убедился, что придется обойтись участком в плотной зоне застройки, прямо примыкающей к Дарроуби. Я все больше и больше отчаивался и просто ухватился за участок между двумя домами на окраине города: во многих отношениях приятный, но узкий.

— Выход только один, — сказал Боб Моллисон. — Если вы купите этот участок, дом придется повернуть к улице боком.

Это нас огорчило.

— Какая жалость! — сказала Хелен. — Дом такой красивый. И мне особенно нравился фасад.

Боб пожал плечами.

— Боюсь, либо так, либо никак. Сейчас столько людей ищут участки для застройки, что вы можете прождать неизвестно сколько времени, если откажетесь от этого. А мы кое-что изменим, и дом все равно будет хорошо глядеться.

Вскоре Элизабет принесла измененный эскиз, и действительно, это оказался вполне приемлемый компромисс. Мы купили участок и готовы были приступить к строительству.

И немедленно столкнулись с другими непредвиденными трудностями. В начале пятидесятых годов Англия все еще оправлялась от военных невзгод. Не хватало очень многого — в том числе подрячников. Мы искали повсюду, но так и не смогли заключить контракт. Нам оставалось только самим нанимать плотников, каменщиков, водопроводчиков и всех прочих. И вскоре фундамент был готов.

Начался наиболее увлекательный этап — но и полный всяких разочарований. Раз за разом я заезжал на участок и видел, что каменщики мирно покуривают и попивают чай. Объяснение всегда было одно: без плотников мы продолжать не можем, а они не пришли. Или, наоборот, чай пили плотники, потому что не явились каменщики. «Мы продолжать не можем!» — эта фраза ввергала меня в ужас.

И стройка продвигалась медленно. Прошло несколько недель, а через стены все еще легко было перешагнуть. Летом мы отправились отдохнуть на две недели, а на обратном пути нарочно проехали мимо нашего участка, посмотреть, насколько же они выросли, и горько обманулись в своих ожиданиях — картина ничуть не изменилась.

Однако, наконец, все постепенно уладилось, наступил период бурной работы — дом начал расти точно гриб. И вот настал великий день, когда каменщики, честные ребята, искренне хотевшие угодить, подвели эркер почти под крышу.

— А завтра крышу сделаем, мистер Хэрриот, — сказал один бодро. — Только бы плотники не подвели со стропилами и коньком. Тогда и поспразднуем, даже флаг вывесим. Вот он вас обрадует!

Он не ошибался. Я бы не просто обрадовался, а пришел бы в неистовый восторг, увидев на нашем доме крышу, увенчанную традиционным флагом. Я не мог дожидаться утра: наконец-то моя мечта свершится!

Ночь выдалась штормовая: скорость ветра достигала девяноста миль в час, как передали по радио, но я даже не вспомнил об этом, пока не остановил машину и не увидел, что натворил ураган. Плотники не явились, когда их ждали, и не подведенный под крышу эркер, выходящий на улицу, рухнул, превратившись в груды кирпича. Повсюду валялись исковерканные леса. Не берусь описать, что я почувствовал.

Да, в эту роковую ночь ветер перечеркнул плоды долгой работы.

Невезение — и только. И вроде никто не виноват. Вот почему мне пришлось извиняться перед лордом Халтоном, что я задержался и не посмотрел его лошадь.

Как большинство подобных житейских незадач, эта маленькая катастрофа оказалась поправимой. Эркер отстроили заново, и через несколько недель дом был победоносно закончен. Чудесный дом и долговечное свидетельство всей меры талантов и умения Боба и Элизабет, вложивших в него множество новых современных идей.

Да, мы поступили верно, когда решили не покупать, а строить, и получили именно то, к чему стремились, — счастливый приют для нашей семьи на протяжении многих лет. Но порой мне вспоминается утро, когда я свернул на Бротонское шоссе и в окно машины увидел кучи кирпича и переломанные леса, над которыми еще выл ветер.

Тяжелая была минута! С ума сойти!

В эпоху Колема я однажды начал галлюцинировать. Так мне, во всяком случае, показалось. Как-то утром я вошел в парадную дверь Скелдейл-Хауса и увидел, что по коридору ко мне вперевалку приближается Мэрилин, барсучиха Колема. Ей разрешалось бродить по всему дому, и я успел очень привязаться к симпатичному мохнатому существу.

— Привет, старушка, — сказал я и погладил красивую полосатую голову. — А ты ласкуша! Я начинаю понимать, что твой хозяин находит в вашем племени.

Я прошел в приемную и окаменел. За столом сидел Колем с Мэрилин на плече.

— Как... что... — забормотал я.

Колем поднял голову и открыл было рот, но тут в комнату широким шагом вошел Зигфрид. Несколько секунд он ошеломленно смотрел на молодого человека.

— Какого черта? Я чуть не наступил на вашего проклятого барсука в коридоре, а он уже здесь!

Кодем улыбнулся.

— Видите ли, — сказал он весело, — там не Мэрилин, а Келли.

— Келли?!

— Да. Мой другой барсук.

Зигфрид побагровел.

— Другой барсук?.. Я не знал, что у вас есть еще один!

— Ну, мне пришлось им обзавестись. Мэрилин страдала от одиночества — все признаки были налицо. Видите ли, — проникновенно продолжал он, — конечно, у нее есть я, но, если животное чувствует себя одиноким, заменить ему друга того же вида не может никто.

— Очень мило, — сказал Зигфрид на восходящих нотах, — только меня не слишком радовало присутствие одной такой твари, а теперь их две. Здесь, по-вашему, что? Клуб одиноких барсуков?

— Нет, что вы! Но вы же не станете отрицать, что они тихие, дружелюбные зверушки и никаких хлопот не доставляют.

— Не в том дело! Я... — Трезвон телефона прервал филиппику моего партнера. Он схватил трубку, а тем временем в комнату пробрался Келли. Через несколько секунд Зигфрид положил трубку и вскочил.

— Черт! Лошади лорда Халтона лучше не стало. А наоборот, ей хуже. Я должен ехать. — На прощание испепелив взглядом барсуков, успевших затеять на полу игру, он выскочил в коридор.

— Он не рассердился? — спросил Кодем.

— Немножко, но скоро все забудет. На вашем месте я бы несколько дней подержал Келли дома.

Мой помощник кивнул, а потом показал на окно.

— Подъехал фургон Рода Милберна. Привез овцу. Думаю, гладкость шейки.

Был разгар окота, а в том году кесарево сечение у овец — прежде большая редкость — впервые стало широко применяться. Причин было несколько. Фермеры и ветеринары единодушно считали, что при затяжных родах овцу разумнее оперировать — «вынуть их через бок». Требовалось соблюсти величайшую осторожность — насильственно раскрывая шейку матки, чтобы извлечь крупного ягненка, можно было легко вызвать разрывы, — а почему-то гладкость шейки встречалась все чаще.

В подобных случаях шейка на ощупь была не складчатой, как положено, а совершенно гладким кольцом и не раскрывалась после обычных инъекций. Тогда лучше всего — незамедлительно оперировать, что избавляло овцу от лишних страданий и позволяло спасти ягненка, а то и двух.

К кесаревому сечению прибегали и при сильных токсокозах — освобождение от плода помогало овце выздороветь. Короче говоря, мы так часто делали эту операцию, что фермеры для экономии времени привозили животное к нам.

Мы проводили Рода Милберна во двор, и Кодем, вымыв руку, провел исследование.

— Типичная гладкость шейки, Род, — сказал он, — так что тянуть нет смысла. Мы прокипятим инструменты, а вы пока обстригите ее.

Фермер достал из фургона ножницы и умело выстриг бок роженицы. Я выбрил операционное поле, продезинфицировал его и сделал местную анестезию. Тут появился Кодем со стерилизованными инструментами на

подносе. Асептику Колем соблюдал с величайшим тщанием — отправляясь по вызовам, он всегда вез с собой автоклав с только что прокипяченными скальпелями, щипцами и иглами, и вскоре мы убедились, что процент удачных операций у него очень высок. Когда Колем оперировал, его пациент, как правило, возвращался к нормальной жизни.

Операцию я поручил ему и с уважением наблюдал, как работают его большие руки с сильными пальцами, быстро рассекая кожу, мышцы, брюшину, а затем вскрывают матку и извлекают двух извивающихся ягнят с черными масками на мордочках. И вот он уже зашивает разрез, ухмыляясь на двух крошек, решительно засеменявших к вымени.

Род был в восторге.

— Здорово! Хорошо, что я сразу поехал. Вот пожалуйста: живая двойня и здоровая мать. — Он положил ягнят на соломенную подстилку в фургоне, и овца прыгнула за ними, словно не ее сейчас оперировали.

Я сделал множество таких операций и не переставал изумляться, как легко их переносили овцы. Однажды едва я наложил последний стежок, как овца вырвала голову из рук фермера, спрыгнула с операционного стола из тючков соломы, могучим скачком пронеслась над нижней половиной двери и галопом помчалась по лугу.

Когда я несколько дней спустя случайно встретился с ее хозяином и спросил про нее, он ответил:

— Так вернулась к ягнятам, а то одному Богу известно, когда я снова увидел бы ее.

Когда Род Милберн укатил с матерью и новорожденными, мы взяли за работу в операционной. Я сделал лапаротомию лабрадору, который проглотил любимый мяч, а Колем с обычным апломбом убрал опухоль молочной железы у спрингер-спаниеля.

Мы мыли руки, когда он указал на три клетки с кошками у двери.

— Что с ними?

— А! Удаление яичников. Я повезу их к Гранвиллу Беннету.

— Разве сами вы этого не делаете?

— Нет. Кошек и собак стерилизует Беннет.

— Но почему вы обращаетесь к нему? — Колем с недоумением уставился на меня.

— Он великолепный специалист. Просто блистательный. Оперирует чудесно, животные потом все в отличной форме.

— Не сомневаюсь. Про Гранвилла Беннета я слышал, но, Джим, вы бы прекрасно справились и сами.

— Верно, но уж так мы привыкли. У нас и без того большая практика, а это только между прочим.

Он засмеялся.

— Я уже видел, как вы делаете лапаротомии, энтеротомии, пиометрии. В чем разница?

— Право, не могу сказать, Колем. Тут речь шла о неотложных случаях. Суть, возможно, в том, что яичники удаляют у совершенно здорового животного. Наверное, глупо.

— Я вас понимаю. Клиент приносит здоровое молодое животное, а операция не задается.

— Да, что-то в этом роде. Возможно, причина в недостатке уверенности.

Я чувствую себя сельским ветеринаром, специалистом по крупным животным, который взялся не за свое дело.

Колем назидательно поднял палец.

— Со всем уважением, Джим, пора изменить свою позицию. За работой с мелкими животными — будущее, и прошли те дни, когда сельские ветеринары могли отказываться от таких будничных процедур, как удаление яичников, ссылаясь на то, что у них нет времени на пустяки.

— Возможно, вы правы. Полагаю, нам надо будет заняться и этим.

— А почему бы не прямо сейчас?

— А?

— Попробуем на этих трех. Это же проще простого. Я в клинике колледжа наудалаял их великое множество.

Не слушая моих возражений, Колем водрузил клетку на стол и вытащил прелестного трехмесячного котенка.

— Приступаем! — объявил он. — Первое удаление яичников, оно же начало новой эры в Скелдейл-Хаусе.

Я заразился его энтузиазмом, и через несколько минут малышка уже заснула, а операционное поле было подготовлено. Колем нацелил скальпель и сделал крохотный надрез.

— Оперирование сквозь замочную скважину — вот в чем секрет. Все так просто, что для работы простора не требуется. Вытаскиваем матку. Вот так. — Он вставил пинцет в разрез. — И никаких хлопот.

Он выудил пинцетом тонкую жилку.

— Видите? Детская забава... — Его голос замер. — Нет, это что-то другое. — Он убрал жилку на место и пошарил поглубже. Однако в пинцете вновь оказалась зажата не матка, а тот же таинственный бело-розовый шнурочек.

— Черт! Со мной такого еще не случалось, — буркнул он, продолжая копаться в маленькой брюшной полости. И снова вытянул не то, и тут зазвонил телефон.

— Мастит. Сильно опухло, так что откладывать нельзя. Боюсь, Колем, мне надо ехать. Вы без меня справитесь?

— Конечно. Все будет в порядке. Но куда, черт дери, девалась матка?

Когда мы снова встретились днем, он виновато мне улыбнулся.

— Извините, Джим, что я так по-дурацки начал операцию. Но едва вы ушли, как я нашел матку и закончил через пять минут. А потом прооперировал и остальных двух. Без сучка, без задоринки.

Я легко ему поверил. Колем был хирург Божьей милостью. Однако история на этом не кончилась. Несколько дней спустя мы приняли еще четырех кошек для стерилизации, а поскольку на месте был только Колем, он усыпил их нембуталом, а не с помощью эфирно-кислородного аппарата и приступил к операции в одиночку. Когда я вошел в операционную, он как раз взялся за последнюю.

— Хорошо, что вы вернулись, Джим, — сказал он, кивая на трех спящих кошек. — Справился с ними быстрее быстрого. Одно удовольствие. А теперь покажу вам наглядно, как и что.

Он ввел пинцет в надрез и извлек... не матку, а тот же шнурочек. Тупо посмотрел на него, потом попробовал снова, потом в третий раз — все с тем же результатом.

— Не понимаю! — вскипел он. — Просто колдовство какое-то!

Я засмеялся и погладил его по плечу.

— К сожалению, Кодем, мне пора. Я просто забежал на минутку между вызовами проведать, как вы тут.

— До вашего прихода не жаловался! — завопил он мне вслед.

Задним числом я понимаю, что этот небольшой эпизод принадлежит к тем загадочным случаям в моей жизни, для которых так и не нашлось объяснения. Ведь примерно неделю спустя, войдя в операционную, я снова застал молодого коллегу, склоняющимся над спящей кошкой.

Он обернулся ко мне с сияющей улыбкой.

— Это вы, Джим? Как удачно: как раз в два счета провел две стерилизации и только что взялся за эту. Смотрите, я вам покажу, в чем вся хитрость.

Он быстрым уверенным движением ввел пинцет — и вновь вместо ожидаемой матки с яичниками я увидел шнурочек неведомого назначения. Кодем запихнул его внутрь, попробовал еще раз, а потом еще и еще — без малейшего успеха.

— Черт возьми! — вскрикнул он. — Да что же это такое? Тогда я подумал, что слишком поторопился, но теперь знаю: это вы, вы! — Он бросил на меня безумный взгляд. — У вас дурной глаз! Вы на меня заклятие наложили.

— Господи, Кодем! Простите меня, пожалуйста! (Я давился смехом.) Просто несчастное стечение обстоятельств. Но в любом случае, что вы такое вытаскиваете? У него есть название?

— Теперь есть! — рыкнул мой коллега. — Он называется хэрриотов проток!

Термин этот прижился, и еще долго после того, как стерилизация полностью утратила новизну и стала простенькой будничной процедурой, стоило этой блуждающей жилке выглянуть в разрезе, как раздавался крик:

— Ага! Вот и хэрриотов проток!

Когда я проснулся наутро после нашего переезда в «Рябиновый сад», то сразу же ощутил себя в состоянии полной боевой готовности, точно спринтер, уже упершийся подошвами в колодки, — еще минута и, набросив одежду, я ринусь в ежедневную пробежку по ледяным просторам Скелдейл-Хауса. Это настолько вошло в привычку, что при звоне будильника мои ноги напрягались, готовые к броску. Понадобилось почти две минуты, чтобы сообразить, что такие процедуры, как разжигание каминов, борьба с угольной печкой и согревающие пробежки, остались в прошлом.

Все было под рукой. Без малейших усилий я облачился в халат и спустился по нескольким ступенькам в уютную прихожую, а оттуда прошел на кухню, где погрузился в блаженное тепло, исходящее от новейшей кухонной плиты. Из своей корзины, виляя хвостом, вылезла Дина, мой бигль. Я погладил ее по голове, обменялся с ней обычными утренними приветствиями и прочел в ее глазах безмолвное выражение восторга: «Ну не чудесно ли это!».

Чистейший рай! Как во сне я поставил чайник на горячую конфорку, положил в него заварку — и даже не заметил, как вспорхнул наверх с чаем для Хелен.

Вернувшись на кухню, я налил чаю себе и принялся смаковать душистый напиток возле излучающей тепло плиты, поглядывая в окно на зеленые луга и холмы. Я ощущал себя просто султаном. Жизнь, размышляя я, способна предложить мне ничего лучше.

Теперь все встало на свое место. Неудачные попытки купить те дома тогда выглядели крушением моих надежд, хотя в действительности были милостью судьбы. Я хозяин дома, во всех отношениях превосходящего те два — современного, в меру небольшого, удобного... и теплого! Несколько секунд я созерцал окошко в столовую. Да, это было свершением мечты!

Завороженный сладкими мыслями, я благодарно опустился в свое кресло и тут же взвился вверх, ошарашенный громким пуканьем, которое донеслось из-под меня. В полном расстройстве я поднял подушку и обнаружил звуковое устройство, срабатывающее от нажима. Когда я распахнул дверь, с лестницы донесся залихватый смех, и я увидел, что с верхней площадки через перила свесились мои дети.

— Вот я вам покажу, негодники! — завопил я, бросаясь вверх по ступенькам. — В первое же утро! Сейчас я вас! — Но они успели запереться в своих спальнях, а у меня не было лишнего времени покарать их.

Второй раз сев в кресло, я подумал о том, что теперь придется устроить осторожность. Мои дети упивались всякой возможностью устроить отцу какую-нибудь каверзу — псевдочернильные пятна, булочки, которые пищали, стоило их кунуть, конверты, которые шипели по-змеиному, чуть их начинали вскрывать. И выбирали для этого утренние часы, когда моя бдительность еще была притуплена. Всякий раз, когда мы навещали моих родителей в Глазго, Джимми с Розой мчались в лавку фокусов Тэма Шеперда на Куин-стрит пополнять свои запасы, а в небольшом доме я оказывался несравненно более уязвимым.

Впрочем, понадобилось лишь несколько глотков чая, чтобы вновь впасть в эйфорию. Тепло, уют, ощущение, что до всего можно дотянуться, не вставая с места... Я просто не мог этому поверить. И настолько теперь Хелен станет легче жить!

Мирное спокойствие длилось недолго. Не успели дети спуститься в кухню, как она завибрировала от оглушительных звуков. Джимми приладил на полке динамик, подсоединенный к нашей любимой радиоле «Мерфи», которая теперь стояла в столовой за стеной, и вот уже Элвис Пресли невыносимо терзал мои уши, что-то там выражая.

Я спасся на несколько минут, поднявшись к Хелен со второй чашкой. В Скелдейл-Хаусе это была единственная ее уступка моим мольбам немножко пожалеть себя хотя бы по утрам, и я твердо решил, что в нашем новом доме этот обряд свято сохранится. Спустившись вниз, я забрал у двери утреннюю газету, взял свою чашку и вновь пристроился к столу.

Розы рядом со мной раскачивалась на стуле в такт музыке и в упоении извернулась так, что ножка стула опустилась точно на мой большой палец, защищенный только домашней туфлей. В те дни она была толстенькой девчушкой и очень тяжелой — я взвыл от боли, а мой чай выплеснулся из чашки и окропил газету. Я вскочил и запрыгал на одной ноге, детки же

взвизгивали от смеха, а Дина радостно лаяла, не упустив случая присоединиться к общему веселью.

В тумане боли я подумал, что эта парочка в течение нескольких минут нашла повод дважды посмеяться над родителем. Достопамятный для них день!

Поп-музыка перед школой превратилась в обязательный ежедневный ритуал и вначале была пыткой для занятого поклонника классики. Это искусство ставило меня в тупик и казалось только громким неприятным шумом. Но шли месяцы и, каждый день насильственно слушая «Голубые замшевые туфли», «Не будь жестокой», «Тюремный рок» и прочее, я начал проникаться к старине Элвису чем-то вроде привязанности, и теперь, сорок лет спустя, любая его песня, зазвучав из радиоприемника, переносит меня в те утра на кухне «Рябинового сада» к моим детям, уписывающим кукурузные хлопья, к моей Дине, когда мир был молодым и беззаботным.

И все же... Была у меня тогда одна тайная печаль. Я даже не представлял, как тяжело будет расставаться со Скелдейл-Хаусом. Когда фургон увез последние наши вещи, я прошелся по пустым комнатам, еще недавно оглашавшимся смехом детей. Большая гостиная, где я читал им сказки на сон грядущий и где задолго до этого Зигфрид, Тристан и я убоготворенно полужаляли в креслах еще холостяками, словно упрекала меня непроходящим язвществом пропорций. Великолепный камин со стеклянным шкафчиком над его полкой и оловянной кружкой на ней, где мы хранили наличность, стеклянные двери, выходящие в длинный, обнесенный высокой оградой сад с лужайками, фруктовыми деревьями, грядками клубники и спаржи, — все это были капли огромного волнующегося океана воспоминаний.

На втором этаже я постоял в большой комнате с альковом, где мы с Хелен спали и где в углу стояла кровать, в которую на ночь укладывали маленького Джимми, а через несколько лет — маленькую Розу. По голым половицам я прошагал в былую гардеробную, приют моих подрастающих детей, и словно услышал их смешки и шуточки, возвещавшие начало каждого нового дня.

Я поднялся по еще одному маршу лестницы в комнатки под крышей, где мы с Хелен начинали нашу семейную жизнь, где газовая горелка да скамья у стены когда-то исчерпывали всю кухню, подошел к окну, посмотрел на беспорядочные крыши городка, на холмы за ними и проглотил поднимающийся в горле большой комок. Милый старый Скелдейл! Как хорошо, что он остается нашей приемной и я каждый день буду входить в его двери... Но моя семья его покинула, и я спросил себя, будем ли мы где-то еще столь же счастливы, как были счастливы здесь?

— Мне бы ветеринара с барсуком.

Передавая трубку нашему новому помощнику, я подумал, что все чаще слышу эти слова — и слышу с удовольствием. Они означали, что фермеры считают его своим. Я ничего не имел против, если некоторые предпочитали его мне. Меня страшила возможность услышать в трубке: «Только этого вашего растяпу не присылайте!». О подобном приходилось слышать от некоторых коллег, обзаводившихся новыми помощниками.

Нам так повезло с Джоном Круксом, который стал просто украшением нашей практики, что, казалось, надеяться получить второго такого же блестящего специалиста — значило бы искушать судьбу. Все новые выпускники ветеринарных колледжей были гораздо образованнее, чем в свое время я, но имелись иные причины, почему у некоторых дело не шло. Одни просто не выдерживали тягот сельской жизни с ее немислимными часами работы, другие не умели найти общий язык с клиентами, а двое-трое, теоретически

прекрасно во всем разбиравшиеся, терялись, когда дело доходило до конкретного применения знаний.

Колем, к великому моему облегчению, чувствовал себя как рыба в воде, но, как Джон и Тристан отличались друг от друга, так и он отличался от них. Очень отличался. Неразлучный с ним барсук просто завораживал людей, высокая фигура, моржовые усы, искренняя дружелюбность и своеобразный взгляд на жизнь придавали ему особый интерес в глазах как фермеров, так и владельцев мелких животных, но самое главное — он знал свое дело. И оказался прекрасным ветеринаром.

Фил Колверт, наш старый клиент-оригинал, который не называл меня иначе как Счастличик Гарри, когда я заехал на его ферму, сообщил мне свое мнение о Колеме с обычной прямолинейной лаконичностью: «Этот парень — во, ветеринарище!».

А теперь коллега положил трубку и обернулся ко мне:

— Эдди Коутс. Сказал, что у него бычок «скукожился немножко». Я становлюсь просто специалистом по скукожившейся скотине.

Я засмеялся.

— Отлично, Колем. Так поезжайте.

Он вдруг задумался, а потом сказал:

— Я вот о чем хотел вас попросить, Джим. Можно, я изменю свои рабочие часы?

— В каком смысле? Хотите перенести свой свободный день?

— Нет. Я предпочел бы начинать в шесть утра и кончать в два.

Я уставился на него в изумлении:

— Но почему?

— Так у меня будет больше возможности ознакомиться с окрестностями, узнать поближе здешних диких животных и растения.

— Очень жаль, Колем. Я знаю, как все это вас интересует, но такой рабочий день крайне неудобен. Просто ничего не получится.

Он философски пожал плечами.

— Ну что же... — И повернулся, чтобы уйти.

— Минутку, Колем, — сказал я. — Раз уж мы коснулись этой темы, мне бы хотелось кое о чем с вами договориться. Вы слишком неуловимы.

— А?

— Да-да. Вас трудно отыскать в случае необходимости. Вы же знаете, на мелких фермах почти нигде нет телефонов, и нередко связаться с помощником я могу только в обеденные часы. Но вы питаетесь без всякого расписания, приходите и уходите так, что я об этом не знаю, а всегда может возникнуть что-нибудь неотложное. И потому, пожалуйста, отправляясь обедать, звоните мне.

Колем насмешливо отдал мне честь.

— Есть, сэр! Буду неукоснительно докладывать о своем местопребывании.

Мы вместе направились в аптеку, но едва вышли в коридор, я чуть не задохнулся от невыносимой вони. Гнусная, тошнотворная, она, казалось, доносилась сверху, и тут я заметил струйки пара, сочащиеся из квартирки Колема.

— Черт, Колем! Ну и вонища! Что у вас там делается?

Он посмотрел с легким удивлением.

— Просто я поставил вариться требуху для моих животных.

— Требуху! Какую требуху?

— Просто коровьи желудки. Залежались у мясника. Он обещал отдавать мне чуть тронувшуюся требуху.

Я закрыл лицо носовым платком и завопил сквозь него:

— Протухшую требуху! Да вы шутите! Бога ради, бегите наверх, снимите с газа чертову кастрюлю. И откажитесь от своего договора с мясником!

Пошатаваясь, я выбрался в сад и принялся глубоко дышать. Потом прислонился к ограде, и мне вдруг пришло в голову, что, конечно, у нас с Колемом складываются замечательные отношения, но ничто в мире не совершенно.

Днем, когда я вернулся пообедать, звонок по телефону подтвердил, что Колем запомнил мои утренние наставления. Голос в трубке отчеканил:

— Прошу разрешения поесть, сэр!

— Разрешаю, молодой человек, — ответил я, с удовольствием подыгрывая. В тот момент я еще не знал, что буду слышать эту фразу каждый день, пока он с нами не расстанется. Он всегда звонил перед обедом, и теперь, вспоминая его в те годы, я словно снова слышу:

— Прошу разрешения поесть, сэр!

Когда мы только обзаводились хозяйством в Скелдейл-Хаусе, я часто посещал дешевые распродажи в поисках самого необходимого, но почему-то нередко возвращался домой с совершенно бесполезной вещью. Список их длинен: парусный корабль с полной оснасткой в бутылке, латунные подсвечники, уже упоминавшаяся маленькая концертина и незабвенное приобретение — «География мира» в двадцати четырех томах.

Когда мы поселились в «Рябиновом саду», во мне вновь вспыхнуло желание превратить свой дом в совершенное жилище. Был у меня честолюбивый замысел — создать за огородом площадку для тенниса на траве, причем не только для детей, но и для нас с Хелен. Мы с ней были заядлыми любителями — когда удавалось выбрать время.

Разметив площадку, я понял, что главная трудность заключается в том, чтобы каким-то образом помешать мячам улетать в огород. Обнести площадку сеткой — вот выход, решил я, радуясь, что проблема разрешилась, когда в дверь позвонил рыбак и предложил рыболовные сети. Он собрался уйти на покой и вот распродает почти даром орудия своего ремесла. Я ку-

пил огромный тюк, туго стянутый просмоленной веревкой, за двенадцать фунтов и с гордостью продемонстрировал приобретение Хелен.

Прилива уважения ко мне она не испытала.

— Ты уверен, Джим, что не дал опять маху? Ты же знаешь, тебя так легко обмануть!

— Обмануть?! — вознегодовал я. — Об этом и речи быть не может. Рыбак этот сама честность, с первого взгляда видно. Он из Фрейзерборо и ходит в морской тельняшке. Веселое, обветренное, бесхитрое лицо, да от него просто веяло смолой и соленостью моря. Он сказал, что остальные сети уже продал, а эти отдает дешево, потому что они последние и он торопится домой.

— Хм-м... Это мне тоже не нравится, — пробормотала Хелен. — А ты заглянул к нему в фургон? Проверил, что там правда ничего не осталось?

— Э... собственно говоря... А зачем? Уж поверь, на этот раз я сделал выгодную покупку. Пошли, я тебе докажу!

Мы вышли на лужайку, и я развернул тюк. У меня упало сердце. В свернутых сетях зияли огромные дыры — некоторые диаметром по два-три фута. Хелен захихикала, а по мере того, как я разворачивал одну дырявую сеть за другой, ее буквально начало шатать из стороны в сторону.

— О Господи, — сказала она, утирая слезы. — Хорошо еще, что в нашей семье есть хоть один практичный человек. К счастью, я на такие промахи не способна!

В полном расстройстве чувств я мрачно созерцал свое никудышнее приобретение.

— Попробую залатать дыры веревками, — сказал я.

— Перестань! — вскрикнула Хелен, и ее снова зашатало. — Не надо! Меня уже ноги не держат.

Сети оставались болезненной темой, и я всячески ее избегал, однако в первые недели несколько раз украдкой пробирался на лужайку, когда никто не следил, и пытался (безуспешно) заняться починкой.

После этой катастрофы я старался найти способ, как поднять свой престиж, и выбрал для этой цели огород. В воскресной газете я увидел рекламу парничков для рассады и решил, что для сурового йоркширского климата ничего лучше придумать нельзя. Парнички на картинке стояли длинными аккуратными рядами, изящные и функциональные, а стоили они феноменально дешево.

Ни слова не сказав Хелен, я отправил заказ на солидную партию. Мое воображение рисовало внушительный ящик, и я был очень удивлен, когда почтальон доставил скромный плоский пакет. Как в нем могли уместиться трехмерные сооружения, изображенные на рекламе?

Впрочем, тайна тут же разъяснилась: то, что я принял за жесткий пластик, оказалось обычной полиэтиленовой пленкой. Мало того! Остальная часть будущих парничков состояла из множества тонких проволочек со зловещными инструкциями типа: вставить стержень А в прорезь Б и закрепить шпилькой В. Для меня это был лес дремучий, и я провел несколько изнурительных часов в борьбе со стержнями и шпильками, а Хелен с любопытством наблюдала за моими манипуляциями.

Я был вынужден открыть свой замысел, и меня больно уязвила ее скептическая реакция. Она с сомнением оглядела хаотичное приобретение, и

уголки ее рта задергались, словно она подавляла усмешку, которая грозила расползтись до ушей. Я же упрямо продолжал борьбу, собрал-таки проводочный каркас и принялся натягивать на него пленку.

Результат выглядел плачевно. Хелен вышла поглядеть, каковы успехи, как раз тогда, когда я созерцал подобие низко подвешенной веревки с хлопающим на ветру бельем: пленка почему-то полностью не закреплялась.

Тут моя супруга не выдержала. Она привалилась к стене дома, минуты две безудержно хохотала, а потом была вынуждена вернуться в дом и немножко передохнуть. Я остался в огороде, пытаюсь сохранить подобие достоинства, но и у меня не было сил смотреть на парнички. Кое-как убрал их составные части в пакет, я спрятал его в гараже. Еще одна катастрофа, а мои акции упали еще ниже.

Неделю спустя, вернувшись с вызова, я застал Хелен в необычном волнении — она даже слегка задыхалась.

— Джим, ты только посмотри! — сказала она, увлекая меня в гостиную, где мебель была сдвинута к стенам, чтобы освободить место для ошеломительного ковра — широкого, назойливо-пестрого, толстого и бугристого.

— Что это? — спросил я.

— Ну... — Она задыхалась еще чаще. — Днем приходил продавец с этим прелестным ковром. Настоящий касба.

— Что-что?

— Касба. Очень редкий тип восточных ковров.

— Восточных?

— Ну да. Он только что из Индии и купил его на границе у воина одного местного племени.

— Граница? Местное племя? — Голова у меня пошла кругом. — О чем ты говоришь?

Хелен выпрямилась.

— По-моему, все очень просто. Нам представилась возможность купить этот прекрасный ковер. Ковер нам нужен, и это очень выгодная покупка.

— Сколько он стоит?

— Двадцать фунтов.

— Что-о?!

— Очень дешево, — сказала Хелен, розовея. — Подлинный касба. Он сказал, что настоящая его цена — сотни фунтов, но ему выпала удача познаться с этим воином на...

— Может быть, обойдемся без границы? — перебил я. — Ушам своим не верю! Где этот тип?

— Сейчас придет. Я сказала, что ты захочешь с ним поговорить.

— Безусловно! — Я нагнулся и пощупал касбу. Он был соткан из какого-то колючего материала. Пучочки жестких волокон впивались в пальцы, легко отделяясь от ковра. Режущий глаза узор казался волнистым из-за бугров, о которые можно было легко споткнуться. Ничего хотя бы отдаленно похожего на эту редкость я в жизни не видел. С моих губ рвались жгучие слова, но я промолчал. Слишком велик был список собственных глупостей такого рода, и я находился в очень уязвимой позиции. Сказать прямо, что ковер этот невыразимо жуткий, я не мог. Такт и осторожность!

— Хелен, — начал я мягко, — ты уверена, что он нам подходит? Погляди, он такой бугристый, что дверь не закрывается. — Я наглядно продемонстрировал этот недостаток. — И ты не находишь, что расцветка чуть ярковата?

По лицу моей жены скользнула тень сомнения.

— Ну-у... может быть, я немножко поторопилась... А вот и он!

Она ввела специалиста по коврам — человека лет сорока с симпатичным лицом, просто излучавшего способность убеждать и чаровать. Тепло улыбаясь, он потряс мою руку и вручил карточку в доказательство своих морских путешествий. Затем, сверкая белейшими зубами, он принялся восхвалять достоинства касбы. Его глаза гипнотически впивались в мои. Но, когда он добрался до воина на границе, я сумел очнуться и остановил водопад слов.

— Спасибо, спасибо, только этот ковер нам не подходит.

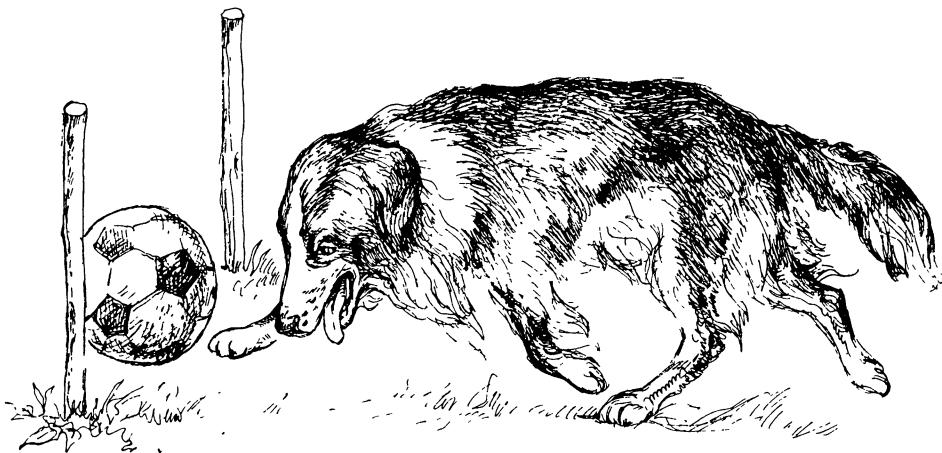
Он был поражен и никак не мог поверить, что мы готовы упустить посланную Богом удачу, но я упорствовал в своих вежливых отказах. Он был красноречив и убедителен, но по мере того, как цена снижалась, в его речи все чаще проскальзывали зловеще знакомые фразы: «Послушайте, только для вас!», и «Если уж на то пошло», и «Скажу вам откровенно». Наконец мне удалось вставить слово:

— Я помогу вам вынести его за дверь.

Явно разочаровавшись во мне, он скорбно наклонил голову. Коврище оказалось невероятно тяжелым, и мы тащили его наружу в угрюмом молчании, усыпая свой путь разноцветными колючими волокнами.

Закрыв дверь за бывалым мореходом, говорить о нем с Хелен я не стал и вообще помалкивал об этом эпизоде и в дальнейшем. После собственных подвигов позволить себе добродетельное негодование я никак не мог. В нашей семье здравый смысл и практичность, бесспорно, воплощены в Хелен, и этот ковер остается ее единственной промашкой. Однако с тех пор, когда я опять что-нибудь вытворял, немалой поддержкой служило сознание, что и у меня есть в запасе кое-какое оружие. Ведь в крайнем случае я всегда мог бы сказать: «А подлинный касба?».

26

Забияка был единственным спортсменом-любителем среди знакомых мне псов.

— Давай, малый! — скомандовал Арнольд Брейтуэйт, его хозяин. — Покажи подачу Лу Хоуда.

Красавец бордер-колли лихо встал на задние лапы, а правую переднюю вскинул над головой и резко опустил, словно подав крученный мяч.

Я засмеялся.

— Поразительно, Арни. Вот уж не догадывался, что он в довершение всего еще и теннисист.

— А как же! — Великан наклонил голову и с удовлетворенной гордостью посмотрел на своего любимца, а потом нагнулся и потрепал косматую голову. — Он у нас во всем мастак. С хозяина пример берет — во всех видах спорта разбирается. Ну а этой подаче грех было бы его не обучить — уж кого-кого, а Лу Хоуда я знаю.

— Вы с ним знакомы?

— Знаком? Да он мой друг. Мы с ним старые товарищи. Он меня очень уважает. Лу то есть.

Я смотрел на Арни с изумлением, которое всегда охватывало меня в его присутствии. Подрядчик-строитель на покое. Вернее, так он себя называл, однако никто не видел, чтобы он когда-либо что-либо строил. Холостяк без малого семидесяти лет, грузный, но еще крепкий, он был неистовым фанатиком всех видов спорта, обладал в этой сфере поистине энциклопедическими познаниями и водил дружбу со всеми знаменитостями. Как это у него получалось, оставалось неясным, ибо из Дарроуби он отлучался редко, тем не менее почти все британские спортсмены с мировым именем числились у него в приятелях.

— Ну а теперь, малый, — объявил он своему псу, — поиграем в крикет. — Мы вышли на лужайку за домом. — Будешь ловить, понятно?

Брейтуэйт прицелился битой по мягкому мячу и, едва Забияка припал к земле, готовясь к прыжку, быстро послал мяч чуть левее пса. Тот взвился в воздух, схватил мяч на лету, отнес хозяину и занял прежнюю позицию. Новый удар правее, потом опять левее, и всякий раз Забияка ловко ловил его в полете.

— Уж он не уронит! — сказал Арни с довольным смешком. Он взмахнул битой. — Та самая, про которую я рассказывал. Лен Хаттон пару раз брал ее у меня перед решающими матчами. И вот что он мне тогда говорил, слово в слово: «Отличная деревяшка, Арни, отличная!».

Это я уже слышал. Легендарный Лен Хаттон, позднее сэр Леонард, в то время был капитаном английской сборной, держателем рекордов, кумиром всюду, где любят крикет, а в помешанном на крикете Йоркшире — так и вовсе верховным божеством.

— А вот и эти бутсы! — Он поднял пару отлично выбеленных крикетных бутс. — Их Лен тоже заимствует. То и дело берет. Говорит, они ему удачу приносят.

— Да, Арни, я помню, как вы про это рассказывали.

— Уж в крикете я себя показал, было дело. — В его глазах появилось мечтательное выражение, и я понял, что сейчас услышу о том или ином его спортивном подвиге на фронтах первой мировой войны. Собственно, я заглянул к нему подстричь когти Забияке, но было по опыту известно, что с этим придется подождать.

— Мы тогда с артиллеристами играли, во Франции то есть. Ну никак у нас броски не шли, и счет рос да рос. Тут полковник кидает мяч мне. «Должен вас поставить, Брейтуэйт, — говорит. — Положение у нас скверное». Ну, я его немножко подправил.

— Да?

— Ага. Три очка в один момент. Тут полковник подходит ко мне и говорит: «Лучше я вас сниму Брейтуэйт. Счет сравнялся, но пережимать тоже не годится». Ну и опять то же самое: их игроки начали выбивать одного за другим, так что полковник опять подходит и говорит: «Извините, Брейтуэйт. Должен снова вас поставить».

Арни помолчал и посмотрел на меня с торжеством.

— Ну и я опять сделал то же.

— Вы... вы опять сравнивали счет?

— Ага.

— Потрясающе. Просто чудо. — Я выразительно пощелкал щипчиками, но Арни словно не заметил.

— Ну а теперь покажи Тома Финни! — воскликнул он и покатил по траве футбольный мяч. Это был один из коронных номеров Забияки, и я его уже видел, но все равно разделял восторг, с каким Арни следил, как пес вел мяч по лужайке между передними лапами, обходя невидимых защитников.

— Ну-ка, забей гол! — скомандовал Арни, и Забияка повернул прямо к двум миниатюрным штангам у края лужайки, а затем носом вкатил мяч между ними.

Мы с Арни смеялись и хлопали в ладоши, а Забияка прыгал на нас, отчаянно виляя хвостом. Меня радовала его энергия — ведь он был уже стар. Ему шел десятый год.

— Он ведь любит эти штуки, верно? — сказал я.

— А как же! Спорт для него первое дело. Ему только бы поиграть. — Арни задумчиво надул щеки. — Что-то я Тома давненько не видел.

Том Финни был тогда в зените славы. Игрок сборной, универсал на поле и, возможно, величайший футболист, какого только знала Англия.

— Вы с ним знакомы? — спросил я.

— Конечно, конечно. Мы с ним закадычные дружки. Надо будет навестить его. Эй, Забияка! — Он снова махнул своему псу. — А как насчет гольфа? Покажи нам своего Тони Лока.

Я поднял ладонь.

— Как-нибудь в другой раз, Арни. А сейчас пора заняться его когтями.

— Ладно, Джим, не буду вас задерживать. — Он задумчиво улыбнулся. — Вот подумал про гольф и вспомнил времечко, когда мы с Тони были не разлей вода.

— Еще один друг, э?

— Да уж, можно сказать.

Обрезая когти Забияке, я прикидывал, найдется ли хоть один знаменитый спортсмен, которого Арни не числил бы среди своих друзей. В то время Лок был в гольфе светилом — и добрым приятелем Арни, несмотря на это.

Подобно большинству собак, Забияка не жаждал приводить когти в порядок, и едва я брал его лапу, как он начинал пыхтеть, широко разинув пасть и вывалив язык, но характер у него был добродушный, и он покорялся судьбе, не рыча и не огрызаясь.

— С черными когтями ухо надо держать востро, — сказал я. — На них кожа совсем не видна, не то что на светлых, и приходится быть очень осторожным. Ты ведь никогда меня не простишь, Забияка, если я тебя ненароком пораню.

Услышав свою кличку, большой пес, несмотря на свой страх, слабо вильнул хвостом, а едва простенькая операция завершилась и я погладил его по голове, он с облегчением убежал на лужайку.

— Выпейте чайку на дорожку, Джим, — сказал Арни.

Я заколебался, времени у меня было мало, но я знал, как он любит поговорить, а я любил его слушать.

— Спасибо, Арни. Но только быстро.

Кухня была типично холостяцкой, функциональной и неудобной. И на-

блюдая, как Забияка ходит за хозяином от плиты к посудному шкафчику и столу, я понял, какую радость должна приносить его преданность. Без него кухня выглядела бы еще более холодной и неуютной — недаром Арни, хлопоча с чайником и чашками, все время заговаривал с ним. Но никаких признаков бедности заметно не было — Арни, казалось, в деньгах не нуждался.

Он со вкусом помешал в своей дымящейся чашке.

— Лучше горячего чайку ничего нет, а, Джим?

— Да, он очень освежает, Арни. Ну да вы всегда любили чай по-особенному и, наверное, очень мучились во время войны, когда его нельзя было достать.

Он энергично мотнул головой.

— Да нет. У меня всегда имелся запасец. Парочка индийских раджей снабжала меня с начала и до конца.

— Парочка раджей?

— Ага. Во время первой мировой я одно время служил там. Ну и сдружился с ними, с раджами этими. Отличные были ребята, скажу я вам. И, черт, как началась вторая, они про меня вспомнили, и в чем-чем, а в чае я не нуждался.

— Замечательно! — Служба в армии познакомила Арни с поразительным числом стран. Я уже слышал от него про Францию, Бельгию, Италию, Месопотамию, Африку, Египет — и вот теперь Индия!

Я допил чашку и отправился дальше по вызовам. Когда я уходил, Арни уже играл в гольф со своим псом.

Я часто видел Арни и помимо моих профессиональных визитов к Забияке, так как каждый вечер он восседал на обычном своем месте в «Гуртовщиках» у конца стойки. Как-то вечером, возвращаясь с отела, стоившего мне порядочной толики пота, я завернул в «Гуртовщики» утолить жажду. Арни уже был там, а под его стулом по обыкновению свернулся Забияка.

— Отличный денек я провел в Хедингли, — заметил Арни. — Игра хороша была, это уж так.

— Счастливчик! Завидую вам. — Объезжая фермы, я слушал по радио репортаж о крикетном матче и лелеял надежду выбраться с Хелен в Лидс на субботний матч.

— Да, было дело. И знаете, сидел я в первом ряду, ну и подходит ко мне Денис Комптон и говорит: «Здорово, Арни, рад тебя видеть. Я тебя искал. Ребята сказали, что ты будешь тут сегодня, ну так хочу тебя позвать пообедать с нами. Я все глаза проглядел».

— Чудесно! — пробормотал я. — Так вы обедали с командой?

— Ага. И лучше быть не могло. Они там все собрались: Билл Эдрич, и Сирил Уошбрук, и знаменитые австралийцы. Кит Миллер, Нил Харви, Рей Линдоулл — ну да все до единого. И очень мне обрадовались. Я же, понятно, с ними давно знаком.

— Понятно.

Тут с другого бока к моему другу подсел Кенни Дитчберн, мясистый краснолицый парень.

— А, Арни! — сказал он ухмыляясь. — О крикете, значит, беседуете? А вы свои бутсы давно Лену Хаттону одалживали?

Арни обратил на него суровый взгляд.

— А, Кенни! — буркнул он и снова обернулся ко мне.

Его воспоминания принесли ему в городке немалую известность, и молодое поколение все время тшилось подковырнуть его, но у Арни выработалась защитная реакция — он сразу замыкался в себе. Я же во время наших частых встреч никогда не начинал разговор о его спортивных интересах, никогда не проявлял особенного любопытства, и тогда он расслаблялся, утрачивал настороженность, и одна увлекательная история сменяла другую.

Бедняга становился жертвой не только насмешливого поддразнивания, но и превращался в героя бесчисленных апокрифических легенд, которыми обменивались местные остряки. По словам одних, Арни якобы рассказывал, что, служа во Франции во время первой мировой войны, он настолько прославился как непробиваемый вратарь, что в конце против его ворот встали в очередь все самые результативные нападающие и принялись бить пенальти. Как они ни старались, он брал все мячи. В конце концов, потеряв всякую надежду, они зарядили пушку футбольным мячом и выпалили по воротам. Арни якобы завершал повествование лаконичной фразой: «Взять-то его я взял, но обошлось мне это в два сломанных ребра».

По другой легенде, он рассказывал, что на зимних маневрах в России солдаты организовали соревнование, кто дальше пошлет мяч. Победил Арни: он сделал такую свечку, что мяч упал из тучи весь в снегу. Эти и тому подобные рассказы приписывались Арни местными ребятами, но сам я от него их не слышал, а потому во внимание не принимал, как и красочный анекдот, согласно которому в решающий момент Египетской кампании Арни переплыл Нил с генералом Алленби на спине.

Тем не менее эти легенды вошли в местный фольклор и, думается, останутся в нем навсегда. Мне вспоминается, как на благотворительном концерте в Дарроуби раздался всеобщий смех, когда скрипач-эксцентрик торжественно объявил, что сыграет вторую часть одной из фантазий Арни Брейтуэйта.

Но я питал к старику теплейшую симпатию. Я тоже был завзятым болельщиком. Арни же, когда не предавался воспоминаниям, обсуждал спортивные новости как истинный знаток. Мне всегда было интересно с ним разговаривать. К тому же он любил животных, обожал своего пса, и это еще более укрепляло нашу дружбу.

Несколько недель спустя после подстригания когтей я в чудесный солнечный день прогуливался с моей Диной по лугу у реки и вдруг увидел Арни с Забиякой. Как обычно, они во что-то играли, и пес прыгал, догоняя мяч под нависшими над водой ветвями старых ив.

— Он что-то похудел, Арни, — сказал я, глядя на впалые бока Забияки, на выступающие ребра. — Он здоров?

— Ага. Весел и ест, что твоя лошадь. В форму вошел, только и всего. К футбольному сезону готовится. Давай, малый, покажи-ка Стэнли Мэтьюса.

Забияка повел мяч и сделал финт, действительно напоминавший прием великого футболиста.

— Давненько я Стэна не видел, — задумчиво произнес Арни. — Небось думает, куда это я запропал.

Прошел месяц, прежде чем я вновь увидел старика. Его голос в телефонной трубке звучал испуганно:

— Может, заглянете, Джим, посмотрите моего пса? Плохо ему.

— А что с ним, Арни?

— Так-то ничего. Да только он как неживой стал.

Я застал неразлучную пару в саду. Забияка выглядел удручающе. От него остались кожа да кости, и он даже не повернул голову в мою сторону.

— Господи, Арни! — воскликнул я. — Как вы довели его до подобного состояния? На него страшно смотреть.

— Ну он, конечно, худел, но ел всюю, что твоя лошадь. Я думал, может, он бегаёт много. А тут вдруг за пару дней ему так скверно сделалось! Да разве ж я из тех, кто о своих собаках думать не думает?

— Ну, конечно, нет, Арни. А ест он по-прежнему хорошо, вы говорите?

— Ага. Лучше некуда. Это-то меня и сбило.

— И пьёт много?

— Да уж. То и дело к миске прикладывается.

Я начал осмотр, но никаких сомнений уже не было. Потеря веса, волчий аппетит, ненормальная жажда, крайняя вялость. Ответ мог быть только один.

— Арни, — сказал я, — по-моему, у него диабет.

— А черт! А это плохо?

— Боюсь, что да, раз дошло до такой степени. Не исключено, что он не вытянет.

Арни уставился на меня в полном ошеломлении.

— Что вы такое говорите? Он умрет?

— Надеюсь, что нет. Можно еще многое сделать.

— А прямо сейчас не начнете, а, Джим? — Он с отчаянием запустил пятерню в волосы. — Как же я без него буду?

— Обязательно, Арни, но сперва необходимо удостовериться, исключить две-три другие возможности. Например, заболевание почек. Завтра прямо с утра принесите мне на анализ его мочу. Когда он задерет ногу, подставьте чистую тарелку, слейте мочу в пузырек и вместе с Забиякой сразу идите в приемную.

Он кивнул.

— Понятно... приду... Но, может, он все-таки не так уж плох... — Подобрал с травы футбольный мяч, он подкатил его к носу Забияки. — А ну-ка, малый, — произнес он с надеждой, — покажи нам Тома Финни.

Забияка даже не привстал. Он апатично тронул мяч носом, а потом поднял на нас тусклые глаза. Его хозяин нагнулся и погладил его.

— Забияка... — прошептал он. — Забияка...

Утром я сделал анализ мочи. Положительная реакция на глюкозу.

— Вот теперь мы знаем точно, Арни. Это диабет. Теперь мы будем делать вот что: я сейчас же введу ему небольшую дозу инсулина, и вы должны будете каждое утро приводить Забияку и приносить мочу для анализа. Если реакция останется положительной, я немного увеличу дозу и буду продолжать так, пока не произойдет стабилизация, то есть реакция станет отрицательной.

— Да, конечно, я буду приходить каждый день, сколько потребуется... то есть... ну... если он жив будет. — Лицо старика сморщилось от горя.

Иногда при диабете первая же инъекция инсулина творит чудеса, но у Забияки заметного улучшения не наступило — он был в слишком плохом состоянии. Утро за утром Арни приводил его в приемную, и я тщетно искал хоть какие-то обнадеживающие признаки. Бойкий пес превратился в немогущее полумертвое создание — в полную противоположность универсальному игроку, каким он был прежде. Арни с угрюмой решимостью приводил его ровно в девять, и после первых десяти дней я посочувствовал старику:

— Арни, вам, должно быть, очень тяжело водить его сюда каждый день.

Он негодуяюще выставил подбородок.

— Да я сюда на четвереньках буду приползать хоть до второго пришествия, лишь бы моя собака жива осталась.

Примерно тогда же я почувствовал, что с Забиякой что-то происходит. Он был все таким же тощим и вялым, но в глазах появился блеск, они уже не казались мертвыми. Надежда во мне воскресла и укреплялась по мере того, как большой пес мало-помалу начал обретать былую жизнерадостность, и через три недели лечения утренний анализ показал отрицательную реакцию, а на меня, виляя хвостом, смотрел бодрый пес, казалось готовый броситься за мячом.

— Арни, — сказал я, — наконец-то состояние стабилизировалось. Дальше его судьба зависит от вас. Вам придется каждое утро колоть ему инсулин до конца его дней.

— Э? Чтоб я ему уколы делал? — Лицо старика стало несчастным.

— Да. Вы ведь сможете? После утренней кормежки. Это скоро превратится у вас в привычку.

Он с сомнением посмотрел на меня, но промолчал, и я снабдил его всем необходимым.

С этого дня выздоровление Забияки пошло стремительно, и несколько дней спустя я уверился в способности Арни делать уколы. Затем вообще выяснилось, что на Балканах он некоторое время состоял при полковом враче и шприцы были ему не в новинку.

Я поставил последнюю счастливую точку на этом эпизоде с диабетом, когда как-то, заглянув через ограду в сад Арни, увидел, что старик повалил Забияку на траву.

— Арни, чем вы занимаетесь? — окликнул я его.

— Показываю Забияке приемчик: обучаю его регби.

Осень незаметно сменилась зимой, и однажды Дарроуби охватило волнение — на местном стадионе должен был состояться важный хоккейный матч между командами соперничающих графств — Йоркшира и Ланкашира. Команды были ведущие, в их составе числилось несколько международных звезд. Всем хотелось посмотреть этих знаменитостей в игре, и днем в субботу я пришел на стадион заблаговременно — как мне казалось. Однако он был уже полон зрителей. Люди стояли у боковых линий в несколько рядов. Никогда еще я не видел тут такой толпы и уже решил, что ничего толком посмотреть не сумею, как вдруг меня окликнули:

— Эй, Джим, тут для вас есть местечко!

Я оглянулся и увидел Арни, удобно устроившегося на скамье у прохода в раздевалку.

— Да как же, Арни...

— Я ведь его для вас и занял. Садитесь-ка.

Чудесно. Игра должна была вот-вот начаться, мне хорошо было видно все поле. Внезапно я почувствовал, что мою ногу толкают, посмотрел вниз и узрел нос Забияки, уткнувшийся в мое колено. Как всегда, он примостился под сиденьем хозяина и словно хотел сообщить мне, что находится в наилучшей форме.

Следя за игрой, я почесывал его уши. Как и следовало ожидать, игра шла на высшем уровне, и особенно блистали игроки сборной.

Арни не скупился на объяснения.

— Это Пип Чапман, капитан йоркширцев и центр сборной, старый мой приятель. И Грег Холройд, капитан ланкаширцев и левый нападающий сборной. Тим Моубрей и Джонни Харт. Я их всех хорошо знаю. Уже много лет.

В перерыве, когда игроки собрались в середине поля, Арни окончательно развернулся.

— Приятно, конечно, что зимний сезон начался, только я все вспоминаю заключительный крикетный матч в Скарборо. Сижу себе, греюсь на солнышке, а тут Фред Труман и угляди меня. «Арни, — говорит, — я же тебя всюду искал!»

Последняя фраза, приписанная еще одному из сонма бессмертных крикетистов, развеселила компанию парней, сидевших позади нас.

Даваясь смехом, один из них спросил:

— Фред Труман, Арни? Тот самый Фред Труман? И всюду тебя искал?

Арни помрачнел, слегка кивнул с достоинством, отработанным долгой практикой, что вызвало новые смешки и шепот: «Всюду тебя искал!». Видимо, эта фраза особенно их позабавила.

Мой друг пропускал насмешки мимо ушей и сидел неподвижно, устремив взгляд прямо перед собой, пока в атаку не ринулся еще один:

— Я слышал, и здесь на поле твои старые приятели, Арни? Четверо из сборной — ты с ними много лет знаком, э?

Арни снова коротко кивнул, а меня укололо дурное предчувствие. На этот раз положение оказалось критическим — вон они, живые доказательства в его пользу или против. Арни сидел с краю прямо у прохода. Направляясь в раздевалку, игроки пройдут на расстоянии вытянутой руки от него. Они не могут его не увидеть.

Когда раздался финальный свисток, у меня перехватило дыхание. Игроки приближались, и должно было произойти что-то ужасное. От всей души я хотел превратиться сквозь землю.

Первым шел Холройд, могучий черноусый ланкаширец, лицо его лоснилось от пота, колени были вымазаны в землю. Он скользнул по Арни равнодушным взглядом и пошел дальше. Внутри у меня все сжалось, как вдруг он остановился и сделал шаг назад. Несколько секунд он молча смотрел на скамью с высоты своего роста, а потом заремел:

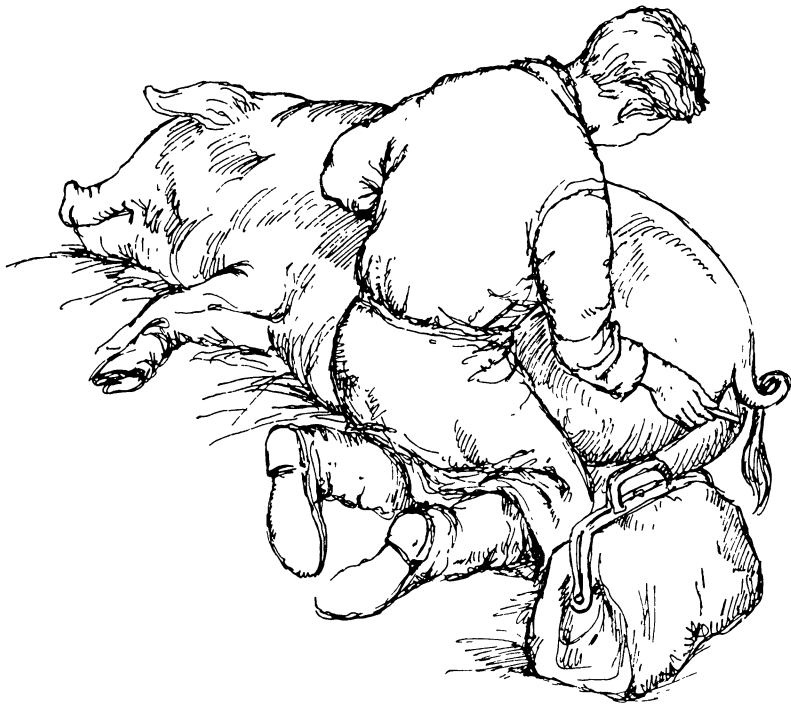
— Да это же Арни Брейтуэйт! Здорово! Как делишки, старина? — Он тряс руку моего друга и кричал через плечо: — Эй, Пип, Джонни, Тим, вы только поглядите, кто здесь! Это же наш старый приятель!

В проходе возникла толчея: четверо сгрудились возле Арни, хлопали его по спине, смеялись, перебивали друг друга. Забияка выбрался из-под скамьи и на обычный собачий манер поддержал веселым лаем общее веселье.

Пип Чапман поглядел на Арни с нежностью.

— А знаешь, Арни, мы ведь думали, что ты можешь быть тут, и все время, пока играли, высматривали тебя. Можно сказать, повсюду искали!

Мои клиенты в своем мнении обо мне сильно расходились: двое-трое как будто считали меня блестящим специалистом, подавляющее большинство видело во мне добросовестного надежного ветеринара, а кое-кто был убежден, что мои способности весьма ограничены. Но, кажется, одна семья лелеяла тайное убеждение, что у меня в голове не все дома.

Так думали Хардуики — и к большому моему сожалению, потому что мне они очень нравились.

На этот вывод их натолкнула серия мелких, но неприятных происшествий, хотя в то морозное и солнечное январское утро я понятия не имел, что незамедлительно посею в их души сомнения, губительные для доброго мнения обо мне. Ночью выпал снег — ровно столько, сколько требовалось, чтобы выбелить мир, — и передо мной дорога на ферму Хардуиков вилась среди хрустального блеска под безоблачно синим небом.

Дорога эта была к тому же очень длинной — проселок, уводящий вверх почти на милю, порой исчезал в лощине или за нагромождениями камней,

пока не достигал фермы, старые красные крыши которой я увидел, когда подъехал к первым воротам.

Если вызовов было много, я страшно боялся таких ферм с полдюжиной ворот, отнимавших без толку драгоценные минуты. Но в это утро, когда я вылез из машины, лицо мне гладили теплые солнечные лучи, ноздри щекотал бодрящий воздух, и, открывая первые ворота, я оглядел широкий белый простор, безмолвный и мирный. Мной овладела безмятежная радость, и я с удовольствием останавливался перед следующими пятью воротами, а снег приятно хрустывал под ногами, пока я шел открывать их.

Во дворе фермы Себ и Джош Хардуики атаковали гору турнепса, накладывая его вилами на тележку. Несмотря на холод, их лица блестели от пота, когда они с улыбкой обернулись ко мне.

— А, мистер Хэрриот! Утро-то какое!

Типичные фермеры йоркширских холмов — тихие, вежливые, уравновешенные; я всегда отлично с ними ладил.

— Ну как сегодня телята? — спросил я.

— Им лучше, — ответил Себ. — И слава Богу, а то мы уж беспокоиться начали.

Я тоже ощутил облегчение. Сальмонеллез — скверная штука, часто смертельная для молодняка и опасная для людей, а когда я два дня назад осматривал телят, картина была достаточно зловещей.

Вместе с братьями я вошел в телятник и направился к его отгороженному концу, где стояли мои пациенты, числом двадцать, и радостно вздохнул. Все выглядело иначе. Два дня назад этот загон окутывала безнадежность — телята стояли неподвижно, уныло поникнув, и по их хвостам стекали струйки жидкого кала, а теперь они ожили, повеселели и с интересом посматривали на меня.

Я же мысленно хлопнул себя по спине, потому что не ударил лицом в грязь. Как легко было спутать это с простым поносом! Но высокая температура и характерное покашливание насторожили меня. Ректальные мазки подтвердили диагноз, и обычное сочетание инъекций левомецетина с оральными дозами фуразолидона явно дало желанные результаты.

— Что же, отлично, — сказал я, перелезая в загон. — Пока все идет хорошо. Я повторю инъекцию, а вы продолжайте давать им порошки еще пять дней, и, думаю, все будет в порядке. Только не забывайте каждый раз как следует мыть руки.

Джош снял кепку и утер мокрое лицо.

— Приятно слышать, мистер Хэрриот. Не зря мы вас сразу вызвали. Не то пришлось бы уже выносить отсюда сдохших.

Когда я кончил делать инъекции, Себ позвал меня в дом.

— Умыться нам всем требуется, а в десять мы всегда перекусываем.

Потом я сидел на кухне, запивал домашнюю булочку чаем и поддерживал разговор с двумя привлекательными молодыми хозяйками — брюнеткой и огненно-рыжей. От очага веяло теплом, у моих ног копошился малыш, двое других, чуть постарше, весело боролись на каменных плитах пола, и я наслаждался жизнью. Я мог бы просидеть так весь день, но ждали другие вызовы, а Себ с Джошем, составившие мне компанию, нетерпеливо ерзали, несомненно вспоминая эту гору турнепса снаружи. Что поделаешь! Пора было отправляться восвояси.

Во дворе мы попрощались, братья взялись за вилы, а я нажал на ручку дверцы... Но безрезультатно. Я обошел машину, дергая другие дверцы — они тоже оказались запертыми. Влезть в машину я не мог.

Виновата была моя маленькая Дина. Пока я занимался телятами, до меня доносился ее лай. Она обожала облаивать хозяйских собак и, прыгая на стекла дверей, очевидно, опустила кнопки, запиравшие их.

Я окликнул братьев:

— Извините! Я очень сожалею, но я не могу сесть в машину.

— А? Что случилось?

Они подошли и заглянули внутрь, откуда, вывалив язык и упоенно виляя хвостом, на них смотрела Дина. У нее за спиной из замка зажигания свешивались ключи — такие близкие и такие недоступные!

Я объяснил, и Джош посмотрел на меня с удивлением.

— Вы ведь всегда ездите с этой собакой, верно?

— Да...

— А ключи так в машине и оставляете?

— Да... боюсь, что да...

— Тогда странно, почему такого раньше не случилось.

— Да, пожалуй... если взглянуть на дело так. И очень жаль, что случилось это именно здесь, так далеко от города.

— А почему?

— Боюсь, я должен буду попросить, чтобы вы свезли меня домой за запасными ключами.

У Себа отвалилась нижняя челюсть.

— В Дарроби?

— К сожалению. Больше ничего придумать не могу.

Братья Хардуики переглянулись, посмотрели на гору турнепса, потом на меня. Я понимал, о чем они думают. Кроме турнепса их ждали десятки других дел, как всегда на ферме, а из-за меня часть утра пропадет зря.

Но по доброте душевной они не сказали мне, какой я дурак и растяпа. Себ надул щеки.

— Тогда поехали. — Он обернулся к брату. — Ты уж один управляйся, Джош. Кончишь с турнепсом, почишь хлев, а овец на нижнее пастбище мы днем перегоним.

Джош кивнул и молча взялся за вилы, а его брат вывел из сарая семейный автомобиль — очень большой и очень старый, как обычно в холмах. Мы загромыхали вниз по проселку, и всякий раз, закрывая ворота, я погружался в облако выхлопных газов.

Путь до Дарроби казался очень долгим, а обратный — и того дольше. Я пытался скоротать его разговорами о спорте, погоде, скотине, но последние полчаса прошли в молчании. Во дворе фермы Себ торопливо вылез, помахал мне и побежал искать брата.

Дина в несказанном восторге из-за моего возвращения прыгала на меня, облизывала мне физиономию, но, выехав за ворота фермы, я подумал, что там сейчас не питают ко мне особенно теплых чувств.

Однако, когда я неделю спустя в последний раз посмотрел телят, все было прощено. Бесспорно, я причинил много лишних хлопот, но братья

Хардуики встретили меня широкими улыбками. Впрочем, был один неприятный момент: когда я вылезал из машины, они хором закричали:

— Э-эй! Ключи-то, ключи заберите!

Я смущенно забрал ключи, чувствуя себя тем более глупо, что после того случая больше их в замке зажигания не оставлял.

Но мне сразу полегчало, едва я убедился, что телята совсем здоровы, а когда, вымыв руки, я принялся на кухне за ритуальный чай, стало ясно, что про злополучный эпизод можно забыть.

Несколько дней спустя не успел я войти в дом после вызова, как Хелен сказала с некоторым недоумением:

— Тебе звонила какая-то миссис Хардуик. Я толком не поняла.

— Но что она просила передать?

— Что ты прихватил очки ее мужа.

— Как... как? О чем ты говоришь?

— Ну они весь дом обыскали, но очки не нашлись, а к ним никто, кроме тебя, не заезжал. Она убеждена, что они у тебя.

— В жизни не слышал подобной нелепости! На какого черта мне сдались его очки?

Хелен развела руками.

— Понятия не имею. Но мистеру Хардуику они очень нужны. Без них он не может читать сельскохозяйственную газету. И очень расстраивается. Ты все-таки погляди.

— Безумие какое-то! — буркнул я, но начал опорожнять карманы рабочего пиджака. И нате вам! Среди пузырьков, ножниц и других полезных вещей оказался очешник, очень похожий на футляр с термометрами, рядом с которым я его и обнаружил.

Я уставился на очешник, не веря глазам.

— Господи! И правда! Наверное, взял его по ошибке, когда вымыл на кухне термометр.

Я позвонил Себу и извинился.

— Еще одна моя глупость, — сказал я со смехом.

Возражать он не стал, но говорил по-прежнему вежливо и отклонил предложение завезти очки к ним.

— Да нет, ничего. Я сейчас приеду.

Видимо, ему не терпелось погрузиться в сельскохозяйственную газету.

Я чувствовал себя крайне неловко при мысли, что из-за меня ему снова пришлось тратить время на долгую бесполезную поездку, и чувство это нахлынуло с новой силой, когда три дня спустя я заглянул в книгу вызовов и увидел фамилию Хардуиков.

Братьев я нашел в коровнике, где они накладывали сено в кормушки. Они не улыбнулись привычно, а посмотрели на меня с каким-то изумлением.

— Я приехал осмотреть вашу захромавшую корову! — объявил я весело. Они обменялись ничего не выражавшими взглядами.

— У нас хромых коров нет, — сказал Джош.

— Но... но вы же утром звонили!

Вновь они недоуменно переглянулись.

— Что же... Наверное, вышла ошибка... — Я изобразил веселый сме-

шок, который не вызвал ответных улыбок, и невольно посмотрел на ряды коров.

Себ махнул рукой в их сторону.

— Ей же Богу, мистер Хэрриот, ни одна не хромает. Осмотрите их, если желаете.

— Да нет же, нет! Я... кто-то ошибся, записывая вызов. Разрешите позвонить от вас?

Себ проводил меня на кухню, и мне не стало легче, когда, набирая номер приемной, я увидел, как он тихим движением забрал со стола очешник и опустил в карман. Дозвонившись, я установил, что ехать мне надо было на ферму Бортуиков всего в полумиле от хардуиковской. Но что же это такое? Почему я все время ставлю себя в дурацкое положение?

Я взял шариковую ручку, лежавшую возле телефона, и записал вызов правильно, а потом повернулся к молодым хозяйкам.

— Я крайне сожалею, что причиняю столько беспокойства, — сказал я и повернулся, чтобы уйти. Но тут брюнетка протянула ко мне руку.

— А наша ручка, мистер Хэрриот?

Уши мои запылали, я вытащил чертову ручку из кармана и сбежал.

Я все еще ежился от смущения, когда через несколько дней снова приехал к ним.

Себ угрюмо указал на телку, лежащую на полу коровника.

— Встать не может, — сказал он. — И задняя нога у нее торчит в сторону.

Я нагнулся к телке и подергал ее за ухо.

— Ну-ка, девочка, поднатужься.

Она сделала попытку подняться, но почти сразу же опустилась на бугельники — с первого взгляда стало ясно, что правая задняя нога отказывается ей служить.

Я ощупал косматую тушу и, когда добрался до таза, без колебаний поставил диагноз.

— У нее вывих бедра, Себ, — сказал я. — Переломов нет, но головка бедра совсем вышла из впадины.

— А вы уверены? — Фермер посмотрел на меня с сомнением.

— Стопроцентно. Вот пощупайте эту шишку. Да ее и так видно.

Себ не потрудился вынуть руку из карманов.

— Уж и не знаю. Я-то думал, может, сухожилие себе растянула. А то дайте мази для втирания, глядишь, и пройдет все.

— Нет, уверяю вас. Это, бесспорно, вывих.

— Ну ладно. А делать-то что?

— Попробуем его вправить. Это нелегко, но времени прошло мало, и, думаю, все обойдется.

Фермер наморщил нос.

— Ладно. Так давайте!

— К сожалению, — сказал я, улыбнувшись, — один я тут не справлюсь.

И вдвоем мы с вами не справимся. Нам требуется помощь.

— Помощь? Откуда же я ее возьму? Джош на дальний луг ушел.

— Жаль, конечно, но вам придется позвать его. И вынужден сказать,

вам придется позвать еще и кого-нибудь из соседей. Обязательно кого-нибудь крепкого, сильного.

— Черт-те что! — Себ уставился на меня. — Это еще зачем?

— Я понимаю, вам это кажется лишним. Но она, хоть и молодая, а крупная и сильная, и, чтобы вправить вывих, нам придется преодолеть мышечное сопротивление. Тянуть надо будет как следует, можете мне поверить. Я столько вывихов вправил, что уж знаю!

Он кивнул.

— Ну ладно. Схожу к Чарли Лосону, может, он согласится. А вы тут подождете?

— Нет, мне нужно съездить за намордником, чтобы дать хлороформ.

— Хлоро... Еще чего!

— Я ведь объяснил про мышечное сопротивление. Чтобы его преодолеть, ее необходимо усыпить.

— Послушайте, мистер Хэрриот! — Фермер назидательно поднял палец. — А вы уверены, что надо все это затевать? Может, втереть мази, и дело с концом? Или там припарку приложить?

— Мне очень жаль, Себ, но все это совершенно необходимо.

Он повернулся и вышел из коровника, что-то бормоча себе под нос, а я побежал к своей машине.

По дороге в Дарроуби и назад я думал только о том, что предстоит одна из наиболее сложных задач в ветеринарной практике, зато в случае успеха эффект бывает поразительный. Животное, еще секунду назад беспомощно распростертое на земле, вдруг встает и подходит к кормушке как ни в чем не бывало. А мне во что бы то ни стало надо поднять свою репутацию на этой ферме.

Когда я вернулся с намордником, во дворе рядом с Себом меня ждали Джош и Чарли Лосон.

— А, мистер Хэрриот! — поздоровались они со мной, но вид у обоих был весьма скептический — Себ, разумеется, поделился с ними своими сомнениями.

— Рад вас видеть, джентльмены, — сказал я бодро. — Надеюсь, вы все в хорошей форме. Работа предстоит тяжелая.

Чарли Лосон ухмыльнулся и потер руки.

— Уж постараемся!

— Ну так за дело! — Я посмотрел на телку. — Лучше перетащить ее ближе к двери. Вам будет просторнее тянуть. Перетащим, наденем намордник с хлороформом и обвяжем ногу. Вы будете тянуть, а я направлять головку бедра во впадину. Но сначала передвинем ее.

Фермеры нажали на бок телки, а я старался вдвинуть вывихнутую ногу под нее. Телка перекаталась на другой бок, раздался громкий щелчок, и она, быстро поглядев по сторонам, поднялась с пола и вышла вон.

Мы следили, как пациентка прошествовала через двор к воротам и дальше на луг. Ступала она спокойно и ни чуточки не прихрамывала.

— В первый раз вижу такое! — ахнул я. — При перекаtywании давление на сустав, видимо, вогнало головку на место. Даже не верится!

Три фермера молча посмотрели на меня. Им явно не верилось.

Отступая к своей машине, я успел услышать, как Себ пожаловался остальным двоим:

— Нет чтобы сразу мази втереть!

Когда я проехал мимо телки, безмятежно щипавшей траву на зеленом склоне, мне вспомнились слова, которые я услышал от Зигфрида в первые дни нашего знакомства: «Наша профессия предлагает огромный выбор возможностей попасть в дурацкое положение».

Как справедливо! И от этого никуда не денешься. Но почему, почему должен был я попасть в него именно у Хардуиков?!

Я глазам своим не поверил, когда еще до конца недели узрел в книге вызов к Хардуикам.

— Зигфрид, — сказал я, — вы туда не съездите, а? На меня там словно заклятие какое-то падает.

Он ответил удивленным взглядом.

— Но это же ваши любимые клиенты. И они всегда обращаются именно к вам.

— Да, конечно, но мне что-то не по себе! — И я рассказал о недавних злоключениях.

— Вздор, Джеймс! — Он сделал небрежный жест. — Вы дали волю воображению. Сущие пустяки. — Он засмеялся. — Забавные, не спорю, но ровно ничего не значащие. Хардуики — отличные люди и, конечно, тут же забыли про эту чепуху.

— Ну не знаю. Люди они, безусловно, хорошие, но, по-моему, убеждены, что у меня не все с головой в порядке. Легкая kleптомания для начала.

Он снова засмеялся.

— Какая ерунда! Поезжайте, поезжайте! Просто заболевшая свинья. Ну что тут может произойти?

Возможно, мне почудилось, но, когда я вылез из машины во дворе фермы, братья как будто посмотрели на меня с некоторой опаской. Свинья, к которой меня вызвали, оказалась мамашей дюжины поросят, которые с визгом тыкались в нее, а она неподвижно лежала в дальнем углу хлева, где было так темно, что я с трудом ее различал. Впрочем, меня это не очень смущало: я привык работать на ощупь.

Я забрался в закут и подошел к своей еле различимой пациентке, достал термометр и провел рукой в поисках ее тыла.

— Ничего сегодня не ела, вы сказали?

— Совсем ничего, — ответил Джош. — И с места не вставала. А поросята вроде изголодались. Им, видно, молока не хватает.

— Так... так... так... понимаю... — Я лихорадочно искал анус, чтобы смерить температуру, но не находил. Темно, хоть глаз выколи — но я же ставил термометр свиньям в полном мраке! Ничего не понимаю! Вот хвост, надо чуть продвинуть руку вниз, и термометр скользнет в задний проход... Только где он?! Чуть ниже отверстие отыскалось — но оказалось влагалищем. И тут меня как озарило.

— У этой свиньи нет заднего прохода! — воскликнул я. Замечательное научное открытие, каким я поспешил поделиться с миром, и только потом сообразил, что выбрал не слишком подходящее место для своих восторгов.

Братья смотрели на меня сверху вниз в суровом молчании. Потом Себ произнес усталым голосом.

— Чего нет?

Я обернул к нему голову, не вставая с корточек.

— Нет ануса. Заднего прохода. Редчайший случай. Замечательно. У поросят встречается не так уж редко, но у взрослого животного я сталкиваюсь с этим впервые.

— А-а! — сказал Себ. — А если у нее его нету, так навоз откуда? Я его отсюда по утрам выгребаю — о-го-го!

— Кал, — оживленно объяснил я, — проходит через влагалище. Так всегда бывает в подобных случаях.

— И все эти годы проходил?

— Ну да. Принесите фонарик, и я вам покажу.

Братья посмотрели друг на друга.

— Чего там! Мы вам верим.

Было совершенно ясно, что они ни на секунду мне не поверили.

Я пустился в дальнейшие объяснения, но поймал себя на том, что начинаю бессвязно бормотать, и умолк. Да и вообще, ощупав брюхо свиньи, я обнаружил, что ее вымя просто обжигает руку и кажется бугристым.

— В любом случае температуру ей мерить не нужно, у нее мастит. Вымя очень горячее и опухшее. Я сделаю инъекцию антибиотика, и, думаю, все будет хорошо. — Я пытался говорить деловито и уверенно, однако это не помогало.

— Так, значит, температуру ей мерить вы не будете? — снова подал голос Джош.

— Совершенно верно. Все ясно и так.

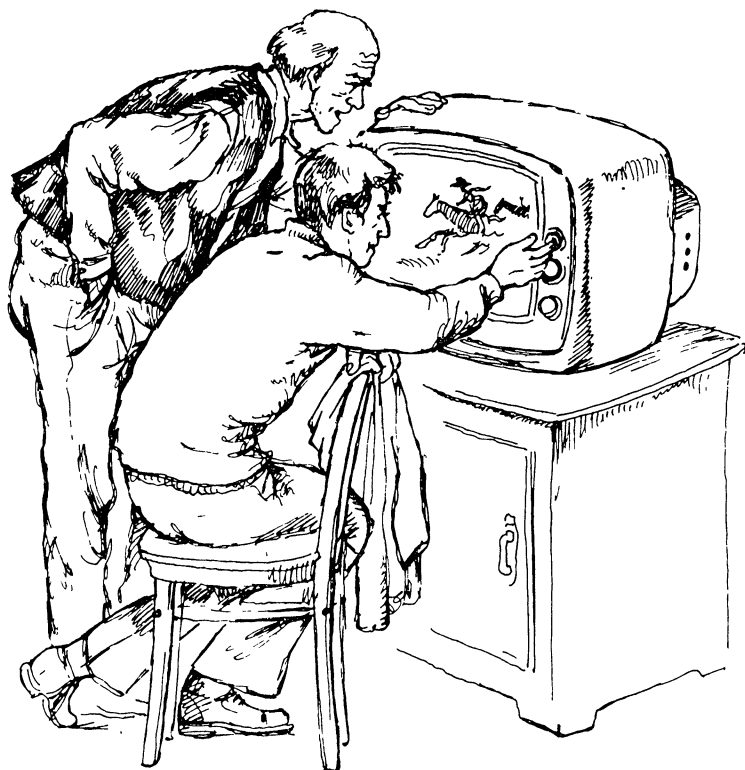
— Ага, все ясно и так, — повторил он, и оба кивнули. — Вы не беспокойтесь, мистер Хэрриот. Не нужно, так не нужно.

У меня мороз прошел по коже. Они стараются не перечить мне! Бр-р!

Я привычно сделал свинье инъекцию, торопливо вымыл руки и отказался от чая.

Когда я выезжал со двора, Себ и Джош, стоя рядом на бульжнике, подняли руки в торжественном прощании, а в окне кухни я увидел их жен. Прочсть их мысли не составляло труда.

Бедняга Хэрриот! И ведь неплохой человек. Больно смотреть, как он потихонечку свихивается.

Водя стетоскопом по ребрам старого пса, я взвешивал, долго ли еще он протянет.

— С сердцем у Дона не лучше, — сказал я старенькому мистеру Чандлеру, который сидел сгорбившись в кресле у очага.

Я старался говорить бодрее. Сердце работало заметно хуже. Собственно говоря, казалось, что я никогда еще не выслушивал такого скверного сердца. Какие там шумы! Мешанина всплесков и хлюпанья: я только диву давался, каким образом животворная кровь еще циркулирует по телу дряхлой собаки.

Дону, косматому нечистопородному колли, было четырнадцать лет, и к сердечной слабости добавлялся неизбежный хронический бронхит, внося свою лепту бульканья и хрипов в симфонию, оглашавшую его грудь.

— Может, и так. — Мистер Чандлер наклонился вперед. — А в остальном-то он еще ничего. Ест даже очень хорошо.

Я кивнул.

— Да, удовольствие он от жизни получает, это несомненно. — Я потре-

пал старого пса по голове, и его хвост энергично застучал по коврику у очага, служившему ему подстилкой. — Боли он не испытывает и радуется, чему может.

— Если бы не чертов кашель, — проворчал его хозяин. — Покоя ему не дает. А сегодня совсем разыгрался, вот я вас и вызвал.

— Ну совсем кашель не пройдет, но помочь, когда очень скверно становится, все-таки можно. Сейчас сделаю укол и оставлю таблетки.

После инъекции я отсчитал запас моих верных окситетрациклиновых таблеток.

— Спасибо, мистер Хэрриот. — Старик взял пакетик и положил его на полку. — А вообще-то он как?

— Трудно сказать, мистер Чандлер. — Я замаялся. — Я видел много собак с больным сердцем, которые жили годы и годы, а с другой стороны... Ждать можно всего. В любую минуту.

— Ну да... понимаю, понимаю. Будем надеяться на лучшее. Только старому-то вдовцу вроде меня немножко тоскливо становится. — Он поскреб в затылке и виновато улыбнулся. — Ночь сегодня скверная выдалась. С телевизором повеселей было, да он не работает. — Старик кивнул на темный экран в углу. — За чаем совсем разладился. Я чертovsky ручки крутил и так и эдак, и все без толку. Вы в этих штуках понимаете?

— Боюсь, что нет, мистер Чандлер. Я телевизор купил совсем недавно.

В начале пятидесятых телевизор был еще новым чудом, а для тупиц в технике вроде меня — непостижимым чудом. Тем не менее я подошел к нему и включил, а затем принялся вертеть ручки, нажимать на кнопки, подтягивать проволоочки, щелкать выключателями.

Внезапно старик у меня за спиной вскрикнул:

— Э-эй! Есть оно! Есть изображение.

Я растерянно уставился на экран, где по тexasской равнине неся галопом отряд шерифа. Чем-то я пронял таинственный ящик.

— Колдун вы, мистер Хэрриот! — Лицо старичка просияло. — Сразу мне веселее стало.

Я испытал непривычное горделивое торжество.

— Ну очень рад, что сумел помочь! — Однако, взглянув на собаку, прильнувшую к коврику, я перестал радоваться.

— Если ему станет хуже, позвоните, — сказал я и вышел из домика со скверным предчувствием, что скоро услышу от мистера Чандлера печальное известие. И что-то для меня кончится. Я ведь успел привязаться к старому Дону, одному из самых покладистых пациентов, усердному хвостовилляльщику, которого лечил много лет.

Ждать пришлось недолго. В семь часов вечера три дня спустя зазвонил телефон.

— Чандлер говорит, мистер Хэрриот.

Голос был расстроенный, и я приготовился к худшему.

— Не хочется мне вас беспокоить, мистер Хэрриот, но, может, вы ко мне заглянули бы?

— Ну конечно, мистер Чандлер. Сию же минуту. Я понимаю, как вам тяжело.

— Да уж, худо, дальше некуда. Но я знаю, вы его подправите.

Мне вспомнилась какофония, звучавшая в стетоскопе, и я почувствовал, что обязан сказать правду.

— Мистер Чандлер, четырнадцать лет — срок долгий. Все изнашивается.

— Четырнадцать? Так ему, чертову сыну, и двух нет!

— ДВУХ?! — Неужели у старика в голове помутилось? — Дону еще и двух нет?

— Дону? Да причем тут Дон? Ему от таблеток очень даже полегчало. А вот телевизор этот треклятый опять не работает, хоть ты что! Может, заглянете починить его, а?

Фермер Уайтхед с сомнением потер подбородок.

— Что-то я в нем не разберусь, — сказал он. — Вроде бы на работника с фермы не очень похож, да и сам говорит, что был школьным учителем, но видно, что в уходе за скотиной разбирается. Ну я его пока на пробу беру. Привередничать-то мне особо не приходится: найти, кто согласится жить в таком глухом месте, не очень-то легко. Так вы мне скажите, как он вам покажется.

— Обязательно. — Я кивнул. — А он женат?

— Что есть, то есть! — Фермер ухмыльнулся. — И жена, и детей семеро!

— Семеро? Да, семья не маленькая.

— Верно. Я и взял-то его отчасти из-за этого. Ему негде жить, а у нас тут есть хороший дом. Просторный. Он совсем вроде в отчаяние пришел, ну и мне его жалко стало. — Мистер Уайтхед помолчал и задумчиво посмотрел через двор. — Какой-то он из ряда вон выходящий...

Я направился к двери, а фермер сказал мне вслед:

— И зовут его Бэзил Куртене. Имячко тоже не из обычных, верно?

В коровнике я с интересом оглядел Бэзила. Лет тридцать пять, решил я. Очень худощавый, смуглый — ну просто испанец. Меня он приветствовал широкой улыбкой.

— Здравствуйте! Ох, ну и холодрыга же нынче! На лугу того и гляди легкие отморозишь.

— Вы правы, — ответил я. — Подморозило сильно. — И снова всмотрелся в него. Говорил он совсем не как школьный учитель. Но в нем чувствовалась бодрая лихость, темные глаза дружески поблескивали — он мне понравился.

Корова, к которой меня вызвали, прихрамывала на левую заднюю ногу, и, когда я нагнулся и сунул палец в межкопытную щель, она предостерегающе меня лягнула.

— Пожалуйста, подержите ее за голову, — сказал я.

Бэзил изящно наклонил собственную голову в легком поклоне и вошел в стойло. Но он не ухватил корову за рог и не сунул пальцы ей в ноздри, как делается обычно, а обнял ее за шею и прижал голову к груди. Ничего подобного я еще ни разу не видел, но цель, казалось, была достигнута: корова спокойно позволила мне поднять ее ногу. Постукивая по подошве ручкой копытного ножа, я скоро нашел болезненный участок.

— Небольшой абсцесс, — сказал я. — Придется его вскрыть. Удобнее всего будет задрать ей ногу, перекинув веревку вон через ту балку. Вы не принесете веревку?

Вновь легкий наклон головы, изящный поклон, и он пошел по проходу широкими грациозными шагами. Вернувшись, он красиво протянул мне веревку, наклоняясь от бедра, точно портной, демонстрирующий свое изделие.

Я затянул веревку вокруг копыта, перебросил другой конец через балку, Бэзил бодро потянул за нее, и я начал строгать рог.

— Я слышал, вы преподавали в школе? — спросил я, скобля копыто.

— Ага, было такое. И не один год, можете поверить.

— Вот как. А какие предметы вы преподавали?

— То и это, это и то. Я за что ни возьмусь, сделаю, знаете ли.

— Так-так. А где вы преподавали, в какой школе?

— Там и тут, тут и там. На одном месте не засиживаюсь. — Бэзил покачал головой и улыбнулся, словно слова эти вызвали приятные воспоминания.

Он продолжал болтать, пока я работал, и, ничего конкретного не сказав, дал понять, что преподавал и в университетах.

— Читали лекции?

— Во-во! Читал.

Меня обволакивало странное ощущение нереальности, но я все-таки спросил:

— А в каких университетах?

— Ну-у... там и тут, тут и там.

Разговор оборвался, когда из-под ножа брызнул гной — счастливое завершение моих трудов.

— Ну вот, — сказал я. — Теперь все в порядке. Я сделаю ей укол, и

дня через два она будет совсем здорова. Но мне нужна вода, чтобы вымыть руки.

Бэзил сделал широкий жест.

— Так идемте в дом. Вымоетесь как следует.

Я пошел за ним к коттеджу, примыкавшему к службам, он распахнул дверь и церемонно проводил меня внутрь.

У стены большой кухни стоял длинный стол, за которым все семейство вкушало субботний обед. Миссис Куртене, толстая улыбчивая блондинка, приглядывала за оравой пышущих здоровьем детей, которые усердно трудились над полными тарелками. В центре пола восседал на горшке крепкий малыш и тужился под взрывчатые звуки, сопровождавшие его усилия.

Бэзил обвел рукой эту домашнюю сцену.

— Моя жена и детки, мистер Хэрриот, и все мы очень рады с вами познакомиться.

Он не преувеличивал. Дети расплылись в улыбках и принялись весело кивать под горделивым взглядом отца. Поистине счастливый семейный очаг!

Бэзил подвел меня к раковине, загроможденной до края немытой посудой, которая явно накопилась со вчерашнего дня. Подсунуть руки под кран удалось только после того, как Бэзил освободил для меня небольшое пространство, сдвинув в сторону грязные сковородки и изящными движениями выбрав из мыльницы кусочки застывшего сала и колбасные шкурки.

Пока я мыл руки, малыш решил покинуть свой трон. Бэзил подошел, поднял горшок и с удовлетворением изучил его содержимое. Затем направился к угольной печке у стены, приподнял крышку и опрокинул горшок внутрь. Каждое движение было верхом грациозности.

Миссис Куртене приподнялась на стуле.

— Выпьете чашечку чая, мистер Хэрриот?

— Нет... э... благодарю вас, но меня ждут еще в двух местах, и я тороплюсь. Благодарю вас еще раз и был очень рад с вами познакомиться.

В следующие месяцы мне пришлось побывать на этой ферме несколько раз; Бэзил, казалось, неплохо справлялся со своей работой. Но я не мог не обратить внимание на то, что он все делал не так, как остальные знакомые мне скотники. С животными он обращался крайне своеобразно, да и все его поведение было более чем странным. Например, однажды он, чтобы надеть намордник на телку, повис на балке, зацепившись за нее ногами. Казалось, он кое-что знает об уходе за животными, но опыта не имеет никакого.

Пока я работал, Бэзил болтал без умолку, все время туманно упоминая эпизоды своего удивительно разнообразного прошлого. Обрывочные намеки на его причастность к театру, архитектуре и другим творческим профессиям следовали один за другим. Так, он как будто одно время преподавал бальные танцы. Но все попытки установить что-нибудь поточнее наталкивались на неизменные «там и тут, тут и там».

Несколько раз я видел Бэзила в Дарроуби. Любителем спиртного он не был, но ему нравилось провести субботний вечер в трактирчике. И когда я впервые столкнулся с ним в этой обстановке, меня вновь поразило его своеобразие. Он сидел за большим столом в окружении ухмыляющихся работников, утоляющих жажду из пинтовых кружек, но пива не пил. Отки-

нувшись на спинку стула, вытянув ноги, он сжимал в руке рюмку с красным вином. Ножка ее виднелась ниже его пальцев. Мне доводилось видеть в кино, как иностранные аристократы и тому подобные персоны держали рюмки таким манером — но не в йоркширских питейных заведениях.

Как всегда, Бэзил являл собой картину элегантно и изяществу. Непринужденно развалившись на стуле, он держал речь перед замороженными слушателями, иногда небрежно помахивал рукой для пущей убедительности, иногда отхлебывал глоточек вина. И работники с окрестных ферм слушали его с явным восторгом. Взрывы смеха, радостные кивки, изумленные возгласы неопровержимо свидетельствовали, как их увлекает красноречие Бэзила.

Вскоре он стал местной знаменитостью, и, насколько я понял, особенно простодушную аудиторию интриговали смутные намеки на его университетскую деятельность, хотя тайна окутывала и все остальное с ним связанное. Он получил прозвище «профессор Бэз», и во всех окрестностях Дарроуби его знали только как «профессора». Неизменные «тут и там» исчерпывали все сведения, которых удалось от него добиться, и каких только теорий о нем не сочиняли! Однако одно было несомненно: он пользовался всеобщей симпатией.

В марте мне пришлось часто видаться с Бэзилом. В эту пору животные особенно склонны к разным заболеваниям. Долгое зимнее заключение в четырех стенах снижает сопротивляемость организма. Особенно уязвимы в это время телята, и питомцы Бэзила стали жертвой диареи — извечной страшной угрозы животноводческих хозяйств, дающей очень высокий процент смертности. А причиной может послужить любой просчет с кормами или неблагоприятные изменения в окружающей обстановке.

К счастью, современные достижения науки снабдили ветеринаров очень действенными средствами против диареи, а в то время я получал отличные результаты, применяя гранулированную смесь антибиотиков и сульфамидных препаратов. Однако с этими телятами дело шло плохо.

В длинном ряду стойл маялись шестнадцать моих пациентов, и я глядел на них со все возрастающим отчаянием. Они стояли несчастные, поникшие, по хвостам у многих стекала беловатая жижа экскрементов, а двое-трое неподвижно лежали на соломе.

— Бэзил, — сказал я, — а вы уверены, что не напутали с дозировкой?

— Да нет, мистер Хэрриот, даю точно, как вы велели.

— Напоследок вечером и сразу утром? Это очень важно.

— Так и даю. Об этом можете не беспокоиться.

Я засунул руки поглубже в карманы.

— Ничего не понимаю. Они не поддаются. А дальше — пневмония. Очень они мне не нравятся.

Я сделал витаминные инъекции, чтобы лекарства лучше подействовали, и уехал полный дурных предчувствий, что вот-вот случится что-то очень скверное.

День выдался на редкость холодный, и задувал пронзительный ветер, обычно предвещающий снег. А потому я не удивился, когда часов в восемь вечера в воздухе закружили белые хлопья и вскоре землю одел снежный покров. Но длился снегопад недолго, и я обрадовался — добираться через сугробы до ферм высоко в холмах бывало трудной, а иногда и неразрешимой.

мой задачей. Самым нужным инструментом тогда становилась лопата.

В семь утра мне позвонили — тяжелый отел на маленькой ферме у самой вершины холма. И я с облегчением убедился, что за ночь снега не прибавилось. В девять я уже возвращался, полный радости, которую испытываю всегда, когда удается спасти теленка, и безмятежно любовался окружающей красотой. Вершины всегда красивы, но снег приносит особое волшебство — белый покой и тишину.

Разглядывая небольшие сугробы, которые ветер прихотливо намел по обочинам, я увидел ворота фермы мистера Уайтхеда и, подумав, что надо бы проведать телят, свернул туда.

Во дворе не было видно ни души, и я сразу заметил, что белое пространство между крыльцом Бэзила и телятником не пятнает ни единый след.

Я постучал. Мне открыл Бэзил, как всегда бодрый и энергичный.

— Входите, входите, мистер Хэрриот! Какое утречко, а? Хозяйка наверно постели стелит. Я ее сейчас кликну, она вас чайком угостит.

— Нет, спасибо, — ответил я. — Мне только на телят взглянуть. Как они сегодня?

— Да так же.

— Гранулы вы им дали?

— А как же! Перед завтраком и дал.

Я поманил его к окну кухни.

— Подите-ка сюда, Бэзил.

Мы вместе посмотрели в окно, и он внезапно замер, созерцая девственно белый снежный ковер.

— Вы ведь туда даже не заходили, верно? — сказал я. — И вчера вечером тоже. Снег кончил идти в начале десятого, а лекарство вы должны были им дать на ночь.

Он ничего не ответил и только медленно повернулся ко мне. С его лица словно сорвали маску — бодрая улыбка исчезла, оно казалось до ужаса беззащитным. Он бросил на меня затравленный взгляд.

Преображение это было столь трагичным, что мой гнев испарился. Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга, а потом я медленно сказал:

— Послушайте, Бэзил, вашему хозяину я про это не скажу, но вы очень меня подвели. Вы обещаете, что теперь будете делать все как надо?

Он безмолвно кивнул.

— Хорошо, — сказал я. — А теперь пойдете к телятам.

Он сел и начал натягивать резиновые сапоги, но тут же посмотрел на меня измученными глазами.

— Мистер Хэрриот, я ведь ничего плохого не хотел. И телятам тоже. Но не лежит у меня сердце к этой работе. Не фермер я, и никогда из меня фермера не выйдет.

Я промолчал, и он продолжил:

— Я уже хозяину сказал и скоро уеду отсюда.

— Но вы нашли себе другую работу?

— Да... да... Есть у меня кое-что на примете. И вы не беспокойтесь, до тех пор я буду за телятами хорошо смотреть.

И он сдержал слово. С этого дня телята пошли на поправку, и, когда

я в последний раз навестил их, было приятно смотреть, как все шестнадцать бойко высовывали мордочки в проход в ожидании корма.

Вскоре Бэзил уехал, но слава «профессора Бэза» ущерба не понесла, и его отъезд порядком огорчил трактирных завсегдатаев. Знакомый скотник так сформулировал общее мнение в разговоре со мной:

— Станный он был, черт его дери, но с ним скучно не бывало. И нравился он всем.

Я кивнул.

— Совершенно согласен. Интересно, где он теперь обосновался?

Мой собеседник засмеялся.

— Этого никто не знает, но сдается мне, что «там и тут, тут и там»!

Я думал, что больше никогда не увижу Бэзила, но ошибся. Как-то под вечер мы с Хелен поехали в Бротон отпраздновать ее день рождения. Столик мы заказали в одном из лучших ресторанов и в самом праздничном настроении оглядывали великолепный зал с колоннами в окружении викторианской роскоши — одно из непреходящих слагаемых присущего Бротону очарования.

Мы редко позволяли себе подобное и наслаждались каждым глотком, но когда нам подали кофе, я заметил, что Хелен вглядывается в глубину зала у меня за спиной.

— Джим, официант в том конце. Тебе не видно, но, по-моему...

Я обернулся.

— Господи! — воскликнул я. — Да это же Бэзил! — И подвинул стул, чтобы посмотреть еще раз без помех. Сомнений не оставалось — это был Бэзил, немыслимо элегантный во фраке и белом галстуке. Он порхал вокруг пожилой пары, и я подумал, что его смуглая красота, аристократические манеры и врожденная грация делают его просто идеальным официантом.

Я следил за ним как зачарованный. Вот он наклонил голову таким знакомым мне движением, предлагая даме овощи, улыбаясь и кланяясь, когда она сделала свой выбор. Он что-то говорил — и я словно услышал свободно льющуюся речь, которая так часто забавляла меня в коровнике. Супруги кивали и смеялись, явно подпав под его обаяние. О чем он им рассказывает, подумал я. О своем живописном прошлом? Да, вероятнее всего!

Кофе в моей чашке остыл, а я все не мог оторвать глаз от Бэзила, и во мне крепло убеждение, что наконец-то он обрел свое призвание. Он грациозно скользил между столиками, балансируя подносом с блюдами так, словно занимался этим всю жизнь, был исполнен приятной непринужденности и обслуживал клиентов с видимым удовольствием. Да, он обрел себя. И я от души пожелал, чтобы в карьере «профессора Бэза» больше не случалось причудливых завихрений.

— Ты к нему подойдешь? — спросила Хелен.

Я поколебался.

— Нет... не стоит.

Покидая ресторан, мы прошли в нескольких шагах от столика, где он все еще занимал седовласую пару. Они смеялись, и тут старик спросил с веселым жестом:

— Кстати, а где с вами все это происходило?

— Да там и тут, — ответил Бэзил. — Тут и там.

Колем дружески ткнул меня пальцем в ребра.

— Все-таки, Джим, пошли бы вы со мной как-нибудь утром понаблюдать оленей. Зову вас, зову, а вы никак!

Мы сидели с кружками в уютном уголке «Гуртовщиков». Вокруг царил мир и спокойствие, потому что посетители успели привыкнуть к барсуку. В первое время пойти с Колемом выпить пива — значило оказаться в центре возбужденной толпы, ибо с его плеча всегда свисала Мэрилин, притягивая посетителей как магнит. Но теперь дело ограничивалось улыбками и веселыми приветствиями. «Ветеринар с барсуком», как прозвали его фермеры, давно уже стал привычным зрелищем.

Я отхлебнул пива.

— Обязательно, Колем, обязательно. Даю слово.

— Вы так всегда говорите! Давайте прямо завтра, а? — Темные глаза впелись в меня, и я почувствовал себя в ловушке.

— Не знаю, право. Завтра у меня весь день расписан.

— Ничего подобного. Дуг Хеселтайн попросил перенести туберкулинизацию, и утро у вас освободилось. Идеальная возможность.

Я не знал, что ответить. Мне хотелось приобщиться к миру природы, в котором Колем чувствовал себя как дома — все свободное время он бродил по окрестностям Дарроуби, изучал растения, наблюдал повадки зверей и птиц. Но рядом с ним я ощущал себя таким невеждой! Я вырос в Глазго и, хотя влюбился в сельский Йоркшир, отдавал себе отчет, что по-настоящему глубоко узнать флору и фауну можно, только начав с детства. Вот как Зигфрид, вот как мои дети — они постоянно пытались пополнить мое образование, но я понимал, что истинным знатоком никогда не стану, а уж таким, как Колем, — и подавно. Дикая природа была его коньком, его всепоглощающей страстью.

— Так завтра? — По мере того как пиво у меня в кружке убывало, исчезали и мои колебания. — А что? Пожалуй, я сумею выбрать время.

— Чудесно! — Мой коллега заказал еще по кружке. — Поедем в Стедфордский лес. Я построил там укрытие.

— Стедфордский лес? Какие же там олени?

Колем загадочно улыбнулся.

— А такие. Их там полно.

— Странно! Я ездил через этот лес тысячу раз, но не замечал никаких признаков, что там живут олени.

— Подождите и завтра увидите не только признаки.

— Ну будь по-вашему! Когда отправляемся?

Колем потер руки.

— Я заеду за вами в три.

— В три! Так рано?

— Естественно. Мы должны быть на месте до рассвета.

Допивая вторую кружку, я исполнился приятнейших предчувствий. Встать в предрассветной тишине и отправиться в лес постигать его тайны! Да как я мог колебаться?

Однако, когда будильник гаркнул прямо в ухо без четверти три, мной овладели совсем иные чувства. Годы и годы необходимости вскакивать ни свет ни заря зажгли во мне иступленную любовь к моей теплой постели. И вот я по доброй воле покидаю свое уютное гнездышко, чтобы ринуться в холодный мрак и прятаться в лесу удовольствия ради! Нет, я помешался.

Но Колем моего настроения явно не разделял. Он кипел энтузиазмом и даже засмеялся, радостно хлопая меня по плечу.

— Вы будете в восторге, Джим. Я так давно хотел вытащить вас туда!

Стуча зубами, я забрался в его машину. Холод был жуткий, улица казалась черной пещерой. Я притулился на сиденье рядом с Колемом, и он, насвистывая, помчался сквозь тьму.

Он весело болтал, и было ясно, что Колем чувствует себя в родной стихии среди темных лугов, когда весь мир спит. Но через несколько миль я обнаружил, что мы едем не туда.

— Эй! — вырвалось у меня. — Мы же проехали дорогу в Стедфордский лес. Надо было свернуть налево на том перекрестке.

Он улыбнулся мне.

— Мы едем по-другому. Укрытие у меня в дальнем конце леса далеко от шоссе. Удобнее всего добираться через ферму Фреда Уэлберна.

— Фреда Уэлберна! Господи, но нам же придется две мили идти пешком!

— Не беспокойтесь. Я позаботился о транспорте.

— Транспорт... О чем вы говорите?

— Вот увидите. — Колем засмеялся.

Мы вылезли из машины неподалеку от дома Фреда Уэлберна на пригорке, где луг круто уходил вниз к ручью, а затем поднимался к отдаленному лесу. Было по-прежнему темно, и картина эта возникла только в моей памяти. Какой еще транспорт? — подумал я в полном ошеломлении.

Колем перегнулся через спинку сиденья и поднял ведро с пшеницей. Я растерянно уставился на него.

— Это еще зачем?

— А для лошадей.

— Каких лошадей?

— Я подманю вон тех двух лошадей, и мы поскачем на них в лес.

— Что-о? Об этом уговора не было!

Он безмятежно улыбнулся мне.

— Ну и что? Так ведь много проще. — Он загремел ведром, и у меня отвалилась челюсть: из мрака, гремя копытами по земле, к нам прибежали два могучих шайра.

— Это безумие! — Я смотрел на битюгов в растерянности: наездник я никомушный, а уж без седла да на рабочей лошади!..

— Так нам на этих чудищ и не взобраться! А Фред Уэлберн что скажет?

— Все договорено. Фред разрешает мне брать их, когда я захочу. Ну давайте же! Я вас подсажу.

Я запротестовал, но он вскинул меня на спину одного битюга, взгромоздился на второго, ударил его пятками, испустил веселый вопль, и я еще толком не понял, что происходит, а мы уже неслись вниз по склону.

— Держитесь! Там внизу ручеек!

Мог бы не предупреждать! Я уже вцепился в гриву мертвой хваткой, выпучил глаза от напряжения и приготовился через секунду слететь с широкой гладкой спины в окружающую кромешную тьму. Водную преграду наши кони взяли, точно призовые скакуны, но я каким-то чудом удержался, и мы помчались вверх по противоположному склону.

По-моему, битюги летели карьером, но Колему и этого было мало — он все время подбадривал их громкими криками. Я смутно разглядел, как он пронесся сквозь калитку, и похолодел от ужаса: в такую щель мой коняга никак не протиснется! Я ошибся, но лишь отчасти — мое колено задело столб с такой силой, что я мысленно простился с этой ногой.

Столь же стремительно мы пересекли еще один луг, а затем Колем остановил своего скакуна и спешился.

— Чудесно прокатились! — произнес он с восторженным вздохом, но тут я, постанывая, сполз на траву. — Вы прихрамываете? Что с вами?

— Ударился коленом о столб калитки, — пробурчал я угрюмо, с трудом ковыляя и потирая коленную чашечку.

— Очень неприятно. Зато мы избежали длиннющей пешей прогулки. Лес-то вот он!

Мы перебрались через изгородь, и Колем долго вел меня между черными стволами, пока мы не вышли на прогалину в самом сердце леса к его

укрытию. Чуть развиднелось, и я разглядел искусное сооружение из лапника и травы.

— Забирайтесь! — шепнул мой коллега в величайшем возбуждении. Глаза у него были широко раскрыты, на губах блуждала улыбка.

Ждать нам пришлось недолго. Едва за ветвями забрезжила заря, как слышался шорох, что-то задвигалось между деревьями, и на прогалину чередой вышли олени. Да, в течение многих лет я не видел в этом лесу ни единого оленя, а теперь они были прямо передо мной — и не один, не два, а много: кроткие самки и величественные в венце рогов самцы бродили по прогалине, пощипывая траву. Зрелище это было исполнено такой неопиваемой красоты и умиротворения, что я чувствовал себя избранником судьбы и любовался им, забыв недавние невзгоды. Вблизи находилась барсучья нора, и Колем торжествующе дернул меня за рукав, когда его любимые звери вышли на прогалину поиграть со своими отпрысками.

А потом мы возвращались в душистом безмолвии леса по мягкому ковру сосновых игл, и Колем рассказывал и об оленях, и о других диких обитателях леса, и о растениях и цветах, которые можно найти только в таких потаенных уголках. Казалось, он знает о них все, и я осознал всю глубину интереса, украшавшего его жизнь. У него в руках был ключ к волшебному миру.

Когда мы вышли на луг, из-за холма выплыло солнце, и, оглянувшись, я увидел среди темных древесных стволов голубые озера колокольчиков, а там, где первые лучи пробивались сквозь ветки драгоценными камнями пестрели ветреницы и первоцветы.

К тому времени, когда мы въехали на холм — неторопливо и осторожно по моей настойчивой просьбе — и я дохромал до машины, колено у меня окостенело, и, забираясь на сиденье, я болезненно охнул.

— Да, не повезло вам с коленом, — сочувственно улыбнулся Колем. Внезапно выражение его лица изменилось. — Ну да ничего! У меня для вас есть сюрприз.

Я почувствовал, что глаза у меня сощурились в щелочки.

— Какой еще сюрприз?

Он ухмыльнулся до ушей.

— Приглашаю вас поужинать со мной.

— Поужинать? Где?

— У меня. Я знаю, Хелен сегодня идет на собрание и обещала приготовить вам что-нибудь. Ну так я договорился с ней. Я вас угощаю. Будет жареная утка.

— Утка! А кто ее приготовит?

— Я. Ощиплю и жарю вот этими лилейными ручками.

Голова у меня слегка пошла кругом. Я знал, что он держит в дальнем углу сада уток. (Зигфрид косо поглядывал на эту деятельность как на расширение «зверинца».) Но такое приглашение от человека, который едой не интересуется и, судя по всему, ест что попало и когда попало? Тем не менее, если ему хочется оказать мне любезность...

— Что же, Колем... Вы очень добры... Так в котором часу?

— Ровно в восемь.

В назначенное время я поднялся по лестнице в тесную квартирку и был принят с распростертыми объятиями. Колем усадил меня за стол перед

полной рюмкой, а сам отправился на кухню. Я оглядел маленькую комнату. Она осталась точно такой же, как была в тот день, когда он впервые переступил ее порог. Предыдущие обитатели квартирки что-то меняли, что-то добавляли в соответствии со своими вкусами, но Колема ковры, занавески и мебель нисколько не интересовали. На столе не было ничего, кроме двух комплектов ножей и вилок, а также солонки и перечницы. Он скоро вернулся и хлопнул на стол две тарелки, а из кухни заструился дивный аромат, едва он открыл дверцу духовки.

— Ну вот, Джим! — торжествующе вскричал Колема, внося жаровню с двумя утками. Он подцепил вилок одну и плюхнул ее на мою тарелку, затем положил вторую себе.

Я ждал, что он принесет овощи и другой гарнир, но Колема опустил на свой стул и помахал мне вилок.

— Наваливайтесь, Джим. Надеюсь, вам понравится.

Я посмотрел на свою тарелку. Парадный ужин по Колему — по утке на нос, и все. Он уже уписывал свою за обе щеки, и я попробовал мою, но тут же столкнулся с некоторыми трудностями: мой коллега удалил далеко не все перья, и мне пришлось немало повозиться с обуглившимися стержнями.

Однако Колема ничто, казалось, не смущало: он стремительно расправился со своей уткой и со вздохом удовлетворения откинулся на спинку стула. Меня удивила его быстрота, но я тут же сообразил, что он, вероятно, не ел уже сутки.

Ни десерта, ни кофе — и довольно скоро он меня выпроводил.

Хелен вернулась домой около десяти.

— Ну, как прошел твой день с Колемом? — спросила она, снимая жакет.

Я потер колено. Почему-то ответить на этот вопрос было нелегко.

— Получил большое удовольствие. Было весело... увлекательно... необыкновенно... — Я никак не мог найти подходящего слова. — Совсем не то, к чему мы привыкли.

Она засмеялась.

— Ты просто охарактеризовал Колема.

— Вот именно! — Я засмеялся следом за ней. — Это был день Колема.

— Звонил старик Уильям Холи, — сказал Зигфрид, кладя трубку. — Голос совсем расстроенный. Теленок у него лежит замертво, вот-вот сдохнет, а у бедняги их и так мало. Поторопимся!

Я оторвался от книги вызовов.

— Но мы же должны в десять удалить опухоли у лошади полковника Фултера.

— Знаю. Но ферма Холи как раз по дороге, и мы успеем.

Такая привычная ситуация! Зигфрид предвкушает, как будет оперировать лошадь — его страсть, рядом сижу я, анестезиолог, а у нас за спиной погромыхивают на эмалированном лотке только что стерилизованные инструменты. А погода прекрасная, что очень кстати — ведь оперировать предстоит под открытым небом.

Через три мили мы свернули на узкий проселок и вскоре увидели дом Холи — по размерам немногим больше серых каменных сараев, разбросанных по верхним склонам зеленых холмов. Для меня эти приземистые креп-

кие сараи и нескончаемые каменные узоры стенок, разрисовывающие пастбища над нами, были своего рода символом йоркширских холмов. И глядя на них из окна машины, я снова думал, что нигде в мире ничего подобного, наверное, нет.

Фермер, чьи седые волосы выбились из-под потрепанной кепки, с тревогой смотрел на Зигфрида, нагивавшегося над теленком, неподвижно распростертым в углу коровника.

— Так что это, мистер Фарнон? — спросил он. — Я такое впервые вижу.

Мольба в его взгляде мешалась с глубокой верой. Зигфрид был его кумиром, чудотворцем, на счету которого было множество волшебных исцелений задолго до того, как я приехал в Дарроуби. Уильям Холи принадлежал к племени простодушных непритязательных фермеров, которое еще сохранялось в пятидесятых, но с тех пор давно растаяло под жгучими лучами науки и образования.

Зигфрид сказал озабоченно:

— Очень странно! Ни поноса, ни пневмонии. А малыш лежит лежмя.

Он тщательно и методично водил стетоскопом по маленькому телу, прослушивая сердце, легкие и брюшную полость. Смерил температуру, раскрыл рот, осмотрел язык и горло, проверил глаза и провел ладонью по палевой шерстке. Затем медленно выпрямился, продолжая смотреть на неподвижного теленка. Потом вдруг обернулся к старику.

— Уильям, — сказал он, — будьте добры, принесите мне кусок шпагата.

— А?

— Кусок шпагата, пожалуйста.

— Веревочку?

— Ну да. Примерно такой длины. — Зигфрид широко развел руки. — И, пожалуйста, побыстрее.

— Сейчас... сейчас принесу. Да только где же такую взять? — Он умоляюще посмотрел на меня. — Вы не подсобите, мистер Хэрриот?

— Конечно. — Я поспешил следом за ним из коровника. За дверью он вцепился в мою руку. Нетрудно было догадаться, что с собой он меня позвал, только чтобы удовлетворить свое любопытство.

— Это для чего же ему веревочка понадобилась?

Я пожал плечами.

— Понятия не имею, мистер Холи.

Он радостно кивнул, словно ничего другого не ждал: откуда простому ветеринару было знать, что замыслил мистер Фарнон, легендарный маг и волшебник, который, демонстрируя свое искусство, применял неслыханные средства — клубы фиолетового дыма для излечения хромающей лошади, дырки в яремной вене, чтобы набрать целое ведро крови и тем исцелить ламенит. Старый Уильям наслышался этих историй и не сомневался, что мистер Фарнон способен поставить его теленка на ноги при помощи обрывка шпагата.

Но, к его большой тревоге, мы метались по дому и ничего подходящего не находили.

— Чтoб ему! — буркнул мистер Холи. — У меня же тут всегда висит моток бечевки, и на тебе! Запропастился куда-то. И всегда я в веревочках путаюсь, а тут вот ни единой! Чтo он подумает! Фермер — и ни одной веревки?

Он оглядывался в настоящей панике и вдруг увидел веревку, валявшуюся на кипе пустых мешков.

— Как она, мистер Хэрриот? Нужной длины?

— По-моему, да.

Старик схватил ее и побежал в коровник со всей быстротой, на какую были способны его ревматические ноги.

— Вот, пожалуйста, мистер Фарнон, — пропыхтел он. — Я не очень задержался? Он еще жив?

— Да, конечно. — Зигфрид взял веровочку, приподнял, определяя на глаз ее длину, а потом, пока мы взирали на него, затаив дыхание, ловко ею подпоясался.

— Большое спасибо, Уильям, — сказал он, — так куда удобнее. Я не могу работать, если этот халат распахивается, чуть я наклонюсь. Вчера две пуговицы отлетели. Корова подцепила рогом и рванула. Со мной такое постоянно случается.

— А... Но... веревка-то... — Лицо старика даже сморщилось от разочарования. — Значит, теленку моему помочь вы не можете?

— Конечно, могу. С чего вы взяли, что ему нельзя помочь?

— А... вы знаете, что с ним?

— Конечно. У него КЦН.

— А это еще что?

— Кортико-церебральный некроз. Заболевание мозга.

— Название какое-то страшилище. В мозгу, значит? Так дело плохо?

— Вовсе нет. Сделаю ему внутривенное вливание витамина В. Обычно это сразу ставит их на ноги. Ну-ка, подержите ему голову. Видите, как она завернута к спине? Это называется опистотонус — типичный симптом.

Зигфрид быстро сделал инъекцию и выпрямился.

— Завтра утром кто-нибудь из нас заглянет к вам по дороге на вызов. И готов об заклад побиться, что ему станет намного лучше.

На следующее утро заехал я, и, действительно, теленок уже с аппетитом ел, и Уильям Холи был очень доволен.

— Видно, мистер Фарнон дал ему сильную штуку, — сказал он.

Для старика это было еще одно чудо, но в его тоне проскользнула та же обескураженность, что и накануне, когда Зигфрид перепоясался веревочкой. Его любимый ветеринар снова себя показал, но я не сомневался — в глубине души он горько разочарован, что вылечила теленка не веревочка!

Зигфрид, развалившись у камина, был полон энтузиазма.

— Рад, что вы заехали, Джеймс. Всегда приятный гость. Днем у нас времени поболтать не остается, э?

Я заглянул к нему после вечернего вызова по соседству. Он вложил мне в руку рюмку и опустился в кресло, сияя радушием.

— Какие-нибудь затруднения?

— Нет-нет. Послеродовой парез у Джона Ланкастера. Когда я уезжал, корова уже поднялась.

— Чудесно, чудесно! Милый человек Джон.

— Да, очень симпатичный. Когда я хлопнул корову по крупу и она встала, он страшно обрадовался.

— Превосходно. Маленькие триумфы ветеринарной практики. У меня тоже выдался удачный день. И что может быть приятнее, чем в холодный вечер сесть у огонька и отдохнуть душой! Который час? — Он взглянул на каминную полку, где стояли часы. — Половина восьмого. До чего же

приятно покончить с делами и провести часок-другой в тишине и покое.

— Вы правы, Зигфрид. Совершенно с вами согласен. До завтра вы свободны. — Я пригубил рюмку и с нежностью поглядел на моего партнера.

Он вытянул длинную ногу к камину и носком домашней туфли поправил полено на решетке.

— А вдобавок ко всему еще и телевизор. — Он указал на мерцающий экран телевизора по ту сторону камина. Звук был приглушен. — Нынче в моде снобизм наизнанку: люди называют его идиотским ящиком и приманкой для дураков, но мне многие программы доставляют истинное удовольствие. Не спорю, в холмах это новинка, но поверьте, когда сидишь тут и смотришь интересную программу, это очень взбадривает.

Он устроился в кресле поглубже и вытянул обе ноги к огню.

— Сегодня днем я заезжал к Дереку Маттоку. Они как раз закололи свинью и надарили мне всего — ребрышки, печень, кусок окорока. Очень щедрые люди.

— Ну это относится ко всем фермерам в холмах. Я постоянно получаю подарки: масло, яйца, овощи прямо с огорода.

— Совершенно верно! — Зигфрид кивнул. — Мы с Дерексом долго разговаривали, и он упомянул одну вещь, которая касается вас. Недели две назад вы обещали провести обезроживание, но так и не позвонили. — Зигфрид поглядел на меня с легкой усмешкой.

— О черт! Действительно. Завтра же поеду к нему. Но вообще-то беда невелика.

Зигфрид вновь одарил меня улыбкой из глубин кресла.

— Да, мой милый, но вы же забыли, так?

— Не спорю. Но я все исправлю.

— Не сомневаюсь, Джеймс. — Он кивнул с серьезным видом и немного помолчал. — По странному совпадению выяснилось и еще кое-что в том же духе. Боб Харди пожаловался, что его стаду давно пора пройти туберкулинизацию. Вы сказали, что займетесь этим, но прошел уже месяц.

Я пожал плечами.

— Чтоб им! Действительно... Но просрочка на неделю-другую — пустяк. Займусь не откладывая.

Зигфрид в очередной раз одарил меня улыбкой и погрозил пальцем.

— Но вы же забыли, так?

— Ну ладно, ладно, я же сказал...

— Прошу прощения, Джеймс, минуточку! — Он поднял ладонь. — Вы постоянно что-то забываете. Крохотный недостаток во всех отношениях превосходного человека. Невозможно найти более добросовестного и способного ветеринара, чем вы, но забывчивость может бросить на вас тень. Вдруг люди решат, что вас их животные не заботят, что вам все равно...

— Погодите...

— Разрешите мне докончить, Джеймс. Для вашей же пользы. — Он сложил кончики пальцев. — Забывчивость — порок, с которым легко справиться, если знать, как взяться за дело. Подобных прискорбных случаев избегать очень просто: достаточно с самого начала запечатлеть в памяти то, о чем вам следует помнить.

— Господи! Это уж чересчур! А как насчет...

— Еще секунду, дорогой мой. Как я уже сказал, обещая что-нибудь, тут

же сознательно запечатлейте это обещание у себя в памяти. Очень просто. Я сам постоянно применяю этот метод. Полная гарантия, что вы ничего не забудете.

Я не собирался молча снести упреки в забывчивости от самого забывчивого человека во всем Йоркшире, но тут зазвонил телефон.

Зигфрид протянул томную руку и взял трубку.

— А! Как вы себя чувствуете, Уилф, мой старый друг? — Глаза у него полужакрылись, и он совсем ушел в недра кресла.

— Я-то хорошо, мистер Фарнон, — рявкнул в трубке громовой бас. Звонил Уилф Брамли, председатель дискуссионного фермерского общества. Он принадлежал к старой гвардии и считал, что, говоря по телефону, голоса жалеть не следует, и я ясно слышал каждое его слово. — А вы-то как?

— Превосходно, Уилф, превосходно, — прожурчал Зигфрид, держа трубку на почтительном расстоянии от уха.

— Вот и хорошо. А то мы уж подумали, не случилось ли с вами чего!

— Случилось?.. Но почему?

— Так зал же полон, люди в дверях стоят, и мы вас уже полчаса ждем. Вот и подумали, вдруг что-нибудь приключилось, когда вы возвращались с вызова.

Зигфрид внезапно выпрямился, и у него отвисла челюсть.

— Зал?..

— Ну да. Человек двести собралось, не меньше. В том году все вас прямо заслушались. Я так и знал, что народу явится пропасть. Вот сидим и ждем вас. Без докладчика-то начать никак нельзя, сами понимаете. Хе-хе-хе!

На Зигфрида больно было смотреть. За эти секунды он словно состарился на десять лет.

— Страшно сожалею, Уилф! Я...

— Да нет, мистер Фарнон, извиняться вам ни к чему. Такому-то занятому человеку! Вас ведь на части рвут. Одна нога здесь, другая там. Как тут не опоздать иной раз? — Голос Уилфа загремел еще громче. — Мы же знаем, вы ведь не перед телевизором рассиживаетесь, хе-хе-хе!

У Зигфрида выпучились глаза.

— Да, Уилф, да, конечно... разумеется. Ха-ха-ха! Какой там телевизор! Ха-ха-ха! — Смех с трудом вырывался из перекошенного рта. — Я уже совсем собрался. Буду через несколько минут.

Мой партнер швырнул трубку на рычаг и катапультировал из кресла.

— Уезжаю, Джеймс. Увидимся утром.

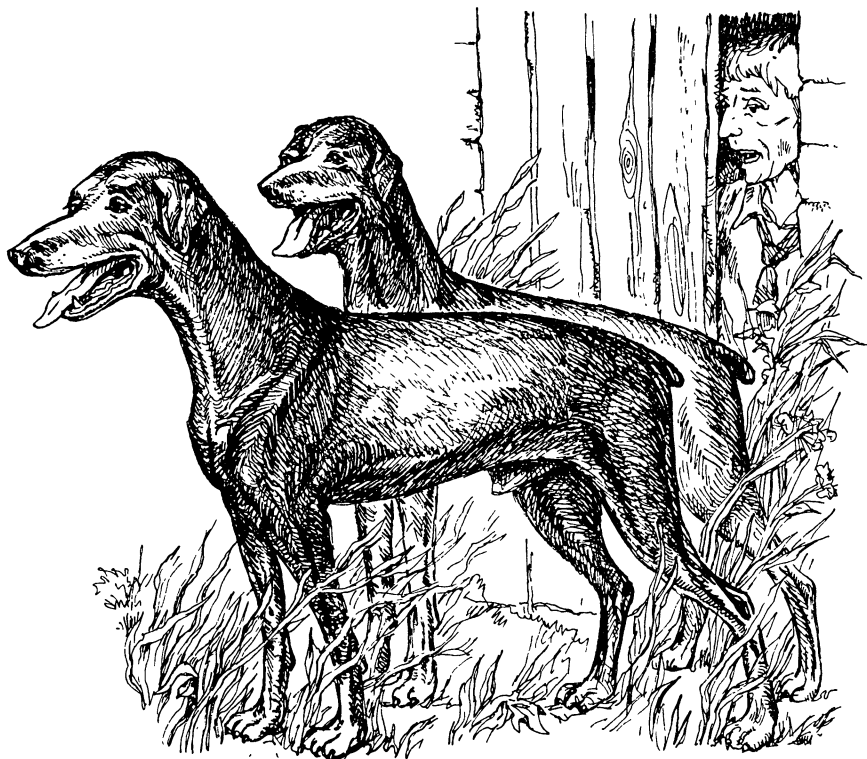
Он кинулся к двери, и во мне разыграло недостойное чувство.

— Зигфрид! — окликнул я.

Он остановился на пороге и посмотрел на меня диким взглядом.

Я погрозил ему пальцем и ощутил, как губы складываются в ехидную усмешку.

— Вы же забыли, так?

Зигфрид, выскочив из аптеки, ухватил меня за руку. Вид у него был затравленный.

— Джеймс! — вскричал он. — Колему понадобилась еще одна собака! Он вам говорил?

— Совершенно верно. Сказал, что собирается обсудить с вами. По-видимому, собака эта у него уже довольно давно. Он оставил ее у матери, а теперь думает привезти в Дарроуби. По-моему, пусть.

Мой партнер выставил подбородок.

— Нет, не пусть. Он начал с барсука и собаки, теперь у него два барсука и собака, и вот он хочет держать в этой квартирке двух барсуков и двух собак! Короче говоря, я ему ответил «нет».

— Мне кажется, вы слишком жестокосердны, Зигфрид. Он, наверное, чувствует себя одиноким, и его животные заменяют ему общество.

Зигфрид тяжело вздохнул.

— Разумеется, он ссылается именно на это, но ему только дай палец! Если мы сейчас уступим, помяните мое слово, он устроит наверху чертов зверинец!

— Ну послушайте! — Я засмеялся. — Вы преувеличиваете. Этого можно не опасаться. Малый он отличный, вы же знаете, и прекрасный помощник. Мне кажется, нам следует поспособствовать тому, чтобы он почувствовал себя здесь совсем как дома, а с его стороны только естественно скучать без второй собаки.

Мой партнер снова тяжело задышал, сверля меня взглядом.

— Я и не сомневался, что вы это скажете. Вас легко склонить на уступки. Но я знаю, что прав, и ничего подобного не потерплю. Это мое последнее слово! — Он сунул в карман две бутылки кальция и удалился со свирепым видом.

Кодем снова и снова взывал ко мне, и его просьба казалась вполне обоснованной, однако Зигфрид уперся, ничего не желая слушать.

Когда за кружкой пива в «Гуртовщиках» я опять вернулся к этому вопросу, он побагровел, но дослушал до конца.

— Мне бы хотелось, чтобы вы изменили свое решение, — сказал я. — Не вижу, что страшного, если Кодем обзаведется второй собакой. От двух собак хлопот немногим больше, чем от одной. Работает он прекрасно, и его следует поощрить. В вас говорит предубеждение, но никаких оснований для опасений нет.

— Никаких, вот как? — Фарнон поперхнулся пивом и поставил кружку. — Я придерживаюсь иного мнения. У меня есть предчувствие, которое только крепнет. — Он умолк и обвел взглядом зал. — Но вы меня совсем допекли, а я сегодня очень устал. Вы с ним будете долбить, долбить... Ладно, скажите ему, пусть делает что хочет.

Я хлопнул его по плечу и засмеялся.

— Огромное спасибо, Зигфрид. Так-то лучше. Я знаю, вы никогда об этом не пожалеете.

Он улыбнулся усталой улыбкой.

— Смейтесь! Смейтесь! Но повторяю, мы допускаем большую ошибку. — И помаhal пальцем у меня под носом. — А я об этом еще пожалею, вот увидите.

На следующее утро Кодем с восторгом узнал от меня о полученном решении, и несколько дней спустя я мысленно похвалил себя, услышав наверху новый, еще незнакомый лай.

Зигфрид в приемной распечатывал письма, а я заметил с улыбкой:

— Приятно слышать. Ну теперь Кодем будет вполне счастлив.

Ответом был холодный взгляд, и в эту секунду в приемную вошел наш помощник. Рядом шагали два огромных добермана.

— Что за черт? — сказал Зигфрид, поднимаясь из-за стола.

— Просто мои остальные собаки, — ответил Кодем с легким смешком. — Познакомьтесь с Мэгги и Анной.

— Собаки! — взорвался Зигфрид. — Вы говорили про со-ба-ку!

— Знаю, знаю. Я так и хотел. Думал забрать одну Мэгги, но бедняжка Анна смотрела так жалобно, что у меня не достало духа оставить ее у мамы. Ведь они неразлучные подруги, и обе смирнее старой овцы.

— Это они-то смиренные?! — Голос моего партнера перешел в крик. — Вы вырвали у меня позволение привезти сюда одну собаку, а являетесь с двумя громилами!

Он не так уж далеко уклонился от истины. Доберманы, высокие, поджа-

рые, стояли неподвижно, задумчиво поглядывая на двух незнакомых мужчин, и в этом чудилась опасная угроза. У меня создалось впечатление, что они в любую минуту могут затеять что-то крайне нежелательное.

— Это переходит всякие границы! — Зигфрид в исступлении замахал рукой перед лицом Колема, и тут собаки заворчали негромко, но так, что кровь застыла в жилах. Глаза их были прикованы к лицу моего партнера, губы подергивались, обнажая частокол белых зубов.

— Фу! — прикрикнул Колем. — Сидеть!

Обе собаки тотчас сели и устались на него с обожанием. Несомненно, они, как и все животные, полностью находились под его обаянием.

— Ну корова Джека Скиннера ждать не может... — Молодой человек сверился со списком вызовов. — Я поехал. — Он вышел в сопровождении двух своих внушительных спутниц.

Зигфрид бросил на меня усталый взгляд.

— Помните, что я говорил? Вот и началось.

Неделю спустя, направляясь через сад к задней двери дома, я вдруг услышал бешеный лай и взывающий о помощи человеческий голос. Какофония эта доносилась из огороженного дворика у операционной. Мы им почти не пользовались. Кроме мусорных баков операционной там имелись сарай и ветхий нужник, наследие былых лет.

Я прильнул к щели калитки, ведущей из сада во дворик. Полный отчаяния голос принадлежал Зигфриду и раздавался из допотопного сортира, дверь которого висела косо на одной петле. А на эту хрупкую преграду свирепо кидались доберманы с кроважидным лаем. Я оцепенел от ужаса. Внутри — мой партнер, и, если старая дверь не выдержит, произойдет что-то кошмарное. А я был бесполезен. Собак не боюсь, но трезво отдавал себе отчет, что эти две тут же со мной разделаются, сунься я во дворик.

И я опрометью бросился через сад в дом, вопя: «Колем! Колем!».

Тот скатился с лестницы, услышал невообразимую какофонию за домом и помчался туда со мной.

— Мэгги! Анна! Нехорошие собаки! Сюда!

Лай умолк как по волшебству, а секунду спустя доберманы стлались виновато у ног Колема, поглядывая на него с жалобными ухмылками.

— Наверх! — крикнул он, и собаки пулей влетели в дом.

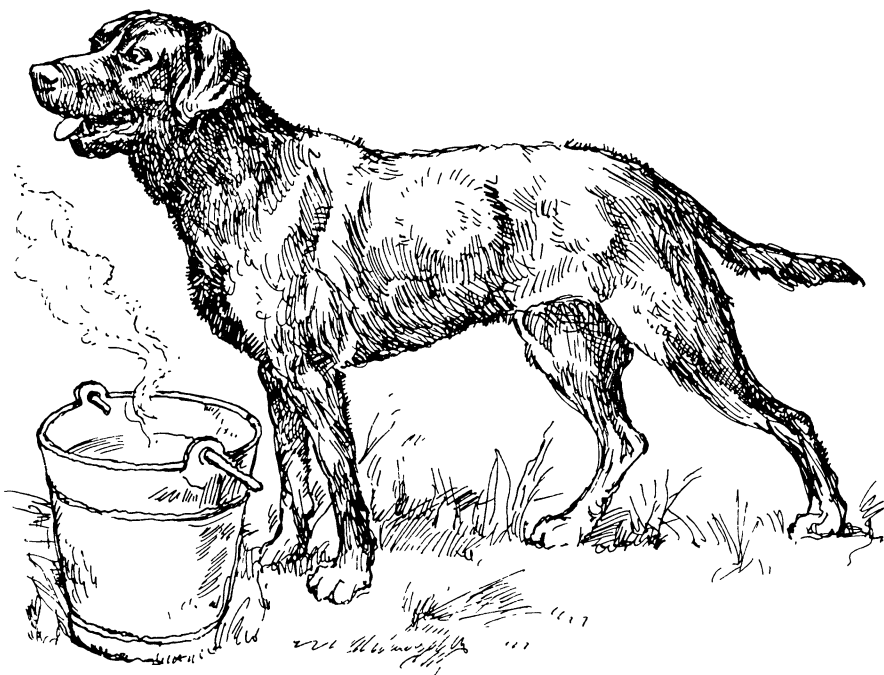
Колем благоразумно последовал их примеру, предоставив Зигфрида моим попечениям. Я кое-как открыл заклинившую дверь и выпустил на волю весьма и весьма разгневанного именитого ветеринара.

— Черт побери, Джеймс! — вскричал он, глядя диким взором. — Еще чуть-чуть и... Вчера я собирал сливы и немного переел. А когда схватило, воспользовался ближайшими удобствами. Но едва опустился на сиденье, как эти людоедки с ревом ворвались во дворик, а я только-только успел упереться в дверь ногой. И убежден, что стоило мне сдвинуть ногу хоть на дюйм, они меня загрызли бы. И тянулось это уж не знаю сколько времени!

— Господи! Мне страшно жаль, Зигфрид!

Однако мне было не просто жаль. Я ощущал себя бесконечно виноватым. Ведь все случилось из-за меня. Я вырвал согласие у партнера почти насильно, а он был абсолютно прав! Чертов зверинец набирал силу.

Суббота, восемь часов вечера, и я уже совсем собрался ехать к заболевшему телянку, как вдруг телефон снова затрещал.

— Говорит мистер Берз. Дом десять по Айви-стрит. Собака у меня того. Приедете, а?

— Что с ней, мистер Берз?

— А кто ее знает! Не ест ничего. — В голосе чудилось ворчливое нетерпение, словно у мистера Берза имелись другие дела поважнее.

— Хорошо. Сейчас буду.

Трубка на том конце была сразу брошена на рычаг, а я в который раз задумался над непровержимым фактом — ветеринаров просто не считают за людей. Будто им вовсе не хочется провести субботний вечерок дома с женой и детьми, как всем прочим смертным.

Дом номер десять стоял в ряду таких же кирпичных убожеств. Я позвонил. Ничего. Позвонил еще раз. Опять безрезультатно, но свет в окне показывал, что в доме кто-то есть. Я звонил и барабанил в дверь кулаками

не меньше пяти минут, когда, наконец, ее открыл мужчина лет пятидесяти в рубашке и подтяжках. Он, казалось, безумно торопился и, властно махнув мне рукой, зарылся по коридорчику в гостиную. Там он ткнул пальцем в угол, где приютилась собачья корзинка, а сам плюхнулся в кресло перед вопящим телевизором, вокруг которого сгруппировалось его семейство. Все глаза были неотрывно устремлены на экран, никто не обратил на меня ни малейшего внимания, и, убедившись, что придется обойтись без истории болезни, я направился к корзинке осмотреть моего пациента.

Большой черный лабрадор, положив морду на край корзины, смотрел кроткими глазами, отличающими всю его породу. Когда я опустился на колени, он застучал хвостом по подстилке и лизнул мне руку, но затем отвернулся и принялся отчаянно чесаться, буквально вгрызаясь в свою шкуру. Тут я разглядел, что она вся покрыта проплешинами и болячками. Я приподнял его переднюю лапу, потом заднюю и убедился, что кожа под локтем и бедром воспалена страшнейшим образом. Типичная зудневая чесотка, но запущенная настолько, что бедный пес перестал есть, до того измучился.

Я не сомневался в правильности своего диагноза, но решил взять соскоб. Никто даже не заметил, как я, оставив дверь открытой, сходил к машине за скальпелем и предметными стеклышками. Вернувшись, поскоблil воспаленный участок и спрятал стеклышко в конверт. Пес терпеливо смотрел на меня под грохот телевизора.

Кончив, я прошел на кухню, и вымыл руки в раковине над грудой тарелок, на которых налипли остатки йоркширского пудинга и овощей. Когда вернулся в гостиную, то оглядел группу у телевизора: отец, мать, сын и дочь лет двадцати с лишним — все попыхивали сигаретами и неотрывно вперялись в орущий экран. Но мне необходимо было поговорить с кем-нибудь, и я выбрал отца.

— У вашей собаки чесотка, — гаркнул я прямо в ухо. На миг его глаза скосились на меня, но тут из телевизора донесся визг тормозов, треск автоматной очереди, и они мгновенно вперились в экран.

Я протянул ему два пакета противочесоточного состава с активированной серой. В продаже уже появились более совершенные средства против кожных паразитов, но мой любимый «Состав номер три», как мы его называли, всегда давал отличные результаты, и я хранил ему незыблемую верность.

— Точно выполняйте указания на пакете! — проревел я. — Хорошенько вымойте его завтра. Промойте каждую складку кожи, каждый уголок тела. Через неделю повторите, а я тогда заеду посмотрю его.

Мистер Берз кивнул, обратив на меня остекленевшие глаза. Что оставалось делать? Я положил пакеты на сервант и ушел, сам отперев входную дверь.

Выйдя на темную улицу, я прислонился к машине. В ветеринарной практике чего только не насмотришься, и все-таки очень странно! Ни единого слова за все время, которое я там пробыл. И почему, допустив, чтобы собака дошла до подобного состояния — а для этого потребовалась не одна неделя, — они вдруг решили вызвать ветеринара вечером в субботу? Ну да в жизни всякое случается. Я сел в машину и поехал дальше.

Больной теленок принадлежал мистеру Фарроу, чья ферма находилась в двух милях от Дарроуби. Фермер на скотном дворе настлал солому для

молоденьких телочек. Увидев меня, он бросил вилы и широко расставил руки.

— А, мистер Хэрриот! — произнес он радостно. — Ну, ну, ну!

Слова он произносил неторопливо, с уважением, и радостная улыбка преобразила его лицо.

— Вы уж извините, что я вас в субботу побеспокоил, но до чего же приятно повидать вас! Времени-то сколько утекло!

Мимо прошел его дюжий сын с мешком муки на спине и помахал мне, улыбаясь во весь рот.

Я направился было к теленку, но мистер Фарроу задержал меня.

— Нет-нет-нет! Зайдите-ка в дом, поздоровайтесь с хозяйкой!

И он втащил меня на кухню с восторженным воплем:

— Эдит! Эдит! К нам приехал мистер Хэрриот!

Миссис Фарроу, женщина очень застенчивая, поднялась навстречу с ласковой улыбкой.

— Давненько мы вас не видели, мистер Хэрриот. Добро пожаловать. Сейчас я чайник поставлю. Вы ведь выпьете чашечку, когда кончите?

— Большое спасибо, не откажусь.

Я вышел во двор, по лицу хлестнул холодный ветер, но мне было тепло от такого приема. Обычная приветливость Фарроу после краткого знакомства с семейством Берзов обрела какое-то особое значение.

Разительно отличались они и отношением к своим животным. У теленка началась бронхопневмония. И пока я делал ему инъекцию, фермер с сыном уже, не дожидаясь моих рекомендаций, продевали бечевку в углы мешка, и я еще не успел выйти из телятника, как грудь малыша была тепло укутана.

— Отлично! — сказал я. — Все так полагаются на сульфамиды и антибиотики, что часто забывают, насколько важен заботливый уход.

Вернувшись к себе, я посмотрел на соскоб под микроскопом, и в окуляре возникли мерзкие крохотные *Sarcoptes scabiei* — мохноногие клещи, которые беспощадно внедрялись в кожу этого симпатичного пса, превращая его жизнь в пытку. Но уж лучше они, чем жуткие сигароподобные демодициды, которые обрекали на смерть столько собак.

Демодикоз, железница, часто не поддавался излечению, однако саркоптоз, зудневую чесотку, замучившую лабрадора, мой надежный «Состав номер три» несомненно излечит, хотя случай и очень запущенный. Но вот вымоют ли его эти Берзы как следует? В субботу и воскресенье меня грызли сомнения. А что, если они вообще не захотят затрунить? Заботливость, которой Фарроу окружили больного теленка, почему-то особенно обостряла мою тревогу.

Утром в понедельник я не выдержал и позвонил в дверь дома номер десять по Айви-стрит.

— Доброе утро, миссис Берз, — сказал я бодро. — Меня вызвали по соседству, и я решил еще разок взглянуть на вашу собаку.

— А... ну... — Она словно бы растерялась, и я, не дожидаясь приглашения, проскользнул мимо нее в дом.

Черный лабрадор все так же лежал в корзине, а два белых моих пакета все так же покоились на серванте, где я их оставил.

— Дел было невпроворот, — пробурчала миссис Берз. — Вот сегодня вечером и вымоем.

Я взглянул на пса. Глянцевая шерсть черных лабрадоров, на мой взгляд, обладает какой-то особой красотой, и этот бедняга выглядел просто свято-татственно. При свете дня пораженная кожа производила особенно тягостное впечатление, а задние ноги все время конвульсивно подергивались в ответ на непрерывный зуд.

— Как вы его зовете? — спросил я.

— Черныш.

Я нагнулся и погладил пса по голове.

— Бедный Черныш! На тебя же страшно глядеть!

Хвост застучал о подстилку, руку мне лизнул теплый язык, и я принял решение, неожиданное даже для себя.

— Миссис Берз, дайте, пожалуйста, ведро теплой воды. Для первого раза вымою его сам. Это не займет и пяти минут. Пошли-ка, приятель!

Черныш послушно затрусил за мной в огород, где среди зарослей бурьяна торчало несколько унылых стеблей брюссельской капусты. Я высыпал содержимое пакета в ведро, быстро размешал и приготовился приступить к делу, испытывая иррациональную потребность поскорее добраться до этих подлых клещей. Испытывал я и некоторую неловкость, потому что никогда еще у клиентов ничем подобным не занимался. Но тут же решил: к черту предрассудки, и со свирепой радостью принялся лить густую жижу на шерсть Черныша.

Я втирал ее в кожу, забирался в самые глубокие складки под бедрами и локтями, а пес глядел счастливыми глазами и помахивал хвостом. Собаки, как мне известно по опыту, терпеть не могут, чтобы их мыли, но, казалось, что лабрадор радуется, что ему оказывают хотя бы такое внимание. Он просто наслаждался этой процедурой.

Продолжая трудиться, я заметил, что из-за забора кто-то изучает нас. Я посмотрел туда, и мне приветливо кивнул какой-то старичок.

— Доброе утро. Вы не ветеринар будете?

— Совершенно верно.

Он надул щеки.

— Работы у вас, видно, с головой: это сколько же времени требуется, чтобы всех собак перемыть!

Я улыбнулся его представлениям о занятиях ветеринара.

— Да, дела хватает.

Под его внимательным взглядом я кончил мытье и принялся энергично вытирать пса, упиваясь тем, что нанес первый удар по этим микроскопическим чудовищам.

— А пес-то хорош! — заметил старичок.

— Очень.

— Эти тут (он понизил голос до заговорщического шепота) совсем о нем не заботятся. До чего довели собаку!

Я промолчал. Но плачевный вид полулысого Черныша — эдакое собачье пугало! — говорил сам за себя.

— А вылечить-то его можно?

— Думаю, да. Но для этого его следует регулярно мыть моим составом. Каждую неделю, пока совсем не выздоровеет.

— Продолжать, значит, через неделю надо?

— Вот-вот. Я скажу, чтобы миссис Берз вымыла его в понедельник.

— Сказать-то вы скажете, — буркнул старик и отошел от изгороди.

В кухне я проинструктировал миссис Берз. Она презрительно потянула носом.

— Я видела, вы со старым Хауэллом говорили. Всюду он свой нос сует. Все время через изгородь подглядывает.

Может быть, и сует, подумал я, но ее собаку жалеет куда больше, чем она сама. Уходя, я оглянулся на Черныша, который бодро вилял хвостом, несмотря на свои мучения, и понял, что снова побываю в доме номер десять в понедельник.

И полный решимости, хотя и чувствуя себя немножко глупо, я позвонил в эту дверь в понедельник. Миссис Берз с обычным угрюмым равнодушием кивнула мне и провела в огород.

— Эти там (она мотнула головой) моют его. — Ничего больше не добавив, она повернулась и вошла в дом.

Я посмотрел через изгородь. Посреди аккуратного огородика у дымящегося ведра стоял Черныш, а мистер Хауэлл и его жена усердно втирали в шерсть антицесоточный раствор.

Старичок посмотрел на меня и ухмыльнулся.

— А, ветеринар! А мы за вас вашу работу делаем. Чтоб Берзы его каждую неделю мыли? Да никогда в жизни! Вот мы и предложили. Он нам очень нравится.

— Что же... прекрасно! И у вас отлично получается.

Черныш поднял морду, густо намазанную моим снадобьем, но глаза у него блестели от удовольствия, а хвост неистово вилял. Весь его вид говорил, что ничего лучше и придумать нельзя. А старички не умолкая приговаривали: «Еще немножко сюда, Чернышок!», «Дай-ка другую ногу, старина!». Большой пес прямо-таки таял от непривычного ласкового внимания.

Я следил за ними, пока они не принялись растирать его полотенцами, а тогда снова заговорил:

— Превосходнее невозможно! Вы обработали его идеально. Не пропустили ни дюйма!

Старушка улыбнулась.

— Так мы же слышали, как вы объясняли. И хотим, чтобы он стал совсем здоров.

— Хорошо... очень хорошо... вы все сделали как нужно. — Я поглядел на Черныша, все такого же лысого и жалкого. — Но понимаете, потребуется еще много времени, чтобы шерсть стала прежней — если это вообще произойдет. И важнее другое. Чешется он меньше?

— Куда меньше, — ответил мистер Хауэлл. — Почесывается, конечно, но до крови себя не дерет и ест хорошо.

— Прекрасно, прекрасно. Пока все идет нормально. Но это только начало. А вы готовы мыть его еще несколько недель? Он же все-таки не ваш.

— Конечно, будем, — живо ответила старушка. — Мы его не бросим, об этом не тревожьтесь.

Я с удивлением поглядел на Хауэллов.

— Вы же по-настоящему любите собак! Почему у вас нет своей?

Наступило молчание.

— Так был у нас песик, — сказал, наконец, мистер Хауэлл. — Двенадцать лет прожил и никогда ничем не болел — вот вы его и не знали, мистер

Хэрриот. — Он помолчал, расстроено хмурясь. — А месяц назад его машина сшибла. Сразу насмерть.

Я поглядел на их помрачневшие лица.

— Очень вам сочувствую. Я знаю, как это бывает. Ужасно. Однако... Вы не думали о том, чтобы завести другую собаку? Это ведь единственное средство, по опыту знаю.

Миссис Хауэлл пожала плечами.

— Так-то так. И мы об этом думали, да только нам обоим за семьдесят, а заведи мы щенка и случись с нами что-нибудь, он один останется. Ведь не знаешь, в какие руки попадет.

Я кивнул и посмотрел на старичков со все возрастающим уважением. Да, это были люди с теплым сердцем.

— Ну, во всяком случае, — сказал я, — Чернышу вы сослужили великую службу. И видно, как он благодарен. Я оставлю вам еще несколько пакетов для раствора и буду знать, что пес в надежных руках.

Я был настолько в них уверен, что не стал больше заезжать в дом номер десять по Айви-стрит, и прошло три недели, прежде чем я снова увидел Черныша. Хауэллы шли с покупками по рыночной площади, а Черныш их сопровождал. Он был весел, но по-прежнему весь в проплешинах, со сморщенной кожей и полуподжившими болячками.

— А, так вы взяли его погулять! — воскликнул я.

— Вот-вот! — старушка ухватила меня за рукав. — Он теперь наш.

— Ваш?

— Да. Миссис Берз сказала, что он, видно, таким лысым и паршивым навсегда останется, а ей только и плати ветеринару за пакеты эти и посещения. Так они с мужем решили Черныша усыпить.

— Боже мой! Ну и?..

— А я сказала, что мы его возьмем и заплатим по счету.

— Ах вот что!

— Ну да. Она сначала не захотела, тогда я ей сказала, что счет будет большой и что за субботний вызов вы берете вдвое.

Я изумленно взглянул на нее и подметил смешливый блеск в ее глазах.

— Это же не так! Возможно, и следовало бы удваивать, только мы этого не делаем. Но... вам очень хотелось ее убедить?

— Верно... — Глаза у нее несомненно смеялись.

Я улыбнулся.

— Значит, Черныш сменил адрес. Что же! По-моему, так лучше для всех, даже для Берзов. Он ведь был для них только обузой.

— Вот-вот, а он такой хороший! Они его даже гулять не водили. Просто выпускали за дверь, и все. Не понимаю, зачем такие люди заводят собак!

— А как насчет того, что вы мне раньше говорили? Будто в ваши годы страшно заводить собаку?

Она расправила плечи.

— Мы это обсудили. Черныш ведь не щенок, ему уже шесть лет, ну и будем втроем потихонечку да полегонечку...

— Чудесно! «Старей со мной, — как писал Роберт Браунинг. — Все лучшее еще нас ждет!»

Они засмеялись, а мистер Хауэлл назидательно поднял палец.

— Оно так. Правильные стихи. Черныш в доме такая радость, мы же

истосковались по собаке с тех пор, пока потеряли нашего Нобби. У нас всегда жила собака. И теперь мы опять счастливы.

Лица у них правда были счастливые, а Черныш ухмыльнулся мне во всю пасть и завил хвостом как бешеный.

Снова я их увидел через много месяцев. Я шел по тропе, которые во множестве вьются среди лугов, окружающих Дарроуби. Солнце лило лучи с безоблачного неба, и даже издали было видно, как глянцевице блестит густой мех Черныша. Мы сошлись, и я погладил его по голове.

— Ну и красавец же ты! — сказал я, проводя ладонью по упругой шерсти на шее и ребрах, а потом повернулся к старичкам. — Ни единой проплешины, в него просто можно смотреться, как в зеркало! Вы сотворили истинное чудо.

Хауэллы скромно улыбнулись, а Черныш, прекрасно понимавший, что разговор идет о нем, завертел всей задней частью туловища и запрыгал, пыхтя от восторга.

— Так было ради чего, — ответила старушка. — Нам от него столько радости! Просто не верится, какая удача выпала.

Я провожал их взглядом, пока они удалялись по зеленой тропке мимо одинокого дуба. Черныш помчался за палкой, и до меня донеслись подбрюшные возгласы старичков.

Мне вновь вспомнились строки Браунинга, и когда счастливая троица скрылась в рощице, я подумал, что для них все лучшее еще впереди.

— Хорошо, мистер Базби, — сказал я, чувствуя, как заражаюсь тревогой от голоса в трубке. — Скоро приеду.

— Да уж, поторопитесь! Не нравится мне эта корова, совсем не нравится. Глаза провалились, кряхтит, а на сено и не смотрит. Того гляди сдохнет. Так не тяните!

Слушая эти агрессивные требования, я словно увидел, как рыжий великан, выпучив глаза, орет в трубку. Все симптомы он уже перечислил раз десять в надежде, что даже такой тупица, как я, что-то поймет. Мистер Базби был человек неплохой, но темперамент у него соответствовал огненной шевелюре, и всегда казалось, что он балансирует на грани паники. Да, мне следовало поторопиться.

Я поглядел на список вызовов, потом на часы. Девять утра, и ничего по-настоящему срочного. Начну с мистера Базби. Пусть успокоится.

Я схватил свой чемоданчик и зарысил к входной двери. На крыльце стояла молоденькая миссис Гардинер, держа под мышкой своего терьера. Лицо у нее было очень расстроенное.

— А, мистер Хэрриот! Я как раз собиралась позвонить в дверь. С Уильямом что-то произошло. Утром он выбежал из дома, перепрыгнул садовую калитку и теперь не может ступить на левую ногу.

Я криво улыбнулся.

— Хорошо. Давайте его посмотрю.

Мы направились в приемную, где я положил песика на стол. Едва оступая ногой, я обнаружил перелом лучевой и локтевой костей.

— К сожалению, он сломал ногу.

— Боже мой! Какой ужас! — воскликнула молодая хозяйка.

— Не волнуйтесь. — Я старался говорить бодрым тоном. — Перелом простой, да к тому же нога передняя, что облегчает дело. Скоро он будет совсем молодцом.

Уильям, испуганно дрожа, держа на весу болтающуюся лапу, глядел на меня с немой мольбой. Он надеялся, что кто-нибудь ему поможет. И незамедлительно.

— Он сегодня завтракал? — спросил я, доставая из шкафа гипсовые бинты.

— Нет. Совсем ничего не ел.

— Отлично. Значит, его можно сразу анестезировать. — Пока я набирал в шприц нембутал, меня осенило, что я попал в одно из тех положений, которые награждают ветеринаров язвой желудка. Мистеру Базби придется подождать. Я без труда представил, как он сердито расхаживает по двору и осыпает меня бранью.

После инъекции нембутала Уильям мирно уснул, а я замочил бинты в теплой воде. Миссис Гардинер держала мохнатую ногу, я тщательно накладывал повязку. Обычно приятно наблюдать, как бинт затвердевает в прочную твердую опору, и думать, что, проснувшись, песик не будет чувствовать боли и сможет пользоваться ногой. Но на этот раз я только тоскливо ощущал бег времени.

Я постучал по бинту. Гипс затвердел, как камень.

— Отлично. — Я снял спящего песика со стола. — Так ему придется ходить по меньшей мере месяц, а тогда снова приведите его сюда. Если вас что-нибудь встревожит, позвоните, но уверен, все будет хорошо.

Я положил Уильяма на заднее сиденье машины его хозяйки и посмотрел на часы. Без четверти десять! Я во второй раз схватил чемоданчик и отправился в путь.

До фермы Базби я добрался только через полчаса трудной езды по узким, зажатым между каменными стенками проселкам и еще издали увидел, что фермер стоит на булыжном дворе, уперев руки в бока и широко расставив ноги — весьма грозная фигура на фоне приземистых служб и темных от папоротника склонов холма позади них. Выйдя из машины, я убедился, что выглядит мистер Базби именно так, как рисовалось моему воображению. Глаза его сверкали мрачным огнем, выбившиеся из-под кепки рыжие пряди словно дыбились от ярости.

— Где вас черт носил? — загремел он. — Вы сказали, что выезжаете?

— Да, я знаю, но перед уходом пришлось заняться собакой.

Мне почудилось, что мистер Базби вот-вот взорвется, как паровой котел.

— Собакой! Паршивой собакой! Моя корова поважнее какого-то шелудивого пса!

— Но я обязан был ему помочь. Перелом ноги.

— Плевать я хотел, что у него там! Моя корова — это мой хлеб. Падет она, мне туго придется. Это вам не комнатная собачонка, балованный задохлик!

— Вообще не комнатная собачонка, мистер Базби, а бойкий маленький терьер. И хозяйка очень к нему привязана.

— Привязана, привязана... Подумаешь! Карман-то у нее как набит, так и набит. И обходится он ей в сущие гроши.

Обходится он ей в душевные силы, в кусочек сердца, хотел я сказать, а потом объяснить, какую важную роль играют четвероногие друзья в человеческой жизни, но ноги мистера Базби начали дергаться и приплясывать на булыжнике. Мне еще не приходилось видеть, как человек корчится от гнева, но я не горел желанием исправить это упущение и отправился в коровник.

К большому моему облегчению, коровий недуг свелся к не слишком серьезному переполнению рубца. Тут же выяснилось, что поутру корова забрела в сарай и украдкой полакомилась турнепсом. Но все время, пока я осматривал ее и делал инъекцию, фермер, держа ей хвост, бурчал как заведенный.

— Ферма-то у меня с лоскуток, а по-вашему — коровой больше, коровой меньше... Откуда я возьму деньги, чтобы другую купить, а? Концы с концами сводить на маленькой ферме в холмах — это не шутка, вот что я вам скажу! Вы даже понятия не имеете. Собаки... чертовы собаки... твари комнатные... а это мой хлеб... да вам-то что...

Да, в первую очередь я коровий доктор, и свой хлеб я зарабатываю, главным образом обслуживая фермеров в холмах, и считаю их солью земли, но у меня достало выдержки промолчать.

Заехав на следующий день, я убедился, что корова совершенно оправилась, но мистер Базби все так же хмурился. Он меня не простил.

Несколько недель спустя, едва я вышел из дома, чтобы отправиться по утренним вызовам, меня вдруг окликнула Хелен:

— Джим! Только что позвонили. Везут собаку — она визжит от боли. Фамилии я не разобрала. Он сразу положил трубку.

Я потер подбородок. В те дни мы занимались почти исключительно крупными животными, и приемных часов у нас не было. И уж конечно, не утром!

— Кто бы он ни был, пусть подождет, — сказал я. — У Рода Туэйта вол истекает кровью. Обломил рог. Тут всякая минута дорога.

Необходимость быть сразу в двух местах — обычная ситуация в нашей профессии. Стараясь не думать о собаке, я гнал машину в холмы.

У бычка был сорван роговой чехол, и вверх на три-четыре фута бил алый фонтанчик крови, орошая все вокруг. И мы с мистером Туэйтом получили свою порцию, стараясь удержать вола на месте, пока я обрабатывал роговой отросток сульфамидным препаратом, накладывал толстый слой ваты и восьмеркой прибинтовывал ее к другому рогу. На все это ушло порядком времени, а потом еще надо было вымыться и почиститься, так что прошло больше часа, прежде чем я, с сожалением отказавшись от чашечки чая, которую предложила миссис Туэйт, поспешил назад в Дарроуби.

Я пробежал коридор Скелдейл-Хауса, толкнул дверь приемной и замер на пороге. Мистер Базби! Он сидел в дальнем углу, держа на коленях маленького корги, и встретил он меня тем же взглядом, как в тот раз, когда я приезжал к его корове.

— Где вас черт носил? — рявкнул он. (И слова те же самые!) — Я сижу тут уже распроклятый час! И я ведь предупредил, что еду.

— Очень сожалею, мистер Базби, но меня вызвали к волу, сорвавшему рог. Я не мог задержаться.

— Какой-то паршивый вол! А моя бедная собачка ждет тут в муčenjaх! Это неважно, так?

— Конечно, важно, но вы не хуже меня знаете, что от такого сильного кровотечения животное может погибнуть. Для фермера это было бы большой потерей!

— Большой потерей? А, вы про деньги! Ну а если моя собачка умрет? Она подороже любых денег. Ей цены нет!

— Я все прекрасно понимаю, мистер Базби. Она, я вижу, очень симпатичная. — Я замаялся. — Но я не знал, что кроме дворовых собак у вас есть еще и комнатная.

— Конечно, есть. Это Франтик. Мы с хозяйкой на него не надеемся. Если с ним что-нибудь случится, это такое горе будет! А вы его бросили из-за проклятушего вола!

— Ну послушайте, я же его не бросал. Согласитесь, не мог же я оставить вола истекать кровью. Это же для фермера чувствительная потеря.

— Ну вот опять! Деньги. Вы только о них и думаете.

Я нагнулся, чтобы поднять собачку, но едва я к ней прикоснулся, как корги болезненно взвизгнул.

Глаза мистера Базби выпучились.

— Слышали? Я же вам говорил, что ему худо.

Я понес корги в смотровую. Мышцы у него были словно деревянные, и у меня не было сомнений в диагнозе. На столе я чуть-чуть нажал на шею, и песик снова завизжал. Мистер Базби застонал в унисон с ним.

Температура была нормальной, да и все остальное было нормальным, если не считать одеревенения мышц и болей.

— Он не выживет? — Фермер заглянул мне в лицо.

— Выживет, выживет. У него ревматизм. Крайне болезненное заболевание у собак, но хорошо поддается лечению. Надеюсь, он скоро полностью оправится.

— Хорошо, если не ошибаетесь, — буркнул фермер. — Только лучше бы вы сначала его подлечили, чем мчаться к волу. Что вы до денег жадны, это даже неплохо, но любовь и дружба поважнее будут, знаете ли.

Я наполнил шприц.

— Совершенно с вами согласен, мистер Базби. Подержите, пожалуйста, ему голову.

— В жизни, молодой человек, кроме денег есть и другое. Поживете с мое, так узнаете.

— Вы бесспорно правы. Вот таблетки. Давайте ему по одной на ночь и утром. Если завтра не станет намного легче, привезите снова.

— И привезу. Надеюсь, вы на месте будете. — Гнев мистера Базби улегся, сменившись ханжеской назидательностью. — Человек вроде вас, думается, должен бы знать, что такое любимая собака. Материальные блага — это ведь еще не все.

Он подхватил корги на руки и зашагал к двери, но, взявшись за ручку, обернулся.

— И я вам вот что скажу!

Я про себя вздохнул. Проповедь еще не кончилась!

Мистер Базби укоризненно поднял палец.

— Не хлебом единым жив человек!

Он пошел по коридору. Франтик вдруг повернул голову и посмотрел на меня. Казалось, он уже чувствовал себя лучше. К счастью, ревматизм, хотя и поражает с ужасающей быстротой, излечивается столь же быстро.

Да, Франтик скоро станет самим собой, но я знал, что в памяти его хозяйина навсегда запечатлелись мои корыстолюбие и бессердечность.

Час, когда в трубке раздался голос даррорубийского полицейского сержанта, был довольно поздний.

— По-моему, мы задержали преступника, мистер Хэрриот. Пробирался в темноте по Докерскому проулку с маской на лице. Я спросил, чего ему там понадобилось в десять вечера, а он ответил, что идет в лавочку купить жареной рыбы с картофельной соломкой. Глупая такая отговорка, а последнее время было много случаев краж со взломом и мелкого воровства, ну мы и забрали его в участок.

— Вот как? Но причем тут я?

— Да он твердит, что ничего такого делать не собирался и что вы можете за него поручиться. Говорит, что он Бернارد Уэйн и у него небольшая ферма на пустоши под Холлертоном.

Все сразу прояснилось, и я засмеялся.

— А на лице у него красный платок в белую горошину?

— Точно. Как это вы угадали?

— Потому что задержали вы Сиско Кида!

— Что-что?

Для объяснений требовалось много времени, но все сходилось.

Бернарду было за сорок, и он делил небольшую ферму с весьма внушительной старшей сестрицей. Назвать его «хозяином» было бы неверно, поскольку он только выполнял распоряжения, причем мнение мисс Уэйн о нем исчерпывалось ее любимым словечком «бестолочь».

За многие годы я привык к тому, что мои визиты на их ферму постоянно сопровождались горьким рефреном: «Вы уж как-нибудь сами управьтесь, мистер Хэрриот. А на Бернарда не рассчитывайте. Он такая бестолочь!».

Я сообщил сержанту о событиях на ферме Уэйнов, где побывал в конце дня в связи с трудным окотом.

Мисс Уэйн позвонила мне из телефонной будки в деревне.

— У нее схватки чуть не с утра. Бернард пощупал внутри и говорит, что дело плохо, только я думаю, вам больших хлопот не будет. Бернард ведь ни в чем не разбирается, бестолочь!

На проселке, ведущем к их ферме, было трое ворот, и, когда я свернул во двор, лучи фар озарили Бернарда, щуплого, смуглого, с вечной улыбкой на губах.

Он потер руки и, едва я вылез из машины, слегка поклонился, как всегда стараясь быть приятным.

— А, мистер Хэрриот! — Однако продолжал стоять как вкопанный, пока из дома не появилась низенькая плотная сестрица и не засеменила к нам по булыжнику на быстрых кривых ногах.

Она была старше брата лет на десять и, едва взглянув в его сторону, сурово выпятила подбородок.

— Пошевеливайся, чего ты стоишь? Возьми ведро и проводи мистера Хэрриота к овце. Да что с тобой говорить! — Она обернулась ко мне. — Мы ее в конюшню поместили, так он, гляжу, уже позабыл!

Раздеваясь в импровизированном загончике и намыливая руки, я оглядывал овцу. Та стояла по колено в соломе, иногда тужилась, но выглядела достаточно нормально. А когда Бернард попытался неуклюже ухватить ее за шерсть на шее, она ловко увернулась.

— Ты что — даже не можешь поддержать ее для мистера Хэрриота?! — простонала его сестра. — Ну давай же! Обними за шею, как полагается, и оттащи в угол! Ну чего ты топчешься? Наконец-то! Чудеса! А где полотенце, которое я тебе дала? Позабыл принести?

Когда я ввел кисть в овцу, мисс Уэйн сложила руки на груди и тяжело вздохнула.

— Думается, мистер Хэрриот, вы мигом управитесь. У Бернарда ни в какую не получалось, потому что понятия не имеет, как разродить овцу. Да он ни о чем понятия не имеет, бестолочь!

Бернард, державший голову овцы, кивнул, и его улыбка стала еще шире, словно он выслушал лестный комплимент. Нет, слабоумным он не был, а просто кротким, рассеянным, неумелым человеком, ни с какой стороны не созданным для трудовой жизни на ферме.

Я опустил на колени и засунул руку поглубже, а мисс Уэйн не преминула сказать:

— Бьюсь об заклад, там все в порядке.

Она оказалась абсолютно права. Все было прекрасно. Иногда, начиная исследование, сразу натыкаешься на единственного, слишком крупного ягненка, возможно мертвого, а руке негде повернуться, и все там сухое и липкое. В таких случаях фермер обычно терпел неудачу, как долго ни тщился помочь овце сам. Но на этот раз простору было хоть отбавляй: в большой матке, чудесно смазанной плацентарной жидкостью, лежали по меньшей мере два крохотных ягненка, чистенькие, влажные. И на свет появиться им мешало только то, что две головки и пучок ножек устремлялись в шейку матки одновременно. Надо было просто одну головку отодвинуть и распутать ножки — и через секунду они закопошатся на соломе. Собственно говоря, я успел одним пальцем распределить ножки по принадлежности, еще не додумав эту мысль до конца. И тут меня осенила новая: если я завершу работу в одну минуту, Бернарда ждет очередная головомойка.

Конечно, он без труда справился бы с этой задачей, но такой грубый труд, как копание внутри овцы, ему невыносимо претил. Я легко представил себе, как он судорожно выдернул кисть после секундного обследования.

Я поднял глаза и уловил тень тревоги на его улыбающейся физиономии. Ничего не поделаешь! Придется попридержаться ягнят.

Охая и побряхтывая, я поворачивал руку и так и эдак, а первый ягненок лизнул мой палец.

— Честное слово, мисс Уэйн, настоящий клубок! Возможно, тройня, и все переплелись. Тут нужна сугубая осторожность, поверьте мне. Ну-ка, ну-ка... чья эта ножка?.. Нет... пожалуй, что... тут скоро не справишься! — Я скрипнул зубами и застонал, продолжая свои воображаемые манипуляции. — Да уж, работка для опытного ветеринара!

Тут я заметил, что глаза мисс Уэйн прищурились. Как бы не перегнуть палку. В любом случае Бернард реабилитирован. Я обвил пальцем первые в очереди ножки и вытащил ягненка номер один. Я положил его на солому, а он поднял головку и энергично ею мотнул. Вообще-то это признак, что все нормально, но, возможно, задержка привела его в недоумение.

— Ну-с, что там у нас еще? — спросил я встревоженным голосом, снова вводя руку. Собственно, все было уже позади, я старался ради Бернарда, а потому еще немного попыхтел и поохал, прежде чем извлек второго, а затем и третьего ягненка. Приятно было смотреть, как они копошатся и фыркают в соломе. Первый уже старался встать на подгибающиеся ножки. Еще немного — и он доберется до «молочного бара».

Снизу вверх я улыбнулся мисс Уэйн.

— Вот так! Три прекрасных ягненка. Я вложу пару пессариев, и конец. Но роды были сложнейшие — ножки перепутались самым страшным образом. Хорошо, что вы меня вызвали, не то могли бы потерять всех троих.

Она уткнула подбородок в руки, все еще скрещенные на груди, и сурово уставилась на меня. Мне почудилось, что в глубине души она сожалеет об упущенной возможности лишний раз пропесочить брата.

— Вот что, — неожиданно сказала она, — тут корова шестой день дожидается, чтобы ее почистили. Так раз уж вы тут...

Простая операция, ради которой в девять вечера не вызывают, но я не стал упираться. Не надо будет приезжать снова.

— Хорошо, — сказал я. — Так, пожалуйста, принесите еще воды.

И тут я заметил панику в глазах Бернарда. Он же не выносит скверных

запахов, а в благоуханной практике деревенского ветеринара удаление следа у коровы по ароматности не сравнится ни с чем. А ему предстояло держать хвост моей пациентки!

Вернувшись с ведром горячей воды, Бернард поставил его, вытащил из кармана большой красный в белую горошину платок, тщательно обмотал нижнюю часть лица, а концы завязал на шее. После чего занял позицию рядом с коровой.

Вводя в нее руку, я посмотрел на большие глаза Бернарда, улыбающиеся над маской, и снова подумал, какое удачное мы придумали ему прозвище. Сиско Кидом его первым нарек Тристан из-за поразительного сходства со знаменитым бандитом. Перед всякой процедурой, не рассчитанной на обоняние Бернарда, — вонючим отелом, вскрытием или освобождением рубца от газов при тимпании — его нос и рот немедленно исчезали под платком, и, вспоминая о нем, я мысленно видел его непременно в этой импровизированной маске.

Она как будто наполняла его уверенностью в безопасности — он бодро, пусть и глухо, отвечал мне, когда я пытался завязать разговор, хотя порой и закрывал страдальчески глаза, словно до его ноздрей добирался непрошенный запах.

К счастью, чистка оказалась несложной, и вскоре Бернард уже проводил меня до машины. Его лицо все еще окутывал платок — ну вылитый Сиско Кид!

Мне казалось, что я должен был убедить полицейского сержанта.

Но выяснилось, что всех его сомнений я не развеял.

— А в Дарруоби-то он зачем в маске отправился?

— Так это же Бернард!

— То есть, по-вашему, он позабыл ее снять?

— Естественно.

— У него не все дома, что ли?

Его недоумение было понятно, но я понимал и Бернарда. Ему выпал тяжелейший вечер — и окот, и чистка. Вот он и вскочил на велосипед, чтобы поискать утешения в жареной рыбе с картофельной соломкой. Мне было известно, что это его любимое блюдо. А о таком пустяке, как платок на лице, он, конечно, и думать забыл.

— Ну что же, — сказал сержант, — раз вы за него ручаетесь...

— Ваш задержанный, сержант, самый безобидный человек во всем Северном Йоркшире.

Последовала пауза.

— Ну ладно. Наручники, пожалуй, мы с него снимем.

— Как! Неужели вы...

— Нет-нет! Ха-ха-ха! Отплатил вам той же монетой, мистер Хэрриот. Вы мне заморочили голову вашим Сиско Кидом, вот я и пошутил.

— А-а! Ну мы квиты. — Я тоже засмеялся. — Так Бернард очень расстроен?

— Он? Расстроен? С него все как с гуся вода. Только опасается, что опоздает в лавку за рыбой.

— Вот жалость! Он не успеет?

— Да нет. Я его уже успокоил. Сегодня они торгуют до одиннадцати.

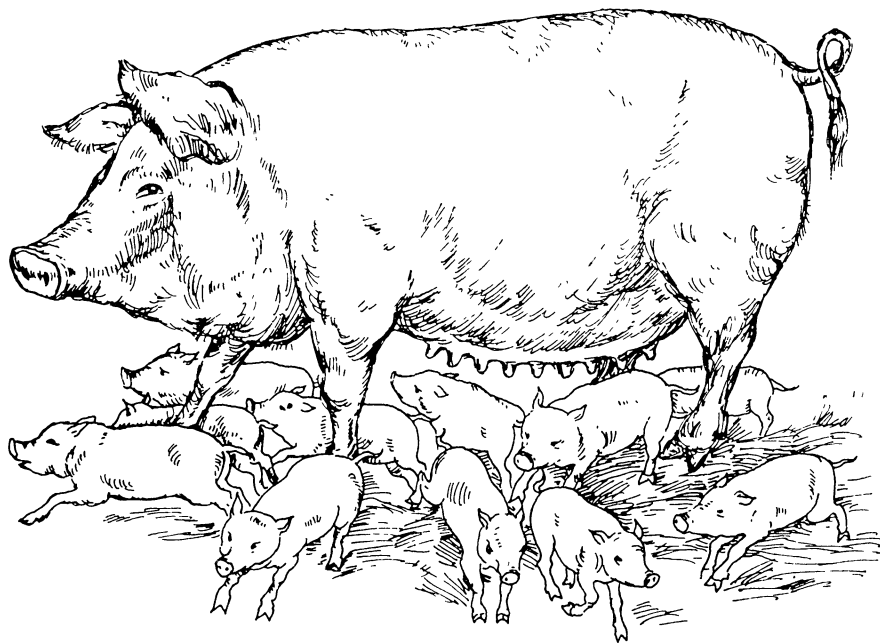

— Отлично. Значит, для Бернарда все кончится благополучно.

— Вполне. — Сержант снова засмеялся и повесил трубку.

Но все могло сложиться иначе. Будь на их ферме телефон, сержант позвонил бы мисс Уэйн... Меня пробрала дрожь при мысли о ее реакции, когда она узнала бы, что Бернард не смог даже за жареной рыбой съездить, не угодив в полицейский участок.

Я словно услышал ее раздраженный вопль: «Бестолочь! Ну что за бестолочь!».

Трудно найти зрелище тягостнее, чем умирающие молочные поросята.

— Положение почти безнадежное, мистер Буш, — сказал я, облакачиваясь о загородку закутка. — Такая жалость, ведь помет прекрасный. Их же двенадцать?

— Ага. Вот всегда так! — буркнул фермер. Даже в лучшие минуты он не отличался веселостью, но сейчас его длинное лицо с запавшими щеками застыло в мрачном отчаянии.

Я посмотрел на сбившихся в кучку розовых малышей. По их хвостикам стекали желтые струйки. Диспепсия новорожденных — тяжелый понос, поражающий поросят в первые дни после рождения и почти всегда приводящий к летальному исходу, если меры не будут приняты вовремя.

— Когда у них началось это? — спросил я.

— Так почти сразу, едва родились. Три дня назад.

— Жаль, что я только сейчас их увидел. Может, и сумел бы им помочь. Мистер Буш пожал плечами.

— Я думал, само пройдет, думал, молоко для них жирновато.

Я открыл дверцу и вошел в закуток. Пока осматривал малышей, их мать зызывно похрюкивала. Она лежала на боку, выставив напоказ два длинных ряда сосков, но отпрыски даже не смотрели в ее сторону. Поднимая и снова опуская на пол одно вялое тельце за другим, я не сомневался, что сосать свою мать эти поросята не будут уже никогда.

Однако так просто сдаваться не хотелось.

— Все-таки попробуем, — объявил я. — Вдруг спасем хоть двух-трех.

Фермер промолчал, а я заторопился к машине. Не помню, чтобы хоть раз видел его улыбку, но теперь его сгорбленная спина и угрюмое лицо только усугубляли ощущение безысходности.

Я же сердился из-за того, что меня не вызвали раньше, так как при мне был новый препарат, который мог бы их исцелить, — раствор неомицина в пластиковой бутылке, позволявшей впрыскивать антибиотик прямо в глотку. Я уж пробовал его на телятах — и с хорошими результатами, но поросят там давал впервые. Я брал апатичных малышей одного за другим, прыскал каждому неомицин на корень языка, но, кладя на пол почти безжизненные тельца, чувствовал, что напрасно теряю время.

Потом сделал каждому небольшую инъекцию сульфамидного препарата и, успокоив свою совесть, начал прощаться.

Бутылку с неомицином я отдал фермеру.

— Если завтра найдутся живые, впрысните им в рот. Если удастся спасти хоть некоторых, сообщите, а так приезжать смысла нет.

Мистер Буш молча кивнул.

Миновало три дня, и я решил, что мой мрачный прогноз, к несчастью, оправдался, но тут мне пришло в голову, что я должен дать мистеру Бушу кое-какие рекомендации на будущее. Матке перед опоросом в целях профилактики можно ввести вакцину против *E. coli*, а у него еще две свиньи должны были скоро опороситься.

Возвращаясь домой с очередного вызова, я оказался возле фермы Буша и свернул в ворота. Когда я вылез из машины, фермер подметал угол двора. Он даже не обернулся, и у меня упало сердце. Но тут же во мне заговорила досада: поросят он потерял не по моей вине и не имеет права меня игнорировать — я сделал все что мог.

Однако он продолжал меня не замечать, а потому я направился в хлев и заглянул в закуток. Сначала я решил, что ошибся. Но нет! Свинья была та самая — я узнал ее по метке на ухе. Но меня совершенно сбили с толку розовые поросятки, энергично отталкивающие друг друга от наиболее удобных сосков. Пересчитать их в этой свалке оказалось нелегко, но в конце концов все они принялись блаженно сосать, удовлетворенные своей долей. И было их — двенадцать!

Я выглянул во двор.

— Мистер Буш! Так они же все выжили! Все до единого!

Фермер медленно прошел через двор, волоча за собой метлу, и мы вместе наклонились над закутком.

Мне все еще не верилось.

— Замечательно! Просто чудо! Я был уверен, что они все погибнут, и вот — нате вам!

Лицо мистера Буша не посветлело.

— Так-то так, — пробурчал он, — да только они меньше нагуляли, чем здоровые.

Всю дорогу до фермы лорда Грешема безразличная реплика мистера Буша звывла мое самолюбие.

Только когда я был призван в ВВС и сержант рявкнул: «Эй, ты! Вали сюда!», мне стало ясно, насколько я считал само собой разумеющимся то спокойное уважение, какое мне, как ветеринару, оказывали на йоркширских фермах, как оно важно для меня. К успехам или неудачам это отношения не имело: не всегда все заканчивалось благополучно, а порой клиенты высказывали не слишком лестные вещи, но меня не оставляло чувство, что я профессионал, помогаю животным в полную меру своих сил и меня за это ценят.

Однако работники лорда Грешема оказывали мне не больше уважения, чем мистер Буш. Дэнни, Берг, Хьюи и Джо относились ко мне с полнейшим безразличием, которое действовало угнетающе. Не то чтобы они недолюбливали меня или были грубы, но любые мои достижения оставляли их равнодушными, не пробуждали у них, казалось, ни малейшего интереса.

А это было странно, ибо, как известно любому ветеринару, есть места, где все всегда удается, и есть места, где одна неприятность сменяет другую. Так вот, ферма лорда Грешема бесспорно относилась к разряду первых. Не иначе как там мне покровительствовала какая-то добрая фея: лечение всегда проходило без сучка без задоринки, и стоило вспомнить долгую череду успешных исцелений, как теплело на душе.

И на этот раз, войдя на скотный двор, я не сомневался, что опять никаких осложнений не возникнет.

Я оглядел корову, уныло стоящую по колено в соломе. Вид у нее был самый жалкий — казалось, половина ее внутренностей вывалилась наружу. Выпадение матки. Достаточно, чтобы стереть улыбку с лица любого ветеринара — долгая, тяжелая работа, от которой зависит жизнь животного. Но за плечами у меня был большой опыт, заметно развеявший прежние страхи, и я, хотя, естественно, тревожился, тем не менее полагал, что благодаря новым знаниям и приспособлениям скоро верну злополучную корову в нормальное состояние. Притом, что здесь не обрету в результате ни похвалы, ни уважения.

Я попросил подогнать трактор и с помощью недавно изобретенного подъемника Багшо, подведенного под таз коровы, приподнял ее сзади, так что направлял я матку под уклон. Эпидуральная анестезия — и я вернул матку на законное место без геркулесовских усилий прошлых лет.

Корова спокойно направилась к кормушке, словно с ней ничего и не случилось, а я смотрел ей вслед, радуясь такому магическому преобразению, но работники сохраняли полное равнодушие и отошли, не сказав ни слова. Как обычно.

Вскоре меня вызвали к овцам, тупо кружившим по лугу. Листерииоз. Инъекция пенициллина — и на вторые сутки они полностью выздоровели. Эффектнейшее исцеление, и та же реакция работников. Никакого интереса или проблеска уважения.

Неделю спустя меня вызвали к корове со скручиванием матки. Теленок не шел, и она лежала, тужась, совсем измученная. Без моей помощи беднягу пришлось бы прирезать, но я несколько раз перевернул ее, матка приняла нормальное положение, и я извлек на свет прелестную живую телочку. Я с восторгом смотрел на нее, на результат моих трудов, а работники флегма-

тично убирали стойло, так ни слова и не сказав. Ну что, что можно сделать, чтобы их проняло?!

Я потянулся за пиджаком, и из его кармана выпал конверт с ливерпульским штемпелем и обратным адресом фирмы, проводящей по почте футбольный тотализатор. Просто чтобы нарушить молчание, я сказал:

— А! Мой выигрыш за эту неделю!

Их словно током ударило. Апатия мгновенно сменилась жгучим интересом. Они сосредоточенно изучали почтовый перевод всего лишь на два фунта.

— Ух черт, ты только погляди!

— А у нас так ничего не выходит!

— В первый раз вижу, чтоб кто-то выиграл!

Восклицания сыпались одно за другим. Потом Дэнни, старший, спросил:

— И часто вы выигрываете?

В приятном волнении, упиваясь столь беспрецедентным интересом, я ответил небрежно:

— Довольно-таки часто.

Тут я допустил заметное преувеличение, поскольку выигрывал очень редко, но мои слова были встречены почтительным изумлением. Впервые я оказался в фокусе благоговейного внимания.

Дэнни нерешительно откашлялся.

— Мистер Хэрриот, мы с ребятами каждую неделю складываемся по шиллингу и еще ни разу пенса не выиграла. Может, вы заполните наш купон?

В горьком предчувствии, что моя столь скоропалительно обретенная популярность исчезнет не менее молниеносно, я взял купон и, воспользовавшись коровьей спиной, как попитром, исполнил просьбу.

На неделе ко мне в приемную явился Дэнни.

— Мистер Хэрриот, а мы выиграла по тридцать шиллингов на нос. Никогда раньше и пенса не получали. Ребята просто взбесились. Может, вы опять, а?

— Пожалуйста, — ответил я небрежно и поставил крестики в квадратиках.

Опять выигрыш, и теперь в приемную ввалились все четверо, улыбаясь и ликуя.

— Еще по тридцать шиллингов на нос, мистер Хэрриот! Прямо чудо! Мы теперь хотим побольше поставить.

Я почувствовал, что попался.

— Послушайте, ребята. Лучше не надо. Я не хочу, чтобы вы потеряли свои деньги, а так и будет, если вы укрупните ставку. Да и в любом случае я ведь не знаток и только пошутил, когда намекнул, будто выигрываю каждую неделю.

В комнате воцарилось грозное молчание, четыре пары глаз сузились в щелочки. Четверка не поверила ни единому слову.

Я беспомощно переводил взгляд с одного на другого, но они стояли, точно каменные, ожидая, как я поступлю.

— Вот что, — сказал я наконец, — этот ваш купон я заполню, но в последний раз. Договорились?

Четыре головы кивнули.

— Нам подходит, — сказал Дэнни.

Снова я поставил крестики в квадратиках, а возвращая купон, воззвал еще раз:

— И больше вы меня никогда об этом не попросите?

Дэнни торжественно поднял руку.

— Больше никогда, мистер Хэрриот. Наше слово твердо.

Третью неделю подряд они выигрывали! Даже сейчас, когда я пишу это, не могу надеяться, что мне поверят, но так оно и было.

И ощущение таинственных капризов Фортуны окрепло еще больше, когда и на мою долю выпал крупнейший выигрыш в моей жизни — семьдесят семь фунтов четыре шиллинга и одиннадцать пенсов (я поставил на утроение). Эта цифра будет жить в моей памяти до конца времен.

Вечером я с трепетом показал почтовый перевод моему партнеру.

— Только поглядите, Зигфрид! Такие деньги! А угадай я на одну ничью больше, то получил бы первый приз — шестнадцать тысяч фунтов!

Зигфрид присвистнул и внимательно прочел распоряжение о переводе.

— Джеймс, это необходимо отпраздновать. Пошли в «Гуртовщики».

В баре Зигфрид ринулся к стойке.

— Бетти, два двойных виски! — вскричал он. — Мистер Хэрриот только что выиграл шестнадцать тысяч фунтов в тотализатор!

— Нет-нет! — запротестовал я, пытаюсь уговорить моего импульсивного друга. — Куда меньше...

Но было уже поздно. Глаза Бетти вылезли на лоб, посетители захлебнулись пивом, и непоправимое произошло. Новость облетела Дарроуби, как лесной пожар. Шестнадцать тысяч фунтов в те дни были сказочным богатством, и в ближайшие недели, где бы я ни оказывался, меня встречали многозначительными улыбочками и подмигиванием. С тех пор прошло почти сорок лет, но и по сей день в нашем городке немало людей убеждены, что Хэрриот разбогател на тотализаторе.

В следующий раз я поехал на ферму лорда Грешема провести туберкулинизацию коров. Процедура крайне простая: выстричь немного шерсти на шее и сделать инъекцию в толщу кожи, но атмосфера радикальным образом изменилась по сравнению с предыдущими моими визитами, когда я исцелял животных с помощью своего умения и опыта. Четверка работников, казалось, впитывала каждое мое слово, и все просьбы исполнялись прямо-таки с благоговением: «Да, мистер Хэрриот», «Сию секунду, мистер Хэрриот!». И если прежде они держались так, словно меня там вовсе не было, теперь каждое мое действие вызывало у них живейший интерес. Стало ясно, что я навсегда останусь для них избранныком судьбы, для кого тайны футбольного тотализатора — открытая книга и кто может манипулировать этими тайнами по своему капризу, и в глазах всех четверых я читал то, чего прежде не было.

Уважение. Глубочайшее неугасимое уважение.

Такая привычная поза! Я лежал ничком на булыжнике, а рука по плечо уходила в недра тужащейся молодой коровы. Продолжалось это больше часа, и мной начинало овладевать отчаяние. Большой живой теленок, и на свет ему мешала появиться всего лишь неправильно загнутая нога — случается это часто и легко поддается исправлению. Потому-то я и чувствовал себя так скверно — просто не верилось, что я не в состоянии справиться с таким в сущности пустяком. Но корова была маленькая, и места для манипуляций не хватало. Снова и снова я дотягивался до злополучной ноги, но ухватить ее удавалось только двумя пальцами, которые соскальзывали, едва я начинал тянуть. А в довершение всего корова устроила мне настоящую пытку — при каждой потуге кисть мучительно зажимало между головой теленка и костями таза.

Как я жалел, что моя рука не длиннее дюйма на два! Если бы я мог просунуть пальцы за гладкое копытце и ухватить волосатую ногу, все завершилось бы в несколько минут, но это-то как раз и не удавалось сделать вот уже час, и рука у меня совсем онемела.

В подобных случаях я нередко прибегал к помощи высокого фермера или работника, чтобы он добрался до недоступной для меня конечности, однако и мистер Килдинг, и его сын были коренастыми и короткорукими. Они и до копытца не дотянутся.

Но тут меня осенило. Колем занимался туберкулинизацией на соседней ферме. Если заручиться его помощью, то дело в шляпе — в число многих достоинств Колема входили и очень длинные руки.

— Мистер Килдинг, — сказал я, — позвоните, пожалуйста, Эллертонам и попросите мистера Бьюканана приехать помочь мне. Боюсь, один не справлюсь.

— Бьюканан? Ветеринар с барсуком?

Я улыбнулся. Слава Колема распространилась на много миль вокруг Дарроуби.

— Вот-вот!

Фермер выбежал из коровника и вернулся почти сразу же.

— Он как раз кончил с тамошними коровами. Сказал, что сию минуту приедет.

Мистер Килдинг был очень приятным человеком и не жаловался, что я столько времени без всякого толку валяюсь на полу его коровника, но спрятать тревогу он не сумел.

— Вы все-таки постараетесь, мистер Хэрриот, а? Уж очень я на этого теленка рассчитывал.

Несколько минут спустя в коровник широким шагом вошел Колем. Он поглядел на лежащую корову и ухмыльнулся.

— Не все гладко, Джим? — сказал он с обычной бодрой небрежностью.

Я объяснил положение вещей, и он тут же стащил с себя рубашку. Мы растянулись рядом на булыжнике, который за час стал заметно более жестким. Я ввел руку и прижал ладонь к мордочке теленка, а Колем протиснул свою правую руку вдоль моей.

— Ну хорошо, — сказал я. — Попытайтесь ухватить ногу, пока я отодвину голову.

— Готово, — ответил он. — Валяйте.

Я нажал, но в тот момент, когда голова отодвинулась, освобождая необходимое пространство, корова поднатужилась, голова вернулась в исходную позицию, а Колем охнул: ему защемило пальцы.

— Черт! Больно. Поднажмите-ка!

Я скрипнул зубами и сделал еще усилие, отчаянно напрягая руку, стараясь преодолеть потуги.

— Я почти там, — прохрипел Колем. — Еще чуть-чуть... самую чуточку... жмите, жмите... почему вы не жмете?

— Да жму, жму, черт дер! — огрызнулся я сиплым шепотом. — Только она сильнее! Я уже час этим занимаюсь, и рука у меня совсем парализована!

Мы сделали еще несколько попыток, пыхтя и постанывая, а потом Колем опустил голову на плечо.

— Да уж. Передохнем немножко.

Я с радостью ухватился за это предложение и расслабился, а шершавый язык теленка лизнул мою ладонь. Слава Богу, он еще жив!

Мы лежали так, практически щека к щеке, как вдруг Колем радостно улыбнулся и сказал:

- Не поболтать ли нам, пока отдыхаем?
 Мне было не до веселой болтовни, но я попытался подыграть.
 — Давайте. У вас есть интересные новости?
 — Да. Пожалуй, кое-какие есть. Я женюсь.
 — Что-о?!
 — Я сказал, что женюсь.
 — Вы шутите!
 — Вовсе нет, уверяю вас.
 — А когда?
 — На следующей неделе.
 — А... ну... Я ее знаю?

— Нет-нет. Она работает в хирургическом отделении Лондонского колледжа. Я с ней познакомился, когда учился там.

Я лежал как громом пораженный. И никак не мог поверить. Мне и в голову не приходило, что такой человек, как Колема, может помышлять о семейном счастье. Я все еще недоумевал, когда его голос вернул меня к действительности.

— Давайте попробуем еще раз.

Видимо, этот шок выбросил мне в кровь порядочную дозу адреналина. Во всяком случае, я сделал титаническое усилие, так что глаза чуть не выскочили из орбит, и сумел не только отодвинуть голову, но и удерживать ее, пока не услышал торжествующий вопль Колема:

— Есть!

И ухватив, он уже не выпускал, а, зажмурившись, оскалив зубы, тянул, пока роковая нога не высунулась из влагилица. Потное лицо Колема расплылось в широкой улыбке.

— Какое чудное зрелище!

Бесспорно! Наружу теперь высовывались две ноги и затылок, но все остальное еще находилось внутри. Я хлопнул корову по крупу.

— Поднажми, старушка! Вот теперь жми, сколько хочешь и посильнее!

Словно в ответ, корова с энтузиазмом подсобила нам, едва мы потянули за ноги, и вскоре появилась и мордочка — подрагивающие ноздри, большой широкий лоб и глаза, в которых мне почудилось легкое негодование на такую задержку, а затем шея и туловище. Секунду спустя на соломе уже копошился великолепный теленок.

Меня охватила радость — как всегда в таких случаях, но на этот раз ее заслоняло неожиданное сообщение Колема о близком бракосочетании.

Мне не терпелось увидеть невесту Колема. Он был настолько оригинален во всем, что она могла оказаться какой угодно — безобразной, эксцентричной, толстой, тощей, — я растерянно перебирал всяческие варианты.

Но с недоумениями было покончено очень скоро. Дня через три я открыл дверь гостиной и увидел там моего молодого коллегу, а рядом с ним девушку.

— Это Дейдре, — сказал он.

Она оказалась высокой и «доброй по-матерински», как сразу подумал я. Однако этот эпитет вовсе не означает, будто ей не хватало чисто женской привлекательности. Дейдре была очень даже привлекательной, но теперь, почти сорок лет спустя, когда я думаю о ее семье — о шести чудесных молодых Бьюкананах, — то не могу не похвастать своей интуицией.

Мы обменялись рукопожатием. Улыбка у нее была искренней и радост-

ной, голос — удивительно приятным, и мне пришло в голову, что Колем вновь доказал, что при всех своих странностях он человек очень здоровый. И, выбирая жену, он нашел именно такую, чье лицо любой мужчина был бы рад увидеть, едва открыв утром глаза.

Если мы и рассчитывали быть гостями на пышной свадьбе, то наши надежды потерпели крах. Они — как я скоро понял, в типичной своей манере — тихо ускользнули в Килеровскую церковь, где и обвенчались.

Нигде в Британии я не видел ничего похожего на Килеровскую церковь — старинный, удивительно красивый храм, построенный нормандцами около 1100 года, в величавом одиночестве стоящий посреди лугов. Рядом есть ферма, но до ближайшей деревни — две мили. Церковь эта находится у границы нашей практики, и она хорошо видна с шоссе; всякий раз, проезжая мимо, я притормаживаю, чтобы лишний раз полюбоваться прекрасным творением рук человеческих на лугу, за которым уходит вверх склон холма. Для меня этот пейзаж исполнен удивительной романтичности.

Из века в век в церковь на службу сходились прихожане с ближайших ферм и деревень, а потому она сохранилась во всем своем величии. Но ее красота — это строгая красота массивной каменной кладки, что не имеет ничего общего с каменным кружевом и шпилями великолепной церкви Дарроуби, которая настолько знаменита, что ее нередко называют маленьким собором. Мы с Хелен венчались в ней и навсегда остались очарованными пышным убранством.

Однако Колем и Дейрдре предпочли Килеровскую церковь, одиноко стоящую в окружении дикой природы, и мне было понятно, чем она привлекла их. Затем коротенький медовый месяц, и все.

Всякий раз, когда я проезжаю мимо и вижу старинный храм, который уже девять столетий гордо выситя среди пустынных лугов и уходящих вдаль холмов, я думаю, насколько он подходил для того, чтобы именно в нем Колем и Дейрдре принесли обеты, связавшие их на всю жизнь.

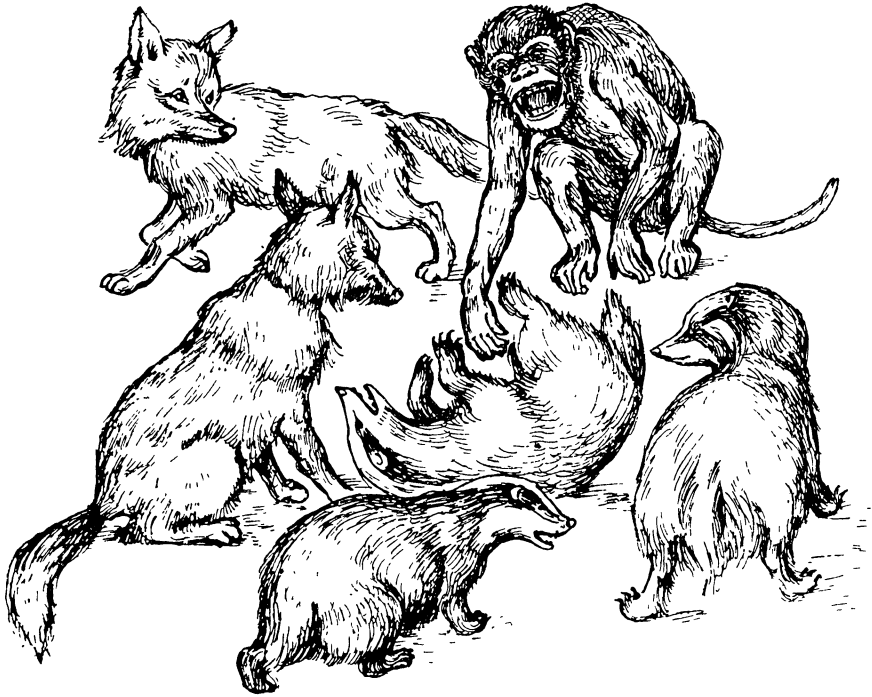
Я с радостью предвкушал, как женские руки Дейрдре придадут уютность квартире Колема, как она украсит комнаты своей мебелью и безделушками, но мои чаяния не сбылись. К этой стороне жизни Дейрдре относилась с таким же равнодушием, как и Колем. Как и у него, все ее интересы были связаны с миром дикой природы, со зверушками, растениями и цветами Северного Йоркшира.

Обстановка в квартире оставалась спартанской — ни красивых чехлов на стульях и креслах, ни другого убранства, — но Дейрдре казалась абсолютно довольной всем, когда возилась там (нередко в домашних брючках и босиком) в полной душевной гармонии со своим мужем.

Общее свободное время они проводили за наблюдениями в лесах и на холмах, а когда работа мешала Колему довершить какое-нибудь важное исследование в царстве дикой природы, Дейрдре с величайшей охотой его подменяла. В чем я убедился, когда в один прекрасный душистый летний вечер мне пришлось отправить молодого коллегу по вызову.

— Колем, — сказал я, — у лошади Стива Хоулдзуэрта колики, постарайтесь побыстрее, хорошо?

— Конечно, — ответил он. — Вот посажу Дейрдре на дерево, и я там.

С появлением у Колема третьего барсука мной овладела фатальная покорность перед неизбежным.

Новый барсук звался Биллом, и Колем практически обошел молчанием его появление в доме. Мне он, правда, мимоходом упомянул про это, но благоразумно не стал откровенничать с Зигфридом. Кажется, он понял, что травмировать партнера еще больше незачем. Логика подсказывала, что Зигфрид несколько ошалел от толкущихся в доме разных тварей и не заметит, что их число пополнилось.

Стоя в дверях аптеки, я обсуждал с коллегами программу на день, как вдруг Зигфрид стремительно нагнулся.

— Что за черт?! — крикнул он, потому что над самыми нашими головами пронеслось нечто большое и пушистое.

— Да так, сова Колема, — ответил я.

Зигфрид уставился на меня.

— Та сова? Но у меня было впечатление, что она больна. — Он обернулся к нашему помощнику. — Колем, что эта сова делает здесь? Вы притащили

ее сюда Бог знает когда, и, видимо, она выздоровела, а потому отнесите ее туда, откуда взяли. Я люблю птиц, как вам известно, но это еще не значит, что им можно кружить по нашей приемной, точно бешеным орлам, и до смерти пугать клиентов.

— Да... да... — Молодой человек кивнул. — Она уже почти здорова, и я как раз собирался на днях отнести ее в лес. — Он сунул в карман список вызовов и исчез.

Я промолчал, но было ясно, что Колем, обзаведясь совой, так просто с ней не расстанется. Будущее, несомненно, сулило кое-какие неприятности.

— А чертovy лисята? — продолжал Зигфрид. — Нет, вы только послушайте эту какофонию! — Из недр дома неслось тьяканье, перемежаясь с сердитым визгом и отрывистым лаем. Лисята, бесспорно, были голосистыми. — Для чего Колем притащил их сюда?

— Точно не знаю... Он что-то говорил, но я запамятовал...

— Ну что же! — буркнул Зигфрид. — Остается надеяться, что он их уберет, как только устранит причину.

В тот же день попозже, когда мы с Зигфридом накладывали гипс собаке со сломанной лучевой костью, в операционную вошел Колем. Как обычно, с его плеча свисала Мэрилин, но на этот раз не в гордом одиночестве — на сгибе локтя у него уютно пристроилась обезьянка.

Зигфрид поднял голову, размоченный бинт застыл в его руках, рот открылся.

— О Господи! Нет! Всему есть предел. Только чертовой мартышки не хватало! Мы словно в зверинце живем!

— Ну да, — ответил Колем, сияя улыбкой. — Его зовут Мортимер.

— Неважно, как его зовут, — пробурчал Зигфрид. — Какого черта он тут делает?

— Не тревожьтесь, он тут ненадолго и вообще — почти пациент.

— То есть как почти? — Глаза Зигфрида сузились. — Он болен или нет?

— Ну-у... не совсем. Дайана Терстон попросила присмотреть за ним, пока не вернется. Она поехала отдохнуть.

— А вы, разумеется, согласились! Сразу же! Ведь нам здесь не хватало только чертовой макаки!

Колем посмотрел на него с глубокой серьезностью.

— Но ведь я оказался в очень трудном положении. Полковник Терстон — человек очень милый и один из лучших наших клиентов: большая ферма, верховые лошади, тысячи собак. Я просто не мог отказать.

Мой партнер принялся накладывать повязку — гипс уже затвердевал, и я заметил, что он старается выиграть время на размышления.

— Ну, ваше положение мне понятно, — сказал он потом. — Отказать действительно было бы трудно. — Он прожег Колема взглядом. — Но только до возвращения Дайаны? Это твердо?

— Безусловно, даю вам слово. Она не надышится на малыша и заберет его, едва вернется.

— Ну в таком случае, пожалуй... — Зигфрид затравленно покосился на обезьянку, которая скалила зубы и что-то верещала, словно потешаясь над ним.

Мы сняли спящую собаку со стола и отнесли в вольер. Зигфрид был явно не расположен разговаривать, я тоже. Мне не хотелось обсуждать последнее

приобретение Колема, поскольку я знал, что Дайана уехала не на две недели в Скарборо, а в Австралию, где собиралась пробыть полгода.

Вечером был срочный вызов, и я завернул в аптеку пополнить запас медикаментов. Едва я вошел в коридор, как из глубины дома послышались разнообразные загадочные звуки, и, отворив дверь задней комнаты, я увидел Колема в окружении его друзей. Три барсука чавкали над мисками с кормом, на высокой жердочке лениво хлопала крыльями сова. Внушительный дружелюбный Буран приветственно застучал хвостом, а доберманы смерили меня задумчивым взглядом. Обезьянка Мортимер, явно проникшаяся к Колему полным доверием, прыгнула со стола в его объятия и ухмыльнулась мне. В углу пронзительно тьякали и ворчали лисята... И тут я заметил две клетки с парочкой кроликов и зайцем — явных новичков.

Обводя взглядом всю эту живность, я понял, что Зигфрид с самого начала был абсолютно прав. В Скелдейл-Хаусе прочно утвердился зверинец. Вопрос заключался лишь в том, до каких пределов он разрастется.

Я уже вышел в коридор, но тут Колем, размешивавший в миске какой-то неведомый корм, окликнул меня:

— Погодите, Джим. У меня для вас есть потрясающая новость.

— А! Какая же?

Колем кивнул на доберманов.

— Анна через месяц ощенится!

40

Я вылез из машины, чтобы открыть ворота фермы, и с изумлением уставился на странное сооружение, примыкавшее к каменной стенке у дороги. Куски брезента, натянутые, по-видимому, на металлические дуги, образовывали подобие юрты. Но зачем тут юрта?

Пока я смотрел, мешки, занавешивавшие вход, разделились, и наружу выбрался высокий седобородый мужчина. Он выпрямился, огляделся, почистил ветхий сюртук и водрузил на голову головной убор, напоминавший высокие котелки, столь модные в викторианскую эпоху. Словно не замечая моего присутствия, он несколько секунд глубоко дышал, созерцая вересковый склон, уходивший далеко вниз к ручью. Затем обернулся и торжественно поднял котелок.

— Желаю вам доброго утра, — произнес он голосом, который сделал бы честь и архиепископу.

— Доброго утра, — ответил я, скрывая изумление. — День обещает быть чудесным.

— О да! — Его благородные черты озарились улыбкой, а затем он нагнулся и раздвинул мешки. — Иди, иди, Эмили!

К вящему моему удивлению, из юрты грациозными шажками вышла кошечка, и, когда она с наслаждением потянулась, старик пристегнул поводок к ошейнику у нее на шее, а потом обернулся ко мне и снова приподнял шляпу:

— Желаю вам всего доброго!

После чего неторопливо зашагал рядом с кошечкой по дороге к деревне, чья колокольня вставала за деревьями милях в двух от места нашей встречи.

Я открывал ворота довольно долго, провожая недоуменным взглядом удаляющиеся фигуры. Возникло ощущение, что я брежу. Здешние места были мне мало знакомы, так как наш верный клиент Эдди Карлесс переехал на ферму почти в двадцати милях от Дарроби, но сделал нам большой комплимент, попросив, чтобы мы остались его ветеринарами. И мы сразу же согласились, хотя такие далекие поездки нас не слишком прельщали — особенно глубокой ночью.

От ворот ферму отделяли два луга. Въезжая во двор, я увидел Эдди — он спускался по ступенькам амбара.

— Эдди! — сразу же начал я. — У меня была очень странная встреча...

Он засмеялся.

— Понимаю! Вы видели Юджина.

— Юджина?

— Ну да. Это Юджин Айрсон. Он живет там.

— Что-о?

— Ага. Это его дом. Он сам его построил два года назад и поселился в нем. Вы же знаете, это ферма моего отца, и он мне про него много рассказывал. Явился неведомо откуда, соорудил себе этот шалаш и с тех пор так и живет в нем со своей кошкой.

— Да как же ему разрешили построить себе жилье на обочине?

— Не знаю, но только никто вроде бы не гнал его оттуда. И знаете, что еще? Он образованный человек и родной брат Корнелия Айрсона.

— Корнелия Айрсона? Промышленника?

— Вот-вот. Он мультимиллионер и живет в имении в пяти милях дальше по Бротонскому шоссе. Наверное, вы видели большую сторожку у ворот.

— Да... видел... Но как же?..

— Толком никто ничего не знает. Но как будто Корнелий унаследовал все семейное состояние, а его брат не получил ничего. Говорят, Юджин много попутешествовал на своем веку, жил во всяких диких странах, навидался всяких приключений, а потом все-таки вернулся в Северный Йоркшир.

— Но почему он живет в этом нелепом сооружении?

— Никто не знает. Известно только, что он своего брата знать не желает, а тот — его, и вроде бы он в своем шалаше счастлив и всем доволен. Мой отец очень его привечал, и старичок иногда заходил на ферму пообедать и помыться. Да и теперь заходит. Но он человек гордый. Ни у кого не одалживается. И в положенные дни спускается в деревню за припасами и пенсией.

— И всегда с кошкой?

— Ага! — Эдди засмеялся. — Обязательно с кошкой.

Мы отправились в коровник начать туберкулинизацию, но все время, пока я выстригал шерсть, измерял и делал инъекцию, из памяти не шла эта странная парочка.

Когда три дня спустя я снова остановился у ворот фермы, куда направлялся узнать результаты туберкулинизации, мистер Айрсон сидел в плетеном кресле на солнышке и читал, а кошечка свернулась клубком у него на коленях.

Когда я вылез из машины, он вновь вежливо приподнял котелок.

— Добрый день. Чудесная погода!

— Да, превосходная! — Услышав мой голос, Эмили соскочила на траву и подошла поздороваться со мной, я почесал ее под подбородком, и она, изогнувшись и мурлыча, потерлась о мои ноги.

— Какая прелесть! — сказал я.

К неизменной вежливости старика добавилась сердечная теплота.

— Вы любите кошек?

— Очень. И всегда любил. — Я несколько раз погладил Эмили по спине, а потом шутливо потянул ее за хвост. Она задрала симпатичную мордочку, и мурлыканье достигло крещендо.

— Ну, вы понравились Эмили до чрезвычайности. Впервые вижу, чтобы она так открыто ластилась к незнакомому человеку.

Я засмеялся.

— Она понимает, как я к ней отношусь. Кошки всегда это знают. Очень мудрые животные.

Мистер Айрсон улыбнулся и кивнул.

— Но, по-моему, я вас уже видел? Какое-нибудь дело к мистеру Карлессу?

— Да. Я его ветеринар.

— А-а-а... Вот, значит, что. Так вы ветеринар и одобряете мою Эмили?

— Ну а как же? Она настоящая красавица.

Старик просто засветился от благодарной радости.

— Вы чрезвычайно добры! — Он замялся. — Может быть, мистер... э...

— Хэрриот.

— Может быть, мистер Хэрриот, вы, когда кончите свои дела у мистера Карлесса, не откажетесь выкушать со мной чашечку чая?

— С большим удовольствием. Думаю, управлюсь за час.

— Превосходно, превосходно. Так я вас жду.

Коровы Эдди прошли проверку наилучшим образом. Ни единой положительной реакции или хотя бы сомнительного случая. Я занес все данные в журнал туберкулинизации и быстро покатил назад к воротам, у которых мистер Айрсон уже ждал меня.

— Что-то прохладно для чаепития под открытым небом, — сказал он. — Так милости прошу! — Он подвел меня к юрте, откинул мешки и пригласил внутрь со старомодной учтивостью.

— Прощу, садитесь. — Он указал на потертый кожаный диванчик, который явно вступил в жизнь в качестве автомобильного сиденья, а сам опустился в плетеное кресло, которое я уже видел.

Пока он расставлял две кружки, снимал чайник с примуса и разливал чай, я оглядывал интерьер юрты. Раскладушка, битком набитый рюкзак, стопка книг, керосиновая лампа, низенький шкафчик и корзинка, в которой почивала Эмили.

— Молоко, мистер Хэрриот? Сахар? — Старик любезно наклонил голову. — Ах, так вы пьете без сахара? Но, пожалуйста, возьмите сдобную булочку. В деревне превосходная маленькая пекарня, и я беру их только там.

Откусив кусок булочки и запив его чаем, я исподтишка посмотрел на книги. Только поэты. Блейк, Суинберн, Лонгфелло, Уитмен — все зачитанные до дыр.

— Вы любите стихи? — спросил я.

— О да! — Он улыбнулся. — Я читаю не только их: библиотечный фургон заезжает сюда каждую субботу. Но то и дело возвращаюсь к своим старым друзьям. И особенно к нему. — Он протянул мне томик, который читал, когда я подъехал к воротам: «Стихотворения Роберта У. Сервиса».

— Ваш любимый поэт?

— Да, пожалуй. Пусть Сервис и не классик, но его поэзия задевает во мне что-то очень глубокое. — Айрсон посмотрел на томик, а потом мимо меня в какие-то только ему известные дали. А вдруг он странствовал где-то на Аляске, по диким берегам Юкона... И на мгновение во мне проснулась надежда, что он расскажет что-нибудь о своем прошлом, но оказалось, что говорить ему хотелось совсем не об этом. А о своей кошечке.

— Просто поразительно, мистер Хэрриот, всю свою жизнь я прожил один и никогда не страдал от одиночества, но теперь знаю, что без Эмили чувствовал бы себя невыносимо одиноким. Смешно, не правда ли?

— Совсем нет. Просто прежде у вас не было четвероногих друзей, верно?

— Совершенно верно. Я ведь нигде подолгу не задерживался. Животных я люблю, и порой мне хотелось завести собаку. Но о кошке я даже не помышлял. Я ведь часто слышал, что кошки никого привязанностью не дарят, что они очень самостоятельные создания и не способны любить. Вы с этим согласны?

— Разумеется, нет. Чистейший вздор. У кошек есть свои особенности, но я лечил сотни дружелюбнейших ласковых кошек, верных друзей своих хозяев.

— Рад слышать это, потому что льщу себя мыслью, что эта крошка искренне ко мне привязана. — Он поглядел на Эмили, которая к тому времени успела забраться к нему на колени, и нежно погладил ее по голове.

— Ну, это заметить нетрудно, — сказал я, и старик расплылся от удовольствия.

— Знаете, мистер Хэрриот, когда я только обосновался здесь (он обвел рукой свое жилище так, словно мы сидели в гостиной многокомнатного особняка), то полагал, что и дальше буду вести одинокое существование, но в один прекрасный день эта малютка вошла сюда, будто к себе домой, и моя жизнь совершенно переменялась.

— Она вас усыновила. — Я засмеялся. — С кошками такое бывает. И это был счастливый день для вас.

— Да... да... Совершенно справедливо. Мне кажется, вы замечательно понимаете подобные вещи! А теперь разрешите налить еще чашечку?

Таков был мой первый визит к мистеру Айрсону в его оригинальном жилище, но далеко не последний. Всякий раз, возвращаясь с карлессовской фермы, я заглядывал за мешки и, если Юджин оказывался дома, оставался у него выпить чаю и поболтать. Говорили мы о разном: о книгах, политическом положении, естественной истории, знатоком которой он оказался, но неизменно беседа переходила на кошек. Ему хотелось досконально изучить все, что касалось ухода за ними, кормления, их привычек и болезней. Если я изнывал от желания побольше услышать о его странствовани-

ях по белому свету, о которых он говорил мало и неопределенно, то ему хотелось знать решительно все о случаях из моей ветеринарной практики.

Однажды во время такой беседы я заговорил об Эмили первым:

— Насколько мне известно, она либо сидит здесь, либо гуляет с вами на поводке. А сама она одна никуда не уходит?

— Да нет... Раз уж вы об этом спросили, то последнее время она иногда гуляет одна. Но только в сторону фермы. Я слежу, чтобы Эмили не выходила на дорогу, где может попасть под машину.

— Я о другом, мистер Айрсон. На ферме ведь есть коты, и она легко может забеременеть.

Он привскочил в кресле как ужаленный.

— Боже мой! Действительно. А мне даже в голову не приходило. Такая глупость... Попробую ее одну не выпускать.

— Это сложно, — заметил я. — Надежнее было бы стерилизовать ее.

— А?

— Разрешите мне сделать гистерэктомию. Удалить матку и яичники. Тогда все будет в порядке. Ведь котята здесь вам ни к чему?

— Да... разумеется. Но операция... — Он бросил на меня испуганный взгляд. — Любое хирургическое вмешательство всегда чревато опасностью, не так ли?

— Нет-нет, — бодро ответил я. — Операция совсем простая. Мы делаем их сотнями.

Обычная его корректность вдруг исчезла. До этих пор он казался человеком, столько повидавшим в жизни, что его безмятежность ничто не могло нарушить, и вдруг он весь как-то съежился. Некоторое время продолжал поглаживать кошечку, по обыкновению свернувшуюся у него на коленях, а потом потянулся за кожаным, черным, с облупившимся золотым тиснением томом Шекспира, от которого его оторвал мой приход. Он заложил страницу ленточкой, закрыл книгу и аккуратно убрал ее на место.

— Право, не знаю, что и сказать, мистер Хэрриот.

Я ободряюще ему улыбнулся.

— Вы напрасно тревожитесь. Я настоятельно рекомендую сделать это. Я опишу вам ход операции, и вы сразу успокоитесь. Ну прямо-таки микрохирургия. Делается крохотный разрез, извлекаются яичники и матка, перевязывается культя, а затем...

Я прикусил язык. Мистер Айрсон закрыл глаза и так сильно качнулся вбок, что чуть не вывалился из кресла. Впрочем, хирургические подробности не впервые произвели совсем не тот эффект, который был мне нужен, и я тут же прибегнул к другой тактике — громко засмеялся и потрепал его по колену.

Он открыл глаза и испустил долгий дрожащий вздох.

— Да... да... полагаю, вы совершенно правы. Но дайте время подумать. Я был совсем к этому не готов.

— Как угодно. Эдди Карлесс, конечно, позвонит мне, если вы ему скажете. Но не откладывайте решение надолго.

Звонка, однако, не последовало, и меня это не удивило. Слишком уж в большой ужас пришел старик от моего предложения. И миновало больше месяца, прежде чем мы снова увиделись.

Я просунул голову между мешками. Он сидел в плетеном кресле и чистил картошку.

— А, мистер Хэрриот! Входите! Входите! — Мистер Айрсон посмотрел с мрачной решимостью. — Садитесь, пожалуйста. Я очень рад, что вы заглянули. — Он вскинул голову и перевел дух. — Я намерен последовать вашему совету касательно Эмили. Сделайте ей операцию, когда вам будет удобно.

— Вот и чудесно! — ободряюще сказал я. — У меня в багажнике есть кошачья корзинка, так что я смогу забрать ее немедленно.

Кошечка прыгнула ко мне на колени, и я поторопился отвести глаза от расстроенного лица старика.

— Ну, Эмили, поедешь со мной... — начал я и умолк в нерешительности. Почудилось или ее бока заметно вздулись?

— Ну-ка, ну-ка, — бормотал я, ощупывая пушистый живот, а потом посмотрел на хозяина Эмили.

— Мне очень жаль, мистер Айрсон, но уже поздно. Она беременна.

Рот у него открылся, но он не сумел произнести ни слова. Потом судорожно сглотнул и спросил хриплым шепотом:

— Но... но что же нам делать?

— Да ничего. Не тревожьтесь. Она принесет котят, только и всего. А я подыщу желающих взять их. Все будет прекрасно! — Я вложил в свои слова максимум убедительности, но это не помогло.

— Так ведь, мистер Хэрриот, я ничего в таких вещах не понимаю! Мне страшно. Она же может умереть родами... Она же такая маленькая!

— Ну что вы! Этого не бойтесь. У кошек подобное случается крайне редко. Вот что: когда роды начнутся — будет это примерно через месяц, — попросите Эдди позвонить мне. Я приеду и послежу, чтобы все было нормально. Хорошо?

— Вы так добры! Мне очень неловко. Беда в том, что... что она так много для меня значит.

— Я знаю. Перестаньте тревожиться. Все будет в полном ажуре.

Мы выпили по чашечке чая, и, когда прощались, он уже успокоился.

В следующий раз я увидел его там, где никак не ожидал.

Прошло недели две, и меня пригласили на ежегодный банкет местного Сельскохозяйственного общества. Обстановка была самой официальной. Присутствовали почтенные фермеры, крупные землевладельцы и чиновники Министерства сельского хозяйства. Мне дверь туда открыло только то, что я был вознесен в члены подкомиссии по молоку.

С предобеденной рюмкой в руке я беседовал со своим старым клиентом и внезапно поперхнулся виски.

— Боже великий! Мистер Айрсон! — вскричал я, указывая на высокую седобородую фигуру в дальнем конце зала, шеголявшую безупречным белым галстуком. Серебряная шевелюра, обычно растрепанная, была зализана к затылку и блестела над ушами. Прихлебывая из рюмки, он властно чеканил слова, а собравшиеся вокруг слушатели согласно кивали.

— Глазам своим не верю! — ахнул я еще раз.

— Да он это, он, — проворчал мой приятель. — Сквалыга чертов!

— Что?!

— Ну да. Первейший сукин сын. Родную мать обдерет до нитки.

— Странно! Я знаком с ним не очень давно, но он мне нравится. Очень нравится.

Фермер вздернул брови.

— Ну так вы один такой выискались, — пробурчал он кисло. — Эдакого другого прижимистого скупердя не найти.

Я даже головой помотал.

— Не понимаю. А костюм? Где он его раздобыл? В его придорожной лачужке нет ничего, кроме самого необходимого.

— Э-эй! Погодите минутку! — Фермер расхохотался и ткнул меня пальцем в грудь. — Это надо же! Вы ведь о его брате говорите, старике Юджине. А это Корнелий.

— Невероятно! Изумительное сходство. Они близнецы?

— Да нет. Корнелий на два года старше, но все равно похожи, как две горошины.

Словно почувствовав, что мы говорим о нем, седобородый старик обернулся к нам. Лицо было почти лицом Юджина, но вместо мягкости чувствовалась нахрапистость, вместо благожелательной безмятежности — свирепое высокомерие. Почти сразу же он снова принялся что-то вещать стоящим вокруг, а у меня по телу пробежала ледяная дрожь. Стало не на шутку страшно, но я продолжал смотреть в ту сторону как зачарованный, пока голос фермера не вывел меня из этого транс.

— Ошибку-то эту многие делали. Но они только с виду похожи. А характеры у них ну прямо противоположные. Юджин — старикан что надо, ну а этот сквалыга... Ни разу даже не улыбнулся, сколько его знаю.

— А с Юджином вы знакомы?

— Да как все. Я ему почти ровесник, и ферма моя на айрсоновской земле. Когда их отец умер, все досталось Корнелию, да только, думается мне, Юджину текстильная фирма и поместье все равно были бы ни к чему. Он всегда был мечтатель и непоседа — добрый, открытый людям, но вроде бы не от мира сего. Ни деньги, ни положение в обществе его не интересовали. Поступил в Оксфорд, знаете ли, а потом словно сгинул. Много лет никто даже не знал, жив он или умер.

— И теперь вот живет в лачужке у дороги.

— Угу. Странно, а?

Куда страннее! Более необычную историю трудно было бы придумать, и ближайшие недели она не шла у меня из головы. Мои мысли постоянно возвращались к старику и его кошечке в придорожной юрте. А вдруг котятка уже родилась? Да нет, старик непременно дал бы знать.

В один ненастный вечер так и произошло.

— Мистер Хэрриот, я звоню вам с фермы. Эмили еще не... не разрешилась, но она... словно раздулась, весь день не вставала, дрожит и ничего не ест. Мне крайне неприятно беспокоить вас в такую отвратительную погоду, но я ничего в этих вещах не понимаю, а у нее вид... очень несчастный.

Мне все это не понравилось, но я постарался ответить небрежно:

— Пожалуй, я заскочу посмотреть ее, мистер Айрсон.

— Но все-таки... Вас это очень затруднит?

— Пустяки. Мне по дороге. Скоро буду у вас.

Когда сорок минут спустя я, спотыкаясь в темноте, добрался до юрты и раздвинул мешки, моего взору предстала почти фантазмагорическая сцена.

Брезентовые стенки содрогались и прогибались под ударами ветра и дождевых струй. Тусклый дрожащий свет керосиновой лампы смутно ложился на Юджина в кресле. Он нежно поглаживал Эмили в корзинке на полу.

Бедная кошечка раздулась почти в шар. Ее трудно было узнать. Я опустился на колени и провел ладонью по выпуклому животу. Кожа казалась растянутой до предела. Эмили была битком набита котятками, но выглядела измученной, почти безжизненной. Тем не менее она тужилась и лизала влагалище.

Я посмотрел на старика.

— У вас не найдется горячей воды, мистер Айрсон?

— Конечно, конечно. Чайник только что вскипел.

Я намылил мизинец. Он только-только протиснулся в узенькое отверстие. Внутри я обнаружил, что шейка матки широко раскрыта, но до бесформенной массы за ней мизинец доставал с трудом. Только Богу было известно, сколько котят там застряло, но в одном сомневаться не приходилось: протиснуться наружу они никак не могли. Места для маневрирования не было вовсе. Помочь ей я не мог. Эмили повернула ко мне мордочку и жалобно мяукнула. Я с острой горечью осознал, что эта кошка — исключение и погибает от родов.

— Мистер Айрсон, — сказал я, — мне придется сейчас же ее увезти.

— Увезти? — повторил он растерянным шепотом.

— Да. Необходимо сделать кесарево сечение. Выйти нормальным путем котятка не в состоянии.

Он выпрямился в кресле и кивнул — оглушенно, не слишком понимая, о чем идет речь. Я ухватил корзинку вместе с Эмили и отпрянул во тьму. Но тут вспомнился растерянный взгляд старика. Я же совсем забыл о своей обязанности поддерживать в клиенте бодрость духа! Я опять сунул голову между мешками.

— Не беспокойтесь, мистер Айрсон. Все будет отлично.

Не беспокойтесь! Пустое утешение. Поставив корзинку с Эмили на заднее сиденье, я стиснул зубы. Меня терзало беспокойство, и я проклинал насмешницу судьбу: после всех моих бодрых заверений, что для кошек роды — пустяк, именно эти роды могут завершиться трагически. Сколько времени Эмили оставалась в таком положении? Разрыв матки? Сепсис? В мозгу вихрем пронеслись самые мрачные прогнозы. И почему, почему именно этого одинокого старика поджидает такое горе?

В деревне я остановился у телефонной будки и позвонил Зигфриду.

— Я только что уехал от Юджина Айрсона. Вы не могли бы подъехать помочь? Кесарево сечение у кошки. И откладывать нельзя. Простите, что порчу вам свободный вечер.

— Ну что вы, Джеймс! Я ничем не занят. Так скоро увидимся, э?

Когда я вошел в операционную, автоклав уже исходил паром и Зигфрид приготовил все необходимое. Увидев меня, он распорядился:

— Ну, пациентка ваша, Джеймс, а я беру на себя анестезию.

Я выбрил оперируемый участок и уже занес скальпель над вздутым животом, когда Зигфрид присвистнул.

— Господи! Так и кажется, что вы вскрываете абсцесс.

Он был совершенно прав. У меня возникло ощущение, что стоит сделать

надрез, и в лицо ударит струя котят. И действительно, едва я осторожно прошел кожу и мышцы, как матка угрожающе выпятилась наружу.

— О черт! — прошептал я. — Сколько их там?

— Наверное, хватает, — отозвался мой партнер. — А она такая малютка!

Едва дыша, я рассек стенку, которая к великому моему облегчению выглядела чистой и здоровой. Вот-вот появится клубок головенок и лапок... С возрастающим недоумением я убеждался, что тяну разрез вдоль массивной угольно-черной спины, а когда, наконец, подцепил пальцем шею, вытащил котенка и положил его на стол, в матке не оказалось больше ничего!

— Всего один! — охнул я. — Просто не верится!

— Но зато какой! — засмеялся Зигфрид. — И жив к тому же. — Он взял котенка и осмотрел его. — Ну и здоровый же будет котище! Он уже величиной почти со свою мать!

Я зашил разрез, ввел спящей Эмили пенициллин, ощущая, как накатывают приятные волны облегчения. С кошечкой все было в порядке. Мои страхи оказались безосновательными. Котенка лучше на несколько недель оставить с ней, а пока подыщу ему дом.

— Огромное спасибо, Зигфрид, — сказал я. — Ситуация вначале выглядела критической.

Мне не терпелось обрадовать старика. Ведь он, конечно, все еще сидит в шоке, что я забрал его любимицу. И действительно, когда я прошел между мешками, могло показаться, что он за все это время ни разу не шелохнулся. Он не читал, а сидел, сложив руки на коленях, и смотрел прямо перед собой.

Я поставил корзинку рядом с ним, и, медленно повернув голову, он уставился с каким-то изумлением на Эмили, которая уже приходила в себя после анестезии и приподнимала голову, а также на черного крепыща, который с интересом осматривал целый набор сосочков, находившихся в его единоличном распоряжении.

— Она скоро будет совсем здорова, мистер Айрсон, — сказал я, и старик медленно кивнул.

— Какое чудо! Какое невыразимое чудо! — прошептал он.

Когда через десять дней я приехал снимать швы, в юрте царила праздничная атмосфера. Старый Юджин сиял от восторга, а Эмили, растянувшись на спине, подставляла живот своему деловито сосущему гигантскому отпрыску. На меня она поглядела с гордостью, отдававшей глубочайшим самодовольством.

— По-моему, мы должны выпить по такому поводу чашечку чая с моими любимыми булочками, — провозгласил старик.

Он поставил чайник на примус и провел пальцем по тельцу котенка.

— Красавец, верно?

— Еще бы! Из него вырастет великолепный кот.

— Да, конечно. — Юджин улыбнулся. — И будет так приятно наблюдать за ним с Эмили.

Моя протянутая к булочке рука замерла.

— Извините, мистер Айрсон. Но вы не сможете держать тут двух кошек.

— Почему же?

— Ну, например, вы ходите с Эмили в деревню. Вести двух кошек на поводке будет очень не просто. Да и места у вас тут маловато.

Он промолчал, и я продолжал гнуть свое:

— На днях одна дама просила меня достать ей черного котенка. К нам с такими просьбами часто обращаются люди, потерявшие своего старого любимого друга, но обычно бывает нелегко помочь им. И я очень обрадовался, когда мог ей сказать, что у меня на примете есть именно такой котенок.

Юджин медленно наклонил голову и после секундного раздумья сказал:

— Пожалуй, вы правы, мистер Хэрриот. Я как-то всего толком не взвесил.

— Во всяком случае, — продолжал я, — она женщина очень приятная, а на кошек не надышится. Он обретет чудесный дом. Будет жить у нее как султан.

Старик засмеялся.

— Отлично... отлично... И, может быть, я не потеряю его из виду?

— Разумеется. Обещаю держать вас в курсе. — Убедившись, что удалось все уладить наилучшим образом, я решил переменить тему. — Да, кстати, я так и не сказал вам, что недавно впервые увидел вашего брата.

— Корнелия? — Он посмотрел на меня непроницаемым взглядом. Никогда прежде мы о его брате не упоминали ни словом. — Ну и как он вам показался?

— Э... вид у него не слишком счастливый.

— Это естественно. Его нельзя назвать счастливым человеком.

— Именно такое впечатление он и производит. А казалось бы, у него столько всего!

Старик мягко улыбнулся.

— Да, но он и лишен очень многого.

— Совершенно справедливо. — Я отпил чай. — Например, у него нет Эмили.

— О да! Собственно, я сам хотел это сказать, но подумал, что вы сочтете меня смешным. — Он откинул голову и засмеялся веселым мальчишеским смехом. — Да, у меня есть Эмили, а это важнее всего! И я очень рад, что вы со мной согласны. Не возьмете ли еще булочку?

— Ух! Ох! Ой-ой-ой! Подлая твоя душа, Хэрриот! Какую ты мне пакость подстроил? — Нат Бриггз прыгал на одной ноге по телятнику, держась за левую ягодицу, и свирепо сверкал на меня глазами.

— Извините, Нат, — сказал я, сжимая шприц с противобруцеллезной вакциной. — Боюсь, вы наткнулись на иглу.

— Наткнулся? Да ты всадил мне чертову штуку в задницу! Уж постарался.

Выражение лица этого дюжего детины никогда добродушием не отличалось, но сейчас оно стало прямо-таки кровожадным. Он держал голову теленка, которому я собирался сделать инъекцию, а теленок толкнул его на меня в самый неподходящий момент.

Я заискивающе улыбнулся:

— Ну что вы, Нат! Игла только чуть задела кожу.

— Как бы не так! — Он изогнулся, помял ягодицу и застонал. — Наквось прошла, я же чувствую!

Хохот Рея и Фила, его товарищей, только подлил масла в огонь. Они

все трое много лет работали на ферме сэра Юстаса Ламберна, и мы хорошо знали друг друга. Однако Нат всегда держался особняком. Рей и Фил были отъявленные весельчаки, то и дело сыпали шутками, а Нат супился и, казалось, был зол на весь мир.

Профилактические инъекции составляли значительную часть моей работы, и во время борцовских схваток с животными в стойлах или узких проходах моя игла нет-нет да и впивалась не в шкуру, а в человеческую одежду, если не в кожу. Чаще всего жертвой оказывался я сам, поскольку пациенты редко стояли смирно, когда же одной рукой зажимаешь складку кожи, а другой нацеливаешь шприц, ничего не стоит промахнуться и уколоть свой же палец. Ветеринар, допустив такую промашку или позволив отдалить себе ногу, со стороны несомненно выглядит очень потешно, и мои вопли и подпрыгивания всегда встречались веселым смехом. Не избежал той же участи и мрачный Нат, тем более что мишенью оказалась его ягодица.

— Смейтесь, смейтесь! — огрызнулся он. — Только что теперь со мной будет? От этой чертовой штуки выкидыши бывают, так мне она чего натворит?

— А ты, Нат, разве стельный ходишь? — хихикнул Фил. — От этой вакцины, говорят, вред только стельным коровам бывает, но ты-то теленка не сбросишь, а? — И он закатился хохотом, к которому присоединился и Рей.

Бриггз выставил подбородок.

— Вам-то легко языком трепать. А дрянь эта опасная, и неизвестно, какой мне от нее вред будет.

— Послушайте, Нат, — вмешался я, — в вас ни единой капельки не попало. — Я поднял шприц со всеми пятью кубиками вакцины. — Игла только чуть кольнула. Больно, не спорю... и прошу у вас извинения, но вреда от этого вам никакого не будет.

— Так ты, Хэрриот, ничего другого не скажешь. Это мы еще посмотрим! А к тебе я больше на шаг не подойду. Телят пусть кто другой держит.

Рей хлопнул его по плечу.

— Плюнь, Нат. Ты же у нас молодежен, так что есть кому за тобой поухаживать. Твоя хозяйка будет подушечку подкладывать, чуть тебе сесть захочется.

Бесспорно, это маленькое происшествие сильно развлекло Фила и Рея, но еще долго мне, когда я заезжал на ферму Ламберна, приходилось терпеть нападки их желчного товарища. По его утверждению, пострадавшая ягодица невероятно распухла и продолжала болеть, причиняя всяческие неудобства еще недели и недели. Впрочем, не сомневаясь, что все это заметно преувеличено, я пропускал его инвективы мимо ушей, пока он в один прекрасный день не выдвинул против меня куда более серьезное обвинение.

Нат Бриггз придвинул свою злобную физиономию почти к самому моему лицу.

— Я тебе вот что скажу, Хэрриот. Из-за тебя у меня никогда детей не будет.

— Что-о?

— Да уж. Мы с хозяйкой давно стараемся, и ни в какую! Доктор ничего понять не может, только я-то причину знаю. Все твой чертов укол!

— Ну послушайте, Нат, это же смешно. Ну каким образом такая царапинка могла привести к подобным последствиям?

— Я тебе растолкую, каким! Дрянь, которую ты в меня впрыснул, она ведь с беременностями связана, с выкидышами, так? Вот и выходит, что из-за тебя у нас с хозяйкой детей не будет!

Я не верил своим ушам. Но никакие объяснения и возражения не помогали. Нат твердо стоял на своем: я погубил его жизнь, и этого он мне никогда не простит.

Его товарищи не замедлили раздуть пожар.

— Да не слушайте вы его, мистер Хэрриот! — воскликнул Рей. — Просто он к этому неспособный, вот и ищет причины.

Новый взрыв хохота и очередные скабрзные насмешки.

Шутки шутками, но мне пришлось плохо. Ведь дело не ограничивалось фермой. Я никогда не знал, где наткнусь на Бриггза. Его укоризненные взгляды язвили меня на рыночной площади в Дарруоби и отравляли мой душевный мир в деревенских трактирах.

В течение долгих месяцев посещения фермы Ламберна оборачивались для меня пыткой. Рей и Фил давно угомонились, но я все время ощущал враждебность Бриггза. Он редко упоминал о том случае, но мнения своего не изменил. Из-за меня он не может стать отцом, и все тут.

Много времени спустя после злополучного происшествия мне пришлось заняться бычками с пневмонией. Обычное родео с двадцатью сильными молодыми животными в отгороженном углу скотного двора. Я держал наготове шприц с антибиотиком, а работники крутились в толчее. Бриггз повис на особенно буйном бычке спиной ко мне, и уж не знаю, то ли бычок швырнул его в мою сторону, то ли Фил или Рей подтолкнули меня под локоть, но как бы то ни было, двор внезапно огласился страдальческим воплем.

— Хэрриот, подлюга, ты опять! — Нат запрыгал на одной ноге, цепляясь за ягодицу и уставившись на меня дикими глазами.

Просто не верилось. Не может же прошлое повторяться с такой точностью! Но оказалось, что может: Бриггз вопил и держался за ягодицу, два его товарища покатывались со смеху, меня леденил ужас.

Все еще не выпуская ягодицы, Бриггз обернулся ко мне. Его дюжая фигура угрожающе нависла.

— А эта дрянь что со мной делает?! — рявкнул он. — Ты, сукин сын, уже меня покалечил, а теперь что будет? — Он свирепо уставился мне в лицо.

— Нат, я искренне сожалею, но могу лишь повторить, что ни малейшего вреда вам быть не может. В шприце один антибиотик вроде пенициллина, только более широкого спектра.

— Плевать я хотел, что у тебя в шприце. Все равно, годится это для быков, а не для меня. Подлюга ты, Хэрриот, чтоб опять — и то же самое!

— А вот и нет! — воскликнул Фил. — На этот раз ты заряд в правую щечку получил. Мистер Хэрриот просто тебя уравнил. Он аккуратность любит, я всегда говорил. Вот и захотел закончить, что начал.

И они с Реем захлебнулись хохотом.

Я страшно радовался, что после этого происшествия скотина сэра Юстаса довольно долго пребывала в добром здравии, а редкие профилактические визиты удавалось сплавлять Зигфриду. Так что миновал почти год, прежде чем я вновь оказался в обществе трех работников. С большим облегчением я заметил, что Бриггз, выполняя мои указания, словно бы злобой не пышет.

Если в прошлый раз казалось, что он вот-вот меня ударит, теперь же он хватал и держал вырывающихся телят в полном молчании.

В момент передышки, когда я вновь наполнял шприц, Рей внезапно объявил:

— А у нас есть для вас новость, мистер Хэрриот!

— Какая же?

— Самая что ни на есть! Наш Нат папашей стал.

— Чудесно! Поздравляю, Нат. Сын или дочка?

Отцовство словно бы смягчило угрюмость Бриггза — его лицо расплылось в застенчивой улыбке.

— Близняшки! — ответил он гордо. — Сын и дочка.

— Ну потрясающе! Лучше не придумать.

Тут вмешался Фил.

— Мы ему все растолковали, мистер Хэрриот! Он вот ругал вас, что первым уколом вы его охолостили. А второй-то укольчик все на место и поставил!

— Вам следует подумать, Джеймс, — в один прекрасный день заявил Зигфрид, захопывая книгу вызовов и вставая из-за стола.

— О чем?

— Ну, я знаю, что вы прожили в «Рябиновом саду» много счастливых лет, однако вы же всегда мечтали жить на лоне природы в деревне.

— Да, конечно. Со временем.

— Так вот, в Ханнерли продается отличная усадьба «Верхний лужок». На мой взгляд, прелестная. Ее, конечно, купят сразу. Не посмотреть ли вам?

Меня словно током ударило. Бесспорно, этот план я лелеял очень давно. Однако я терпеть не могу перемен, а потому он оставался далекой мечтой. И вдруг мне предлагают привести его в исполнение сейчас же! Я потер подбородок.

— Ну не знаю... Я не собирался так сразу... Когда-нибудь потом.

— Джеймс, вас нелегко раскачать! — Зигфрид погрозил пальцем. — Нет, послушайте. В один прекрасный день вы перестанете откладывать и приме-

тесь за поиски. Но ничего лучше никогда не найти. Ханнерли — красивейшее местечко, а дом просто создан для вас.

Я почувствовал себя в ловушке. Зигфрид знал меня как облупленного. Шли часы, и сознание мало-помалу свыклось с этой мыслью настолько, что я решил сообщить обо всем Хелен.

Моя жена не стала мямлить и тянуть.

— Поедем посмотрим, — сказала она.

И мы поехали, благо инстинкт ничего не откладывает на завтра у Хелен развит куда сильнее, чем у меня. Ханнерли я знал прекрасно, так как, выражаясь фигурально, расположена деревня в самом сердце нашей практики. Тихий уголок из двух десятков домов (почти только фермерских), уютно разместившихся у склона вдоль маленького шоссе, которое никуда, собственно, не вело. Место удивительно красивое, но ничем не похожее на любимые туристами пряничные деревеньки, словно сошедшие с коробки шоколадных конфет. Ни лавки, ни трактира, ни уличных фонарей. Ханнерли всегда казалась мне потаенным воплощением в камне самой сущности Йоркшира, сурового и чудесного края.

Нас встретил доктор, переезжавший на юг страны. Он показал нам дом — скромный, но совершенно очаровательный, стоящий над собственным пастбищем, где паслись овцы. Широкий луг круто спускался к быстрому ручью, разливавшемуся в тихую заводь. Там плавали кряквы, и пышные ивы клонили ветви над самой водой.

Потом в лучах майского солнца мы с Хелен и наша собака Дина поднялись мимо цветущих деревьев по травянистому склону за домом, а затем через перелаз выбрались на величавое зеленое плато, которое, казалось, господствовало над окружающим миром.

Развалившись на траве, мы с нашей высоты посмотрели на мирно пасущихся овец и еще ниже — на дом, из которого только что вышли. Позади нас вздымался огромный полумесяц заросшего деревьями склона, а за их макушками проглядывала вересковая вершина. Сбоку величественный склон переходил в отрог, завершающийся каменным обрывом, чарующе элегическим на солнце. По другую руку за крышами деревьев открывался умопомрачительный вид на широкую Йоркскую равнину и дальние холмы за ней.

Весенние холода кончились, весь край обрел мягкую прелесть, веял ласковый ветерок, напоенный майским благоуханием цветков, обременяющих ветви деревьев и пестреющих в траве. В роще справа от нас в тени между стволами голубели озера колокольчиков.

С высокого явора одна за другой скатились три белки. Толстушка Дина оптимистично кинулась за ними в погоню, но они с воздушной грациозностью пронесли по дерну и скрылись за пригорком, без малейших усилий оставив ее далеко позади.

Хелен выразила вслух то, что подумал я:

— Жить здесь — это жить в раю.

Мы спустились с холма чуть не бегом и окончательно договорились с доктором. В отличие от прошлых наших попыток обзавестись новым домом — ни единого злключения. Все ограничилось дружеским рукопожатием.

А слова Хелен оказались пророческими. Расстаться с «Рябиновым садом», овеванным столькими счастливыми воспоминаниями, было грустно, но едва мы устроились в «Верхнем лужке», как поняли, что жизнь в Ханнер-

ли — истинный рай. Порой мне просто не верилось, какая нам выпала удача. Подумать только: мы сидим перед домом на солнышке, смотрим, как в нашем пруду плещутся и ныряют кряквы, а склон перед нами пылает дроком, а еще выше весело блестит каменный обрыв, не знающий перемен. Жить в мире неизбывного покоя, где тишину ночью, казалось, можно пощупать руками.

Освещая фонариком путь во время наших с Диной вечерних прогулок, я слышал только безмятежное журчание ручья, струящегося под каменным мостом. Случалось, дорогу мне перебегал барсук или в смутном свете звезд я видел, как лиса украдкой исследует наш луг.

Однажды на рассвете, отправляясь по раннему вызову, я вспугнул на лугу двух косуль и замороженно наблюдал, как они, еле касаясь земли, понеслись к лесу, перелетая через каменные стенки стремительнее призовых скакунов.

Здесь, в Ханнерли, всего в нескольких милях от Дарроуби, нас с Хелен тешила чудесная фантазия, что мы живем на краю света.

— Ух, черт, ну и вспотел же я! — охнул Алберт Бадд, тяжелой тушей рухнув в кресло рядом и утирая лицо платком в ярко-красную горошину. И тут же бросил на меня страдальческий взгляд. — А сейчас ветер начну пускать, не иначе.

— Что?! — Я в тревоге уставился на него. Мы только что сплясали кадрили на вечере Клуба шотландских народных танцев, недавно организованного Колемом, и я отдувался не меньше молодого фермера. — Неужели? Быть не может.

— Еще как может! Когда Колем уговорил меня потанцевать, я же не знал, какие коленца придется откалывать, это после-то трех порций йоркширского пудинга. Прямо смерть, как пучит!

Я не знал, что сказать, но попытался успокоить беднягу.

— Посидите, отдохните, и все будет хорошо, я уверен.

Алберт замотал головой.

— Где там! Я же чувствую. А все Колем! Заграбастал меня, когда я из-за стола вставал. По вечерам в среду, когда я с холтонского рынка возвраща-

юсь, мамаша всегда чего-нибудь особенное готовит. Куска два-три говядинки с капустой и картошкой да три йоркширских пудинга, как я уже сказал, а на заедки пирог со сливками — обедение. Да и в «Золотом льве» парочку пинт пропустил. Ну и собрался полежать с полчаса, а тут он заявляется и говорит, чтобы я с ним шел. Только я-то думал, танцы будут спокойные.

Я тем сильнее пожалел беднягу, что все остальные в зале веселились от души. Кодем, видимо, умел убеждать, народу собралось порядочно, и вот-вот должна была начаться шотландская хороводная пляска под лихие ритмы Джимми Шанда, вырвавшегося из проигрывателя.

Мы с Хелен обрадовались возникновению клуба и пришли уже в третий раз. В Глазго и в школе, и на вечеринках я в шотландских танцах поднаторел, но успел утратить форму, а многие фигуры подзабыл. Однако для большинства — фермеров, учителей, врачей и прочих городских жителей — все это было новым и непривычным. Тем не менее обучались они весьма охотно, и часто громкий смех заглушал музыку.

Но я понимал, что Алберту далеко не весело. Ему было лет двадцать пять, жил он с матерью, которая в нем души не чаяла и слишком уж опекала. Он, как и многие другие молодые фермеры, попал под обаяние нового жизнерадостного ветеринара и вместе с ними охотно участвовал в его затеях, но вот шотландские танцы были явно не для него.

Толстяки, по моему опыту, встречались между фермерами редко, и Алберт был разительным исключением. Рост шесть футов три дюйма, лоснящаяся физиономия и огромное брюхо, которое он каким-то образом умудрялся совмещать с дойкой, заготовкой сена и прочими сельскохозяйственными работами. О его аппетите в наших краях ходили легенды, и он представлял смертельную угрозу для тех рестораников, где посетитель, заплатив определенную сумму, может есть сколько захочет.

В эту минуту вид у него был самый несчастный: прижимая ладони к необъятному животу, он смотрел на меня с отчаянием.

Я испытывал к нему живейшее сочувствие, еще во время кадрили заметив на его вознесенном над толпой, бесцельно дергающемся, мокрым от пота лице выражение глубокой муки.

— Я одно скажу, Джим, — продолжал он. — Коли мне опять прыгать придется — конец! Начну пускать ветер. А раз начну, так не остановлюсь!

— От души сочувствую, Алберт. Очень неловко. Особенно, когда кругом столько дам!

Я вовсе не хотел уязвить его, но он уставился на меня в панике.

— Ах, черт! — простонал он. — А я вот-вот... Нет уж! Я домой...

Он попытался встать, но тут к его креслу подошла молоденькая жена младшего священника.

— Ай-ай-ай, мистер Бадд! — сказала она с притворной строгостью. — Нам не хватает мужчины в хороводе, а вы тут прячетесь!

Алберт вымученно улыбнулся.

— Да нет... что вы... спасибо... Я просто...

— Ну-ну-ну! Не скромничайте! Мы ведь здесь все еще только учимся! — Она ухватила его за руку, и Алберт, бросив на меня последний панический взгляд, последовал за ней в круг.

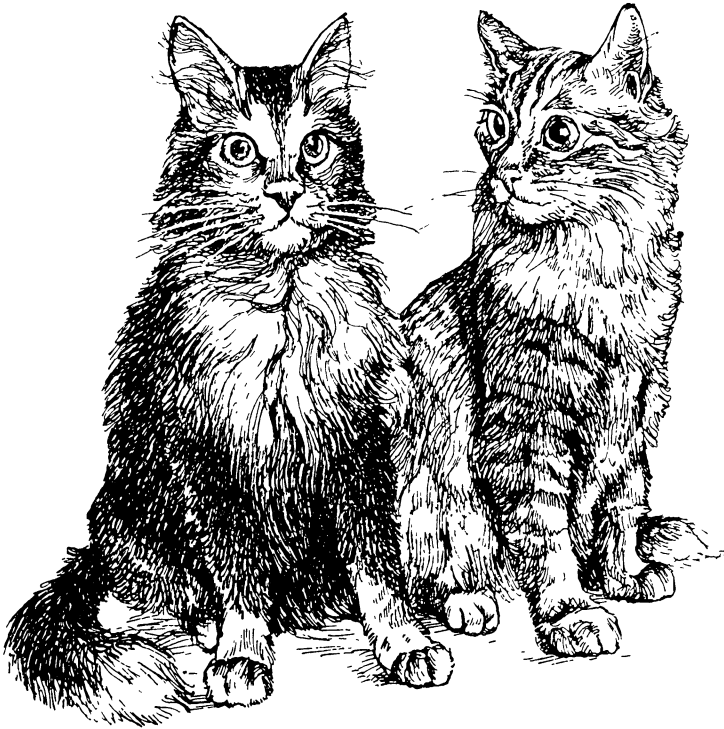
К ваяемому его ужасу, он оказался между женой священника и хорошенькой юной воспитательницей детского сада — спасения не было. Проигрыва-

тель загремел, танцоры поклонились и, взявшись за руки, понеслись сначала в одну сторону, потом в другую. В мрачном оцепенении я увидел, что Алберт остановился и повернулся к своей партнерше. Господи! Сейчас они начнут прыгать! Несколько секунд я наблюдал, как под гремящую музыку искаженное лицо приподнимается и опускается, приподнимается и опускается, а огромное брюхо дрожит, точно желе, и почувствовал, что больше не могу глядеть на эту пытку.

Отведя глаза, я пошарил взглядом по залу, ища, чем бы отвлечься, и тут меня осенило: ведь все это веселье — очередной пример того нового, что Колем принес Дарроуби. Эти люди — лишь малая часть тех, кого он коснулся своей волшебной палочкой. Я поглядел на него. Высокий, черноусый, одетый в юбочку, точно вождь горного клана, он взлетал в прыжках, шелкая пятками и оттягивая носки в самой классической манере, — великолепная фигура! А Дейдрде грациозно и умело скользила среди спотыкающихся новобранцев.

И в который раз я подумал, что Колем умеет обворожить множество людей и благодаря ему их жизнь обогащается чем-то нужным и важным. Но в то же время соприкосновение с его обаятельной личностью всегда несет легчайший привкус опасности, будь то я на спине могучей рабочей лошади, или Зигфрид, осажденный доберманами, или вот теперь злополучный Алберт, в агонии отплясывающий на середине этого зала.

— Погляди, Джим! Бродячая кошка. Я никогда ее прежде не видела. — Хелен, оторвавшись от посуды, которую мыла, указала в окно.

Наш новый дом в Ханнерли стоял на склоне, и сразу за окном тянулась опорная стенка, а за ней травянистый откос поднимался к кустам у дровяного сарая шагах в двадцати от дома. Из кустов пугливо выглядывала тощая кошечка. К ней жались два крохотных котенка.

— Ты права, — сказал я. — Бродячая киска с семейством ищет чем поживиться.

Хелен поставила на верх опорной стенки миску с мясными обрезками и молоком, а сама ушла в дом. Несколько минут кошка-мать оставалась в кустах, потом осторожно подобралась к миске, набрала в рот еды и вернулась к котяткам.

Набег этот она повторила несколько раз, но едва котятка попробовали последовать за ней, она молниеносно ударила их лапой — назад!

Мы завороженно следили, как тощая изголодавшаяся мать сначала накормила детенышей, прежде чем сама проглотила хоть кусок. Когда миска

опустела, мы тихонько открыли заднюю дверь, но, чуть только заметив нас, кошка и котята ускользнули вверх по склону.

— Откуда они взялись? — спросила Хелен.

Я пожал плечами.

— Бог знает! Тут много пустынных мест. Возможно, они прошли мили и мили. Но вообще-то кошка не похожа на бездомную. Повадки у нее настоящего дикое.

— Да, — кивнула Хелен. — У нее такой вид, словно она никогда не жила в доме, никогда не имела дела с людьми. Я слышала, что есть такие одичавшие кошки. Наверное, и подошла к дому только из-за котят.

— Согласен, — ответил я, и мы вернулись на кухню. — Ну, во всяком случае, они хотя бы наелись. Думаю, больше мы их не увидим.

Но я ошибся. Два дня спустя троица вернулась и жадно уставилась из кустов на кухонное окно. Хелен снова выставила миску, и кошка-мать снова яростно запретила своим малышам выходить из кустов, а наевшись, они снова убежали, едва мы попытались подойти. На следующее утро они появились опять, и Хелен сказала с улыбкой:

— По-моему, нас приняли в семью.

И действительно, троица обосновалась в сарае, и через один-два дня кошка-мать разрешила котяткам спускаться к миске, старательно их оберегая. Они были еще совсем маленькими — не старше полутора месяцев. Один был черно-белый, другой — пестрый. Хелен кормила их две недели, но они все так же никого к себе не подпускали. Потом как-то утром, когда я собрался ехать по вызовам, она позвала меня на кухню и указала на окно.

— Посмотри-ка!

Я посмотрел и увидел в кустах обоих котят на их обычном месте, но матери с ними не было.

— Странно! — сказал я. — Прежде она никогда их одних не оставляла.

Котятка поели, и я попытался проследить за ними, но они сразу исчезли в густой траве. Я обыскал весь луг, но не нашел ни их, ни кошки.

Ее мы больше так и не увидели. Хелен очень расстроилась.

— Ну что могло с ней случиться? — пробормотала она несколько дней спустя, когда котятка завтракала.

— Да что угодно! — ответил я. — Боюсь, смертность среди бездомных кошек очень высока. Ее могла сбить машина или приключилась еще какая-нибудь беда. Но мы этого, наверное, никогда не узнаем.

Хелен посмотрела на котят, бок о бок припавших к миске.

— А не могла она просто их бросить, как по-твоему?

— Не исключено. Она была заботливой матерью и, мне кажется, искала для них надежный приют. Она не уходила, пока не убедилась, что они сами могут о себе позаботиться, и тогда вернулась к обычному образу жизни. Она ведь по-настоящему дикая.

Ее судьба так и осталась тайной, но одно было ясно: котятка никуда уходить не собирались. И еще было ясно, что домашними они не будут никогда. Как мы ни пытались, они не позволяли дотронуться до себя, и все усилия заманить их в дом были тщетными.

Как-то утром лил дождь, и котятка, сидевшие на стенке в ожидании завтрака, совсем вымокли, а глаза у них щурились от косых струй.

— Бедняжки! — сказала Хелен, выглянув в окно. — Просто смотреть страшно. Мокрые, замерзшие. Нет, надо их забрать в дом!

— Но как? Мы же уже все перепробовали.

— Я знаю. Но надо попытаться. Может, им захочется укрыться от дождя.

Мы намяли в миску сырой рыбы — неотразимое кошачье лакомство. Я дал котяткам понюхать — они сразу вострепнулись, — а потом поставил миску за порогом внутри двери и ушел на кухню. Однако они все так же сидели на стенке под ливнем, не спускали глаз с рыбы и не желали войти в дверь. Явно для них это было нечто немыслимое.

— Ну ладно, ваша взяла! — буркнул я и поставил миску на стенку, где она тут же была атакована.

Я смотрел на котят, чувствуя себя бессильным. Вдруг из-за угла дома вышел Херберт Платт, местный мусорщик. Котята тут же улепетнули, а Херберт засмеялся.

— Так вы их привечаете! Корм что надо.

— Да, но они даже за ним в дом не идут.

— Ага! — Он снова засмеялся. — И не пойдут. Я их семейку много лет знаю. Всех ихних предков. Мамашу видел, когда та сюда только пришла. Прежде-то она жила за холмом на земле старой миссис Кейли. И ее мать тоже помню — она на ферме Билли Тейта крутилась. Я их семейку не один десяток лет знаю.

— Неужели?

— Право слово. И ни разу не видал, чтоб хоть одна в дом вошла. Дикие они. Как есть дикие.

— Спасибо, Херберт. Теперь понятно.

Он улыбнулся и ухватил мусорный бак.

— Ну я поехал. Пусть себе доедают рыбку.

— Вот так, Хелен, — сказал я. — Все ясно. В доме они жить никогда не будут, но зато устроить их поудобнее можно.

Сооружение, которое мы называли дровяным сараем и где я настелил для них соломы, на самом деле представляло собой крышу, подпираемую тремя стенами из досок, далеко отстоящих друг от друга. Четвертая стена отсутствовала вовсе. Там всегда гулял ветер, отлично подсушивая дрова, но не способствуя уюту. Не жилище, а одни сквозняки.

Я поднялся по склону и приколотил к доскам лист фанеры, затем соорудил вокруг соломенного ложа заслоны из поленьев и выпрямился, слегка отдуваясь.

— Ну вот, — сказал я. — Теперь у них есть удобное гнездышко.

Хелен согласно кивнула и тут же внесла улучшение. К фанере приставила открытый ящик с подушками внутри.

— Это лучше соломы. В ящике будет тепло и уютно.

Я потер руки.

— Отлично. Теперь в ненастье можно не волноваться из-за них. То-то они обрадуются!

С этого момента котятка подвергли сарай полному бойкоту. Они все еще ежедневно приходили подзакусить, но мы ни разу не видели, чтобы они хотя бы подошли к своему недавнему обиталищу.

— Просто им непривычно, — предположила Хелен.

— Х-м-м... — Я снова взглянул на ящик с подушками в центре дровяного загона. — Либо это, либо им он не нравится.

Мы выждали несколько дней, печально гадая, где теперь спят котятка, а затем сдались. Я поднялся в сарай и разобрал поленья. И сейчас же туда заглянули котятка. Они потолкались возле ящика, обнюхали его и ушли.

— Боюсь, твой ящик их тоже не прельщает, — проворчал я, стоя рядом с Хелен у нашего наблюдательного поста.

Хелен страдальчески сморщилась.

— Глупенькие! Он же для них идеален.

Но через два дня, в течение которых сарай пустовал, я увидел, что она грустно спускается по склону с подушками под мышкой и пустым ящиком в руке.

Не прошло и нескольких часов, как котятка явились в сарай и на этот раз, видимо, нашли в нем все по своему вкусу. Фанера их не смутила, и они счастливо свернулись на соломе. Наша попытка создать кошачий гранд-отель потерпела полную неудачу.

Только тут я сообразил, что они опасаются замкнутых уголков, откуда нет пути для отступления. Лежа на соломенной подстилке, они видели вокруг все и при малейшем намеке на опасность могли ускользнуть через любую щель между досками.

— Ладно, ребятки, — сказал я, — как вам угодно. Но я намерен узнать о вас побольше.

Хелен вынесла корм, а я выждал, пока все их внимание не сосредоточилось на миске, подкрался и накрыл обоих рыболовным сачком. После некоторой борьбы удалось установить их пол — пестренький оказался кошкой, а черно-белый — котом.

— Чудесно! — сказала Хелен. — Я буду называть их Олли и Жулька.

— Но почему Олли?

— Право, не знаю. Просто он вылитый Олли, и мне нравится это имя.

— Ах так! Ну а Жулька?

— Сокращение от Рыжульки.

— Но она же не рыжая, а пестрая!

— Но ведь с рыжиной.

Я оставил эту тему.

Котятка быстро росли, и мой ветеринарный склад ума вскоре понудил меня принять твердое решение: обоих необходимо стерилизовать. И вот тут-то я впервые столкнулся с проблемой, которая еще много лет продолжала доставлять мне множество хлопот. Как оказать ветеринарную помощь животным, до которых даже дотронуться не удастся?

В первый раз, когда они были полувзрослыми, особых сложностей не возникло. Снова я подкрался с сачком, пока они ели, и кое-как водворил в кошачью клетку, откуда они глядели на меня глазами, полными ужаса и, как мне почудилось, горького упрека.

В операционной, когда мы с Зигфридом вынимали их по очереди из клетки, чтобы сделать инъекцию снотворного внутривенно, меня поразило, что справиться с ними оказалось относительно легко, хотя они впервые очутились в тесном замкнутом пространстве и были охвачены паническим ужасом, еще усугубившимся из-за бесцеремонных прикосновений человеческих рук. Многие наши пациенты, принадлежащие к кошачьему племени, бешено защи-

щались, пока их не удавалось усыпить, а таким оружием, как когти и зубы, кошки наносят нешуточные раны. Однако Олли и Жулька, хотя и отчаянно вырывались, даже не пробовали кусаться и не выпускали когтей.

— Эти малыши напуганы до смерти, — заметил Зигфрид, — но ведут себя очень кротко. Интересно, все дикие кошки такие?

Оперируя, я испытывал странное чувство, глядя на спящую парочку. Это же мои кошки, а я лишь в первый раз могу их трогать сколько душе угодно, рассмотреть повнимательнее, оценить красоту их меха и окраса.

Когда они очнулись, я отвез их домой и выпустил из клетки. Они стремглав бросились в свой сарай. Как обычно бывает после таких легких операций, они сразу же почувствовали себя нормально, однако обо мне явно сохранили самые неприятные воспоминания. Когда Хелен кормила их, они подходили к ней совсем близко, но, заметив меня, сразу пускались наутек. Все мои попытки изловить Жульку, чтобы снять крохотный шов, оказались бесплодными. Шов так и остался при ней, а я понял, что за Хэрриотом прочно утвердилось амплуа злодея, который, только зазеваясь, сразу сграбастает и запихнет в проволочную клетку.

Вскоре стало ясно, что и дальше так будет. Шли месяцы, Хелен пичкала их всякими деликатесами, так что они превратились в роскошных пушистых кошек и, когда она выходила из задней двери, выгибая спины шествовали ей навстречу по верху стенки. Но стоило мне высунуть из этой двери хоть кончик носа, как они мгновенно исчезали. Я был пугалом, что меня огорчало, так как я вообще люблю кошек, а к этим привязался по-настоящему. Наконец настал день, когда Хелен было разрешено легонько их гладить, пока они питались, и мне стало совсем обидно.

Обычно они спали в дровяном сарае, но время от времени отправлялись куда-то на несколько суток, предоставляя нам гадать, то ли они нас вовсе бросили, то ли приключилась какая-то беда. Когда они возвращались, Хелен кричала радостно:

— Они вернулись, Джим! Вернулись!

Олли и Жулька прочно вошли в нашу жизнь.

Лето сменилось осенью, а когда настала суровая йоркширская зима, мы только поражались их закаленности. Нам было стыдно смотреть из теплой кухни, как они в мороз посиживают на снегу, но самая лютая стужа не могла загнать кошек в дом. Тепло и уют их не манили.

В ясную погоду мы получали массу удовольствия, просто наблюдая за ними. Внутренность сарая была хорошо видна из кухни, и возможность следить за их веселыми играми доставляла нам немало радости. Они были такими неразлучными друзьями! Часами вылизывали шерсть друг другу или затевали шутовскую возню. А по ночам мы различали два пушистых клубка, свернувшихся рядом на соломе.

Потом настало время, когда мы решили, что всему пришел конец. Кошки по обыкновению куда-то исчезли; дни шли за днями, а они все не возвращались, и наша тревога росла. Каждое утро Хелен начинала с того, что звала их: «Олли! Жулька!». Прежде они немедленно прибегали на ее голос, но теперь верх стенки оставался пустым. Миновала неделя, вторая, и мы почти потеряли надежду.

Свой свободный день мы, как всегда, провели в Бротоне, но не успели вернуться, как Хелен бросилась к кухонному окну. Кошки знали наше расписание и в такие вечера всегда ждали ее, но на этот раз они не сидели на стенке и не прибежали из сарая.

— Джим, они навсегда ушли, как ты думаешь? — спросила Хелен.

Я пожал плечами.

— Вроде бы. Помнишь, старик Херберт говорил, что все их предки бродяжничали. Возможно, они по натуре кочевники и отправились на поиски новых мест.

— Мне не верится, — грустно сказала Хелен. — По-моему, им тут жилось очень хорошо. Только бы с ними ничего плохого не случилось!

Она принялась печально разбирать свои покупки и весь вечер почти не разговаривала. Я пытался подбодрить ее, но тщетно, тем более что и сам загрустил.

Как ни странно, на следующее же утро я услышал обычный возглас Хелен, но на этот раз радости в нем не прозвучало.

Она вбежала в гостиную.

— Они вернулись, Джим, — произнесла она прерывисто, — но, по-моему, они умирают!

— Что? О чем ты говоришь?

Я кинулся в кухню следом за ней и посмотрел в окно. Кошки сидели на стенке в нескольких шагах от него. Из их почти слипшихся глаз текла мутная жижица, как и из ноздрей, а изо рта капала слюна. Они кашляли и чихали, содрогаясь всем телом.

В этих тощих костлявых существах невозможно было узнать наших вальяжных любимцев, а вдобавок пронизывающий восточный ветер теребил их шерсть, мешал хоть чуть-чуть приоткрыть глаза и делал их положение еще более жалким.

Хелен распахнула заднюю дверь.

— Олли, Жулька, — позвала она ласково, — что с вами случилось?

И тут произошло невероятное. При звуке ее голоса кошки неуклюже прыгнули со стенки и без колебаний вошли в дверь. Впервые они переступили наш порог.

— Ты только посмотри! — вскрикнула Хелен. — Даже не верится. Знаешь, они действительно очень больны. Но чем, Джим? Они отравились?

— Нет. — Я отрицательно покачал головой. — Кошачий грипп.

— Ты так сразу определил?

— Ну да. Классическая картина.

— И они умрут?

Я потер подбородок.

— Не думаю. — Хотелось успокоить ее, но меня грызло сомнение. Вирусный рино-трахеит у кошек к летальному исходу приводит не очень часто, но тяжелые случаи могут завершиться гибелью животного, а этот случай, вне всяких сомнений, был очень тяжелым. — Как бы то ни было, Хелен, закрой дверь, и поглядим, позволят ли они мне произвести осмотр.

Но заметив, что дверь закрывается, Олли с Жулькой стремглав выскочили наружу.

— Открой ее! — воскликнул я, и после некоторого колебания кошки вернулись в кухню.

Я уставился на них в изумлении.

— Только подумать! Они пришли не для того, чтобы укрыться от непогоды, а чтобы получить помощь!

Именно так. Они сидели бок о бок и ждали, чтобы мы им помогли.

— Вопрос в том, — сказал я, — подпустят ли они к себе своего заклятого врага? Лучше оставить дверь открытой, чтобы они не почувствовали, что им что-то угрожает.

Медленно и осторожно я приблизился к ним почти вплотную, но они не шелохнулись. Словно во сне, я взял и осмотрел одно обмякшее покорное существо, потом другое.

Хелен нежно их гладила, пока я бегал к машине за нужными лекарствами. Я измерил им температуру, у обоих она была 40 градусов, то есть вполне типичной. Затем я сделал инъекцию окситетрациклина — антибиотика, который всегда применял при вторичной бактериальной инфекции, следующей за первоначальной — вирусной. Еще я сделал инъекцию витаминов, очистил глаза от гноя, а ноздри — от слизи ватными тампончиками и обработал их мазью с антибиотиком. И все это время поражался тому, что беспрепятственно подвергаю всем этим манипуляциям покорные создания, которых прежде коснуться не мог, если не считать той операции, проведенной под анестезией.

Закончив, я решил, что их никак нельзя выставлять наружу под этот свирепый ветер. И, взяв на руки, сунул себе под мышки.

— Хелен, — сказал я, — попробуем еще раз. Закрой дверь, но поосторожнее.

Она взялась за ручку и очень медленно начала закрывать дверь, но тут же обе кошки рванулись, как две развернувшиеся пружины, оттолкнулись от меня и вылетели наружу. Мы беспомощно смотрели вслед.

— Поразительно! — пробормотал я. — Совсем больны и все-таки не терпят замкнутого пространства.

— Но как они выдержат там? — Хелен чуть не плакала. — Им же необходимо тепло. Они хотя бы останутся здесь? Или снова уйдут?

— Не знаю. — Я посмотрел в пустой сад. — Но нам следует понять, что они находятся в привычных условиях и закалены. Думаю, они не уйдут.

Я оказался прав. Утром они опять сидели под окном, зажмурив глаза от ветра, а мордочки — все в потеках слизи и гноя.

Снова Хелен отворила дверь, и снова они спокойно вошли и без сопротивления терпели, пока я делал им инъекции, прочищал глаза и ноздри, проверял, нет ли язв в ротовой полости, и обращался с ними, как с потомственными домашними кошками.

Так повторялось всю неделю. Из глаз и ноздрей у них текло даже сильнее, мучительный кашель словно не ослабевал, и я уже почти утратил надежду, как вдруг они начали понемножку есть и — ободряющий признак! — уже не так охотно входили в дом.

А когда все-таки входили, то опасливо напрягались, едва я брал их в руки, и под конец вообще перестали подпускать меня. До выздоровления было еще далеко, так что пришлось подмешивать им в корм окситетрациклиновые растворимые порошки.

Погода стала даже еще хуже, ветер нес мелкие колючие снежинки, и все-таки настал день, когда они не пожелали войти в дом, и мы смотрели в окно,

как они едят, — во всяком случае, я знал, что с каждым глотком они получают целительную дозу антибиотика.

Продолжая это дистанционное лечение, я со своего наблюдательного поста с удовлетворением замечал, что кашляют они все реже, из глаз и ноздрей течет все меньше и выглядят они уже не такими тощими.

Мартовское утро выдалось солнечным и бодрящим. Я следил, как Хелен вышла с миской и поставила ее на стенку. Олли с Жулькой — шерсть глянцевитая, точно у тюленей, мордочки сухие, глаза ясные, — грациозно изгибаясь и мурлыча, будто подвесные лодочные моторы, направились к ней, но на корм не набросились: было видно, что они просто рады ей.

Они прогуливались перед ней, а она легонько поглаживала их по голове и спине, как им нравилось — нежные прикосновения, пока они движутся.

Я почувствовал непреодолимое желание принять участие в этом и вышел за дверь.

— Жулька, — сказал я, — иди-ка сюда, Жулька.

Кошечка замерла на месте, посмотрела на меня с почтительного расстояния — не враждебно, но со всей былой опаской — и, чуть только я шагнул к ней, ускользнула в сторону.

— Ладно! — вздохнул я. — Думается, и с тобой, Олли, ничего не выйдет.

Черно-белый кот попятился, едва я протянул руку, и посмотрел без всякого выражения. Но, по-моему, он со мной согласился.

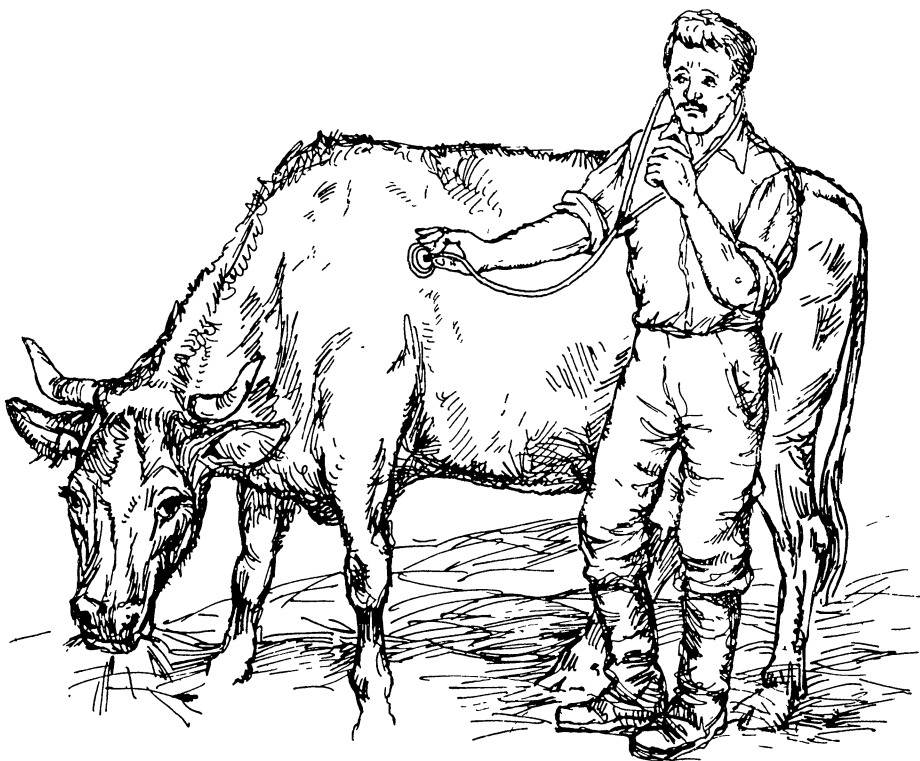
— Э-эй! — обиженно буркнул я. — Вы что — забыли меня?

Однако по их виду было ясно, что помнят они меня отлично — но не так, как хотелось бы. Меня обожгло разочарование. Все осталось прежнему!

Хелен засмеялась.

— Странная они парочка! Но выглядят чудесно, правда? Просто пышут здоровьем, словно и не болели никогда. Нет, что ни говори, а это показывает, как целебен свежий воздух.

— Еще бы! — согласился я с кривой улыбкой. — Особенно, если под рукой есть личный ветеринар.

— Отправляйтесь-ка домой спать, Джеймс! — распорядился Зигфрид в самой властной своей манере, выставив подбородок и вытянув руку с перстом, указующим на дверь.

— Да нет же, я прекрасно себя чувствую. Честное слово.

— Только вид у вас не слишком прекрасный, черт побери! Вы уже совсем готовы для Мэллока, если хотите знать мое мнение. Вам нельзя было выходить из дома.

Упоминание про местного живодера было, пожалуй, к месту. Я приплелся в приемную на следующий день после того, как мой бруцеллез опять дал о себе знать. Я надеялся, что станет легче, если я немножко поработаю и разомнусь, но понимал, что от жалкого трясущегося субъекта, которого я увидел в зеркале, особого толку ждать нельзя.

Я засунул руки в карманы и попытался совладать с ознобом.

— Зигфрид, эти мои приступы проходят быстро, температура у меня нормальная, а валяться в постели мне противно. Право же, я способен работать, я совсем здоров.

— Джеймс, возможно, вы будете здоровы завтра, но если вы отправитесь на фермы и вздумаете раздеваться там на таком холодище, то отдадите душу Богу, того и гляди. Я опаздываю, и времени на дискуссии у меня нет, но я за-пре-щаю вам работать. Вы поняли? Но вот что: если вас не тянет домой, поезжайте с Колемом. Но просто сидите с ним в машине и ни к чему не прикасайтесь! — Он схватил чемоданчик и умчался.

Мне его идея понравилась. Во всяком случае, лучше, чем лежать в постели, слушать домашние звуки, доносящиеся сквозь притворенную дверь, и тоскливо ощущать, что все в мире заняты делом, кроме тебя. Это мне всегда претило.

Я обернулся к нашему помощнику.

— Вы согласны, Колем?

— Естественно, Джим. В компании всегда веселее.

Ну компанией я оказался не слишком веселой, так как сидел и молчал, глядя на проносящиеся мимо каменные стенки и заснеженные склоны. Когда мы подъехали к воротам первой фермы, выяснилось, что дорога туда занесена.

— Придется пройти пешком через пару лугов, Джим, — осторожно сказал Колем. — Может быть, вам лучше подождать в машине?

— Нет, я пойду с вами.

Я с трудом выбрался наружу, и мы зашагали по нетронутой снежной белизне.

Но даже такая короткая прогулка позволила Колему сесть на своего конька.

— Джим, вон след лисицы. Видите отпечатки ее лап и борозду, оставленную хвостом? А вон те вороночки означают, что там прячутся мыши. От тепла их тела снег подтаивает и оседает.

Определил он, и какие птицы опускались на снег. Для меня это были просто вмятины, но для него — страницы увлекательной книги.

Фермер Эдгар Стотт ждал нас во дворе. Колем еще не бывал у него, и я их познакомил.

— Я сегодня немножко не в форме, так что вашей коровой займется мистер Бьюканан.

Среди соседей мистер Стотт слыл умником. Нет, они вовсе не отдавали дань его умственному превосходству, а просто считали настырным всезнайкой. Он же мнил себя выдающимся интеллектуальным светочем и не снискал особой популярности привычкой осаживать всех и каждого.

Он был внушительного сложения, и блестящие глазки на мясистом лице злокозненно уставились на Колема.

— А, так нынче поработает запасной. Ветеринар с барсуком! Как же, как же, слышаны о вас. Вот и посмотрим, много ли вы знаете.

В коровнике я опустился на тючок соломы, наслаждаясь сладким коровьим теплом. Мистер Стотт повел Колема по проходу и кивнул на светло-шоколадную обитательницу стойла.

— Вот она. Что скажете?

Колем почесал основание ее хвоста и посмотрел на косматый бок.

— Так что с ней такое, мистер Стотт?

— Ветеринар-то вы. Так вы и объясните мне, что с ней такое.

Мой молодой коллега вежливо улыбнулся сверхбородатой шутке.

— Скажем по-другому: каковы ее симптомы? Плохо ест?

— Ага.

— Вообще ничего в рот не берет?

— Берет понемножку.

— Отелилась она давно?

— С месяц будет.

Кодем измерил температуру. Прослушал желудок и легкие. Повернул к себе ее морду и понюхал дыхание. Сдоил на ладонь каплю молока и тоже понюхал. Он явно растерялся. На его вопросы фермер отвечал бурчанием, и несколько раз, когда Кодем пятился и с недоумением оглядывал корову, губы мистера Стотта презрительно кривились.

— Пожалуйста, ведро горячей воды, мыло и полотенце, — попросил мой коллега. Он снял рубашку и ввел руку сначала во влагалище, а затем в прямую кишку почти по плечо, ощупывая, как я знал, внутренние органы. Потом повернулся к фермеру, который, небрежно сунув руки в карманы, наблюдал за ним с сардонической усмешкой.

— Знаете, очень странно. Все как будто в абсолютной норме. Может быть, вы забыли о чем-то упомянуть, мистер Стотт?

Фермер сгорбил могучие плечи и засмеялся.

— Верно. Я забыл вам сказать, что она здоровехонька.

— А?

— Что слышали. Она поздоровее нас с вами будет. Я просто хотел посмотреть, как вы в своем деле разбираетесь. — Тут он шлепнул себя по колену и зычно захохотал.

Кодем, голый по пояс, с рукой, до плеча вымазанной экскрементами, отвел ему непроницаемым взглядом, и фермер хлопнул его по спине.

— Вот теперь я вижу, вы на шутку не обижаетесь, молодой человек, ха-ха-ха! Лучше нет, чем посмеяться от души. Хо-хо-хо!

Несколько долгих секунд Кодем все так же сосредоточенно смотрел на него, потом его губы медленно раздвинулись в улыбке, а пока он намыливал руку, полоскал ее в ведре и натягивал рубашку, у него вырвался негромкий смех. Наконец он откинул голову и разразился хохотом.

— Да, вы правы, мистер Стотт! Ха-ха-ха! Лучше нет, чем посмеяться от души. Ах, как вы правы! — Фермер повел его к другому стойлу.

— Вызвал я вас вот к ней.

Как и следовало ожидать, мистер Стотт уже поставил диагноз. Он ведь знал все.

— У нее медленная лихорадка, только и делов.

Медленной лихорадкой фермеры называли ацетонемию, вызываемую нарушением обмена веществ и легко вылечиваемую.

— Запах от нее идет такой сладковатый, и в весе теряет.

— Да, мистер Стотт, похоже на то. Но я ее все-таки осмотрую. — Все еще посмеиваясь, Кодем выдоил несколько струек из вымени, понюхал дыхание, измерил температуру, все время бормоча: «Как смешно! Какая отличная шутка!». Затем принялся весело насвистывать, но, когда прижал стетоскоп к желудку, свист затих и оборвался. Он напряженно слушал, все больше хмурясь. Обошел корову, прослушал правый бок, затем вернулся к левому. Но вот он выпрямился.

— Будьте добры, принесите мне из дома столовую ложку.

Усмешка сползла с лица фермера.

— Ложку? А для чего? Не так что-нибудь?

— Возможно, пустяки. Я не хочу зря вас волновать. Пожалуйста, принесите мне ложку.

Когда фермер вернулся, Колем принялся снова выслушивать левый бок коровы, только теперь он постукивал ложкой по нижним ребрам.

— О Господи! Вот оно! — вскрикнул он вдруг.

— Какое еще оно? — охнул фермер. — О чем это вы?

— Звон.

— Звон?

— Да, мистер Стотт, звенящий звук, характерный при смещении абомасума.

— Смещение... чего-чего?

— Это такое состояние, когда сычуг, четвертый отдел желудка, иначе абомасум, перемещается с правого бока на левый. Очень сожалею, но это чрезвычайно опасное заболевание.

— Ну а сладкий-то запах как же?

— Ах да! При смещении ощущается тот же запах, что и при ацетонемии. Что затрудняет диагноз.

— А дальше-то что?

Колем вздохнул.

— Ей предстоит тяжелая операция, требующая двух ветеринаров. Один взрезает правый бок, другой — левый. Боюсь, работа большая.

— И в большие деньги обойдется, а?

— Боюсь, что да.

Фермер сдернул кепку и запустил пятерню в волосы. Потом обернулся и рухнул на тюк соломы рядом со мной.

— Это все так и есть? Ну, звон и прочее?

— Мне очень жаль, мистер Стотт, но да. Звенящий звук — классический симптом. Последнее время такие случаи встречаются часто.

— Черт дерит! — Он опять обратился к Колему. — Но операция-то ее на ноги поставит?

— Не гарантировано. — Молодой человек пожал плечами. — Крайне сожалею. Но большинство выкарабкиваются.

— Большинство... А без операции?

— Будет хиреть, пока не сдохнет. Вы же видите, она уже худеет. Нет, мне, правда, очень жаль.

Фермер, онемев, смотрел на Колема с открытым ртом.

— Я вас понимаю, мистер Стотт, — сказал мой коллега. — Фермеры обычно предпочитают обходиться без больших операций. Хлопотное, кровавое дело. Но, если хотите, ее можно отправить на бойню.

— Отправить ее... Да это же корова, каких мало!

— Ну хорошо. Приступим к делу. Мистер Хэрриот болен и не может... Но я позвоню мистеру Фарнону, и он привезет все необходимое.

Фермер в полном расстройстве чувств вновь плюхнулся на соломенный тюк. Голова его поникла, он тупо уставился в пол. И тут Колем ухмыльнулся до ушей.

— Все в порядке, мистер Стотт. Я просто пошутил.

— Что? — Фермер поднял на него ничего не понимающие глаза.

— Я только шутил. Так, для смеха. Ха-ха-ха. А у нее просто ацетонемия. Сейчас принесу из машины стероидный препарат. Пара инъекций, и полный порядок. — Мистер Стотт медленно поднялся с тючка, и Колем погрозил ему пальцем. — Я же знаю, вы любите шутки. Ха-ха-ха-ха! Вы верно говорите: лучше нет, чем посмеяться от души.

Как поклонника кошек меня больно уязвляло, что собственные кошки шарахаются от одного моего вида. Жюлька и Олли были теперь членами нашей семьи. Мы их преданно любили, и, когда уезжали на день, Хелен, едва вернувшись, бежала к задней двери, чтобы покормить их. Они прекрасно это знали и либо уже сидели на стенке, либо сразу являлись на ее зов из дровяного сарая, где прочно обосновались.

Вот и на этот раз, когда мы приехали из Бротона и Хелен вынесла миски с кормом и молоком, они встретили ее на стенке.

— Олли, Жюлька, — приговаривала она, поглаживая пушистые спины. Давно прошли те дни, когда они не позволяли дотронуться до себя. Теперь они радостно терлись о ее ладонь, выгибали спины и мурлыкали, а когда принимались за еду, она продолжала их ласкать. В сущности это были очень кроткие создания, и их дикость выражалась только в пугливости, а Хелен они больше не боялись. Мои дети и кое-кто в деревне тоже сумели завоевать их доверие, и они позволяли погладить себя. Но Хэрриоту — ни за что!

Вот как теперь, когда я тихонько вышел следом за Хелен и направился

к стенке, они тут же отпрянули от мисок и отступили на безопасное расстояние, все еще выгибая спины, но недостижимые. На меня они вроде бы смотрели вполне мирно, но стоило шевельнуть рукой, как они снова попятнулись.

— Ты только посмотри! Эти дурашки не желают иметь со мной ничего общего! — сказал я.

Было тем более обидно, что все годы ветеринарной практики кошки меня всегда особенно интересовали и, казалось, чувствовали это, а потому моя задача упрощалась. Я считал, что мне легче справляться с ними, чем большинству людей, оттого, что они мне нравятся и откликаются на мою симпатию. Я немножко гордился своим умением находить к ним подход и не сомневался, что между мной и всем кошачьим племенем существует особое взаимопонимание, что все они платят мне такой же симпатией. Короче говоря, я, если быть откровенным, воображал себя эдаким кошачьим фаворитом. А эти двое меня чурались — по иронии судьбы именно те, к кому я особенно привязался.

Довольно-таки бессердечно с их стороны, думал я, раз они лечились у меня и, возможно, обязаны мне жизнью. Как-никак кошачий грипп — штука опасная. Наверное, позабыли. А если и помнят, то не считают, что это дает мне право прикоснуться к ним хоть пальцем. Нет, конечно, в первую очередь они помнят, как я накрыл их сачком и засунул в клетку перед операцией. У меня возникло ощущение, что, глядя на меня, они видят именно сачок и клетку.

Оставалось лишь надеяться, что время все загладит, но, как выяснилось, судьба продолжала подстраивать каверзы. Ну, например, шерсть Олли. В отличие от сестры шерсть у него была очень длинной и постоянно спутывалась, образуя колтуны. Будь он нормальным домашним котом, я бы регулярно его расчесывал, но при таком отношении ко мне об этом и речи быть не могло. Года через два Хелен однажды позвала меня на кухню.

— Ты только взгляни на него! — воскликнула она. — Смотреть жутко.

Я осторожно подошел к окну. Да, Олли, бесспорно, выглядел весьма не элегантно — взлохмаченный, весь в колтунах, он являл разительный и жалкий контраст со своей гладенькой красивой сестрицей.

— Знаю, знаю, но что я могу поделать? — Я уже хотел отвернуться от окна и вдруг застыл на месте. — У него на шее болтаются просто чудовишные комки шерсти. Возьми-ка ножницы. Чик-чик, и все в порядке.

Хелен страдальчески вздохнула.

— Но ведь мы это уже пробовали! Я же не ветеринар, да и он мне этого не позволит. Гладить — пожалуйста, а тут вдруг ножницы!

— Знаю, и все-таки попытайся. Это же сущий пустяк. — Я вложил ей в руку кривые ножницы и принялся давать инструкции из окна. — Сначала заведи пальцы за самый большой колтун. Вот так, отлично! А теперь раскрой ножницы и...

Но едва сверкнула сталь, как Олли умчался вверх по склону. Хелен в отчаянии обернулась ко мне.

— Безнадежно, Джим! Он даже один колтун выстричь не дает, а их десятки!

Я посмотрел на всклокоченного беглеца, отделенного от нас недостижимым расстоянием, и сказал:

— Да, ты права. Надо придумать что-нибудь еще.

Но все другое требовало усыпить Олли, чтобы я мог поработать над

ним, и, естественно, на ум пришли мои верные капсулы нембутала. Они выручали меня в неисчислимых случаях, когда к пациенту по той или иной причине нельзя было приблизиться, но при иных обстоятельствах. Те мои пациенты находились в четырех стенах за закрытой дверью, а Олли, перед тем как зайти, мог забрести куда угодно. Что, если к нему тогда подберется лисица или другой хищник? Нет, он должен все время находиться под наблюдением. Однако надо было на что-то решиться, и я расправил плечи.

— Займусь им в воскресенье, — объявил я Хелен. — День обычно спокойный, а на случай чего-нибудь непредвиденного попрошу, чтобы меня подменил Зигфрид.

В воскресенье Хелен поставила на стенке две миски с рыбным фаршем. Одна была обильно сдобрена содержимым нембуталовой капсулы. Я скорчился над подоконником и, затаив дыхание, следил, как Хелен подтолкнула Олли к нужной миске, а он вдруг начал подозрительно обнюхивать фарш. Впрочем, голод взял верх над опаской, и вскоре он уже вылизывал пустую миску с очень довольным видом.

Теперь начиналось самое сложное. Если он отправится бродить по лугам, как бывало часто, надо будет следовать за ним по пятам. Когда он неторопливо поднялся к сараю, я, крадучись, вышел из дому, но, к моему великому облегчению, он расположился в своем личном углублении среди соломы и начал умываться.

Притаившись за кустами, я с радостью заметил, что с мордочкой у него никак не задается: оближет заднюю лапу, потянется к щеке и перекувыркивается.

Я про себя хихикнул. Чудесно! Еще две-три минуты — и он готов!

Так оно и вышло. Олли как будто надоело валиться через голову, и он решил, что не худо бы вздремнуть. Пьяно посмотрел вокруг и свернулся на соломе.

Немного выждав, я подобрался к сараю с бесшумностью индейского воина на тропе войны. Олли вырубился не до конца: дать полную дозу снотворного я все же не рискнул — а вдруг бы он успел от меня улизнуть? Однако он был достаточно обездвижен, и я мог делать с ним, что хотел.

Когда я опустился на колени и принялся орудовать ножницами, кот открыл глаза и начал слабо вырываться. Но у него ничего не вышло, и я продолжил свои парикмахерские подвиги. Стрижка получалась не очень фасонной, так как он все время чуть-чуть изворачивался, но я состриг все безобразные колтуны, которые зацеплялись за ветки, вероятно причиняя ему сильную боль. И вскоре у меня под рукой уже выросла порядочная горка черной шерсти.

Я заметил, что Олли не только дергается, но и следит за мной. Даже в сонной одуре он меня узнал, и его взгляд сказал все: «Опять ты! Я мог бы и догадаться!».

Закончив, я положил его в кошачью клетку, а клетку поставил на солому.

— Ты уж извини, старина, — сказал я, — но пока ты окончательно не очнулся, выпускать тебя на свободу никак нельзя.

Олли посмотрел на меня сонно, но выразительно: «Еще раз засадил меня сюда? Другого от тебя и не жди!».

Часам к пяти снотворное перестало действовать, и я освободил Олли. Без колтунов он выглядел много лучше, но это оставило его равнодушным.

Когда я открыл клетку, он бросил на меня полный отвращения взгляд и молнией скрылся в траве.

Хелен пришла в восторг от моей работы. На следующее утро она не спускала глаз с кошек и восклицала:

— Каким красавчиком он стал, правда? Я так рада, что ты сумел его подстричь! Меня это очень мучило. И он, конечно, чувствует себя гораздо лучше!

Я не без самодовольства разглядывал Олли через окно. Вчерашнее лохматое пугало действительно неузнаваемо преобразилось, и, бесспорно, я заметно облегчил ему жизнь, избавив от больших неудобств. Однако мыльный пузырь восхищения собой разлетелся едкими брызгами, едва я высунул голову из задней двери. Олли только что с аппетитом приступил к завтраку, но при виде меня унесся прочь даже стремительнее, чем когда-либо прежде, и скрылся вдали. Я грустно поплелся назад на кухню. Во мнении Олли я упал еще ниже, если это было возможно. Печально я налил себе чаю. Жизнь полна разочарований!

Песик смотрел прямо перед собой в полной неподвижности, словно приклеенный к столу. Он дрожал и, видимо, опасался пошевелить хотя бы головой, а в глазах у него застыл ужас.

В первый раз я увидел его несколько месяцев назад, когда Молли Миникан, моя соседка в Ханнерли, вернулась с ним из собачьего приюта сестры Розы, и веселая дружелюбность этой мохнатой дворняжки совершенно меня покорила. И вот теперь — такое!

— Когда у Робби это началось, Молли? — спросил я.

Старушка протянула руку к песику и тут же ее отдернула.

— С утра это с ним сделалось. А вечером прыгал, что твой мячик. — Она посмотрела на меня с тревогой. — Так и кажется, он боится, что до него дотронутся.

— Так оно и есть, — ответил я. — Он весь словно окостенел. Похоже на острый приступ ревматизма. Он не взвизгивал от боли?

Старушка покачала головой.

— Ни разу.

— Странно! — Я провел ладонью по напряженным мышцам и легонько нажал на шею. — Будь это ревматизм, он бы как-нибудь показал, что ему больно. Посмотрим, что покажет термометр.

У меня возникло ощущение, что я измеряю температуру чучелу, но, взглянув на термометр, я даже присвистнул: 40,5 градуса.

— Ну, про ревматизм можно забыть, — сказал я. — В подобных случаях температура почти не повышается.

Я осмотрел песика со всем тщанием — пальпировал брюшную полость, прослушал сердце и легкие. Сердце билось учащенно — но причиной почти несомненно был страх. Практически никаких отклонений от нормы мне обнаружить не удалось.

— Наверное, подхватил какую-нибудь инфекцию, Молли, — сказал я, — а такая высокая температура указывает на поражение почек. Но, слава Богу, у нас теперь есть антибиотики. Они в таких случаях незаменимы.

Делая Робби инъекцию, я далеко не в первый раз подумал, что высокая температура по-своему стала ободряющим признаком. Показание для применения наших новых медикаментов. Непонятное заболевание при нормальной температуре вызывало у меня ощущение беспомощности, но в эту минуту я чувствовал себя уверенно, хотя и не знал, насколько точен мой диагноз.

— Вот таблетки. Одну дайте ему днем, вторую — перед сном, а третью — прямо с утра. Я загляну завтра пораньше.

Ну конечно же, антибиотик снимет температуру, и через сутки Робби будет много лучше!

Молли как будто разделяла мое убеждение.

— Мы его скоро вылечим! — Она наклонила к песику седую голову и улыбнулась:

— Дурачок! Так нас напугал.

Семидесятилетняя старая дева, она всегда казалась мне истинным воплощением йоркширской женщины: умелая, спокойная, с большим запасом тихого юмора. Познакомился я с ней, когда ее предыдущая собака попала под трактор. Я прибежал, когда собака уже умирала. Для одинокой старушки потеря единственного друга не могла не быть тяжким ударом, но Молли не плакала и только поглаживала остывающее тельце, сурово хмурясь. Она была сильной натурой.

По моему совету она поехала в приют сестры Розы и вернулась оттуда с Робби.

Я снял песика со стола и поставил в корзинку, но он даже не попытался лечь, а стоял все так же неподвижно. На меня вновь нахлынуло недоумение.

Я отошел к раковине в углу, наклонился вымыть руки и увидел за крохотным оконцем сад и кролика, который нежился на солнце под корявой яблоней. Различив за стеклом мою физиономию, кролик вспрыгнул и убежал через пролом в старой каменной ограде.

Все в домике и вокруг него было старым — низкий потолок из неоштукатуренных балок, изъеденные временем каменные стены, увитые плющом и ломоносом, некогда красная черепичная крыша, край которой опасно навис над двумя подслеповатыми окошками спальни.

Выходя в дверь, я привычно нагнул голову, чтобы не задеть притолоку, и оглянулся на Робби. Он стоял в той же застывшей позе. Точно вырезанный из дерева.

Утром я застал Молли в саду.

— Ну как Робби? — спросил я с бодростью, какой отнюдь не ощущал. Старушка замаялась, явно подыскивая слова, и у меня упало сердце.

— Да получше, пожалуй, но не так чтобы очень.

Но лучше ему не стало ни на йоту. Как и накануне, он стоял у корзинки застывший, дрожащий, и только страх у него в глазах сменился вялой апатией. Я нагнулся и погладил его.

— Он вообще не может лечь?

— Может, только трудно ему. Полежал в корзинке часа три, а потом вылез и встал вот так.

Я измерил температуру. 40,5 градуса. Антибиотик и таблетки не снизили ее и на десятую. В глубоком недоумении я повторил инъекцию и обернулся к Молли.

— Нужно сделать анализ мочи. Когда вынесете его в сад и он задерет ножку, постарайтесь поймать хоть что-нибудь в глубокую тарелку, а потом слейте вот в этот пузырек.

Молли засмеялась. Она осталась верна себе.

— Попробую, да вот получится ли!

— Да, — ответил я, — задача не из простых. Но, думаю, вы справитесь. И ведь достаточно нескольких капель.

На следующий день ничего не изменилось. Робби стоял неподвижно, температура упорно держалась на сорока с половиной. Моча оказалась нормальной — ни следов белка, ни иных признаков почечного заболевания.

Я сделал инъекцию другого антибиотика и взял кровь, которую послал в лабораторию на анализ. Оттуда мне позвонили — все в полной норме. Но и после еще пяти утренних визитов и рентгена, также не выявившего никаких отклонений, состояние песика оставалось прежним.

Я стоял посреди кухни и смотрел на моего не постижимого пациента. Выглядел он удручающе: уныло поникший, окостенелый, дрожащий. Оставалось взглянуть в глаза мрачной правде — если я ничего не измыслю, Робби погибнет.

— Попробуем еще кое-что, Молли, — сказал я, вводя песику один кубик дексаметазона, новейшего стероидного препарата, который предусмотрительно захватил с собой. — Вам, наверное, опротивело меня видеть, но я зайду утром поглядеть, не даст ли результатов хоть это лекарство.

Но Молли не дождалась утра. Наши дома разделяла лишь сотня-другая домов, и она постучалась к нам еще до обеда, совсем запыхавшись.

— Ему лучше, мистер Хэрриот! — еле выговорила старушка. — Просто чудо какое-то! Его как подменили. Вы не сходите посмотреть, а?

Меня не надо было просить — я поспешил туда чуть не бегом. Робби выглядел почти как до болезни. Мышечное напряжение еще не совсем исчезло, но он осторожно ходил по кухне, а при моем появлении медленно вильнул хвостом. Ни дрожи, ни угнетенности в глазах. Я даже ахнул.

— Он ел?

— Да. Припал к миске часа через два, как вы ушли.

— Превосходно! — Я измерил температуру. Она снизилась почти до тридцати восьми с половиной. Наконец-то!

— Завтра я все-таки зайду. Думаю, после еще одной инъекции он окончательно поправится.

И действительно, через неделю просто на сердце теплело смотреть, как песик носится по саду и играет с палкой. К нему вернулась вся былая жизнерадостность. Меня, правда, немножко грызла мысль, что я так и не выяснил, чем он страдал, но я со спокойной душой радовался счастливому завершению тягостного эпизода.

И напрасно. Месяц спустя Молли постучалась ко мне совсем расстроенная.

— У него опять началось, мистер Хэрриот.

— О чем вы?

— Совсем как в тот раз. Дрожит и шевельнуться не может.

Вновь инъекция стероидного препарата принесла быстрое выздоровление, но это был не конец, а лишь пролог долгой истории.

Следующие два года я вел нескончаемую битву с загадочным недугом. Неделью за неделей Робби выглядел нормальным и здоровым, затем внезапно возникали грозные симптомы, Молли бежала ко мне, и, едва я открывал дверь, она, наклонив голову набок, говорила со смущенной полуулыбкой: «СОС, мистер Хэрриот, СОС!». Какая бы тревога ее ни терзала, она старалась внести в ситуацию спасительный юмор.

Я бросался в ее домик со стероидным препаратом, и порой состояние Робби оказывалось даже хуже, чем обычно, — к остальным симптомам добавлялись затруднения с дыханием, и у меня возникало ощущение, что я спасаю песика от верной смерти. В процессе этого лечения вслепую я разработал несколько методик. Наилучшие результаты дало сочетание инъекции с курсом стероидных таблеток. В первые дни Робби получал их регулярно, потом — все реже. По заключении курса мы с тоской начинали ждать следующего рецидива.

Порой недели и месяцы проходили благополучно, мы облегченно вздыхали, надеясь, что все-таки одержали победу и прошлое можно забыть как дурной сон. А потом я опять открывал дверь, и Молли, наклонив голову набок, говорила: «СОС, мистер Хэрриот, СОС!».

Это стало частью нашей жизни. С Молли я был знаком и раньше как с близкой соседкой, но теперь она начала рассказывать мне о себе, пока я прихлебывал чай в кухне у окна, занавешенного снаружи плющом и яблоневыми ветками.

В молодости она была прислугой, а в своем домике прожила тридцать с лишним лет. Однажды ей случилось тяжело заболеть, и она, наверное, умерла бы, если бы в бротонской больнице ей не сделал операцию замечательный хирург сэр Чарлз Армитидж.

Едва Молли заговаривала о сэре Чарлзе, ее лицо озарялось. «Он на весь мир знаменитый и уж умный-то! А со мной был таким душевным. Кто я? Бедная старуха без гроша в кармане, а он со мной обходился, ну прямо как с королевой. Чего только для меня ни делал!»

У нее был еще один герой — киноактер Джон Уэйн. И она не пропускала ни единого фильма с его участием, который шел в нашем маленьком кинотеатре в Дарроуби. А когда она узнала, что и я — поклонник Уэйна, появилась еще одна тема для разговоров. Мы постоянно обсуждали все его роли. «Такой обаятельный мужчина!» — повторяла Молли, посмеиваясь над своим пристрастием.

Однако нашу дружбу черной тенью омрачала болезнь Робби. Я выручал

его десятки раз. Естественно, не беря денег. Она ведь жила только на пенсию по старости. В самом начале я предъявлял чисто символический счет, но быстро перестал. Молли постоянно настаивала, чтобы я брал с нее хоть какую-то плату, но, разумеется, об этом и речи быть не могло. Тогда она принялась вязать Хелен и детям носки и шарфы, а также снабжала нас томатным соусом собственного изготовления.

Когда мне вспоминаются эти годы, в обычные мои профессиональные заботы и хлопоты яркой нитью вплетаются непонятная болезнь Робби, сэр Чарлз Армитидж и Джон Уэйн.

Иногда я поражался незлобivosti песика. При каждой нашей встрече я всаживал в него шприц. Он, наверное, ощущал себя игольником, но стоило окостенению пройти, как он кидался ко мне, бешено виляя хвостом, упирался лапами мне в ногу и восторженно заглядывал в лицо.

Однако со временем припадки стали сильнее и чаще. На песика больно было смотреть, и, хотя мне по-прежнему удавалось его спасать, горький вывод был неизбежен — долгая битва могла завершиться только неминуемым поражением.

Развязка наступила глухой ночью. Далеко за полночь в дверь позвонили, я накинул халат и пошел открывать. На крыльце стояла Молли.

— Вы не придете, мистер Хэрриот? — еле выговорила она вместо обычного шуточного СОС. — Робби очень худо.

Я не стал тратить времени на переодевание, схватил чемоданчик и побежал следом за ней.

Песика свела жуткая судорога, он трясся, хрипел и почти не мог вздохнуть. Такого с ним еще не бывало.

— Вы не усыпите его? — тихо спросила Молли.

— Вы действительно этого хотите?

— Да. Ему ведь конец приходит, я чувствую. И сама больше не выдержу, мистер Хэрриот. У меня тоже не все ладно, а от этого совсем плохо становится.

Да, она приняла правильное решение. Я ввел снотворное в вену и думал, глядя, как он обретает вечный покой, что для него это наилучший выход.

Как и раньше, Молли не заплакала. А только гладила лохматую шерсть и повторяла:

— Робби... Робби...

Я, как был в халате и домашних туфлях, притулился в кухонном кресле у стола, за которым выпил столько чашек чая. Не верилось, что таким оказался финал долгой борьбы.

— Молли, — сказал я минуту спустя, — мне очень хотелось бы добраться до причины.

Она посмотрела на меня.

— Вы про вскрытие? — Она отрицательно покачала головой. — Нет, нет, этого не надо.

Я не мог помочь ни словом, ни делом и ушел, а тайна осталась, скрытая в безжизненном тельце. Бредя через залитый луной сад, мучаясь из-за своего бессилия и неудачи, я подумал, что эта тайна так и не будет никогда разгадана.

Вскоре обычная работа поглотила меня, но забыть Робби не удавалось.

Да, конечно, животные умирают у каждого ветеринара, а собаки — всегда потенциальный источник душевной боли: слишком короток их век. Я знал, что недолго протяну, если буду сопереживать с каждым клиентом, потерявшим четвероногого друга. Но эта мысль не всегда помогала. Не помогла она и с Робби.

Слишком долго я его знал, и воспоминания о нем не стирались. А в довершение всего я ведь каждый день проходил или проезжал мимо домика Молли и видел, как ее седая голова мелькает за оградой в саду, где прежде резвился Робби. Молли казалась такой невыносимо одинокой.

Обычного совета «завести другую собаку» я ей не дал: здоровье старушки заметно пошатнулось, и я знал, что начать все сначала она не сможет.

К несчастью, я не ошибся. Молли умерла через несколько месяцев после Робби. Эта глава была завершена.

Некоторое время спустя я под вечер заехал в приемную и застал там Зигфрида, который смешивал в аптеке какое-то снадобье.

— А, Зигфрид! — сказал я. — Здравствуйте. У меня был мерзейший день! Он поставил бутылку с микстурой на стол.

— В каком смысле, Джеймс?

— Буквально все не задавалось. Во всех случаях наблюдается ухудшение, лучше не стало ни единому, и кое-кто довольно прямо дал понять, что хуже меня ветеринаров не бывает.

— Ну что вы! Вам померещилось.

— Нет уж. Началось прямо с утра, когда я осматривал собаку миссис Каулинг. Симптомы не очень четкие, и я назвал ей различные возможности. А она смерила меня ледяным взглядом и отрезала: «Короче говоря, вы понятия не имеете, что с ней такое!».

— А, пустяки, Джеймс! Конечно, она ничего такого не думала.

— Видели бы вы ее лицо! Ну потом я навестил овцу Джорджа Гриндли. Послеродовой сепсис. Я измерял ей температуру, и вдруг Джордж ни с того ни с сего заявляет: «А знаете, вы же у меня ни одну животину так и не вылечили. Ну, может, с этой повезет!».

— Но это ведь неправда, Джеймс. Ничего подобного.

— Пусть! Однако он же сказал именно так! — Я запустил пальцы в волосы. — Оттуда я поехал почистить корову у старика Хокина. Еще из машины не вылез — он поглядел на меня из-под насупленных бровей и буркнул: «А, это вы! Моя хозяйка говорит: если мистер Хэрриот придет, то конец». Наверное, я немножко позеленел, потому что он потрепал меня по плечу и добавил: «Как человек вы ей даже очень нравитесь».

— Боже мой! Сочувствую, Джеймс.

— Спасибо, Зигфрид. Не стану вам больше надоедать, но так шло весь день. И тут еще пришлось проехать через мою деревню мимо дома бедной Молли Миникен. А там с аукциона продавали ее мебель и всякие другие вещи. Их в саду нагромодили, и я опять подумал, что ее собака погибла, а я так и не установил от чего, хотя лечил два года. И Молли знала, что я не знаю, и, конечно, считала меня последней бездарью. Весь день был адским, но эти минуты...

Зигфрид поднял ладонь.

— Послушайте, сколько ветеринаров и врачей так до смерти пациента

точного диагноза и не поставили? Вы не первый, не последний. Да у каждого выпадают такие дни, Джеймс, когда все не так. Назовите мне ветеринара, с которым такого никогда не бывало! В компенсацию вас ожидает много удачнейших дней.

Я попрощался и поехал домой. Несмотря на попытки Зигфрида подбодрить меня, настроение оставалось скверным, и, когда я сел за накрытый к чаю стол, Хелен посмотрела на меня вопросительно.

— Что с тобой, Джим? Ты такой тихий.

— Прости, Хелен. Боюсь, лучом солнца я сегодня не буду! — И излил ей мои горести.

— Я думала, что-то с работой не так, — сказала она. — Но ведь на самом деле ты расстраиваешься из-за Молли Миникен, да?

— Да. — Я кивнул. — Я к ней относился по-особому. А тут ее вещи в саду... Все так ясно вспомнилось. Мне тяжело думать, что Молли умерла в убеждении, что я чурбан.

— Но она была с тобой такой приветливой, Джим.

— Она была приветливой со всеми. И со мной в том числе. Но она не могла не думать, что я не оправдал ее доверия. Ее нет, а меня мучает, что я стоял в ее мнении невысоко, и ничего уже нельзя исправить.

— У меня есть кое-что, — загадочно улыбнулась Хелен, — чтобы тебя утешить.

Она вышла, и я заинтригованно ждал ее возвращения. Наконец, она вернулась, держа под мышкой что-то вроде картины в рамке.

— Пегги Форд была на аукционе, — сказала она. — И занесла мне вот это. Она висела в спальне старушки, и Пегги подумала, что тебе будет приятно. Вот посмотри.

В рамке была не картина, а картонка. Вверху Молли написала своим бисерным почерком: «Мои самые любимые люди».

А под надписью были наклеены три фотографии — сэр Чарлз Армитидж, Джон Уэйн... и я.

48

Впервые в жизни я видел, чтобы человек снял велосипедные защипки с брючин, выходя из дома.

В этот коттедж меня вызвал некий мистер Колуэлл к заболевшей собаке. Я как раз вылез из машины, когда на крыльцо вышел мужчина, внимательно посмотрел через плечо, нагнулся и снял защипки. И нигде не было видно велосипеда!

— Извините за нескромный вопрос, — сказал я. — Но для чего вам защипки?

Он еще раз посмотрел через плечо, ухмыльнулся и ответил с полной невозмутимостью:

— Здравьете, мистер Хэрриот. Вот забежал снять показания газового счетчика, ну и обезопасился.

— Обезопасились?

— Ага. От блох.

— Как так — блох?

— Ну да. Колуэллы — люди хорошие, но хозяйка не сказать чтоб такая уж чистюля, и блох у них пруд пруди.

— Но... — Я уставился на чего. — Защипки... не понимаю...

— Защипки? — Он засмеялся. — Ну чтобы эти твари мне в брючины не набились. — Он сунул защипки в карман и скрылся за углом, видимо направляясь по следующему адресу.

Я посмеивался ему вслед. Боялся, что к нему в брюки заберутся блохи! Надо же такое придумать. С газовщиком я был знаком много лет, и он всегда казался мне здравомыслящим человеком, и вот нате — настоящая мания. Есть же люди, которые то и дело моют руки. И, конечно, защипки он надевает всякий раз, когда входит в чей-то дом. Я дошел до угла и посмотрел на домики вдоль улицы, но он уже скрылся из виду.

Чего только люди не умудряются вбить себе в голову! Подобные фантазии всегда меня интересовали. Но блошинный комплекс? Что-то новенькое. А вдруг бедняга очень из-за него страдает? Впрочем, расстался он со мной весело насвистывая, а потому, надо полагать, навязчивая идея не оказывает на него гнетущего воздействия. Возвращаясь к своей машине, я улыбался блаженной улыбкой: ведь был четверг, а это — последний вызов, и после него начнется мой выходной день.

Ветеринария составляла суть моей жизни, и ни на какую другую профессию я ее не променял бы, однако в бочке меда имелась ложечка дегтя — занимался я ею круглые сутки. Кроме второй половины четверга. И в четверг я всегда просыпался в радужном настроении, зная, что после полудня мы с Хелен вольными птицами улетим в Бротон. Неторопливо перекусим в одном из чудесных тамошних кафе, потом встретимся с моим приятелем Гордоном Реем, ветеринаром из Боробриджа, и его женой Джин, тоже на краткий срок забывшими про телефон и резиновые сапоги. Вместе побродим по магазинам, выпьем чаю, сходим в кино. Программа, возможно, не ахти какая увлекательная, но нам она сулила благословенный отдых.

А на этот раз нас ждало особое удовольствие: сестры, мисс Уитлинг, столпы Дарроубийского музыкального общества, дали Хелен билеты на концерт симфонического оркестра Халлэ. Побываем в Бротоне, вернемся домой переодеться, заедем за сестрами — и назад в Бротон! Дирижировать должен был мой старый кумир сэръ Джон Барбиролли, а от одного вида программы просто слюнки текли: «Кориолан», Скрипичный концерт Элгара и Первая симфония Брамса.

Удовлетворенно вздохнув от одного только предвкушения, я постучал в дверь Колуэллов: максимум час — и мы покатаем в Бротон.

Открыл хозяин дома — мужчина лет шестидесяти, в рубашке с расстегнутым воротом, небритый, но приветливо улыбающийся.

— Входите-ка, мистер Хэрриот! — воскликнул он с гостеприимным жестом. — Извиняюсь, конечно, что мы вас заставили сюда тащиться, да только машины у нас не имеется, а псу нашему что-то худо.

— Конечно, мистер Колуэлл. Насколько я понял, его ударила машина.

— Ага. Выбежал утром на мостовую перед почтовым фургоном, ну и полетел вверх тормашками. — Улыбка исчезла с его губ, в глазах появилась тревога. — Может, обойдется? Бедняга Рупи! Мы его так прозвали, потому что он лает по-особому — руп, руп!

Дверь вела прямо в комнату, где воздух был куда более спертый и ароматным, чем в коровнике. Мебель покрывала густая пыль, на столе и на полу в живописном беспорядке валялись газеты, одежда и объедки. Да, чистюлей миссис Колуэлл назвать было трудно..

Тут из кухни появилась сама дама и поздоровалась со мной так же приветливо, как и супруг, но глаза у нее покраснели и опухли от слез.

— Ох, мистер Хэрриот, — сказала она дрожащим голосом, — Рупи нас на смерть перепугал. Он в жизни ничем не болел, и вот вдруг... А что, если он не выживет?

Я посмотрел на пса, вытянувшегося в корзине у стены. Дворняга, но с заметной примесью спаниеля. Он глядел печальными глазами, полными ужаса.

— Он сам добрался до дома? — спросил я.

— Нет, мы его на руках принесли, — сглотнув, ответил мистер Колуэлл. — Мы думаем, может, ему хребет перешибло.

— Х-м-м... Ну посмотрим. — Я опустился на колени рядом с корзиной, и Колуэллы тоже встали на колени справа и слева от меня. Я оттянул нижнее веко Рупи и увидел розовую конъюнктиву.

— Цвет нормальный. Никаких признаков внутренних повреждений. — Я ощупал ноги, ребра, таз и не обнаружил переломов.

— Ну-ка, старина, поглядим, как ты стоишь, — сказал я, осторожно поднул руку под живот и начал легонько приподнимать моего пациента. Он протестующе заскулил, и хозяева ответили сочувственными возгласами:

— Бедненький Рупи! Потерпи, малыш! Он у нас молодец. — При этом они нежно его поглаживали.

Но я упрямо продолжал его поднимать, пока он, пошатываясь, не встал на все четыре лапы, а потом позволил ему лечь.

— Ну он как будто дешево отделался, — сказал я. — Ушибы, конечно, и подушечки лап у него ободраны, однако уверен, что ничего серьезного нет.

Колуэллы с воплями радости удвоили свои ласки, а Рупи умильно глядел на всех нас большими, трогательно-грустными глазами спаниеля. Он явно извлекал из ситуации все что мог.

Мы все трое поднялись на ноги, и я открыл чемоданчик.

— Ну-с, сделаем пару инъекций, чтобы уменьшить боль и ускорить заживление лап. — Я ввел стероидный препарат, антибиотик и отсчитал несколько пенициллиновых таблеток. — Конечно, он еще в шоке, но, по-моему, немножечко преувеличивает. — Со смехом я потрещал лохматую голову. — Ты, кажется, стреляный воробей, Рупи.

Колуэллы весело подхватили:

— Вот уж верно, мистер Хэрриот, он всегда представляется!

Но по щеке хозяйки сползла еще одна слеза.

— Да только такая радость, что мы его не потеряем... — Тут она быстро утерла лицо тыльной стороной ладони.

— Отпразднуем чашечкой чайку, а, мистер Хэрриот? Времечко у вас найдется?

Меня манил Бротон, но сказать «нет» духа не хватило.

— Отлично! Большое спасибо, но вообще-то я тороплюсь.

Чайник скоро закипел, миссис Колуэлл устроила подобие прогалины в джунглях на столе и водрузила туда чашки. Прихлебывая чай, поглядывая на добродушную пару, на то, как они смеются и с любовью смотрят на свою собаку, я мысленно согласился с газовщиком. Да, Колуэллы, безусловно, хорошие люди.

Провожали они меня, точно триумфатора, рассыпались в благодарностях, махали вслед.

Забираясь в машину, я крикнул:

— Позвоните дня через два, как он будет себя чувствовать, но не сомневаюсь, все будет в порядке.

Я повернул за угол и тут почувствовал зуд в лодыжках. Наверное, щиплют новые носки, решил я и постарался спустить их. Однако странный зуд начал распространяться на икры, и, остановив машину, я засучил брючину. Кожа была вся усеяна черными точками, но эти точки прыгали, скакали, кусались и быстро распространялись все выше. О Господи! Никакой манией газовщик не страдал!

Скорее домой! Но как назло пришлось плестись за двумя нагруженными сеном тракторами, обогнать которые так возможности и не представилось. К тому времени, когда я добрался до «Верхнего лужка», интервенты вторглись на грудь и спину, я просто весь горел и отчаянно ерзал на сиденье.

Хелен кончала переодеваться, собираясь в Бротон, и с изумлением обернулась, когда я вихрем влетел в спальню.

— Мне надо немедленно влезть в ванну! — вырвалось у меня.

— О? Пришлось поработать в грязи?

— Нет. Блохи.

— Что-о-о?!

— Блохи. Миллионы блох. Просто кишмя на мне кишат.

— Но... но... откуда...

— Потом! Пожалуйста, сразу засунь в стиральную машину все, что на мне. Я должен переодеться с головы до ног.

В ванной я мигом разоблачился и погрузился в воду, то и дело окуная голову. Вошла Хелен и в ужасе уставилась на кучу моей одежды, где на фоне белой рубашки резвились ловкие насекомые.

— Ой-ой-ой! — вскрикнула она, брезгливо морщась, подняла все валявшееся на полу вытянутой рукой и скрылась в чулане для стирки.

Мне хотелось остаться в ванне навсегда. Какое наслаждение лежать в воде и, не чувствуя зуда, созерцать всплывших на поверхность черных мучителей. Но я не собирался рисковать, а спустил воду, снова налил ванну и ухнул в нее еще раз. Снова и снова мылил я волосы и скреб кожу. А когда наконец вылез и надел все свежее, то возблагодарил Небеса, что избавился от этой напасти. Такое со мной случилось впервые, и я понятия не имел, какое это страшное испытание. Да, конечно, я читал о страданиях людей в чужеземных тюрьмах, вынужденных спать на блошиных тюфяках, но только теперь постиг всю меру их мук.

Наконец, мы поехали в Бротон, правда, далеко не в том радужном настроении, какое владело нами каждый четверг. Жуткое утреннее происшествие еще не изгладилось из памяти. Однако холмы остались позади, за окнами замелькали пейзажи Йоркской равнины, и мы мало-помалу пришли в себя. Еще немного, и мы будем сидеть за столиком в кафе, свободные от всех забот, а вечером нас ждет редкостная радость — концерт оркестра Халлэ.

Школьником в Глазго, я как-то беседовал с глазу на глаз с легендарным Барбиролли (тогда он еще не был сэром Джоном) при очень своеобразных обстоятельствах. Шотландский оркестр давал концерт для школьников в зале Сент-Эндрю. В антракте я побежал в туалет и вдруг краем глаза заметил в соседней кабинке фигуру во фраке и белом галстуке. Я повернул голову и в трепетном восхищении узрел самого великого дирижера. Бесспорно, стран-

ное место для знакомства, но он спросил, понравилась ли мне музыка и что — особенно. А потом расспросил про меня самого. Он был удивительно благожелательным человеком и недаром заслужил любовь и уважение всего мира.

После этой знаменательной встречи я внимательно следил за его судьбой с того момента, когда он сменил Тосканини на посту дирижера Нью-Йоркской филармонии и когда в 1942 году возглавил знаменитый оркестр Халлэ. При малейшей возможности я посещал его концерты — и видел, как съезживается его фигура. Он всегда был невысок, а теперь выглядел миниатюрным и хрупким — но всепокоряющим за дирижерским пультом.

Я принялся рассказывать обо всем этом Хелен, и праздничное настроение почти возвратилось, когда в миле от Бротона я внезапно умолк и замер. Минуту спустя Хелен посмотрела на меня.

— Что с тобой? Почему ты замолчал?

Я осторожно переменял позу.

— Наверное, воображение, но у меня дурацкое ощущение, что по мне прыгают блохи.

— Как! Быть не может. Ты же вымылся дважды и полностью переделся. Это невозможно.

— Знаю, что невозможно... но все равно у меня такое ощущение.

— Остаточный эффект, Джим. Ты же весь искусан.

— Знаю, — пробурчал я, — но, по-моему, они опять за меня принялись.

Хелен ласково взяла меня за руку и ободряюще улыбнулась.

— Одно воображение. Постарайся отвлечься.

Я постарался, хотя, входя в кафе Брауна, слегка извивался. Аппетитные запахи, звяканье ножей и вилок, веселая суета, приветливая улыбка нашей знакомой официантки обычно преисполняли меня приятнейшим предвкушением, точно удар гигантского гонга возвещал начало заветных счастливых часов. Однако на этот раз все было по-другому.

Мы сели за столик и углубились в перечисление йоркширских блюд, которые я просто обожал, — ростбиф с йоркширским пудингом, камбала с картофельной соломкой, пирог из вырезки и почек, воздушный бисквит с вареньем, «пятнистая собака» (пудинг с изюмом) под заварным кремом... Только в мыслях было совсем иное, а когда я заказывал, лицо мое уподобилось улыбающейся маске.

Я ел восхитительный суп и ковырял вилок в тарелке, как в дурном сне, стараясь игнорировать изошренную пытку, которой подвергался под рубашкой.

Примерно на половине моих мучений к нам, лавируя между занятыми столиками, приблизилась пожилая пара, и мужчина вежливо спросил:

— Не разрешите присесть к вам? А то ни единого свободного места.

— Разумеется, — ответил я, выжимая из себя еще одну улыбку. — Прошу вас.

Они сели. Определить их было нетрудно. Фермер с женой, решившие поспрашивать, как и мы. Лет пятьдесят с небольшим, умытые до блеска обветренные лица, на муже — щегольской твидовый пиджак и яркий галстук, в которых ему явно было не очень уютно. Он протянул мозолистую руку за меню, и они приступили к выбору любимых блюд.

— Вот так-то, — сказал он и повернулся к нам. — А вчера вечером землю дождиком хорошо присынуло.

Мы согласно кивнули, а я окончательно убедился, что не знаю их. Бротон далековат для большинства моих фермеров. Наверное, они из Уорфидейла...

Хелен прервала мои размышления, больно толкнув меня коленом под столом. Я поглядел. Ее лицо было полно ужаса.

— Одна у тебя на воротничке, — шепнула она и вскрикнула. — Ой! Она прыгнула!

Да, прыгнула. На самую середину белоснежной скатерти. Я беспомощно смотрел, как за первой прыгнула вторая, затем третья.

Фермер с супругой, прервав попытку завязать дружескую беседу, в изумлении усталились на попрыгуньи. Наступило зловещее молчание, которое прервал фермер:

— Ева, столик у окна освободился. Наш обычный. — Он встал. — Вы нас извините?

Мы принялись поглощать последние кушанья с невероятной быстротой. Не знаю, сколько еще их попрыгало на стол. Мне было не до счета, и теперь я помню только первую зловещую троицу. О десерте мы и думать забыли и, вместо того чтобы обсудить достоинства имбирного пудинга и яблочного пирога, торопливо расплатились и сбежали.

Встречу с Джин и Гордоном пришлось отменить. Только домой! Только в ванну! Я гнал машину на предельной скорости, а перед моим мысленным взором адские создания прыгали и прыгали по белой скатерти. Как это могло произойти? Каким образом второй эшелон блох уцелел вопреки всем принятым мерам? Ответа я не знаю и по сей день. Но произошло именно это.

Дома мы повторили утреннюю процедуру: я погрузился в ванну с головой, Хелен в кончиках пальцев унесла зараженную одежду, я облачился во все свежее.

Еще счастье, что свой выходной костюм я приберег для концерта: мой небогатый гардероб почти истощился. Когда, полностью переодетый, я направился к машине, у меня вырвался вопрос:

— Хелен! Но теперь-то все будет в порядке?

— Ну конечно. Откуда им взяться?

Я угрюмо поежился.

— Мы и в тот раз так думали.

Нам надо было захватить за Харриет и Фелисити Уитлинг, и они вышли к нам, как всегда исполненные жизнерадостной энергии и добродушия. Этим крупным пышным дамам было под пятьдесят, и хотя кое-кто, возможно, счел бы их дородными, на мой взгляд, обе выглядели очень привлекательно, и я не мог понять, почему они так и не вышли замуж.

За оживленным разговором мы даже не заметили, как въехали в Бротон, тем более что я наконец-то не чувствовал, что меня едят живьем. В зале наши приятельницы сели слева и справа от меня, и я счел это комплиментом, хотя, сказать правду, было и тесновато, поскольку обе несколько выдавались за пределы своих кресел.

Я упивался знакомыми звуками концертного зала — музыканты настраивали инструменты, мои соседки весело переговаривались, и во мне крепло убеждение, что беды этого дня остались позади и жизнь прекрасна.

Когда худенький Барбиолли вышел на эстраду почти на цыпочках, я присоединился к оглушительным аплодисментам. В Йоркшире его любили, как и везде, и аплодисменты смолкли, только когда он встал за пюпитр и

поднял палочку. Во внезапно наступившей благоговейной тишине я откинулся в сладком ожидании.

И вот, едва зазвучали первые величавые такты «Кориолана», я ощутил резкий зуд под правой лопаткой. О Господи, нет! Быть не может! Однако ощущение было таким знакомым! Я попытался не обращать на зуд внимания, но уже через минуту невольно вжался в спинку кресла, чтобы почесать лопатку, а он тут же распространился по плечам, и пришлось слегка извернуться, чтобы почесать теперь уже левую лопатку.

Внезапно я сообразил, что в таком стесненном положении любое мое движение передается соседкам слева и справа. А зуд становился совсем уж нестерпимым. Мне хотелось драть кожу ногтями, вертеться, чтобы хоть как-то его утишить. Однако ничего подобного позволить себе я не мог, и оставалось только смириться с жуткой необходимостью несколько часов сохранять пристойную неподвижность.

Я напрягал всю силу своей воли, но чтобы преуспеть, мне следовало быть йогом. Я пытался сосредоточиться на музыке, но тут же машинально менял позу: то потирал лопатки о спинку, то двигал ими под одеждой.

По моему заключению, теперь буйствовала только одна блоха. К этому моменту я успел стать великим знатоком блошиных укусов и твердо знал, что точно определяю ее местонахождение в каждый данный миг. В зале гремела музыка Бетховена, а мной овладела безумная идея: подстеречь мерзавку в момент укуса и раздавить! Теперь, ощущая новый зудящий укол, я изо всех сил прижимал это место к твердой спинке и ерзал из стороны в сторону.

При этих маневрах я, естественно, вторгнулся на территорию соседок. Раньше я надеялся в этот вечер поближе познакомиться с милыми сестрами, узнать их душевные особенности. Однако узнал только некоторые особенности их телосложения, и ничего больше. Полные руки, надежно укрытые жирком ребра, мягкие бедра — беспомощно елозя, я прикасался к ним, снова и снова их поглаживал, но благовоспитанные дамы и виду не подавали, что замечают мои посягательства, разве что слегка кашляли или судорожно вздыхали. Однако, когда мое правое колено глубоко ушло в пышное бедро Харриет, оно было решительно отодвинуто, а когда мой локоть непреднамеренно, но беспощадно погрузился в не менее пышную грудь, я заметил, что брови Фелисити взлетели к волосам.

Не стану больше распространяться об этом нестерпимом вечере, скажу только, что все так и шло до конца концерта. Божественный Скрипичный концерт Элгара, неизменно возносящий меня в волшебный мир, на этот раз оставался лишь неясным шумом на заднем плане личного поля сражения. Как и любимейшая Первая симфония Брамса. Я испытывал только одно желание: скорее бы домой!

В антракте и потом, когда мы прощались, обе мисс Уитлинг вымученно улыбались и бросали на меня косые взгляды. Конечно, это избитое клише — но я правда отчаянно хотел провалиться сквозь землю.

Когда же муки остались позади и мы с Хелен у себя в спальне разговаривали перед сном, я все равно чувствовал себя жутко.

— Господи, ну и вечерок! — простонал я и описал свои переживания из-за сестер. Хелен благородно хранила серьезность, хотя видно было, как дорого ей это обходится. Подергивающиеся губы, решительно нахмуренные брови свидетельствовали об отчаянной внутренней борьбе, которая иногда застав-

ляла ее прятать лицо в ладони. Завершив свой скорбный рассказ, я безнадежно махнул рукой.

— И знаешь, Хелен, я убежден, что в эту агонию меня ввергла всего одна блоха. Нет, ты только подумай: одна-единственная блоха!

Внезапно моя супруга прижала подбородок к груди, выпятила губы и, не без успеха понизив голос до баса профундо, пропела в истинно шаляпинской манере:

— Блоха! Ха-ха-ха-ха-а-а, блоха!

— Да-да, конечно, очень смешно, — огрызнулся я. — Но натерпись Мурсоргский того же, что и я, он обошелся бы в этой песне без «ха-ха!».

Два дня спустя позвонил мистер Колуэлл.

— Рупи лучше некуда! — радостно сообщил он. — Бегает, прыгает. Только вот у него вроде коготь сломался — висит и за все цепляется. Может, заглянете, отстрижете?

На несколько секунд я онемел.

— А... а вы бы сами его не отстригли? Щелкнуть разок ножницами, и все.

— Нет, нет. У меня не получится. Загляните по дороге, а? Очень буду вам благодарен.

— Ну хорошо, хорошо, мистер Колуэлл. Попозже утром буду у вас.

Сходя с крыльца, я крикнул:

— Хелен! Еще один вызов к Колуэллам.

— Как? — охнула она, в тревоге выбегая из кухни.

— Боюсь, что придется съездить. Только по дороге сперва повидаю молодого Джека Арнолда.

— Сына фермера Арнолда?

— Вот именно. Гонщика-велосипедиста.

— Но зачем?

— Хочу одолжить у него зашипки.

Сестра Роза бережно водворила на стол дрожащего песика, помесь мелких терьеров. Он уставился на меня глазами, полными страха.

— Бедняжка! — сказал я. — Неудивительно, что он так напуган. Это ведь его подобрала у шоссе в Хелвингтоне?

Сестра Роза кивнула.

— Да. Бегал кругами, искал хозяев. Вы же все это видели много раз.

Если бы не видел! Песик отчаянно ищет людей, которых любил и дарил бесконечным доверием. А они бросили его и уехали. Высунув язык от усталости, он подбегает к кому-то похожему и отворачивается в тягостном недоумении. Невыносимое зрелище. Меня душили гнев и жалость.

— Ничего, малыш! — Я погладил лохматую голову. — Все будет хорошо.

И действительно, в маленьком приюте сестры Розы для брошенных собак будущее ее подопечным обычно улыбалось. Поразительно, как быстро ласковая заботливость преображала тоскующие запуганные существа в бойких веселых собак. Вот и теперь в открытую дверь смотровой я видел за сет-

кой вольеров виляющие хвосты и ухмыляющиеся пасти, а воздух оглашало залихватое тьяканье.

Я захал провести профилактический осмотр. Проверить здоровье вновь поступивших, сделать им прививки против чумы, гепатита и лептоспироза, снять швы (все суки сразу же по поступлении в приют подвергались стерилизации) и приступить к лечению, если обнаружу какое-нибудь заболевание.

— Он поджимает заднюю ногу, — сказал я.

— Да. Он как будто вообще на нее не наступает, и мне хотелось бы, чтобы вы ее посмотрели. Надеюсь, просто легкая травма.

Я проверил лапу и когти. Все в норме. Но, продолжая ощупывать ногу выше, я скоро нашел причину и обернулся к сестре Розе.

— У него был перелом бедра, и кость не вправили. Образовалась мозоль, но по-настоящему кость так и не срослась.

— То есть малыш ломает ногу, а его хозяева не сочли нужным посоветоваться с ветеринаром?

— Вот именно. — Я провел ладонью по худому тельцу, по торчащим позвонкам и ребрам, прикрытым только кожей. — И он истощен. Просто живой скелет. Видимо, всегда жил в забросе.

— И, держу пари, никогда не знал ласки, — пробормотала сестра Роза. — Посмотрите, как он вздрагивает, когда слышит наши голоса. Словно боится людей. — Она глубоко вздохнула. — Ну что же, сделаем что можем. А как с ногой?

— Придется сделать рентген, и тогда посмотрим. — Я кончил прививки, и сестра Роза унесла его в отдельный маленький вольер.

— Да, кстати, — спросил я, когда она вернулась, — как вы его назвали?

— Путик. — Она улыбнулась. — Не слишком звучное имя, но он же такой крохотный.

— Вы правы. Очень ему подходит. — И в который раз подумал, что подборка кличек все новых и новых спасенных собак — еще наименьшая из ее трудностей. Сестра Роза работала рентгенологом в большой больнице, но умудрялась выкраивать время, и чтобы ухаживать за своей постоянно меняющейся собачьей семьей, и чтобы изыскивать деньги для нее, устраивая всякие благотворительные мероприятия, а недостающие пополняя из собственного кармана.

Я перевязывал загноившуюся лапу другой собаки, когда заметил, что вдоль вольеров прохаживается какой-то человек. Заложив руки за спину, он внимательно вглядывался в оживленные морды за сеткой.

— А, так у вас есть заказчик? — заметил я.

— Надеюсь. Он мне нравится. Приехал незадолго до вас и не торопится с выбором. Такой дотошный!

В этот момент человек полуоборотнул голову в нашу сторону, и я лучше рассмотрел его коренастую фигуру.

— Так это же Руп Неллист! — воскликнул я. — Мой старый знакомый.

Он держал в Дарроуби большой бакалейный магазин, и его дела шли так хорошо, что он открыл еще один в Харгрове, процветающем городе в тридцати милях от нас, и переехал туда. Однако клиентом оказался верным и регулярно привозил на осмотр свою собаку, пока она не умерла от старости. Случилось это всего неделю назад.

Я кончил бинтовать, и мы с сестрой Розой вышли во двор.

— Добрый день, Руп! — окликнул я его.

Он с удивлением оглянулся.

— А, мистер Хэрриот! Не ждал вас здесь встретить. — Его грубоватое лицо выглядело воинственным, но, когда он улыбался, оно становилось очень симпатичным. — Без собаки мне тоскливо, вот и вспомнил ваш совет. Подыскиваю себе новую.

— Правильно сделали, Руп, и приехали куда следует. Здесь есть просто чудесные собаки.

— Правда ваша. — Он снял фетровую шляпу и пригладил волосы. — Да только, черт дери, никак выбрать не могу. Чувство такое дурацкое: возьми одного, а их вон сколько тут бедняг мается, так почему его? Меня совесть замучает.

Сестра Роза засмеялась.

— Не вы первый, мистер Неллист! Многие чувствуют то же. Но пусть совесть вас не тревожит: все мои собаки находят хороших хозяев. И держу я их тут столько, сколько требуется. Мы никого не усыпляем. За исключением совсем уж одряхлевших и неизлечимо больных.

— Дело! Ну так я пройдусь еще разок.

И он вновь принялся разглядывать обитателей вольеров, заметно припадая на правую ногу — память о перенесенном в детстве полиомиелите.

Сестра Роза не преувеличивала, назвав его дотошным. Он переходил от вольера к вольеру, разговаривал с их обитателями, просовывал палец сквозь сетку и поглаживал их по носу. Среди этих собак было немало прекрасных образчиков своей породы, чистейших кровей, если судить по их виду: благородные лабрадоры, величавые золотистые ретриверы, немецкая овчарка — настоящий чемпион по экстерьеру. И, глядя, как они виляют хвостами и ластятся к Рупу, я вновь отказывался понять их бывших хозяев. Бросить на произвол судьбы таких чудесных псов! Всякий раз, когда Руп проходил мимо вольера Путика, песик скакал на трех лапах рядом с ним по ту сторону сетки и заглядывал ему в лицо.

Руп остановился и долгое время смотрел на малыша.

— Знаете, мне вот этот пришелся, — сказал он.

— Неужели? — Сестра Роза искренне удивилась. — Он здесь первый день. Мы еще не успели ничего для него сделать. А он в жутком состоянии. И совсем хромой.

— Оно заметно. Дайте-ка посмотреть на него поближе. — Сестра Роза отперла дверцу, Руп Неллист протянул руку, ухватил песика и поднес к самому своему лицу. — Вот что, кроха, — сказал он ласково, — хочешь поехать со мной?

Испуганные глаза несколько секунд поглядывали на него из зарослей косямой шерсти, потом хвостик дернулся, и розовый язык лизнул ему щеку.

Руп засмеялся.

— Какие нежности! Ну, пожалуй, мы поладим.

— Вы хотите забрать его прямо сейчас? — с удивлением спросила сестра Роза, уставившись на него широко открытыми глазами.

— Вот-вот. Прямо сейчас.

— Но я бы предпочла, чтобы мы прежде привели его в божеский вид.

— Не беспокойтесь. Я сделаю все что требуется. — Он поставил песика

на землю и опустил банкноту в ящик для пожертвований. — Спасибо, сестра, что позволили мне отнять у вас столько времени. А как вы назвали кроху?

— Боюсь, что Путик. Наверное, вы подберете что-нибудь позвучнее.

Руп Неллист засмеялся.

— И не подумаю. Идем, Путик! — Он захромал к своей машине, и его новая собака захромала рядом с ним. Через десяток шагов Руп с улыбкой обернулся. — А ходит он, прямо как я, верно? Даже на ту же самую ногу хромает.

Увидел я их снова через две недели, когда они явились ко мне в приемную для тонизирующей инъекции. Путик волшебным образом преобразился. Позвонки и ребра больше не торчали, но, главное, он не дрожал и в глазах у него не было страха.

— Его не узнать, Руп, — сказал я. — Сразу видно, что он наконец-то получает хороший корм и, самое важное, он счастлив.

— Да уж, в первые дни он прямо-таки обжирался и к дому сразу привык. А моя хозяйка на него не надышится.

Все время, пока хозяин говорил, Путик преданно смотрел на него. Моток шерсти с неясной родословной, но косматая мордочка дышала обаянием, а глаза светились любовью. Песик нашел, кому отдать эту любовь, и я знал, что теперь его доверие обмануто не будет. Руп Неллист умел держать свои чувства при себе, но то, как он смотрел на Путика и поглаживал его по голове, не оставляло сомнений, что песик успел завоевать его сердце.

Я воспользовался случаем, сделал рентгеновский снимок перелома и увидел то, что ожидал увидеть.

— Накладывать гипс, Руп, уже поздно, — сказал я. — Можно только попытаться точно соединить концы кости и скрепить их на несколько недель металлической пластинкой. Но и в этом случае нельзя гарантировать, что хромота исчезнет. Другое дело, будь перелом свежим.

— Понятно. Да только я бы дорого дал, чтобы увидеть, как кроха разгуливает на всех четырех ногах. На больную он же совсем не опирается, даже земли не касается. Вы подумайте, а потом мы сделаем, как вы посоветуете.

Соединение кости пластинками в мой опыт ортопедической хирургии не входило, но две причины побуждали попробовать. Во-первых, доверие, с каким относился ко мне Руп Неллист, а во-вторых, Колем Бьюканан все время с жаром уговаривал меня быть посовременнее и расширить работу с мелкими животными.

И еще одно. От своих знакомых в Харгроуе я постоянно слышал о паразитической привязанности Рупа к новой собаке. Он брал Путика с собой повсюду — и в гости, и в контору, с гордостью всем его показывал, словно песик был чистокровным представителем какой-то редчайшей породы, а не маленькой дворняжкой, как его назвал бы любой беспристрастный человек. Руп пользовался в городе большим весом — он открыл еще один магазин, активно участвовал в деятельности муниципального совета и других местных властей. Но когда он взял да и привел Путика на заседание совета, это вызвало общее недоумение и сошло ему с рук лишь потому, что он пользовался большим влиянием и умел настоять на своем.

Нет, все толкало меня заняться ногой Путика.

Вновь я был вынужден взяться за операцию, которой не только никогда

еще не делал, но даже не видел. Ветеринарный колледж давал по тем временам основательное научное образование, но окончил я его как раз перед появлением множества принципиально новых медикаментов и методик. Я изо всех сил старался идти в ногу со временем, но следить за развитием нашей профессии я мог практически только по ветеринарным журналам. Однако из них я почерпнул достаточно сведений о полостных операциях вроде кесарева сечения и удаления рубца у рогатого скота, которые в наших краях еще никто не делал, так что тут я оказался скромным первопроходцем.

Но к этому вынуждали обстоятельства: я же специализировался на крупных животных. И всегда было так просто не оперировать мелких животных, а перепоручать их заботам блистательного Гранвилла Беннета. Но подошло время признать, что работа с кошками и собаками будет занимать все больше нашего времени. Еще одна революция в ветеринарии!

Колем был ярым пропагандистом новых идей. С беззаветным мужеством он брался за любые операции, и возможность заняться переломом Путика привела его в восторг. В отличие от меня он таких ортопедических операций видел немало. У современных ветеринарных колледжей есть собственные клиники, где применяют новейшие методики. В мое время ни о чем подобном мы и не мечтали.

Нам пришлось приобрести кое-какие инструменты и оборудование, и в следующее воскресенье утром все было готово.

Как всегда в подобных случаях, я не замедлил убедиться, что действительность в десять раз сложнее того, что изложено в руководстве.

Мне чудилось, что мы с Колемом наклоняемся над спящим Путиком голова к голове целую вечность. Добраться через мышцы к месту перелома, убрать мозоль и бесконечные массы фиброзной ткани, перевязать рассеченные сосуды, обработать обломанные концы кости, просверлить их и закрепить пластинки, чтобы они сохраняли требуемое положение, — когда, наконец, был положен последний стежок и виден остался только аккуратный шов, я был мокр от пота и полностью вымотан. А представив себе, что прячет этот шов, я мысленно помолился.

Несколько недель Руп Неллист привозил Путика для осмотра. Рана зажила без осложнений, но песик не пробовал наступать на эту ногу.

Через два месяца мы убрали пластинки. Кость срослась образцово, но Путик так и остался трехногой собакой.

— Неужели он вовсе не прикасается этой ногой к земле? — спросил я. Руп покачал головой.

— Да нет, он все время так. И никакой перемены. Может, у него привычка такая выработалась, ногу поджимать? Вон он сколько времени хромал!

— Не исключено. И, признаюсь, огорчительно.

— Это вы напрасно, мистер Хэрриот. Оба вы сделали что возможно и я вам очень благодарен. А кроха в остальном настоящий молодец.

Когда он попрощался и ушел, прихрамывая, в сопровождении прихрамывающего песика, Колем посмотрел на меня с кривой улыбкой:

— Что уж тут! С некоторыми терпишь неудачу.

Несколько месяцев спустя Колем прочел мне заметку в «Дарроуби энд Холтон таймс».

— Вы послушайте: «В субботу состоится прием в честь Руперта Неллиста, новоизбранного мэра Харгрова, и торжественный выход из ратуши».

— Рад за старину Рупа, — отозвался я. — Он вполне это заслужил: столько сделал для города! И вообще он мне нравится.

— Мне тоже, — кивнул Колем. — И я бы хотел посмотреть на него в торжественный момент. Не могли бы мы ускользнуть в Харгров на полчаса?

Я задумчиво посмотрел на молодого коллегу.

— Неплохо бы. И на субботу почти ничего не назначено. Поговорю с Зигфридом. Думаю, он согласится подежурить за нас.

Утром в субботу мы с Колемом стояли в залитой ярким солнцем толпе перед Харгровской ратушей. На широкой верхней ступени по сторонам массивных дверей были установлены большие вазоны, и пышные цветы в них гармонировали с праздничной атмосферой и ощущением приятного предвкушения. Телевизионщики уже нацелили свои камеры.

Ждать пришлось недолго. Двери распахнулись, и появился Руп с цепью мэра на шее и супругой рядом. Толпа встретила их громкими приветственными возгласами. Улыбающиеся лица и машущие руки повсюду вокруг нас наглядно свидетельствовали о его популярности. Внезапно крики стали совсем оглушительными — позади своего хозяина шествовал Путик. А кто не знал об отношении Рупа к своей собаке?

И тут по площади раскатился совсем уже громовой хохот: Путик небрежно направился к ближайшему вазону, задрал ножку и облегчился на цветы, в мгновение ока завоевав сердца миллионов телезрителей по всей стране.

Смех еще не смолк, когда маленькая процессия спустилась по ступенькам и направилась к толпе, которая расступалась, давая дорогу мэру, его супруге и Путику, семенившему за ними.

Зрелище было очень приятное, но мы с Колемом видели только одно.

— Вы заметили? — Колем ткнул меня локтем в бок.

— Еще бы! — прошептал я. — Еще бы!

— Он наступает на все четыре ноги! И не хромает ничуть!

— Да... чудесно... просто замечательно! — Меня охватила такая гордая радость, что даже солнце словно засияло еще ярче.

Но надо было торопиться. В машине Колем обернулся ко мне.

— И еще. Когда Путик поливал цветы, вы что-нибудь заметили?

— Да. Задрал он здоровую ногу, всем весом опираясь на сломанную.

— А это значит... — начал Колем, ухмыляясь до ушей.

— Что больше он никогда хромать не будет.

— Верно! — Колем включил мотор и удовлетворенно вздохнул. — Что уж тут! С некоторыми удается все.

Боб Стокдейл был единственным, кто уцелел после прискорбной метаморфозы, постигшей старинный трактир «Лорд Нельсон». В резиновых сапогах и кепке блином он восседал у стойки на крайнем табурете, словно не замечая ни визгливой музыки, ни гвалта, который поднимала толкающаяся орда модно одетой молодежи.

Я пробился к стойке, взял кружку портера и, пристроившись у стены, с грустью поглядывал по сторонам, а мои мысли воскрешали былое. Еще год назад «Лорд Нельсон» был типичным йоркширским деревенским трактиром. Вспомнился вечер, когда я завернул в него со старинным приятелем из Глазго, города моей юности. Тогда помещение сводилось к одной обширной комнате, смахивавшей на большую кухню. В черной печи с духовкой пылали поленья, а на дубовых скамьях с высокими спинками солидно располагались работники с окрестных ферм перед pintовыми кружками на старых деревянных столах. Массивные спинки надежно укрывали их от холодного ветра, который свистел снаружи, проносясь по улицам деревушки и по пастбищам на холмах, где эти люди трудились весь день.

Разговаривали они вполголоса, и тиканье настенных часов, шелканье костяшек домино усиливали ощущение мирного покоя.

— Черт, какая тут приятная тишина, — сказал мой друг, заворуженно наблюдая, как хозяин без пиджака и в подтяжках неторопливо спустился в погреб и вновь появился с высоким эмалированным кувшином, из которого принялся наполнять кружки, умело регулируя струю, чтобы получить пышную шапку пены.

— Да, пожалуй, не похоже на Уэст-Найл-стрит, — согласился я.

Он засмеялся.

— Безусловно. Просто поверить не могу! Но какой доход приносит это заведение? Горстка посетителей, и те пьют не торопясь.

— По-моему, доход и в самом деле невелик — несколько фунтов в неделю, но у хозяина есть небольшая ферма — вон за той стеной обитают коровы, телята и свиньи, — а трактир просто приятный приработок.

Мой друг припал к кружке, вытянул ноги и блаженно сощурил глаза.

— Вообще-то мне тут нравится. Отдыхаешь душой и телом. Чудное местечко!

Да, чудное. И многие трактиры в окрестностях Дарроуби еще хранили ту же привлекательность. Но надолго ли, спросил я себя, оглядывая модернизированный «Лорд Нельсон».

Новый владелец не стал мешкать с преобразованиями. Он был не фермер, а опытный трактирщик и сразу оценил возможности старинной харчевни в хорошенькой деревушке Уэлсби, уютно расположившейся среди холмов. Кухонную печь сменила нарядная стойка с задником из зеркал и сверкающих бутылок. Старые дубовые скамьи и столы исчезли, стены украсились бляхами с конской сбруи, охотничьими гравюрами и егерскими рожками. Внутреннюю стену снесли, и посетители обедали в элегантном зале, там, где годы и годы я принимал телят и лечил свиней.

И сразу же в Уэлсби зачастили на машинах молодые люди из больших городов, а прежние завсегдатаи его покинули. Я так и не узнал, где обрели скромный приют эти труженики — наверное, в трактире одной из соседних деревень. Остался один Боб Стокдейл. О причине я мог только гадать, но он был тихим, замкнутым человеком, держался особняком и, видимо, не захотел расставаться с залом, в котором на протяжении многих лет проводил по несколько вечеров в неделю. Как бы то ни было, всякий раз, когда я заглядывал в «Лорда Нельсона», Боб сидел на крайнем табурете, под которым, свернувшись калачиком, лежала Мег, его старая собака. Уэлсби протянулась вдоль длинной дороги, уводившей в холмы, по которой я ездил тысячи раз, и после вечернего вызова иногда останавливался у трактира выпить пивка. На этот раз я без особого труда вправил корове матку и, прихлебывая из кружки, все еще испытывал теплую радость после удачной операции.

Тут я заметил, что толпа возле стойки чуть поредела, и протолкался к Бобу.

— Привет, Боб, — сказал я. — Можно подлить вам в кружку? А то в ней почти ничего не осталось.

— Спасибо, мистер Хэрриот. И правда, доньшко видно. — Он залпом допил кружку и толкнул ее к бармену.

Говорил он медленно и раздельно. Близились время закрытия, и, значит,

он просидел тут уже очень долго, поглощая не спеша пинту за пинтой, и достиг той отрешенности, какую я не раз наблюдал прежде.

Я посмотрел вниз на нос Мег, высунутый между ножками, нагнулся и погладил седую морду верной старенькой помощницы Боба. Днем она пригоняла ему коров, рьяно бегая вокруг них и покусывая за ноги тех, что отбивались в сторону, а вечером человек и собака отдыхали вместе.

Я заглянул в добрые глаза. С прошлого раза они заметно помутнели.
— Дряхлеет она, Боб.

— На Пасху ей десять сравняется, только силы у нее еще хоть отбавляй.

— Да, я видел, как она работает. Пороха у нее еще надолго хватит.

Мы продолжали беседовать. Люди вроде Боба вызывали у меня товарищеское чувство — эти сельские труженики стали неотъемлемой частью моей жизни. Они ловили и держали для меня могучих быков, потели бок о бок со мной при трудных отелах и окотах. Я любил посидеть с ними за кружкой пива, да и Боб был явно расположен поболтать. Мы предавались воспоминаниям, и на губах у него играла мягкая улыбка, хотя язык не очень слушался, а глаза то и дело закрывались.

Я допил кружку и посмотрел на часы.

— Ну мне пора, Боб. Будьте здоровы, и до нашей новой встречи.

Вместо ответа он встал.

— Я тоже домой, — пробурчал он и, осторожно ступая, пошел к двери в сопровождении Мег.

Снаружи сгушались летние сумерки. Боб направился туда, где к стене был прислонен его велосипед, и я замер возле своей машины. Мне уже доводилось наблюдать этот ритуал, и он просто завораживал.

Боб откатил велосипед от стены и некоторое время устанавливал его поудобнее, а затем вскинул ногу в резиновом сапоге, пытаясь взгромоздиться на седло. Первая попытка оказалась неудачной, и он постоял несколько секунд, видимо переводя дух. Потом с величайшим тщанием вновь установил велосипед в нужную позицию и вскинул ногу. Снова промах, и я уже подумал, что сейчас Боб окажется на земле под велосипедом. Однако он удержался на ногах и постоял, задумчиво опустив голову. Затем решительно расправил плечи, посмотрел вдоль перекладины на руль и судорожным прыжком вскочил-таки на седло.

Несколько напряженнейших секунд он продвигался вперед по дюйму, крутя педали и вертя рулем, чтобы удержать равновесие. Но вот велосипед медленно выехал на шоссе. Через несколько ярдов Боб остановился и замер, однако велосипед каким-то чудом сохранял вертикальное положение. Не в первый раз я подумал, что ему следовало бы участвовать в медленных велосипедных гонках на ежегодном городском празднике. Первое место он занял бы без малейшего труда.

Прислонясь к машине, я следил за его маневрами. Старушка Мег, давно привыкшая к этой процедуре, терпеливо плелась рядом с ним и ложилась, едва он замирал, выдерживая несравненную паузу. До дома Бобу предстояло проехать около мили, и я прикинул, сколько времени это у него займет. Былые его сабутыльники в старом «Лорде Нельсоне» категорически утверждали, что он никогда не падает, и я, во всяком случае, ни разу не видел, чтобы он потерял единожды обретенное равновесие. Наконец человек и собака скрылись в сгушающейся мгле, я забрался в машину и поехал домой.

Через Уэлсби я, как уже упоминал, должен был проезжать чуть ли не

каждый день, и следующие два-три месяца я заходил в «Лорда Нельсона» довольно часто. И неизменно кепка Боба маячила среди модных курток и платьев. Но наступил вечер, когда, вглядываясь в толпу, я заметил нечто необычное и поспешил протолкаться к дальнему концу стойки.

— Привет, Боб. Что-то вы сегодня без Мег.

Он покосился на ножки своего табурета, отхлебнул глоток и горестно посмотрел на меня.

— Да вот... — пробормотал он. — Пришлось ее дома оставить.

— Что так?

Он помолчал, а потом ответил хриплым, еле слышным голосом:

— Рак у нее.

— Что-что?

— Рак. У Мег рак.

— С чего вы взяли?

— Так у нее опухоль. Все растет и растет.

— Почему вы мне раньше не сказали?

— Да вы бы ее усыпили. А я не хочу. Пусть еще поживет.

— Но... но вы торопитесь с выводами, Боб. Не всякая опухоль бывает злокачественной.

— Эта уж наверняка. Большущая такая чертова штука. С крикетный мяч.

— А где?

— Под брюхом. Болтается, чуть землю не задевает. Жуть такая! — Он протер глаза, словно стараясь стереть воспоминание. Лицо у него было полно страдания. Я вцепился ему в плечо.

— Послушайте, Боб! По вашим словам это похоже на простую опухоль молочной железы.

— Чего-чего?

— Ну сосок у нее разросся. Это часто бывает. Обычно такие опухоли доброкачественны и безвредны.

— Ну, не эта... — У него задрожал голос. — Большая, черт, вот такая! — Он показал руками.

— Величина тут ни при чем. Пошли, Боб. Поедем к вам, и я посмотрю.

— Нетушки... Я же знаю, что вы с ней сделаете. — На его лице появилось затравленное выражение.

— Обещаю, что ничего такого не сделаю. — Я взглянул на часы. — Все равно сейчас закроют. Едем!

Он бросил на меня еще один отчаянный взгляд, сполз с табурета и с обычной осторожностью прошествовал к двери.

Вновь я наблюдал ритуал с велосипедом, но только при третьей попытке человек и велосипед очутились на земле. Зловещий знак! Во время бесконечной поездки до коттеджа Боб упал несколько раз, и, глядя, как он лежит ничком на своем велосипеде, я понял, что стержень его жизни сломался.

Внутри коттеджа Адам, брат Боба, поднял голову от коврика, который плел. Оба они остались холостяками и, несмотря на разницу в характерах, жили вместе в полной гармонии. Я сразу бросился к корзине Мег и осторожно перевернул старушку на бок. Да, опухоль была, бесспорно, большой, но твердой, точно камень, подкожной и даже не касалась тканей молочной железы.

— Посмотрите, Боб, — сказал я. — Под нее можно пальцы подвести. Я ее мигом уберу и с полной гарантией, что никаких осложнений не будет.

Он рухнул в кресло, и Мег подковыляла к нему поздороваться. Он медленно погладил ее уши. Было что-то жалобное в этом сочетании виляющего хвоста, разинутой пыхтящей пасти и чудовищной опухоли, свисающей почти до пола. Боб молчал, и тут заговорил Адам:

— Сами видите, мистер Хэрриот, что на него нашло. Я уж не знаю, сколько времени ему твержу, чтобы он к вам пошел, а ему что в лоб, что по лбу. Всякое терпение лопнет.

— Так как же, Боб? — спросил я. — Приведите ее в приемную как можно скорее, хорошо? Чем быстрее с этим покончить, тем лучше. Нельзя же оставлять ее в таком состоянии.

Он еще несколько раз провел ладонью по голове Мег, потом кивнул.

— Ладно.

— А когда?

— Я заеду — скажу.

— Вот-вот! — снова вмешался Адам. — Он вам не ответил, потому что ни за что ее к вам не приведет. Вбил себе в голову, что Мег вылечить нельзя.

— Ерунда, Боб, — сказал я. — Говорю же вам, она наверняка будет совсем здорова. Хотите, я ее прямо сейчас увезу? Согласны?

Все еще глядя в пол, Боб энергично замотал головой.

— Тогда разрешите прооперировать здесь.

Он изумленно уставился на меня.

— Как это? Прямо сейчас?

— А что? Это совсем не так сложно, как вы думаете. Речь же идет не о внутренних органах, а инструменты у меня с собой.

— Отлично придумали! — заявил Адам. — Иначе толку не будет.

— Только одно, — сказал я, — она давно ела?

— Утром съела пару сухарей, — ответил Адам. — Боб ее всегда на ночь кормит.

— Отлично. Ее можно анестезировать.

Боб, казалось, был совсем оглушен и продолжал молча сидеть, пока мы с Адамом занимались приготовлениями. Меня давно интриговали отношения между этими пожилыми братьями. Они были полной противоположностью друг другу. Адам не брал в рот спиртного, но, казалось, ничуть не осуждал пристрастие Боба к пиву, и, когда Боб проводил вечер в «Лорде Нельсоне», Адам обычно посещал какие-нибудь курсы в деревенской школе — плетение ковриков было его последним увлечением. Адам был не работником на ферме, а служил в большой молочной фирме, закупавшей молоко у фермеров в холмах. Он был невысоким, щуплым, хлопотливым и аккуратным — совсем не то, что его дюжий флегматичный брат.

Я прокипятил инструменты, мы положили Мег на стол, и после быстрой инъекции снотворного в вену старая собака погрузилась в глубокий сон. Я перевернул ее на спину, надежно привязал бинтами к ножкам стола, и мы, все трое, тщательно вымыли руки над кухонной раковиной. Боб, так и не снявший кепку, явно не испытывал особого энтузиазма, а когда я вручил каждому по артериальному зажиму и занес скальпель, он крепко зажмурился.

Удаляя такие опухоли, я обычно вырезал эллипсоидный лоскут кожи, а затем работал пальцами. На вид грубовато, но заметно снижает кровото-

ние. Я сделал первый надрез и начал отдирать кожу, и в тот момент, когда я взял у братьев зажимы, чтобы перехватить пару кровоточащих сосудов, Бобу вздумалось открыть глаза. Глухо застонав, он, шатаясь, отошел к старому, набитому волосом дивану, тяжело опустился на него и зажал голову в ладонях. Однако его щуплый брат был создан из более крепкого материала и, хотя чуточку позеленел, решительно ухватил оба зажима и держал их бестрепетной рукой, пока я перевязывал сосуды.

Раз начав, я увлекся и с наслаждением пробирался пальцами вокруг сферической опухоли, отделяя прилегающие фасции от кожи. Порой такие опухоли просто выскакивают наружу, точно пробка из бутылки, но, хотя эта оказалась не такой, все шло отлично. Вскоре я забрал в руку ее почти всю, кроме самого низа, где, как я знал по опыту, должен был находиться крупный кровеносный сосуд.

— Держите зажимы наготове, Адам, — командовал я, бережно раздвигая ткань, но еще не договорил, как ему в лицо ударила алая струйка крови.

И опять-таки Боб выбрал именно этот момент, чтобы открыть глаза. Одного панического взгляда на окровавленные очки брата оказалось достаточно, чтобы он с глухим бульканьем откинулся на спину и слабеющей рукой натянул кепку на лицо.

— Отлично, Адам, — сказал я щупленькому герою, который твердо стоял на посту, держа зажим на последней артерии, пока я накладывал лигатуру и извлекал опухоль. — Мы уже почти кончили, осталось только зашить. — Я сделал несколько изящных нейлоновых стежков и отступил полюбоваться своей работой.

— Старушка без этого жуткого нароста выглядит куда лучше, — заметил я и провел рукой по ничем не оскверненному животу. К несчастью, мои пальцы задели опухоль, она шлепнулась на пол и откатилась к дивану.

Боб испуганно обернулся на шлепок, и у него отвалилась челюсть: к нему скачками приближалось омерзительное нечто.

— Чтоб тебя! — простонал он и отвернулся к стене.

В полной неподвижности он пролежал все время, пока я помогал его брату отнести Мег в корзинку, оттереть стол и вообще навести порядок.

Когда все следы операции исчезли, Адам пошел с чайником к крану.

— Не знаю, как вы, мистер Хэрриот, а по мне, чашечка чайку сейчас не помешает.

— С большим удовольствием, — ответил я от души и опустился на дубовый стул.

Адам обернулся к неподвижной фигуре на диване.

— А ты как, Боб. Выпьешь чашку?

Боб шевельнулся, сел и настороженно оглядел комнату.

— Да нет...

Он встал, направился к буфету и извлек из него бутылку темного эля. Налил стакан, отпил половину, а потом шагнул к собачьей корзине и прищурился на гладкий живот с аккуратным швом. Затем присел на корточки и начал поглаживать спящую Мег по ушам. Наконец, Боб обернулся к нам, и по его лицу медленно расплзлась блаженная улыбка.

— Все-таки мы справились! — сказал он.

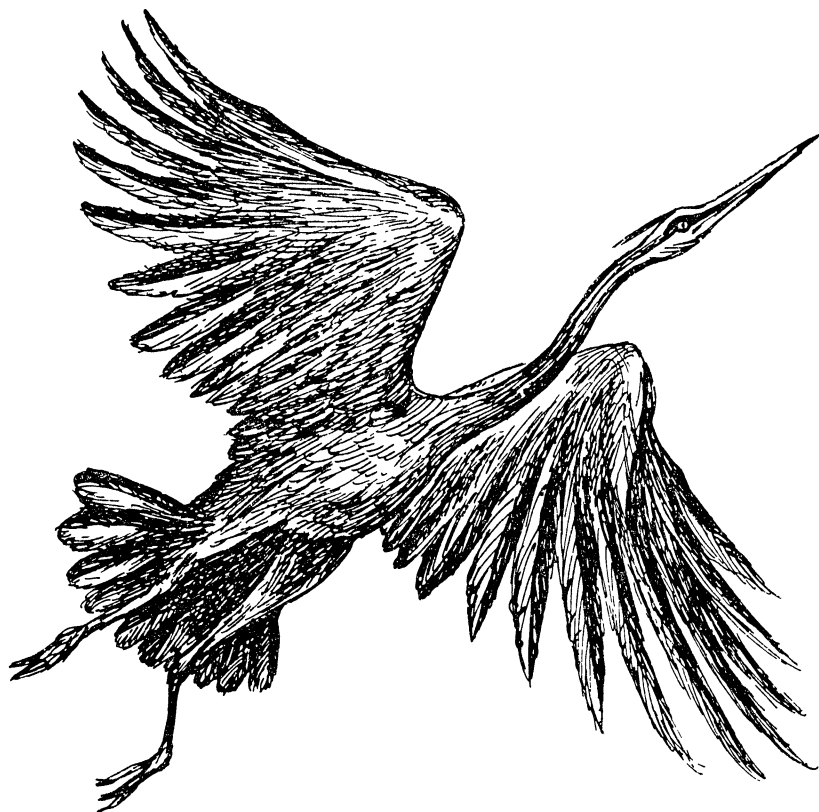
— Да, Боб, старина, — подтвердил его брат с ответной улыбкой. — Что верно, то верно.

Заехав через десять дней снять шов, я заверил Боба, что лабораторный анализ опухоли подтвердил мое заключение и он может больше не тревожиться.

После этого я не видел его почти месяц, пока не завернул в «Лорда Нельсона» и не разглядел его кепку за толпой у стойки. Время близилось к закрытию, и я не успел пробраться к нему, как он встал с табурета, из-под которого тотчас появилась Мег и затрусил за ним к двери. Без уродливой опухоли она выглядела помолодевшей и бодрой. Я следил за ними в окно. Едва выйдя наружу, Мег улеглась и опустила морду на лапы в ожидании, когда ее хозяин завершит давний ритуал.

Боб ухватил велосипед и встряхнул его, словно напоминая, кто тут главный. Сел в седло он всего с двух попыток, и, хотя застыл в неподвижности, поворачивая руль и так и эдак, в его движениях была властная уверенность, и вскоре он уже катил домой. Я следил за ним и Мег, пока они не скрылись из виду, и, хотя остановки случались достаточно часто, я убедился, что неблагоприятного исхода можно не опасаться.

На этот раз падение Бобу не угрожало. Он вновь стал самим собой.

Колем наложил последний стежок, завершая очередную искусную операцию, и несколько секунд смотрел на спящую кошку.

— Джим, — сказал он, не поднимая головы. — Боюсь, я уйду от вас.

— А? — Сердце у меня сжалось, и я не нашел, что сказать. Колем проработал у нас два года, и неминуемо должно было настать время, когда он, как всякий молодой ветеринар, решит завести собственную практику. Но думал я только о том, что не хочу с ним расставаться.

Не дождавшись более вразумительного ответа, Колем продолжал:

— Да, мне представился случай заняться тем, для чего я, по-моему, подхожу лучше всего.

— А! — Вновь я по-идиотски разразился тем же междометием. — Ну... Конечно, Колем, я понимаю. А куда вы отправитесь?

Мой мозг снова заработал, и я сообразил, что поедет он непременно куда-нибудь в безлюдную глушь. Скорее всего в северную Шотландию, а то даже и на острова...

— В Новую Шотландию, — ответил он.

— Господи! В Америку? — Я вдруг осознал, что так до конца и не постиг его характера.

Он засмеялся.

— Я ждал, что вы скажете что-нибудь в этом духе. Я списался с одним тамошним ветеринаром: места, словно специально для меня созданные. Обширный сельский район и довольно-таки первобытные условия: большие площади нетронутой природы, бедные фермы, изобилие всяких диких зверей. А поблизости и вообще, насколько я понял, совсем уж девственные дебри. — Его глаза вспыхнули восторженным огнем, словно он узрел землю обетованную.

Я тоже засмеялся.

— О черт! Сожалею, Колем, что так себя повел. Но такой внезапный удар! И даже двойной. Однако это действительно то, что вам требуется, и, надеюсь, вы там будете очень счастливы. А как на это смотрит Дейдрре?

— С энтузиазмом. Просто дожидаться не может.

— Я так и думал... По-моему, это Зигфрид. Надо сказать ему.

Мы перехватили его в коридоре. Услышав новость, он помрачнел, но потом, как и я, сделал веселую мину и хлопнул Колема по плечу.

— Рад, что вы нашли то, чего хотите по-настоящему, мой милый. Уверен, что у вас все сложится превосходно, и желаю вам с Дейдрре всяческого счастья и успеха. Но, черт побери, мне вас будет очень не хватать...

Внезапно он умолк и онемело указал на нечто высокое и пернатое, проществовавшее мимо.

— Что?.. Кто?..

В темном коридоре неведомое существо выглядело огромным, как страус.

Колем безмятежно улыбнулся.

— Просто цапля. Я подобрал ее несколько дней назад у реки. Бегала, но не могла взлететь. Видимо, повреждено крыло, но ей уже лучше. — Он еще не договорил, как большая птица развернула крылья, захлопала ими и скрылась за поворотом коридора. — Вот видите? Скоро она начнет летать.

— Надеюсь... от души надеюсь... — Зигфрид посмотрел на него, затем наклонил голову, прислушиваясь к царапанью коготков по плиткам пола — где-то в полумраке ползли две недавно усыновленные черепахи. Внезапно Зигфрид улыбнулся. — Да, мне вас будет очень не хватать!

Миновали недели, как Колем с Дейдрре уехали, я заглянул в опустевшую квартиру, и мной вновь овладело тоскливое ощущение невосполнимой потери. Джон Крукс, а теперь вот Колем — оба они были моими друзьями и, когда ушли из моей жизни, оставили после себя ноющую пустоту. Однако расставание с Колем оказалось даже более тяжким. Тишина, воцарившаяся в доме с исчезновением зверинца, словно обрела осязаемость, и, глядя в окно, возле которого Колем уписал целый бисквит в день своего приезда, я предался воспоминаниям. «Прошу разрешения поесть, сэр!», «Вот подсажу Дейдрре на дерево», хэрриотов проток и, пожалуй, самая светлая картина — его увлеченное лицо и темные глаза, когда он выжимал «Шенандоа» из маленькой концертины моих детей.

За годы, проведенные в Дарроуби, Колем показал себя удивительно интересным человеком, но следить за его дальнейшей карьерой было не менее интересно. Он регулярно писал мне о своей растущей практике среди немощных

дорог и дикой природы Новой Шотландии. Неумная энергия подтолкнула его организовать первый аукционный зал в тех краях, и он прилагал много усилий для расширения работы с мелкими животными. Одна фраза навсегда застряла у меня в памяти: «Стерилизую довольно много кошек, хэрриотов проток то и дело напоминает о себе». Письма часто кончались словами: «Прошу разрешения выйти из строя, сэр!» — и я сразу переносился в прошлое.

Еще одной его страстью стало обучение бордер-колли, и он часто устраивал показательные выступления с потомками чемпионов этой породы, которых купил в Дарроуби у приятеля-фермера. В довершение всего, словно ему не хватало дела, он приобрел ферму на острове Кейп-Бретон.

Столь же регулярно я получал известия о рождении его детей, все больше изумляясь, пока их число не достигло шести. Их всех он воспитал по своему подобию: научил любить природу и ее дикое создания, которых там было изобилие, привил им собственное презрение к житейским удобствам, наставлял, как странствовать по лесам и горам с рюкзаком за плечами.

Читая его письма, я часто думал, что Колем наконец-то обрел идеальную среду обитания, но тут я дал маху.

Через двадцать лет после их отъезда из Дарроуби мне пришлось лечить корову Алана Бича, приятеля Колема. Держа корову за морду, Алан спросил меня через плечо:

— Знаете последнюю новость про Колема?

— Нет. Так что же?

— Решил уехать из Новой Шотландии.

— Да не может быть?

— Нет, это точно. И куда, по-вашему, он собрался?

Я быстро взвешивал разные предположения. С приближением пожилого возраста условия жизни там стали для него слишком суровыми? Почувствовал, что должен перевезти свою семью в более цивилизованную обстановку? Что, если он решил вернуться сюда?

— Не знаю, — ответил я. — Так куда?

— В Папуа — Новую Гвинею.

— Что?!

— Вот именно. — По лицу Алана расплзлась широкая улыбка. — Вы только подумайте!

— Господи, от снега и льда — в тропическую жару! На это способен только Колем. Может, он счел Новую Шотландию слишком уж благоустроенной, а жизнь там чересчур легкой?

— С него станется. Что-то его там не удовлетворяет. Тянет в места, где пока еще хватает людоедов, насколько я слышал. Черт, какой-то он не такой.

Этот отзыв о Колеме я сотни раз слышал от фермеров в окрестностях Дарроуби, и теперь он блестяще подтвердился. Я зашел в библиотеку, нашел в справочнике Папуа и прочел, что в неисследованных нагорьях, куда отправился Колем, первый контакт между белыми и миллионом аборигенов произошел только в 1930 году. Особая замкнутая цивилизация, развивавшаяся в полной изоляции от внешнего мира.

Я рассматривал фотографии, на которых свирепого вида, почти нагие мужчины, с носами, проткнутыми заостренными костями, размахивали оружием, вызывающе глядя в камеру. Эти страшные люди будут его соседями,

и нет никаких сомнений, что он полюбит их всех, и особенно — вот этих большеглазых темнокожих детишек.

В положенный срок начали приходить письма из Менди, в Южных горах. Колем, как и следовало ожидать, был в полном экстазе. Сельское хозяйство находилось на уровне каменного века. Единственными домашними животными были свиньи, почти все селения сохранились в том же виде, в каком их впервые нашли белые, а первобытные земледельцы, хотя частенько не оказывались на месте, когда он пытался обучать их основам скотоводства, были отличнейшими ребятами. Они с Дейдрре уже близкие друзья их всех.

Шли месяцы, шли годы, а Колем полностью отдавался развитию и улучшению края. Он ввез рогатый скот, овец и кур, обучал земледельцев и ушел с головой в тамошнюю жизнь, посвящая ей всю свою энергию.

В 1988 году я получил письмо от его дочери Сары. Она писала: «Я все еще поражаюсь, сколько папа знает про местные растения и диких животных. На ферме у него живут 11 бордер-колли, 2 свиные собаки (помесь лабрадора), 2 буйвола, 5 лошадей, много коров, овец и коз, а также кур, уток, цесарок и гигантская стая почтовых голубей».

Дочитывая ее письмо, я вспомнил маленький зверинец Колема в Скелдейл-Хаусе. Оказывается, это была только репетиция. Ветеринар с барсуком, несомненно, теперь совершенно счастлив.

Шли месяцы, а в моих отношениях с двумя нашими дикими кошками никакого потепления не наступало, и я с нарастающим душевным трепетом следил, как длинная шерсть Олли опять начинает сбиваться в страшные колтуны. К концу года он вновь выглядел более чем непрезентабельно. С каждым днем становилось все яснее, что пора принимать меры. Но удастся ли мне еще раз его проведсти? Оставалось попробовать.

Я опять приготовил рыбу с нембуталом, и Хелен поставила миску на стенку, но Олли понюхал, лизнул и ушел. Мы попробовали повторить, и опять Олли исследовал миску с глубоким подозрением, а есть не стал. Явно он почувствовал, что что-то назревает.

Постояв у окна, как обычно, я обернулся к Хелен.

— Попытаюсь его поймать.

— Поймать? Сачком?

— Нет-нет. Он ведь уже не котенок и не подпустит меня к себе.

— Так как же?

Я посмотрел на взлохмаченное черное чучело на стенке.

— Ну а что, если я спрячусь за тобой, когда ты выйдешь их кормить, спапаю его и засуну в клетку? Потом отвезу в операционную и постригу под общим наркозом?

— Спапаешь? Засунешь в клетку? — с сомнением повторила Хелен. — По-моему, у тебя ничего не выйдет.

— Да, конечно, однако за свою жизнь я цапал не так уж мало кошек и умею быстро двигаться. Мне бы только подойти к нему незаметно. Давай попробуем завтра.

Моя жена лишь поглядела на меня. Этот план ей как будто доверия не внушал.

Утром она поставила на стенку миски с восхитительной свежей треской. Их любимое блюдо. К вареной рыбе они были относительно равнодушны, но перед сырой устоять не могли. Открытая клетка была спрятана рядом. Кошки прошествовали по стенке: Жюлька — гладенькая, глянцевиная, и Олли — жалкое пугало, взлохмаченный, с колтунами, свисающими с шеи и по бокам. Хелен, как обычно, приласкала обоих, а когда они радостно припали к мискам, вернулась на кухню, где притаился я.

— Теперь, — сказал я, — снова иди к ним, очень медленно. Олли так увлечен рыбой, что, возможно, не заметит меня.

Хелен промолчала, а я плотно прижался к ее спине.

— Двинулись! — Я подтолкнул левой ногой ее ногу, и мы медленно вышли за дверь, шагая в едином ритме.

— Это же нелепо! — простонала Хелен. — Какой-то комический эстрадный номер!

— Ш-ш-ш! — прошипел я, уткнувшись носом ей в затылок. — Не оставляйся.

Когда мы добрались до стенки, Хелен протянула руку и погладила Олли по голове, но он так был увлечен треской, что и не посмотрел на нее. Вот он — на уровне моей груди в каком-то шаге от меня. Лучшего шанса представиться не могло. Молниеносно просунув кисть из-за Хелен, я схватил его за шкирку, удержал свисающий клубок черных ног и водворил в клетку. Захлопывая крышку, я успел заметить, что из-под нее высовывается отчаянно когтящая лапа, столкнул ее и вдвинул в петлю стальной прут. Путь к спасению был отрезан.

Я поставил клетку на стенку и даже вздрогнул, встретив сквозь прутья его укоризненный взгляд. «Нет, неужели опять! — говорил он. — Значит, твоим низким предательствам нет конца!»

На душе стало скверно. Злополучный кот, ошеломленный моим нападением, даже не пытался царапаться или кусаться. Как и в тех двух случаях, он просто стремился убежать. И у меня не было права обижаться на его низкое мнение обо мне.

Но зато, сказал я себе, он снова станет красавцем.

— Сам себя не узнаешь, старина, — сообщил я перепуганному коту за решеткой, прильнувшему к полу клетки на сиденье машины рядом со мной. — На этот раз я приведу тебя в полный порядок. Будешь и выглядеть, и чувствовать себя великолепно.

Зигфрид предложил помочь мне, и бедный дрожащий Олли, когда мы водрузили его на стол, покорно подчинился и тому, что его держат, и внутривенной инъекции наркотика. Когда он мирно уснул, я со свирепой яростью

принялся за свалявшуюся шерсть: выстригал, подравнивал, а потом прошелся по нему электрической машинкой и долго расчесывал, пока не убрал последний крохотный колтун. В первый раз я только привел его в более или менее божеский вид, но это была истинно художественная стрижка.

Кончив, я с торжеством поднял его, и Зигфрид расхохотался.

— Готовый победитель любой кошачьей выставки, — сказал он.

Я вспомнил его слова, когда на следующее утро кошки прошли по стенке к мискам. Жюлька всегда была красавицей, но и она тушевалась рядом с братом, чей глянцево расчесанный мех сиял в солнечных лучах.

Хелен пришла в восторг и все время его поглаживала, точно не могла поверить такому преобразению. Я, естественно, прятался у кухонного окна, украдкой поглядывая на дело своих рук. И прятаться от Олли мне предстояло еще долго.

Вскоре стало ясно, что мои акции упали совсем низко: стоило мне просто показаться в дверях, как Олли удирал в луга. Такое положение вещей начало меня угнетать.

— Хелен, — сказал я однажды утром, — мои отношения с Олли действуют мне на нервы. Но не представляю, что я мог бы сделать.

— Знаешь, Джим, — ответила она. — Тебе просто надо узнать его поближе, и чтобы он тебя узнал.

Я бросил на нее мрачный взгляд.

— Боюсь, если ты спросишь у него, он тебе ответит, что знает меня ближе некуда.

— Да-да. Но вспомни: ведь все эти годы кошки почти тебя не видели, кроме экстренных случаев. А я кормила их, разговаривала с ними, гладила каждый день. Они меня знают и доверяют мне.

— Ты права, но у меня просто нет времени.

— Верно. Ты всегда куда-то мчишься. Не успеешь вернуться домой и снова уезжаешь.

Я кивнул и задумался. Она была абсолютно права. Я привязался к нашим диким кошкам, любовался, когда они сбежали со склона на стенку к мискам, или играли в высокой луговой траве, или позволяли Хелен гладить себя, но все эти годы я оставался для них почти незнакомым человеком. И с горечью подумал о том, как стремительно пролетело время.

— Уже поздно, наверное. Но мог бы я, по-твоему, что-то изменить?

— Да, — ответила Хелен. — Начни их кормить. Выкрой для этого время. Нет, конечно, каждый день у тебя не получится, но при любой возможности ставь им миски.

— Значит, ты считаешь, что их привязанность чисто желудочная?

— Совсе нет! Ты же видел, что они не притрагиваются к еде, пока я их не приласкаю как следует. Они ищут внимания и дружбы.

— Только не моих. Они видеть меня не могут.

— Просто прояви настойчивость. Мне понадобилось много времени, чтобы завоевать их доверие. И особенно Жюльки. Она ведь очень робкая. Даже теперь, стоит мне сделать резкое движение, как она убегает. Вопреки всему я считаю, что твоя надежда — Олли. Он ведь необыкновенно дружелюбный.

— Договорились, — сказал я. — Давай миски. Приступим сейчас же.

Так началась одна из моих маленьких эпопей. При всякой возможности

звал их завтракать я, и ставил миски на стенку, и стоял там в ожидании. Сначала — в тщетном. Я видел, как они следят за мной из сарая — черно-белая и золотисто-белая мордочки выглядывали из соломы, — но спуститься они рисковали, только когда я возвращался в дом. Мои нерегулярные рабочие часы мешали соблюдать новый распорядок, и порой, когда меня вызывали рано поутру, кошки не получали свой завтрак вовремя. Но именно когда их завтрак опоздал на час и голод взял верх над страхом, они осторожно спустились, а я застыл у стенки в каменной неподвижности. Они быстро глотали, нервно на меня поглядывая, и сразу убежали. А я удовлетворенно улыбнулся. Первый шаг был сделан!

Затем наступил длительный период, когда я просто стоял там, пока они ели, и постепенно превратился в неотъемлемую часть пейзажа. Затем я попробовал осторожно протянуть руку. Вначале они от нее пятились, но шли дни, и я замечал, что моя рука перестает быть угрозой. Во мне вспыхнула надежда. Как и предсказывала Хелен, Жулька шарахалась от меня при малейшем движении, но Олли, отступив, мало-помалу начал поглядывать на меня оценивающе, словно готов был изменить свое мнение обо мне и забыть прошлое. С бесконечным терпением изо дня в день я все ближе протягивал к нему руку, и наступил знаменательный миг, когда он не попятился и позволил коснуться указательным пальцем его щеки. Я осторожно погладил шерсть, а Олли ответил бесспорно дружеским взглядом, прежде чем отойти.

— Хелен! — Я оглянулся на кухонное окно. — Ура! Наконец-то мы станем друзьями. Теперь только вопрос времени, и он позволит мне ласкать его, как ласкаешь ты.

Меня переполняли иррациональная радость и ощущение победы, казалось бы, странная реакция со стороны человека, который каждый день имеет дело с животными, но я предвкушал годы дружбы именно с этим котом.

И обманулся в своих ожиданиях. В ту минуту я не мог знать, что через двое суток Олли не станет.

На следующее утро Хелен позвала меня снаружи, в ее голосе звучало отчаяние:

— Джим, Джим! Скорее! Что-то с Олли!

Я бросился к ней. Она стояла на склоне возле сарая. Рядом была Жулька, но Олли казался просто темным пятном в траве.

Я нагнулся, и Хелен вцепилась мне в плечо.

— Что с ним?

Он лежал неподвижно, ноги торчали палками, спина изогнулась в смертной судороге, глаза остекленели.

— Боюсь... Боюсь, он мертв. Похоже на отравление стрихнином...

И тут Олли шевельнулся.

— Погоди! — воскликнул я. — Он еще жив, но едва-едва.

Я заметил, что судорога ослабла, и сумел согнуть ему ноги и поднять его, а она не повторилась.

— Нет, это не стрихнин. Похоже, что-то другое. Мозговое. Возможно, кровоизлияние.

У меня пересохло в горле. Я унес его в дом. Он лежал неподвижно, дыша еле заметно.

— Ты можешь помочь? — спросила Хелен сквозь слезы.

— Сейчас же отвезу его в операционную. Мы сделаем все, что в наших силах. — Я поцеловал ее в щеку и побежал к машине.

Мы с Зигфридом дали ему снотворное, потому что он начал делать лапами педалирующие движения, сделали инъекцию стероидных препаратов и антибиотиков, а потом положили под капельницу. Я смотрел, как он лежит в большой реанимационной клетке и слабо перебирает лапами.

— И больше мы ничего сделать не можем?

Зигфрид покачал головой. Он согласился с моим диагнозом: инсульт, церебральное кровоизлияние — называйте, как хотите, но безусловно мозговое поражение. Я видел, что мой партнер ощущает такую же беспомощность, как и я.

Весь день мы занимались Олли, и днем было почудилось некоторое улучшение, но к вечеру он снова впал в кому и ночью умер.

Я привез его домой и, вынимая из машины, почувствовал под руками пушистую шерсть без единого колтуна. Теперь, когда его жизнь оборвалась, это казалось насмешкой. Я похоронил его за сараем в нескольких шагах от соломенной подстилки, на которой он спал столько лет.

Ветеринары, когда теряют любимую кошку или собаку, ничем не отличаются от остальных людей, и мы с Хелен очень горевали. Время, конечно, должно было притупить нашу боль, но у нас было одно болезненное напоминание — Жулька. Что делать с ней?

Они с Олли образовывали единое целое в нашей жизни, и мы не воспринимали их по отдельности. Было ясно, что без Олли мир Жульки рухнул. Несколько дней она ничего не ела. Мы звали ее, но она отходила от сарая на несколько шагов, недоуменно озиралась и возвращалась на солому. Ведь за все эти годы она ни разу не сбежала вниз одна, и душа надрывалась видеть, с какой растерянностью она озирается по сторонам, ища своего верного спутника.

Хелен несколько дней кормила ее в сарае, но потом сумела заманить на стенку, однако Жулька не начинала есть, не взглянув вокруг в ожидании, что Олли все-таки придет позавтракать вместе с ней.

— Ей так одиноко! — сказала Хелен. — Надо будет уделять ей больше времени. Я буду больше гладить ее и разговаривать с ней. Ах, если бы нам удалось взять ее к нам в дом! Это все решило бы, но я знаю, что надежды нет никакой.

Я поглядел на кошечку, чувствуя, что никогда не привыкну видеть ее на стенке одну, но представить себе, что Жулька сидит у камина или на коленях у Хелен, я тоже не мог.

— Да, ты права, но, может быть, мне что-нибудь удастся сделать. Я только-только сумел подружиться с Олли, ну а теперь попробую поладить с Жулькой.

Я знал, что берусь за непосильную задачу — пестрая кошечка всегда робела больше брата, — но продолжал упрямо добиваться своей цели. Когда она ела и при всяком другом удобном случае, я выходил из задней двери, ласково что-то приговаривал, подманивал ее рукой. В течение долгого времени она, хотя и принимала от меня корм, к себе все равно не подпускала. И все же настал день, когда тоска настолько ее одолела, что она, возможно, почувствовала, что я все же лучше, чем ничего, и не попятилась, а, как прежде Олли, позволила прикоснуться пальцем к ее мордочке.

После этого наши отношения начали налаживаться медленно, но верно. От недели к неделе я уже не просто касался мордочки, но и начал ее поглаживать, а потом и слегка почесывать за ушами, и настало время, когда мне было дозволено гладить ее по всему телу и щекотать основание хвоста. После этого Жюлька начала допускать фамильярности, о которых прежде и мечтать не приходилось, и вот уже она приступала к еде, только несколько раз пройдясь по стенке, радостно выгибая спину под моей ладонью и задевая боком мое плечо. И еще ей полюбили прижимать нос к моему носу и стоять так несколько секунд, глядя мне прямо в глаза.

Несколько месяцев спустя как-то утром, когда Жюлька вот так уперлась в мой нос и воззрилась в мои глаза, точно считала меня чем-то даже очень приятным и не могла насытиться, позади меня послышалось какое-то движение.

— Я просто наблюдаю за работой дипломированного ветеринара, — негромко сказала Хелен.

— И удивительно радостной работой, — отозвался я, не шелохнувшись и продолжая глядеть в глубину дружелюбных зеленых глаз на расстоянии двух-трех дюймов от моих. — С твоего разрешения, я считаю, что это — одна из величайших моих побед.

Литературно-художественное издание

Джеймс Хэрриот
СРЕДИ ЙОРКШИРСКИХ ХОЛМОВ

Заведующий редакцией

А. А. Кирюшкин

Ведущий редактор Р. В. Дубровская

Редактор И. Б. Ильченко

Художник А. Чаузов

Художественный редактор Ю. Л. Максимов

Технический редактор Н. И. Борисова

Корректор Н. А. Мистрюкова

ИБ № 8817

Лицензия Л.Р. № 010174 от 22.01.92

Подписано к печати 28.06.96. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная,
Печать офсетная. Гарнитура таймс. Объем 9,00 бум. л. Усл. печ. л. 23,40.
Усл. кр.-отт. 24,05. Уч.-изд. л. 22,10. Тираж 15000 экз. Изд. № 9/6314.
Зак.525 С 145

Издательство «Мир» Комитета Российской Федерации по печати
129820, ГСП, Москва, И-110, 1-й Рижский пер., 2

Можайский полиграфкомбинат Комитета Российской Федерации по печати
143200, Можайск, ул. Мира, 93